

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт российской истории РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Выпуск 2

Москва–Сыктывкар 2007

Историческая демография. – Москва–Сыктывкар, 2007. – Выпуск 2. – 162 с.

В выпуске публикуется часть материалов Второй Всероссийской конференции по исторической демографии, состоявшейся в Сыктывкаре в августе 2007 г.

Редакционная коллегия

Ю.А.Поляков (главный редактор, Москва), И.Л.Жеребцов (зам. главного редактора, составитель, Сыктывкар), В.Б.Жиромская (зам. главного редактора, Москва), А.С.Сенявский (зам. главного редактора, Москва), Е.Н.Рожкин (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В.Аргудяева (Владивосток), Г.Е.Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф.Кринко (Ростов-на-Дону), В.И.Меньковский (Минск), В.П.Мотревич (Екатеринбург), С.А.Прокопенко (Ульяновск), Л.Л.Рыбаковский (Москва), В.А.Семенов (Сыктывкар), В.В.Фаузер (Сыктывкар), И.Б.Циркунов (Мурманск)

Издание подготовлено при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

- © Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии, 2007
- © Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2007
- © Авторский коллектив, 2007
- © И.Л.Жеребцов, сост., 2007

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ

Уважаемые участники конференции, гости Республики Коми!

От имени Правительства Республики Коми и от себя лично поздравляю вас с началом работы Всероссийского научного форума по исторической демографии, имеющего не только сугубо научную, но и бесспорную общественно-политическую значимость для всего нашего общества.

В настоящее время серьезное внимание органов государственной власти и общественности вызывают демографическая ситуация в России, этнические и этнодемографические процессы в ее регионах. В своем ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент России Владимир Владимирович Путин особо отмечает остроту демографической проблемы, стоящей перед Российским государством. В рамках ее решения особенно важно учитывать компетентное мнение ученых, в том числе историков-демографов.

Хорошо известно, что при возрастании значения какого-либо социального явления соответственно возрастает важность знания его истории, поскольку именно исторический опыт развития подсказывает путь к решению новых, поставленных жизнью вопросов. Совершенно понятен, в силу этого, постоянно растущий интерес политической и научной общественности к историко-демографической проблематике.

Особенно непросто в настоящее время складывается демографическая ситуация в северных регионах нашей страны. Именно поэтому для нас особенно важно, что всероссийский научный форум проводится в Республике Коми, благодаря поддержке Научного совета Российской академии наук по исторической демографии и исторической географии, ведущих научно-исследовательских институтов Российской академии наук. Присутствие на конференции специалистов по современным этнодемографическим процессам лишь подчеркивает ее очевидную практическую значимость. Уверен, что материалы конференции послужат целям научного обоснования современной демографической политики.

Я надеюсь, что Республика Коми станет одним из признанных не только в России, но и в других странах центром историко-демографических и этнодемографических исследований. Во всяком случае, интерес, уже сегодня проявленный учеными Казахстана, Украины, Белоруссии и ряда других государств, позволяет на это рассчитывать. Правительство Республики Коми поддерживает проведение актуальных научных исследований и впредь будет оказывать ученым необходимую помощь.

Желаю участникам конференции плодотворной работы, успехов и дружеского общения!

Глава Республики Коми

В.А.Торлопов

Великое переселение народов: что это такое и когда оно было?

Данная проблема является одной из ключевых в изучении не только всемирной истории, но и отечественной. И прежде чем попасть на страницы учебников, она должна найти отражение в научной литературе. Казалось бы, этот вопрос уже закрыт. Но, вступив в XXI век, открывший новое тысячелетие, мы снова должны «открывать Америку». Что же это означает?

На первый взгляд, поставленная проблема легко решается – открой энциклопедию и найдешь там ответ: *что* такое «Великое переселение народов»; *где* оно проходило и *когда*. Однако, обратившись к этому справочному изданию, в котором в обобщенном виде содержатся основные сведения по одной или всем отраслям знаний, можно убедиться, что вопросов возникает еще больше. Если говорить о термине, то он определяется в основном как передвижение, значительное перемещение племен в пределах Европы. При этом хронологические рамки указываются как IV–VII вв. В учебной же литературе по истории, этнографии и географии время «Великого переселения народов» указывается иное: II–V вв., III–IX вв., IV в., IV–X вв. [1].

По-разному решается проблема и в монографической литературе. Однако сразу следует оговориться. Не ставя перед собой цель раз и навсегда решить данную проблему, а также не претендуя на всесторонний анализ историографии вопроса, автор статьи взяла за основу работы Льва Николаевича Гумилёва, собранные в книге «Ритмы Евразии» [2].

В научной литературе встречается и иная точка зрения: началом эпохи массовых миграций считается вторжение в Европу гуннов из Зауралья [3]. При этом признается, что Великому переселению народов предшествовало переселение готов с северо-запада Европы в Причерноморье (конец II – начало III в.). Сюда же прилегают другие миграции III–IV вв. Но акцент делается именно на гуннах, так как их вторжение привело к движению племена, которые граничили с Римской империей, что ускорило ее завоевание и распад.

Кстати, в учебном пособии Л.Г.Олеха «История Сибири» подчеркивается, что перемещение гуннов из Азии в Европу получило название Великого переселения народов. К 70-м гг. IV в. н.э. гунны дошли до степей Восточной Европы. Наибольшего могущества они добились к середине V в. при Атилле, когда сумели насильственно объединить вокруг себя ряд германских и других европейских племен [4].

Почему же именно Римская империя является главной точкой отсчета в данном процессе? Чтобы это понять, необходимо хотя бы бегло взглянуть на ее историю, что мы и попытаемся сделать.

Итак, Римская империя, пришедшая на смену Римской республике, просуществовала с 27 г. до н.э. вплоть до 476 г. н.э. Как мы знаем, в III в. н.э. наступила эпоха кризиса империи: нарушились связи между провинциями, которые стали обособляться экономически; пришли в упадок хозяйственная жизнь, ремесла; сократилась торговля, развалилась финансовая система, угасала культура. Всё это привело к углублению независимости крупных землевладельцев, ослаблению армии, усилению влияния военной знати варварских союзнических племен (напомним: все народности, не говорившие на греческом и латинском языках, греки и римляне называли варварами). Попытки сохранить империю были сделаны во время правления Диоклетиана (284–305 гг.) и Константина (306–337 гг.). В частности, в 313 г. был издан Указ, разрешающий христианам строить храмы и открыто молиться. В 325 г. был проведен Первый Вселенский собор в г.Никее, создана единая для всей империи церковь – организация христиан. В 330 г. новой столицей Римской империи становится Константинополь (на месте греческой колонии Византии), и 395 г. ознаменован тем, что происходит разделение империи на латиноязычную Западную Римскую империю и грекоязычную Восточную Римскую империю. Завершающей точкой можно считать 476 г., когда римский военачальник и вождь германских наемников Одоакр низложил последнего римского императора – Ромула Августула, после чего Западная Римская империя прекратила свое существование, распавшись на множество варварских королевств. Но Восточная Римская империя, благодаря единой централизованной власти, смогла просуществовать еще почти тысячу лет, но уже под именем Византия.

Вполне понятно, что европоцентристская историография отсчет любых событий ведет от крупных событий, имевших место именно в Европе, и, в первую очередь, Западной, при этом в большинстве случаев игнорируя события за пределами региона. В нашем случае это переселение народов в целом на евразийском континенте. Между прочим, данное замечание относится и к литературе, затрагивающей историю России. Например, в первом томе «Нашего Отчества» говорится, что в так называемую эпоху Великого переселения народов (IV–VII вв.) этническая карта Европы существенно изменяется. Северное Причерноморье превращается в своего

*Такижбаева Найля Закеновна (Астана, Казахстан) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилёва.

рода магистральный путь для движения этносов с востока на запад. Политическая гегемония в причерноморских степях от сарматов переходит сначала к переместившимся сюда с побережья Балтийского моря готам (III в. н.э.), затем – к гуннам (середина IV–V вв.), после них в VI в. – к аварам. Распад Аварского каганата в 30-х гг. VII в. привел к образованию в Приазовье сильного протоболгарского союза племен, относившихся к тюркской лингвистической группе, по-видимому, так же, как и их предшественники и соперники авары [5].

Кстати, западноевропейский акцент сделан и в статье «Великое переселение народов», опубликованной в энциклопедическом словаре «Народонаселение». Там, в частности, говорится, что в 375 г. гунны оттеснили вестготов, которые в первой трети V в. образовали королевство на юго-западе Галлии в Испании. Вандалы под напором вестготов мигрировали в Северную Африку (429 г.). Алеманы перешли Рейн и заняли юго-запад Германии, Эльзас, большую часть Швейцарии. Бургундцы создали королевство на юго-западе Галлии (около 457 г.). Франки завоевали северную Галлию (476 г.), а затем поглотили большую часть других варварских королевств. Остготы захватили Италию (488–493 гг.). Англы, саксы, юты основали королевство на Британских островах, часть изгнанных ими кельтов (бриттов) переправилась в Бретань. Завершающими событиями Великого переселения народов считаются вторжение лангобардов в Италию (568 г.) и расселение славян на Балканском полуострове (VI–VII вв.). К последним миграционным волнам относят иногда арабские завоевания VII–XI вв., походы норманнов (конец VIII–XI вв.), заселение венграми Паннонии (конец IX в.). В заключении этой статьи говорится, что Великое переселение народов сыграло свою роль в гибели Римской империи, в становлении средневековых государств и формировании народностей, предков современных европейских народов [6].

Вместе с тем необходимо отметить, что в научной литературе встречается также термин «Великое переселение народов Азии», который впервые употребил известный французский историк и ориенталист Рене Груссе, описывая в своей «Степной империи» эпоху IV–V вв., уподобив ее европейскому передвижению германцев в Римскую империю. «Некоторое сходство действительно есть, – пишет Л.Н.Гумилёв, – но различий гораздо больше» [7]. Данное замечание, на наш взгляд, весьма примечательно, потому как на другом конце материка также имели место перемещения населения, «когда массы пестрых по этническому составу кочевников двигались по Центральной Азии на запад через территорию Казахстана» [8]. Л.Н.Гумилёв, говоря о миграции кочевников, особо подчеркивает, что «они куда менее склонны к переселению, чем земледельцы» [9]. В своей работе «Изменения климата и миграции кочевников» он приводит две весьма подробные тематические карты: «Миграции народов Евразии во II–V вв. н.э.», и «Миграции народов Евразии в IX–XI вв. н.э.» [10], где показано, как происходят перемещения населения по всему континенту – от «Дальнего Востока до Крайнего Запада» [11].

Отсюда вытекает, что, может быть, «Великим переселением народов» следует считать глобальную миграцию, а передвижение населения по евразийскому континенту в средние века – самостоятельной эпохой, имеющей свои периоды, этапы. Думается, вооружившись современными достижениями науки, в том числе истории, географии, исторической демографии и исторической географии, можно убедиться, что эпоха развития производящего аграрного хозяйства сопровождалась мощными миграционными потоками, оказавшими большое влияние на заселение регионов мира. И если до периода Великих географических открытий основные миграционные потоки были связаны с завоеваниями, то в XV–XVIII вв. глобальные миграции приобрели ярко выраженный экономический характер. Это были в основном типичные внешние заокеанские миграции, хотя продолжали существовать и внутренние миграции [12].

Таким образом, резюмируя сказанное хотелось подчеркнуть: пора по-новому взглянуть на «старую» проблему, сквозь призму междисциплинарности, применив комплексный системный подход. Это позволит, не противопоставляя Восток и Запад, выявить историческую поступь глобальной миграции населения, начавшейся, как известно, на евразийском континенте. Тем более что, по утверждению географов, практически с начала нашей эры человек «пришел в движение», которое продолжается и по сей день [13].

Однако следует особо отметить, что новый подход, если он возможен, подвластен только специалистам, и в первую очередь, историкам-медиевистам. Только они вполне профессионально могут определить, что такое «Великое переселение народов», где и когда оно происходило, Думается, это весьма актуально, ведь долгое время ученые-европоцентристы, как и китаецентристы, считали Центральную Азию границей Ойкумены и не придавали народам, населявшим ее – скифам, тюркам, хуннам, монголам и русским, – самостоятельного значения. Вряд ли это верно. По существу, обитавшие здесь народы играли свою роль в становлении культуры и противостоянии Востока и Запада. Они составляли как бы особый регион в культурной истории человечества, не менее важный, чем китайский и европейский [14].

Безусловно, глобальная миграция населения была всегда: и в древности, и в средние века, и в новое время, и сегодня, в условиях современности. На всех этапах развития человечества масштабы переселения были различны. Но, конечно же, Великое переселение народов нельзя путать с «демографическим взрывом» – ростом народонаселения на Земле, который последовал вслед за переходом к земледелию, определяемом в научной литературе как «неолитическая революция».

Итак, по нашему мнению, Великим переселением народов всё же следует считать внешнюю миграцию, имевшую место на Евразийском пространстве. А вот определение хронологических рамок, а также перечисление народов, участвовавших в этом, и этапы, которые имели место в данном процессе, должны определить специалисты.

Литература и источники

1. Народонаселение: Энциклопедический словарь. – М., 1994. – С. 40; Советский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 205.
2. Всеобщая история в таблицах и схемах. – М., 1997. – С. 30; Кан Г.В. История Казахстана: Учебное пособие. – Алматы, 2000. – С. 29; Козлова К.И. История первобытного общества и основы этнографии. – М., 1974. – С. 38; Кузнецов А.П. География. Население и хозяйство мира: Учебник. – М., 1999. – С. 44, 184; Наше Отечество. – М., 1991. – Ч. 1. – С. 11.
3. Народонаселение. – С. 40.
4. Олех Л.Г. История Сибири: Учебное пособие. – Ростов-на-Дону; Новосибирск, 2005. – С. 43.
5. Наше Отечество. – С. 11.
6. Народонаселение. – С. 40-41.
7. Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 101.
8. Кан Г.В. История Казахстана. – С. 29.
9. Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии. – С. 307.
10. Там же. – С. 308-309, 312-313.
11. Там же. – С. 486.
12. Кузнецов А.П. География. – С. 10, 40, 41.
13. Там же. – С. 40.
14. Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии. – С. 42, 68.

Роль миграционных процессов в этногенезе и этнической истории удэгейцев

Территории Приамурья и Приморья относятся к горно-таежной зоне с многочисленными большими и малыми реками, впадающими в Японское море, и протекающими по материковой части азиатского континента. Долины бассейнов рек, окруженные со всех сторон горами, покрытыми тайгой, являлись труднопроходимыми, в большинстве случаев малопригодными для земледелия, что способствовало развитию промысловой деятельности местных племен, занимающихся охотой, рыболовством и собирательством. По определению С.М. Широкогорова, «в этих районах образуются изолированные этносы, тесно связанные зависимостью от того, что им дает лес» [1].

Территория горно-таежных районов Приморья с ее прибрежной полосой Японского моря являлась далекой и экономически неразвитой окраиной, удаленной от различных государственных объединений Юго-Восточной Азии. Население этого региона относилось к охотопромысловым племенам, ведущим полуоседлый образ жизни. Но именно эта территория с рядом районов Приамурья и Северной Маньчжурии в Средние и Новые века являлась тем этническим котлом, в котором один за другим формировались, развивались, угасали и гибли этносы, оставляя вместо себя лишь этнические осколки, на основе которых происходил процесс формирования новых этносов, известных в разные исторические периоды под этнонимами воцзюй (до V в.); уцзи (V–VI вв.); мохэ (VI–VII вв.); ужэ и удигай (VII–XI вв.); удаха, удэгай (XII – XIV вв.); воцзи, якала, удиа (XVII в.) и др.

Одной из причин исчезновения старых этносов и формирования новых явилась нестабильная социально-экономическая и политическая обстановка в Приморье, обуславливающая значительные миграционные процессы местного населения.

Средневековые государства Кореи и Северной Маньчжурии в разные исторические периоды пытались оказывать свое влияние на местные племена Приамурья и Приморья. Под их напором местные племена были вынуждены сниматься с насиженных мест и уходить на другие территории. В процессе этих передвижений беглецы в добровольном или принудительном порядке объединялись с сильными соседями, происходила взаимная ассимиляция, приводившая к рождению новых этносов и гибели старых.

На территории современного Приморского края обитали многие тунгусские и палеоазиатские племена. Они относились к разным языковым семьям и группам, но относились к единому хозяйственно культурному типу пеших охотников, рыболовов и собирателей, в большинстве случаев известных цивилизованным соседям под названием *воцзи*, о чем и говорится в письменных источниках корейцев, китайцев, киданей, бохайцев и средневековых чжурчженей. В Приморском этногенетическом котле «варились» удэгейцы, нанайцы, орочи, здесь были нивхи, айны и другие этносы.

Анализ этнической истории и культуры современных аборигенов Нижнего Амура и Приморья показывает, что из всех тунгусо-маньчжурских народов особо выделяются удэгейцы, корни этногенеза которых уходят в историю тунгусских племен, мигрировавших в древности из Забайкалья в районы верховьев Приамурья, а оттуда – в низовья Амура, на север Маньчжурии и в Приморье. В Приморье древние тунгусы начали сливаться с местным населением, заимствуя от них часть традиционно-бытовой культуры, но сохраняя при этом свой язык и многие традиции [2].

В пограничной зоне южного Приморья и Северной Кореи до V в. обитали разрозненные племена воцзюй и илоу. В V в., когда Когурё разгромило северных и южных воцзюй, племена илоу объединились с воцзюй, а в дальнейшем в процессе взаимной ассимиляции и аккультурации они составили единый этнос, известный под этнонимом уцзи.

Новый этнос – уцзи в глазах древних когурёсцев ничем не отличался от старого этноса – водзюй, потому что термины «водзюй; воцзи» и «уцзи» в переводе с маньчжурского языка на русский означают «лес», а название народа этим словом, особо подчеркивает один из китайских этнографов, переводится как «лесные люди» [3]. Отечественные специалисты по восточным и тунгусо-маньчжурским языкам также считают, что этноним *уцзи* – есть звуковое изменение слова *вэдзи, вэчжи, воцзи*, что в старом маньчжурском языке означает местность, покрытую лесом [4].

Племена уцзи в V в. занимали значительные территории восточного побережья Японского моря современного Приморского края и Северной Кореи [5]. В конце VI – начале VII в. на отмеченных территориях

*Старцев Анатолий Федорович (Владивосток) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

происходят большие миграционные передвижения амурских племен, обусловленные социально-экономическими, политическими и культурными процессами. Это приводит к тому, что на территории обитания племен уцзи утверждается новый этнос – мохэ, состоящий из семи родственных племен.

В конце VII столетия на политической арене Северной Маньчжурии возвысилось племя сумо мохэ, создавшее в 698 г. государство Бохай. Бохайское государство распространяло свое влияние на земли южного Приморья, где обитали предки удэгейцев и орочей. Часть местных племен благожелательно отнеслась к государственному объединению и стала переселяться из лесов в его пределы. Под влиянием передовой культуры бохайцев южная часть предков удэгейского этноса развивалась так быстро, что уже в эпоху киданьской империи Ляо (907–1125 гг.) они продвинулись на запад за долину Суйфунхэ и стали известны под этнонимом учжэ или ужэ [6].

Востоковед Г.М. Розов, переведивший с маньчжурского языка на русский язык «Историю Золотой империи (1115–1234)», отмечает, что этноним «ужэ» является транскрипцией тунгусского слова «вэчжи» – «лес» [7]. Таким образом, из приведенных примеров следует, что этимология этнонимов *воцзи*, *уцзи* и *ужэ* представляет собой идентичные понятия, связанные с лесистой местностью или тайгой. В этой связи следует особо обратить внимание и на племя XI столетия, известное под этнонимом *удигай*. Племя удигай занимало лесистый район по правому берегу Амура, между реками Сунгари и Уссури. Название племени, говорится в комментариях составителей истории «Золотой империи», произошло от двух тунгусских слов веджи-кай и может быть переведено на русский язык как «лесные люди» [8]. К этому этнонимическому ряду с тем же значением относится и современный этноним *удэ* [9].

В XVII в. на страницах китайских источников стали регулярно появляться этнические названия *кякала*, *кьякала*, *цякала* и др. варианты этого этнонима. Племена *цякала* обитали в Приморском крае по побережью Японского моря, в бассейнах рек Павловка (р. Фудзин, Кавалеровский район) и Джигитовка (р. Юэсэ, Тернейский район). Жили они и в бассейне р. Иман [10]. Мужчины этого племени татуируют себе лицо, а женщины в нос продевают кольца с подвешенными к ним украшениями из серебра или латунных фигурок размером в один дюйм. *Цякала* строят жилища и лодки из бересты. В их стране добывают соболей, хлеба у них не растут. Им неизвестны рыболовные сети, летом они питаются рыбой, которую бьют острогой, а зимой – мясом диких зверей, из шкур которых шьют себе одежду [11].

Китайский этнолог Ян Маошэн считает, что предками племени *кякала* являются лесные люди племен *воцзи*, *уцзи*, *ужэ*, *удигай* и *удаха*, этнонимы которых прослеживаются с V по XVII в. «Далеким предкам *кякала*, также как и далеким предкам *чжурчжэней* – маньчжур, – пишет Ян Маошэн, – одинаково произошли вследствие эволюции этнической общности *сушэней*, *илоу*, *уцзи*, *мохэ*. Несмотря на общих предков и общее происхождение, все же между ними (*кякала* и маньчжурами) имелось различие. Это различие, главным образом, вызвано не географической средой, а разной степенью смешения с *воцзой*... у предков *кякала*, начиная с эпохи Ляо, появилось самостоятельное название – *ужэ*, в то время это указывало на тенденцию их самостоятельного (независимого) развития» [12].

В начале XVII столетия на территории Маньчжурии образовалось государство Поздняя Цзинь. Оно было создано как военно-государственная организация, известная под названием «Восьми знамен». Маньчжуры вели войны с соседними государствами – Китаем, Кореей, Монголией. Постоянные войны требовали от Маньчжурского государства больших людских ресурсов. Пополнялись восьмизнаменные войска маньчжуров за счет аборигенного населения Приамурья и Приморья, уводимого маньчжурами в плен.

Об этих набегах на аборигенов Приморского края в статье китайского этнолога говорится следующее: «Согласно «достоверным записям императора Тай-цзу У-хуанди» в 37 году Вань-ли (1609), Нурхаци начал завоевательный поход против *воцзи* Восточного моря. В 12 месяце того года, напал на дорогу Хуе-лу* *воцзи* Восточного моря, «захватил людей и скот числом 2 тысячи и вернулся» [13]. Аналогичная участь постигла и племена *цякала* (*кякала*) удэгейского происхождения, обитавших в долинах оз. Ханка, а также по берегам рек Суйфун (р. Раздольная), Бикина, Имана, Даубихэ (р. Арсеньевка), Уссури и на побережье от границы с Кореей до современного поселка Ольги [14]. Из этих мест маньчжурами было угнано более 36 тыс. чел. [15].

Появление во II половине XVII столетия русских землепроходцев на Амуре приостановило набеги маньчжуров на аборигенов Приморья и Приамурья. Этот факт в какой-то мере способствовал естественной консолидации мелких разрозненных родовых объединений в более крупные племенные союзы типа *доха* или *замула*.

В конце XIX в. в составе удэгейцев имелось около 40 родов [16]. Многие роды прекратили свое существование еще в начале XX столетия. Этногенетический анализ родового состава удэгейцев, проведенный нами, показал, что первоначально этнос *удихэ* состоял из трех крупных родов: Уди (Удаха), Кья и Пеонка, которые имели тесные этнокультурные и этногенетические связи со многими коренными малочисленными народами Нижнего Амура и Приморья.

*Дорога Хуе-лу получила название от имени реки – реки Хуе (р. Даубихэ), притока Уссури в ее верхнем течении; ее современное название – река Арсеньевка.

В начале XVII столетия удэгейские роды под напором маньчжур оказались в Приамурье в районах расселения ульчей, нанайцев, негидальцев и других народов, среди которых начались активные этногенетические процессы. От слияния удэгейского рода Удигэ с народами Нижнего Амура у негидальцев появился род Уддан, у нанайцев бассейна рек Тунгуски – Кура и Урми – род Удынка [17], а у ульчей – род Уды. «Род Уды (Пильдунча) состоял из трех частей. Одна из них, судя по многим легендам, – пишет А.В. Смоляк, – удэгейского происхождения, вторая – негидальская – выходцы с р. Амгунь, длительное время жившие по притокам р. Пильдубитки, и третья – род Удан на Удыле» [18]. Как утверждают сами ульчи из рода Уды, они первоначально жили по берегам рек Хунгари и Анюй; свое происхождение они связывают с удэгейцами. «Удэгейская ветвь рода Уды, – продолжает А.В. Смоляк, – после переселения стала называть себя Пильдунча – по реке Пильду, впадающей в озеро Удыль, здесь они долго жили. Но удэгейское самоназвание – удэ – у них сохранилось и стало родовым этнонимом» [19]. У самих же удэгейцев род удигэ сохранялся только до второго десятилетия XX столетия. Последний представитель этого рода был зафиксирован В.К. Арсеньевым в 1910 г. в бассейне р. Терней [20].

В источниках XVII столетия имеются сведения о народе Феха или Фэйяка [21]. О людях этого племени В. Горский писал, что они носили серьги в ушах, одевались в платье из рыбьей кожи, украшенной узорами [22]. Этническим названием Феха, Фэйяки (Файяки) в прошлом именовали один из аборигенных родов Приморья – Пяка (Пэйяка); в наши дни древний этноним *Фэйяка* звучит как *Пеонка* (Пянка, Пионка).

Удэгейский род Пеонка, преследуемый маньчжурскими войсками, покинул бассейны рек Уссури, Имана, Вака и разделился на две группы. Одна группа вышла на побережье моря в районы бассейнов рек Самарги и Пея. Она оставила за собой старое название рода – Пеонка. Другая часть рода Пеонка, встретившись на р. Уссури с нанайцами рода Киле, вместе ушла на Хор. Здесь нанайцы рода Киле разделились на две группы. Одна группа Киле слилась с удэгейцами и образовала единый удэгейский род Кимонко [23], а другая группа приняла в свой состав часть хорских удэгейцев и стала называться родом Кялундзига.

Вскоре после первого разделения рода Пеонка происходит второе. На этот раз от рода Кимонко выделились группы Килуэ, Бэсэ и Пуза, а в 20-х гг. XX столетия отходят группы Чжангонко и Догомунка. «Члены перечисленных локальных подразделений, – писал В.А. Туголуков, – сознавая свое кровное родство, не вступали во взаимные браки» [24].

Род Кялундзига в своей основе имеет тунгусо-нанайские корни. По мнению С.К. Патканова, этноним удэгейского рода Кэлендига или Килонга (Кялундзига) произошел от нанайского этнонима Килэ или Килэны с добавлением удэгейского окончания *дига* [25], а, по предположению В.Г. Ларькина, он сформировался на основе удэгейцев морского побережья из рода Кья и пришлых тунгусов [26].

Тунгусы рода Килер перекочевали в район расселения приморских и других групп удэгейцев вместе с оленями от бассейна р. Амгуни. Е.А. Крейнович утверждал, что тунгусы 300 или 500 лет тому назад пришли из Прибайкалья и поселились на р. Уд. Затем они перекочевали к берегам р. Амгуни [27]. О такой же датировке говорили и исследователи, изучавшие культуру соседних с удэгейцами народов [28]. Сами же удэгейцы в 1933 г. утверждали, что с момента появления рода Кялундзига в бассейне р. Анюя родилось шестое поколение.

Род Кялундзига вначале занимал территорию побережья моря [29], а затем мигрировал в бассейны Имана, Анюя, Хора и другие места. В процессе социально-экономического и культурного развития род стал распадаться на части и вступать в контакты с другими осколками удэгейских родов, благодаря этому процессу у приморских удэгейцев появился род Суляйндзига, а в бассейне р. Кама (Кема) представители рода Кялундзига, слившись с местными удэгейцами, приняли единый родовой этноним Камдзига (Камандзига) [30].

Удэгейский род Кья, как и другие группы этноса, под напором маньчжурских войск, тоже стал мигрировать с одного места в другое и распадаться на небольшие этнические группы, которые вступали в контакты с другими этносами и оседали в бассейнах разных рек. Так, часть рода Кья, осевшая на реке Амули, получила название Амулинка, от слияния с айнами образовался род Куинка, другие части рода стали называть себя Кумунка, Суанка и др. Представители всех этих родов, как отмечал В.К. Арсеньев, друг друга называли словом «кя» – «родственники», между которыми брачные отношения запрещались [31]. Но со временем принцип экзогамии внутри родов стал нарушаться, что привело к дальнейшему дроблению. Род Геонка, забыв родственные связи с родом Кья, обособился, сам стал основным и разделился на две группы, получившие названия Геонка и Кэмэнка [32].

В начале XVII столетия в Приамурье появляется новая группа тунгусов (эвенков) из рода Самагир. По данным В.А. Туголукова, эти эвенки перекочевали на Анюй, затем спустились в бассейн р. Самарги и вышли к морскому побережью [33]. Здесь они, влившись в состав рода Суляйндзига, обусловили его раздел на две группы: Суляйндзига и Самандига.

В процессе культурных контактов и экономических связей с другими народами из удэгейского рода Самандига отделились две группы, на основе которых впоследствии были сформированы орочские роды Суляки, (получившие затем название Акунка, поскольку поселились на р. Аку) и Самантюка [34].

«Вскоре после первого дробления на три этнические группы – Кялундзига, Суляйндзига и Камандзига – от рода Кялундзига отходят еще две группы, которые, породнившись с нанайцами, образовали свой род – Онинка». Вот как об этом повествуется в преданиях: по одной версии, три брата Кялундзига поссорились из-за каменного кольца, оставленного им в наследство [35]; по другой версии, причиной раздора послужил хвост орлана [36]. После ссоры старший брат поселился на р. Анюе, средний – на р. Узэр, впадающей в озеро Узэр хэвэни (около с. Богородского). Младший брат перекочевал на Хор и стал там жить [37]. Старшие братья стали называться Онинка [38], а младший оставил прежнее родовое название – Кялундзига.

Оставшийся род Кялундзига постоянно враждовал с нанайцами. После одного из конфликтов от рода Кялундзига отошла группа, которая поселилась на р. Кукчи – в верховьях р. Самарги. По названию реки эта группа получила имя Кукчинка [39].

В XVII–XIX вв. взаимные контакты и образование родственных связей между тунгусами, нанайцами, орочами, удэгейцами и другими народами Нижнего Амура и Приморья обусловлено не только единым культурно-хозяйственным типом охотников и рыболовов этого региона, но и их близкой духовной культурой, в основе которой находились анимистические воззрения на природу, общество и человека.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу, что, начиная с раннего средневековья в регионах Приморского края, северной Маньчжурии и Приамурья происходил активный процесс образования местных этносов, который практически еще не закончился и в XX столетии.

Этнический процесс слияния разных этносов и дробление основных родов на ряд локальных подразделений был обусловлен значительными миграциями населения, во время которых на основе этнокультурных контактов, социально-экономических и политических особенностей, сложившихся на юге Дальнего Востока, происходили процессы слияния разных этнических групп в те или иные этносы.

Литература и источники

1. Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – Владивосток: ДВГУ, 2002. – Кн. 2: Этнографические исследования. – С. 79.
2. Старцев А.Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX–XX в.). – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 260.
3. Ян-Мао-шэн. Исследование происхождения народа кякала эпохи Цинн // Шэжуй кэсюэ цзикань. – Шэньян. – 1990. – № 4. – С. 92.
4. Гребенщиков А. Дальний Восток (исторический очерк) // Северная Азия. – 1926. – Кн. 5–6. – С. 104.
5. Там же.
6. Ян-Мао-шэн. Указ. соч. – С. 92.
7. История Золотой империи / Перевод Г.М. Розова, коммент. А.Г. Малявкина. – Новосибирск, 1998. – С. 237.
8. Там же. – С. 269.
9. Гирфанова А.Х. Словарь удэгейского языка. – СПб.: Наука, 2001. – С. 314.
10. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Вост. литература, 1961. – С. 98.
11. Кюннер Н.В. Там же. – С. 101; Сей Вада. Племена нижних притоков Амура по китайским источникам // Записки исследовательского департамента Тойо Бунко. – 1938. – № 10. – С. 91–92 (Перевод с японского).
12. Ян-Мао-шэн. Указ. соч. – С. 93.
13. Ян-Мао-шэн. Указ. соч. – С. 96.
14. Соловьев Ф.В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье (вторая половина XIX – начало XX в.). – Владивосток, 1973. – С. 42.
15. Ян-Мао-шэн. Указ. соч. – С. 95.
16. Старцев А.Ф. Некоторые аспекты проблемы этногенеза удэгейцев // Россия и АТР. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2004. – № 2. – С. 81.
17. Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников // Записки ИРГО. – СПб., 1906. – Т. 31. – Ч. 2. – С. 65.
18. Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1975. – С. 100.
19. Там же. – С. 100.
20. Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 42. Л. 11.
21. Мелихов Г.В. Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.). – М.: Наука, 1974. – С. 92.
22. Горский В. Начало и первые дни Маньчжурского дома // Труды членов Русской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1852. – Т. 1. – С. 43–44.
23. Смоляк А.В. Указ. соч. – С. 100.
24. Туголуков В.А. Институт «доха» у удэгейцев и орочей // Советская этнография. – 1972. – № 3. – С. 109.
25. Патканов С.К. Указ. соч. – С. 108.
26. Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 19. Л. 163. – Материалы В.Г. Ларькина.
27. Крейнович Е.А. Из истории заселения Охотского побережья: (По данным языка и фольклора эвенских селений Армань и Ола) // Страны и народы Востока. – М., 1979. – Вып. 20. – Кн. 4. – С. 197.
28. Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. – М.: Наука, 1980. – С. 167–168.

29. Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 224.
30. Туголуков В.А. Институт «доха» у удэгейцев и орочей... – С. 108.
31. Там же. – С. 115.
32. Ларькин В.Г. Некоторые данные о родовом составе удэгейцев // КСИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М., 1957. – Вып. 27. – С. 39.
33. Туголуков В.А. Институт «доха» у удэгейцев и орочей... – С. 108.
34. Там же. – С. 109.
35. ПФА РАН. Ф. К-П. Оп. 1. Д. 21. Л. 21.
36. ПФА РАН. Там же. Л. 20.
37. ПФА РАН. Там же. Л. 5.
38. Сем Ю.А. Родовая организация нанайцев и ее разложение. – Владивосток: ДВФ СО АН СССР, 1959. – С. 9.
39. Ларькин В.Г. Некоторые данные о родовом составе удэгейцев... – С. 41.

Этнокультурная ситуация на Европейском Северо-Востоке в эпоху средневековья

Первые достоверные сведения о народах Европейского Северо-Востока восходят к «Повести временных лет». В ее недатированной части перечислены народы, обитавшие на севере Восточной Европы: «В Афетови же части седят Русь, Чюдь и все языци Меря, Мурома, Весь, Заволочская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, Угра» (ПВЛ, т. 1. М.; Л., 1950. С. 197). Под 1114 г. появляется название самоеды, отсутствующее в предыдущем перечне народов. «Еще мужи стари ходили за Югрю и за Самоядь, яко видевши сами на полунощных странах, спаде веверица млада, аки топерва рожена, и взрости и расходится по земле, и бывает другая туча, и спадают олени мали в ней, и возрастают и расходятся по земле» (ПВЛ, т. 1. С. 197). Следовательно, новгородцам (ладожанам) Печера, Югра и Самоядь были известны ранее 1114 г., что подтверждается еще одним свидетельством, содержащимся в «Повести временных лет» под 1096 г. Новгородский боярин Гюрата Рогович рассказывает, что он «послах отрок свои в Печеру, люди, иже суть дань дающе Новугороду, и пришедшо отроку моему к ним, и оттуду иде в югру, Югра же людье есть язык нем, и седять с Самоядью на полунощных странах» (ПСРЛ, т. 1. 1962, столбцы 234, 235).

Среди перечисленных народов Европейского Северо-Востока (пермь, печера, югра, самоедь) до настоящего времени наименее исследованными остаются печера, югра и самоедь. В литературе нет единства мнений по их местоположению, времени появления в рассматриваемом регионе и даже этнической принадлежности некоторых из них, в частности, пещеры. Печеру все исследователи помещали на Печоре: А.П.Смирнов – на верхней, средней и частично нижней (Смирнов, 1952. С. 227-231), Б.А.Рыбаков – на средней и, возможно, верхней (Рыбаков, 1963. С.246), Л.П.Лашук – на нижней (Лашук, 1958. С. 62-64, рис.7), В.И.Канивец – западнее Уральского хребта, в непосредственном соседстве с вычегодской пермью, в верхнем и среднем Припечорье, а также в восточной части бассейна р. Вычегда, в раннем средневековье – и на средней Вычегде (Канивец, 1964. С. 10, 133). Летописную югру локализовали в бассейне Мезени, а также на Урале и в Зауралье (Смирнов, 1952. С. 229-230), севернее Вычегды (Рыбаков, 1963. С. 246), на верхней Печоре и в Зауралье (Лашук, 1958. С. 62-64), самоедь – в нижнем течении Печоры (Смирнов, 1952. С. 229-230), на Оби и далее к востоку (Канивец, 1964. С. 5). По мнению большинства исследователей, ненцы (самоедь) появляются к западу от Урала в начале II тыс. н.э. К XIV–XVI вв., ассимилировав аборигенное палеоазиатское население, (в том числе или также) «сииртя», ненцы заселяют и европейскую часть тундры от северного Урала до Мезени и далее к юго-западу (Лашук, 1958. С. 60).

Наиболее загадочным среди названных в «Повести временных лет» народов является печера. Многие исследователи считали, что под пещерой скрываются коми-зыряне (В.Т. Татищев, Лерберг, Н.П. Барсов, Е.К. Огородников, С.В. Бахрушин, А.А. Зимин. (см.: Лашук, 1958. С. 61). По мнению В.И.Канивца, печера была близка перми и заметно отличалась от воинственных угров. Он предполагал, что «пещера растворилась в «пермском» (коми-зырянском) населении, в течение нескольких веков оседавшем по берегам рек Вычегодского и Печорского края». (Канивец, 1964. С. 10). Известно, что после XVI в., когда коми-зыряне расселяются в бассейне Печоры, «Печера» исчезает со страниц письменных источников. Л.П.Лашук относит пещеру к досамодийскому палеоазиатскому населению Большеземельской тундры, известному в ненецких преданиях под именем «сииртя» («сиирти»), которое, возможно, испытало угорское влияние. По мнению Л.П.Лашука, оно было ассимилировано пришлыми в начале II тыс. н.э. ненцами (Лашук, 1958. С. 40-44).

Многообразие мнений по этнической истории Припечорья в эпоху средневековья в значительной мере объясняется низким уровнем археологической источниковедческой базы. Планомерное археологическое изучение Печорского края началось в конце 50-х гг. прошлого века. В 1959–1960 гг. В.И.Канивец с геологом Б.И.Гуслицером исследовали Канинское и Уньинское пещерные святилища в верховьях Печоры (Канивец, 1961. С. 91-99; Канивец, 1964; Гуслицер, Канивец, 1965). В одной из первых статей по древностям Печорского Приуралья В.И.Канивец отмечал, что «весь археологический материал эпохи средневековья носит ясный отпечаток культуры нижнеобских угров (летописной югры)», керамика очень близка оронтурской и кинтусовской (Канивец, 1961. С. 98). Он считал, что средневековая керамика Канинской и Уньинской пещер оставлена, возможно, предками манси (Канивец, 1964. С. 118, 119, 132). Точка зрения об обитании на верхней Печоре манси в эпоху средневековья неоднократно высказывалась в научной литературе (см.: Лашук, 1958. С. 51). В

*Савельева Элеонора Анатольевна (Сыктывкар) – доктор исторических наук, зав. отделом археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

1962 г. в процессе археологической разведки в зоне планируемого Усть-Войского водохранилища В.И.Канивцом и В.Е.Лузгиным были открыты памятники, на которых также выявлена керамика, аналогичная нижнеобской (Канивец, Лузгин, 1963. С. 82).

В 1964 г. В.Е.Лузгин обследовал урочище Поганный Нос, где в 20-е гг. прошлого столетия были обнаружены три железные двушипные сулицы и массивный бронзовый крючок (Лузгин, 1972. С. 17). Итогом проведенного обследования стало открытие у д. Васильевка городища площадью около 4500 кв.м, при зачистке обнажения уступа которого были обнаружены обломок пружинных ножниц, боевой топор, дужка от котла и кресало с бронзовой рукоятью. Особого внимания заслуживает боевой топор, который хранится в Ижемском краеведческом музее. Он был изучен Н.Н.Чесноковой (устное сообщение Н.Н.Чесноковой). На обухе и лезвии выявлены растительные узоры, нанесенные серебряной проволокой, уложенной в протравленные в железе канавки. Аналогичные топоры были распространены на средневековых памятниках XI–XII вв. северной Руси, Прибалтики и Карелии (Кирпичников, 1966. С. 39, рис. XV-2). А.М.Мурыгин предположительно определил хронологические рамки городища X–XII вв. (Мурыгин, 1997. С. 497, 536, рис. 6 – 8-17). Этнокультурная принадлежность памятника не определена.

В 1967 г. В.И.Канивцом были проведены небольшие раскопки на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте в Большеземельской тундре, открытым геологом Г.А.Черновым в 1947 г. (Чернов, 1951. С. 84-88; 1955. С. 291-320), в 1969–1971 гг. – на Адакском пещерном святилище, расположенном на р. Уса (правый приток Печоры). В процессе раскопок этих святилищ собран богатейший материал, относящийся к эпохам финальной бронзы – позднего средневековья, который в связи с трагической гибелью исследователя в 1972 г. не был введен исследователем в научный оборот.

Полевые исследования на Печоре возобновились в 1980-е гг. А.М.Мурыгиным было завершено исследование Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места, материалы которого были им опубликованы (Мурыгин, 1984). Он определил хронологические рамки святилища VI–XIV или XV вв., выделив два культурно-хронологических горизонта, один из которых (VI–X вв.) сопоставил с аборигенным досамодийским населением (печера и сииртя), второй (XI–XIV или XV вв.), предположительно, с пришлыми самодийскими племенами (Мурыгин, 1984. С. 27-30).

В 1987, 1988 гг. С.М.Плюсниным были открыты и обследованы городища Новый Бор I, II, III, IV, расположенные на нижней Печоре, за полярным кругом, возле поселка Новый Бор Усть-Цилемского района Республики Коми. Они небольших размеров (250-500 кв.м), укреплены валами и рвами. Находки составляют железные шлаки, фрагменты тиглей, наконечники стрел, бронзовые украшения, керамика. Городища определены как угорские, функционировавшие в XII–XIII вв. (Плюснин, 1991. С. 115, 116; Plusnin, 1992. С. 203-210). В 2000, 2001 гг. на городищах Новый Бор II, III А.Л.Багиным были проведены небольшие раскопки, а также заложен шурф на городище Новый Бор IV. Кроме того, рядом с городищем Новый Бор III открыто неукрепленное поселение Новый Бор III/3 площадью около 75 тыс. кв.м, на котором исследованы две постройки, одна из которых представляет собой кузнечную мастерскую. В ней обнаружена гончарная древнерусская посуда, а также инвентарь, позволяющий предварительно датировать памятник XIII-XV вв. (Багин. Отчет, 2001, 2002).

Среди средневековых памятников Припечорья исключительный научный интерес представляет Нерицкий могильник X–XI вв., расположенный на средней Печоре, открытый и исследованный Т.В.Истоминой, сопоставляемый с летописной печерой (Истомина, 1992; 1997. С. 106-119). Могильник грунтовый, изучен полностью (вскрыто 29 погребений). Обращают на себя внимание значительное количество предметов вооружения в погребальном инвентаре, богатый комплекс находок, связанных с металлообработкой, а также разнообразные украшения. Керамика малочисленна – три сосуда в погребениях и один фрагмент в межмогильном пространстве. По мнению исследователя, в погребальной обрядности и керамике Нерицкого могильника прослеживаются черты сходства как с вычегодско-пермскими, так и с зауральскими угро-самодийскими памятниками, что объясняется или сохранением культурных традиций смешанного населения Печорского Приуралья эпохи раннего средневековья, или постоянными контактами «носителей разных этнокультурных традиций» (Истомина, 1997. С. 119).

По мнению А.М. Мурыгина, летописной печерой, которую он считает досамодийским, палеоазиатским этносом, оставлено Эшмесское пещерное святилище X–XI вв., обнаруженное в 20-е гг. прошлого столетия охотником П.А.Вокуевым на р. Эшмес, притоке Белой Кедвы (Лузгин, 1972. С. 17). Проведенные А.М.Мурыгиным раскопки дали чрезвычайно богатые материалы, которые, по мнению исследователя, относятся к остаткам костюма шамана и отличаются от обнаруженных в других святилищах Печорского Приуралья отсутствием керамики, украшений, орудий труда и предметов быта (Мурыгин, 1987. С. 35-42; 1996. С. 56-61). По мнению исследователя, «стилистические особенности многочисленных граффити на серебре, параллели эшмесской деревянной антропоморфной скульптуры уводят нас в мир северных народов – ненцев, северных хантов, нганасан, энцев, селькупов, приенисейских эвенков, то есть народов заполярной и приполярной зоны Евразии» (Мурыгин, 1996. С. 61).

С летописной печерой сопоставляется уникальный комплекс памятников на нижней Печоре в окрестностях древнего г. Пустозерск, исследованный О.В.Овсянниковым. Один из них, расположенный на берегу р. Гнилка, недалеко от впадения ее в Городецкий шар (приток Большой Печоры), включает остатки городища и святилища. На городище выявлено два слоя: VI–X вв. и XI–XIII вв. По мнению исследователя, в VI–X вв. городище и святилище составляли единый культурный комплекс, оставленный печерой. На городище сохранились остатки деревянно-земляных оборонительных сооружений в виде бревенчатого тына, остатков башен. Оно прекратило свое существование после X в. в связи «с подчинением печорских племен русскому влиянию» (Овсянников, 2003. С. 77), святилище – после конца XIII в., когда в печорских тундрах исчезла пещера и пришли ненецкие племена. Хотя исследователь относит исследованный комплекс к памятникам пещеры, однако, оговаривается, что различия между летописной печерой и самодьёю (пришлым населением) не определены. С печерой О.В.Овсянников связывает и второй исследованный им памятник – Ортинское городище, датируемое VI – началом XI в. Оно представляет собой крепость с многорядовой системой укреплений, воротными проемами с напольной стороны, деревоземляными конструкциями стен, уличной планировкой. Ортинское городище, по мнению исследователя, обнаруживает близость городкам обских угров VII–XIII вв. и представляет собой племенной центр пещеры (Овсянников, 2003. С. 87). К сожалению, в публикации не представлена керамика, наиболее хорошо идентифицируемый материал среди других категорий археологических источников.

В.И.Канивец связывал с печерой «чудские ямы», обнаруженные возле с. Аранец на Печоре в 1903 г. известным русским путешественником В.А.Русановым. Состав найденного инвентаря и его местоположение (в чудских ямах) не вызывают сомнений в определении памятника как могильника. В.И.Канивец датирует его XII–XIV вв. и отмечает ближайшие аналогии на памятниках вымской культуры (Канивец, 1963. С. 74–80). Однако следует отметить, что большинство предметов аранецкой коллекции привезено из Новгородской земли. К наиболее выразительным среди них относятся полые коньковые подвески (тип XX по Е.А.Рябинину). Первая наиболее близка к подвескам серии 1а, вторая – серии 4 (Рябинин, 1981. С. 40, 41). Аналогичные подвески представлены в Лоемском могильнике, датируемом XIII–XIV вв. (Савельева, 1995. С. 92–138). Обломок шаровидного бубенчика с рельефным валиком также относится ко второй половине XIII – концу XIV в. (Седова, 1981. С. 156). Таким образом, коллекция Аранецкого могильника может быть датирована второй половиной XIII–XIV вв. Как указывалось выше, В.И.Канивец отмечал этническую близость пещеры и перми. Исходя из этой посылки, он предполагал восточно-финское (пермское) происхождение аранецкого комплекса, найденного «на территории, с которой связано имя загадочного летописного народа «Пещера» (Канивец, 1963. С. 79).

И, наконец, совершенно неожиданное открытие было сделано С.М. Плюсниним в 1989 г. На правом берегу р. Ижма, в районе поселка Усть-Ухта обнаружено городище Поньювом, укрепленное с напольной стороны двумя валами и рвом, на котором выявлены остатки срубного жилища с печами-каменками, а также вещевой инвентарь, позволивший отнести памятник к вымской культуре (Плоснин, Волокитин, 1990. С. 11–12). Как показали исследования, памятник представляет собой небольшое мысовое укрепленное поселение, функционировавшее на рубеже XII–XIII, в начале XIII в. Раскопки городища не были продолжены, хотя трудно переоценить научную важность этого открытия. По данным письменных источников, освоение коми-зырянскими долина Ижмы происходит в XV–XVI вв. Возможно, прав был С.В.Бахрушин, который писал, что коми-зыряне уже в XI–XII вв. заселяли берега Ижмы (Бахрушин, 1935. С. 3.) Не исключено, что Поньювомское городище было основано вымичами в период начавшейся древнерусской колонизации региона. Однако имеющихся материалов недостаточно для обоснования этого предположения.

Выделяется группа памятников, в основном святилища, этнокультурная принадлежность которых, в том числе культурных остатков эпохи средневековья, не определена в связи со спецификой материалов культовых памятников или их малочисленностью. Как отмечалось выше, первые раскопки Адакского святилища проводились В.И.Канивцом, его исследование было завершено в 1984–1985 гг. Е.Н.Рябцовой и В.А.Семеновым (Рябцева, Семенов, 1990. С. 66–72). Значительная часть вещевого инвентаря памятника отнесена к эпохе позднего средневековья (XI–XIV вв.), ближайшие аналогии которому отмечены на памятниках вымской культуры. Этнокультурная принадлежность позднесредневекового слоя святилища исследователями не определяется, однако, отмечаются «сильные пермские этнокультурные связи».

В 1988 г. Т.В.Истоминой был исследован ритуальный комплекс Лек-Ижман II на р. Ижма с каменной вымосткой и остатками деревянных конструкций, датируемый XIII–XIV вв. Основную долю находок составляют остеологические материалы, среди которых преобладают кости пушных животных (Истомина, 1998. С. 112–120).

Культурные остатки эпохи средневековья выявлены в скальном святилище Арка (Павлов, Любашков, 1998). Они были исследованы А.Л.Багиным, который датировал их концом XI или началом XII в. Своеобразие памятника определяется составом фаунистических остатков, среди которых значительный процент составляют кости крупного рогатого скота и свиньи (Багин, 2005. С. 62–68).

Заслуживает внимания обнаруженная Н.Н.Чесноковой возле с. Подчерье Вуктыльского района железная кольчуга, датированная XIII–XIV вв. (Чеснокова, 1994. С. 172-174).

В целом, эпоха средневековья Печорского края остается одним из археологически слабо изученных периодов Европейского Северо-Востока. Выделяются древности, сопоставляемые с уграми, к которым относятся позднесредневековые слои Канинской и Уньинской пещер, ряда поселений на верхней и средней Печоре, городища Новый Бор I-IV на нижней Печоре. Предположительно, с пещерой связывают Нерицкий, Аранецкий могильники, Эшмесское святилище, I слой Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места, а также комплекс, включающий святилище и два городища возле г. Пустозерска на нижней Печоре. С древними самодийцами предположительно сопоставляется II слой Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места. Возможно, вымичами основано городище Поньювом на Ижме.

Обращает на себя внимание тот факт, что на многих памятниках Печорского Приуралья XII–XIV вв. представлены древнерусские изделия, в том числе не только украшения, предметы быта, которые могли быть предметом обмена, но и оружие, воинские доспехи, в частности, железная кольчуга. Особого внимания в этой связи представляет поселение Новый Бор III/3 с гончарной керамикой. Если подтвердится предположение о древнерусской принадлежности поселения, значительно изменятся представления о времени освоения русскими колонистами низовьев Печоры.

В настоящее время более обеспеченной источниками является эпоха средневековья бассейна Вычегды, начало систематического планомерного изучения которого восходит к началу 60-х гг. XX в. Итогом многолетних исследований стало выделение вымской культуры перми вычегодской, предков современных коми-зырян (Савельева, 1971). Развернувшиеся с 1970-х гг. стационарные раскопки средневековых памятников на Выми, Вычегде и Лузе позволили значительно пополнить источниковедческую базу по средневековой истории предков коми-зырян. На Выми были проведены исчерпывающие раскопки шести могильников, материалы которых (более 1100 погребальных комплексов) были введены в научный оборот (Савельева, 1987). Новые памятники предков коми-зырян были открыты и исследованы на средней Вычегде (Королев, 1979, 1997; Кленов, 1999), на нижней Вычегде (Т.В.Истомина), на р. Сысола (Истомина, 1999; Чеснокова, 1994), Луза (Савельева, Игушев, 1998).

В настоящее время фиксируется шесть локальных вариантов вымской культуры перми вычегодской: вымский, нижневычегодский, средневычегодский, удорский, прилузский и верхнесыольский, соответствующие территориально-племенным объединениям предков современных коми-зырян (Савельева, 1995, 2006). Степень их изученности разная. На Выми исследовано 15 могильников, а также Жигановское и Ыджыдьельское поселения. Судя по имеющимся материалам, Вымская земля являлась важным центром, ядром формирования культуры перми вычегодской.

Нижневычегодский вариант представлен четырьмя могильниками: Джибьягским, Клянъш-Ласта, Чезтыгским и Ленским, из которых исследованы Ленский и Чезтыгский. Однако материалы последнего, единственного полностью раскопанного могильника (вскрыто 152 погребения), пока не опубликованы. Ленский могильник отличается большим своеобразием, проявляющимся в погребальной обрядности, что обусловлено, вероятно, его пограничным положением по соседству с территорией обитания прибалтийско-финского населения, в частности, заволочской чуди (Савельева, 2005). По погребальному обряду он обнаруживает некоторую близость погребальным сооружениям у дер. Никольское на р. Суде и Веркола на р. Пинега (Савельева, 2005. С. 102). Однако эти могильники хронологически более ранние: первый, по имеющимся данным, датируется X–XI вв., второй в предварительной публикации был датирован так же, в настоящее время – концом XI – началом XII в. (Колпаков, Рябцева, 1996. С. 210), Ленский – второй половиной XIII в. (Савельева, 2005). По керамике, вещевому инвентарю Ленский могильник ближе памятникам перми вычегодской. Косвенным свидетельством принадлежности могильника предкам коми-зырян являются данные топонимии. Бор, на котором расположен могильник, называется «Шойна-Яг», что в переводе с коми означает «Кладбищенский бор», ручей, протекающий возле него – «Шойна-Шор», в переводе – «Кладбищенский ручей». Исходя из всего вышеизложенного, не исключена вероятность смешанного состава населения, оставившего могильник. Возможно, Ленский могильник маркирует границу между землями восточных групп прибалтийско-финского населения (чуди заволочской) и перми вычегодской. По информации зав. отделом истории Котласского краеведческого музея Н.И. Николаевой, в августе этого года в окрестностях г. Котлас открыто городище, на котором обнаружена керамика, по представленным рисункам чрезвычайно близкая посуде Перми вычегодской, наряду с которой есть фрагмент сосуда со славянским линейным орнаментом. Возможно, обнаружен древний Пырас, от которого начал свою миссионерскую деятельность Стефан Пермский? Если это так, то подтвердится предположение, высказываемое многими исследователями о том, что Земля древних коми-зырян простиралась до устья Вычегды.

На средней Вычегде известно шесть небольших по размерам могильников, на которых исследованы 67 погребений, а также святилище Джуджыдъяг и поселение Леваты. Долина средней Вычегды, по справедливости

вому замечанию К.С.Королева, была одним из периферийных районов обитания перми вычегодской (Королев, 1994. С. 24).

На Удоре, Сыsole и в Прилузье культура перми вычегодской пока представлена единичными памятниками. На Удоре частично раскопан лишь один могильник – Вильгортский на Вашке, притоке Мезени, датируемый XIII–XIV вв. (Савельева, 1971, 1998). Известно единичное погребение на Мезени (Стоколос, 1978). Верхнесысольский вариант представлен двумя могильниками – Ужгинским I и II, которые обнаруживают близость вымско-вычегодским и не без оснований сопоставляются с предками ужговских сырьян (Чеснокова, 1994). Исследованный на р. Луза Векшорский могильник предположительно отнесен к памятникам лужской пермцы (Савельева, Игушев, 1998). Вотчинский могильник X–XI вв. на Сыsole хронологически и территориально наиболее близок Усть-Сысольскому и, по мнению Т.В.Истоминой, относится к особому культурному типу, близкому родановской, чепецкой и древнемарийской культурам (Истомина, 1999).

Особое место среди памятников эпохи средневековья занимают Лоемский могильник и поселение на р. Луза. Первоначально они были отнесены к древностям лужской пермцы (Савельева, 1972). В настоящее время в связи с появлением новых материалов в смежных регионах он сопоставляется с пришлым из северо-западных районов Новгородской земли, вероятно, смешанным (финно-русским) населением (Савельева, 1995).

До 80-х гг. прошлого столетия основным объектом исследований были могильники. Рекогносцировочные раскопки поселенческих памятников носили эпизодический характер. В 1925 г. раскапывалось городище Карыбйив на Вычегде, которое А.П.Смирновым было отнесено к памятникам предков коми-зырян (Раскопки археологической экспедиции Коми края 1925 г., 1928; Смирнов, 1952). В 1939 г. П.Д.Степановым на р. Сыsole было открыто городище Гуль-Чунь (Степанов, 1939), в 1961 г. Э.А.Савельевой – Жигановское поселение перми вычегодской на Выми, частично исследованное в 1964 г. (Савельева, 1972. С. 78-79). В 1980–1990-е гг. были продолжены раскопки Жигановского поселения (Савельева, 1986; Савельева, Кленов, Зеленский, 1993. С. 141-157), древнерусского Пожегского (Турьинского) городища на Выми (Савельева, 1987; Савельева, Кленов, 1992; Савельева, 1993), в конце 1990-х – начале 2000-х гг. А.Р.Игушевым и М.В.Кленовым – городища Гуль-Чунь (Кленов, Игушев, 2005), Карыбйивского городища (Кленов, 2005). На средней Вычегде открыто еще одно древнерусское поселение – городище Новик (Королев, 2003).

Как показали исследования, древнерусские поселения в настоящее время представлены тремя типами. К первому относится Пожегское городище с мощными дерево-земляными укреплениями, богатым культурным слоем, функционировавшее со второй половины XII до XIV в., первоначально являвшееся опорным пунктом сборщиков дани, постепенно превратившееся в важный административный и торгово-ремесленный центр русских колонистов, что было обусловлено его важным стратегическим положением на магистральном пути продвижения русских дружинников в Зауралье (Савельева, 1987; Савельева, Кленов, 1992; Савельева, 1993).

Второй тип представлен небольшими слабо укрепленными поселениями с бедным культурным слоем, служившими, вероятно, временными становищами сборщиков дани. К этому типу относятся городища Новик и, возможно, Карыбйивское. Городище Новик, датируемое XII–XIII вв., представляет собой укрепленное с напольной стороны валом и рвом небольшое поселение, служившее временным убежищем или сторожевой заставой на восточных рубежах перми вычегодской (Королев, 2003). Карыбйивское городище также небольшое по площади (около 1200 кв.м), на котором выявлена траншея, предположительно, являющаяся рвом. Другие оборонительные сооружения не обнаружены. Судя по имеющимся в настоящее время материалам, оно также представляет собой недолговременное поселение, функционировавшее в конце XII в. (Савельева, 1993. С. 128-140; 1995; Кленов, 2005).

К третьему типу относятся небольшие мысовые неукрепленные поселения типа Гуль-Чунь на Сыsole рубежа XII–XIII вв.

Наконец, особый тип памятников представляют осадные городки XV–XVII вв., исследованные на реках Сыsole и Луза. Предположительно их функциональное назначение определялось не только оборонительными целями, но и обеспечением выполнения различных государственных повинностей (Игушев, Кленов, Савельева, 2000).

Таким образом, в настоящее время эпоха средневековья на Европейском Северо-Востоке представлена несколькими группами памятников. В бассейне р. Печора культурные остатки первой половины II тыс. н.э. выявлены в жертвенных святилищах пещерного типа (Канинская, Уньинская, Эшмесская, Адакская пещеры, скальное святилище Арка), на равнинных святилищах (Хейбидя-Пэдара и Лек-Ижман), городищах Новый Бор I-IV, Поньювом, Поганый Нос, Оргинское городище и святилище в окрестностях г. Пустозерск, двух могильниках (Нерицкий и Аранецкий), а также на поселениях Печорской равнины. Этнокультурная принадлежность многих из них на современном уровне археологической изученности не может быть определена. Выделяются древности, сопоставляемые с уграми, как правило, на многослойных памятниках – поселениях и святилищах. Исключение составляют Новоборские городища, к сожалению, исследованные лишь частично. К памятникам пещеры предположительно методом исключения отнесены отличающиеся от угорских и располо-

женные на нижней и средней Печоре могильники (Аранецкий, Нерицкий), Эшмесское святилище, городища и святилища возле г. Пустозерск. И, наконец, представляющими исключительный научный интерес являются поселение Новый Бор III/3 XIII–XV вв., этнокультурная принадлежность которого определяется как древнерусская, и городище Поньювом, сооруженное, предположительно, вычегодскими пермянами.

В бассейне Вычегды наиболее изученными являются древности Перми вычегодской, однако, в основном в долине Выми. Между тем, для решения проблемы формирования народности коми исключительно актуальной является задача исследования окраин Вымской земли – Удорской, Сысольской, Нижневыхегодской, а также смежных территорий в Архангельской и Кировской областях. Материалы Вотчинского, Ленского, Лоемского могильников свидетельствуют о сложных этнокультурных процессах, происходивших в рассматриваемом регионе в эпоху средневековья, что находит подтверждение и в данных других наук (Савельева, 2005). Исключительно актуальной остается недостаточно разработанная проблема древнерусской колонизации региона. Имеющиеся материалы позволяют на основе конкретных фактов обосновать ее роль и значение в истории народа коми, формы взаимодействия местного и русского населения, прогрессивные изменения в экономике, материальной и духовной культуре древних коми, обусловленные освоением русскими колонистами рассматриваемого региона.

Все это определяет задачи дальнейших исследований, реализация которых зависит от многих, как объективных, так и субъективных факторов, вытекающих из положения и места современной гуманитарной науки в российском обществе.

Литература и источники

- Багин А.Л. Скальное святилище Арка в среднем Припечорье // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 2005. – С. 47-61. (МАЕСВ; Вып. 17).
- Багин А.Л. Отчет о работах Нижнепечорского археологического отряда в 2000 г. – Сыктывкар, 2001.
- Багин А.Л. Отчет о работах Нижнепечорского археологического отряда в 2001 г. – Сыктывкар, 2002.
- Бахрушин С.В. Остатки и вогульские княжества в XVI–XVIII вв. – Л., 1935. – С. 3.
- Гуслицер Б.И., Канивец В.И. Пещеры Печорского Урала. – М.; Л.: Наука, 1965.
- Игушев А.Р., Кленов М.В., Савельева Э.А. Осадные городки XV–XVII вв. на территории Коми края. – Сыктывкар, 2000. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; Вып. 423).
- Игушев А.Р., Кленов М.В. Поселение Гуль-Чунь // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 2005. – С. 78-90. (МАЕСВ; Вып. 17).
- Истомина Т.В. Первый средневековый могильник на средней Печоре // Духовная культура: история и тенденция развития: Тез. докл. – Сыктывкар, 1992. – Ч. 2. – С. 18-20.
- Истомина Т.В. Нерицкий могильник // Проблемы истории России XVIII–XX веков (Научные чтения памяти профессора Ю.Д.Марголиса). – Сыктывкар, 1997. – С. 106-119.
- Истомина Т.В. Средневековый ритуальный комплекс Лек-Ижман II на р. Ижме // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. – Сыктывкар, 1998. – С. 112-120. (МАЕСВ; Вып. 15).
- Истомина Т.В. Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования). – Сыктывкар, 1999. (МАЕСВ; Вып. 16).
- Канивец В.И. Археологическое изучение Печорского Приуралья // Второе Уральское археологическое совещание. Итоги и проблемы изучения Урала. – Свердловск, 1961. – С. 91-99. (ВАУ; Вып. 1).
- Канивец В.И. Археологические находки путешественника Владимира Русанова // ИФС. – Сыктывкар, 1963. – С. 74-80.
- Канивец В.И. Канинская пещера. – М.: Наука, 1964.
- Канивец В.И. Древние поселения Южно-Печорской равнины. Древние поселения на Печоре и Вычегде. Отчеты о работах 1963 г. в зоне затопления Усть-Войского и Усть-Куломского водохранилищ. – Сыктывкар, 1965. (МАЕСВ; Вып. III).
- Канивец В.И., Лузгин В.Е. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. Отчет о работах 1962 г. в зоне затопления Усть-Войского водохранилища // МАЕСВ. – Сыктывкар, 1963. – Вып. II.
- Кленов М.В. Озельский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования). – Сыктывкар, 1999. – С. 103-114. (МАЕСВ; Вып. 16).
- Кленов М.В. Отчет Вымского археологического отряда по итогам полевых экспедиционных работ в Усть-Вымском районе Республики Коми в 2004 г. – Сыктывкар, 2005. – Архив Коми НЦ УрО РАН.
- Кленов М.В., Игушев А.Р. Поселение Гуль-Чунь // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 2005. – С. 78-90. (МАЕСВ; Вып. 17).
- Королев К.С. Новый район обитания вычегодских пермян. – Сыктывкар, 1979. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР; Вып. 46).
- Королев К.С. Долина средней Вычегды в эпоху раннего железа и средневековья: Автореф. дис... канд. истор. наук. – Ижевск, 1994.
- Королев К.С. Население средней Вычегды в древности и средневековье. – Екатеринбург, 1997.
- Лашук Л.П. Очерки этнической истории Печорского края. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958.
- Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. – Сыктывкар, 1972.
- Мурыгин А.М. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. – Сыктывкар, 1984. – 52 с. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР; Вып. 114).

Мурыгин А.М. Древнее святилище в Эшмесской пещере // Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 1987. – С. 35-41. (ТИЯЛИ; Вып. 39).

Мурыгин А.М. Идолопоклонники у Полярного круга // Памятники Отечества. Земля Коми, № 36. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – М., 1996. – С. 56-61),

Мурыгин А.М. Памятники позднего железного века лесной и тундровой полосы Печорского Приуралья // Археология Республики Коми. – М.: ДИК, 1997. – С. 478-560.

Плюснин С.М. Городища Нового Бора // Проблемы историко-культурной среды Арктики. Тез. докл. – Сыктывкар, 1991. – С. 115-116.

Плюснин С.М., Волокитин А.В. Средневековое городище на Ижме // Родники Пармы. Научно-популярный сборник. – Сыктывкар, 1990. – С. 11-12

Повесть временных лет. – М.; Л., 1950. – Т. 1.

Полное собрание русских летописей. – М., 1962. – Т. 1.

Раскопки археологической экспедиции Коми края 1925 г. / М.Е.Аrsaкова, Е.М.Витвицкая, А.В.Дмитриевская, Е.Н.Липеровская, В.П.Левашова, П.А.Дмитриев, А.П.Смирнов // ЗОИИМК. – Усть-Сысольск, 1928. – Вып. 1.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси // Археология СССР. Свод археологических источников. – Л.: Наука, 1981. – Вып. Е1-60.

Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. – М., 1963. – С. 246.

Рябцева Е.Н., Семенов В.А. Адакское пещерное святилище на реке Усе и проблемы освоения Полярного Урала // КСИА. – М.: Наука, 1990. – № 200. – С. 66-72.

Савельева Э.А. Пермь вычегодская. – М.: Наука, 1971.

Савельева Э.А. Лузская пермца. – Сыктывкар, 1972. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР; Вып. 2).

Савельева Э.А. Отчет Вымского археологического отряда Северо-Двинской экспедиции о раскопках Жигановского поселения и Пожегского городища в 1985 г. // Архив Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 5, ст. 2, д. 357, 358.

Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.

Савельева Э.А. Раскопки Пожегского городища // АО – 1985. – М., 1987.

Савельева Э.А. Начальный этап древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. – Сыктывкар, 1993. (МАЕСВ; Вып. 12).

Савельева Э.А. Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье. – Сыктывкар, 1995. (МАЕСВ; Вып. 13).

Савельева Э.А. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья. Научный доклад на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 1995а.

Савельева Э.А. Удорские памятники эпохи средневековья // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. – Сыктывкар, 1998. – С. 121-136 (МАЕСВ; Вып. 15).

Савельева Э.А. Ленский могильник // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 2005. – С. 91-112. (МАЕСВ; Вып. 17).

Савельева Э.А. Формирование этнической территории древних коми-зырян // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. – М.; Сыктывкар, 2006. – Вып. 4, ч. 1. – С. 12-28.

Савельева Э.А., Кленов М.В. Пожегское городище. – Сыктывкар, 1992. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; Вып. 278).

Савельева Э.А., Игушев А.Р. Векшорский могильник // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. – Сыктывкар, 1998. (МАЕСВ; Вып. 15).

Савельева Э.А., Кленов М.В., Зеленский В.С. Жигановское поселение // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. – Сыктывкар, 1993. (МАЕСВ; Вып. 12).

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. – М.: Наука, 1981.

Сидоров А.С. Археологические памятники Вымского района Коми АССР (по материалам обследования 1928 г) – СПб., 1937 // Архив ИИМК РАН. – Ф. 35. Оп. 2. Д. 9.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА; № 28. – М., 1952.

Степанов П.Д. Отчет об археологических работах по р. Сыsole Коми АССР. – Сыктывкар, 1939 // Документальный фонд НМРК. – Ф. 7 КП 9816/2.

Стоколос В.С. Средневековое погребение на оз. Чойновты // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. – Сыктывкар, 1978. (МАЕСВ; Вып. 7).

Чернов Г.А. Жертвенное место в северной части Большеземельской тундры // КСИИМК. – 1951. – Вып. XXXIX.

Чернов Г.А. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре // СА, 1955. – Вып. XXIII.

Чеснокова Н.Н. Жизнь на погосте. Предки зырян ужговских в их современном восприятии и в археологических источниках // Смерть как феномен культуры: Межвуз. сб. науч. трудов. – Сыктывкар, 1994.

Чеснокова Н.Н. Древнерусский (новгородский?) цилемско-печорский путь в Зауралье по историческим и археологическим источникам // Новгородские археологические чтения. – Новгород, 1994. – С. 167-172.

Ясински М.Э., Овсянников О.В. Пустозерск. Русский город в Арктике. – СПб., 2003.

Plusnin S.M. Ringwalle aus Novyj Bor // Specimina Sibirica. – Savariae. – T. V: The Arctic Papers of an international conference. – P. 203-210.

Список сокращений

АО – Археологические открытия
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ЗОИКК – Записки Общества изучения Коми края
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
Коми НЦ УрО РАН – Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФАН – Коми филиал АН СССР
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НМРК – Национальный музей Республики Коми
ПВЛ – Повесть временных лет
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
СА – Советская археология
ТИЯЛИ – Труды Института языка, литературы и истории РАН

История географического изучения городов России

История географического изучения российских городов в общих чертах повторяет путь становления и развития любой науки, который обычно включает последовательно сменяющие друг друга описательный, объяснительный и конструктивный этапы. На наш взгляд, в становлении и развитии географии городов в России следует выделить латентный, описательно-познавательный, переходный, интерпретативно-прогностический, георбанистический и конструктивно-преобразовательный этапы. Начиная со второго этапа каждый последующий этап развития географии городов отражает все более возрастающий уровень методологического осмысления сущности города как ведущей формы расселения людей и места концентрации основных видов человеческой деятельности, оформление и совершенствование понятийно-терминологического аппарата и концептуальных идей на основе постепенного накопления и обобщения эмпирических и статистических данных, освоение более эффективных методов исследования городских поселений и их территориальных групп.

Латентный этап. Латентный этап географического изучения городов наблюдался со второй четверти XVIII в. до конца 20-х гг. XIX в. Суть данного этапа состоит в сборе и первичной инвентаризации фактических знаний о городах в рамках страноведческих и региональных комплексно-географических исследований. В то время города еще не рассматривались в качестве самостоятельного объекта научных исследований и потому их географическое изучение имело латентный, т.е. зародышевый, неявный и скрытый характер. Первые сведения экономико-географического характера о городах содержатся в известной работе одного из крупнейших географов начала XVIII в. И.К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий», подготовленной в 1727 г. в виде двух книг, но изданной лишь столетие спустя в 1831 г. В этой работе предпринята попытка комплексной характеристики российских городов, которые в то время были в основном представлены административными, военными и торгово-промышленными функциональными типами. В описаниях городов встречаются разнообразные сведения об их местоположении и топографии, численности и составе населения, состоянии промышленного и ремесленного производства, данные о купечестве, торговле и направлениях потоков грузов. В 1745 г. был опубликован первый отечественный «Атлас Всероссийской империи», изданный уже после смерти И.К. Кирилова, много лет руководившего всеми картографическими работами в стране. На картах этого атласа, помимо общегеографических объектов и сельских поселений, были изображены города, пригороды, слободы и связывающие их большие дороги. Помимо работ И.К. Кирилова, некоторые сведения о городах можно обнаружить в географических и исторических трудах В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова – выдающихся ученых и государственных деятелей XVIII в.

Описательно-познавательный этап. Описательно-познавательный этап географического изучения городов начался в 30-х гг. XIX в. и продолжался до конца первой четверти XX в. Суть этого этапа состоит в возникновении географии городов как особого вида географических описаний. Отсчет второго этапа географического изучения российских городов начинается с издания работы известного дореволюционного статистика, историка и географа К.И. Арсеньева «Гидрографическо-статистическое обозрение городов Российской империи с показанием всех перемен, происшедших в составе и числе оных в течение двух веков от начала XVII столетия и донныне», изданной в 1832–1834 гг. [4]. Первичным источником для анализа истории возникновения сети российских городов стала «Книга Большому Чертежу». Она содержала сведения о городах по состоянию на 1637 г., который был принят в качестве исходного временного рубежа исследования. Информационной базой для изучения особенностей формирования сети городов в последующие два столетия служили официальные указы и таблицы городов, а также разнообразные научные и литературные источники. Благодаря использованию разных источников, К.И. Арсеньев проследил всю цепочку административно-территориальных преобразований и выявил причины изменений в географии городов. Это позволило ему создать объективную историко-географическую картину становления и развития сети российских городов.

Публикация фундаментального труда о российских городах выдвинула К.И. Арсеньева в число зачинателей отечественной географии городов как особого вида географических описаний [39, 42]. В этой работе впервые дается характеристика каждого отдельного города с учетом их географического положения, генезиса,

*Обедков Анатолий Павлович (Сыктывкар) – кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Коми республиканского института развития образования и переподготовки кадров.

динамики развития и выполняемых функций. С географической точки зрения, особый интерес представляет исследование закономерностей и особенностей формирования территориальных сетей городов. В ходе их изучения автор широко использовал гидрографический (бассейновый) принцип, исторический и районный подходы, генетическую и функциональную типологию. В этом уникальном историко-географическом исследовании впервые была дана всесторонняя и детальная характеристика масштабных изменений в географии свыше 500 российских поселений, имевших статус города в период с 1637 г. до конца первой четверти XIX в. Тем самым, К.И.Арсеньев обозначил два основных направления географии городов – экономико-географическое (экономическая география города) и историческое (историческая география городов).

В число зачинателей отечественной географии городов следует отнести также известных статистиков и экономистов В.П.Андросова и А.П.Зябловского-Десятковского, опубликовавших в 30-е гг. XIX в. обстоятельные работы по географическому описанию столичных городов Российской империи. Книга В.П.Андросова «Статистическая записка о Москве» увидела свет в 1832 г. Она стала первым опытом комплексной характеристики крупного города, развитие которого анализировалось на фоне его взаимоотношений как с ближним окружением пригородной зоны, так и с поселениями соседних губерний. Опираясь на собственную оригинальную методику изучения крупного города, автор последовательно рассмотрел все основные аспекты и факторы развития г. Москвы, начиная от физико-географических предпосылок и завершая комплексными характеристиками населения и его социальной структуры, городского хозяйства и внутригородского размещения промышленных предприятий [20]. Четыре года спустя, в 1836 г. под руководством К.И.Арсеньева была опубликована работа А.П.Зябловского-Десятковского «Статистические сведения о Санкт-Петербурге», ставшая одним из первых опытов микрогеографического описания города [60, с. 151].

Вопросы географии городов были затронуты в трудах П.И. Кеппена, внесшего значительный вклад в становление дореволюционной статистики и географии населения. Особое значение для географии городов имело исследование «Города и селения Тульской губернии в 1857 г.», опубликованное в 1858 г. с предисловием и под общей редакцией П.И. Кеппена. Эта работа была использована как образец для составления «Списков населенных мест Российской империи», которые по отдельным губерниям публиковал Центральный статистический комитет. Наряду с этим, он проделал большую предварительную работу по подготовке «Географическо-статистического словаря Российской империи», который в дальнейшем был завершён под руководством П.П.Семенова-Тян-Шанского.

В научном наследии выдающегося и разностороннего географа, организатора отечественной научной статистики П.П.Семенова-Тян-Шанского важное место занимало исследование населения, которое велось главным образом в рамках комплексных работ по экономическому районированию и расселению населения. В этом отношении наибольшую известность получили работы П.П.Семенова-Тян-Шанского «Населенность Европейской России в зависимости от причин, обуславливающих распределение населения империи» (1871) и «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России» (1880), в которых даются географо-статистическое описание населения и особенности его расселения.

Среди дореволюционных ученых, занимавшихся разработкой вопросов географии городов России, следует отметить также известного статистика и экономиста Н.А. Милютину. В 1860 г. под его руководством были опубликованы первые два тома из собрания «Городское население в Российской империи». В них дается описание всех существовавших в то время городов России, которые были расположены в алфавитном порядке губерний и областей. Комплексная характеристика каждого города включала обязательные сведения о возникновении населенного пункта, образовании города и изменении его административного статуса, истории и городской геральдике, составе городских земель, динамике и структуре населения, особенностях развития промышленности и торговли, градостроительства и планировки города [6].

В начале XX в. интересные и разносторонние исследования в области географии населения и городов осуществил известный российский географ, основоположник отечественной климатологии А.И.Воейков, изучавший закономерности размещения населения и воздействие человека на географическую среду. В своей монографии «Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека» (1906). Проанализировав особенности распределения населения на городское и сельское во всех странах мира, он предложил использовать в качестве критерия города экономические показатели, обосновал нижний ценз для выделения городов на уровне 20 тыс. чел. и ввел в научный оборот понятие «город-миллионер». В монографии «Людность селений Европейской России и Западной Сибири» (1909) А.И.Воейков рассматривал людность населенных пунктов как результат природных условий, истории и народного быта.

Города и особенности расселения территории Российской империи стали одним из важнейших объектов картографирования. Среди дореволюционных работ подобного рода можно назвать составленную Ракинтом «Генеральную карту всей Российской империи с означением степени населенности», которая была издана в 1866 г. Между тем, наиболее важной дореволюционной работой по картографированию расселения населения стала составленная В.П.Семеновым-Тян-Шанским «Карта расселения и городов Европейской России» (1910).

В ее основу легла разработанная В.П.Семеновым-Тян-Шанским типология населенных пунктов, учитывающая зональные особенности их генезиса и соответствующие им показатели заселенности в виде средней плотности и частоты поселений.

На рубеже XIX и XX вв. началась активная научная деятельность выдающегося географа-энциклопедиста и статистика В.П.Семенова-Тян-Шанского, заложившего научные основы отечественной географии расселения городского и сельского населения. Географические интересы В.П. Семенова-Тян-Шанского в области изучения населения во многом определило его активное участие в подготовке и проведении первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. В дальнейшем население стало основной темой его статистико-географических исследований. Вопросы теории и практики географии городов нашли адекватное отражение в его фундаментальной монографии «Город и деревня в Европейской России», изданной в 1910 г. с подзаголовком «Очерк по экономической географии» [51]. В этой классической работе заложена методологическая основа анализа сети городов и системы расселения в целом, выделены признаки города как особого типа поселений и его принципиальные отличия от сельского населенного пункта. Важным научным вкладом в становление отечественной теории расселения и географии городов явились предложенные В.П.Семеновым-Тян-Шанским районирование территории России по типам заселения, типология городских и сельских поселений на основе географического положения, плотности, характера выполняемых ими функций и планировочных особенностей городов различного генетического происхождения, а также схема функционально-пространственной эволюции крупного города и его окружения. Среди выделенных им функциональных типов городов – административный, юридический, военный и торгово-промышленный типы, связанные с определенными историческими периодами становления городской сети России. Отказавшись от следования официальным административным критериям выделения городов, В.П.Семенов-Тян-Шанский выделил классы «истинных городов» и промежуточных полугородских поселений, названных им «городками» (юридические города, посады, местечки, слободы и поселки с определенным торгово-промышленным значением), «административными пунктами» (официальные города, не имеющие торгово-промышленного значения) и «будущими городами» (менее значительные сельские торгово-промышленные поселения). При этом в качестве ведущих признаков города он справедливо считал высокий уровень развития промышленных и торговых функций, «торгово-промышленную бойкость», «способности к городской жизни», а также факторы, влияющие на рост городов и их экономическую активность. Такие городские поселения были отнесены В.П.Семеновым-Тян-Шанским к категории так называемых «экономических городов». Выявленная им в начале XX в. сеть «экономических городов» была использована в ходе административно-территориальной реформы 1923–1929 гг., когда многие из этих поселений были официально преобразованы в города и поселки городского типа.

Продолжая исследование вопросов географии расселения, В.П.Семенов-Тян-Шанский в 1922 г. приступил к выполнению грандиозной работы, связанной с составлением детальной карты плотности населения Европейской России. Для составления этой карты использовались фактические данные плотности населенных пунктов. Анализ их сгущений позволил выявить места концентрации населения и формирования будущих городских агломераций. Тем самым В.П.Семенов-Тян-Шанский оказался в числе первых экономико-географов, сумевших выявить ведущие факторы и понять сущность зарождавшегося процесса агломерирования. Позже В.П.Семенов-Тян-Шанский вновь обратился к некоторым аспектам географии городов в книге «Район и страна» (1928), уделив внимание вопросам функционально-пространственной эволюции крупного города и его окружения, географического положения и географии восприятия городов [52]. В этой работе В.П. Семенов-Тян-Шанский вновь обратился к исследованию процесса агломерации как одной из важнейших закономерностей пространственного распределения городов. Значительный научный вклад В.П. Семенова-Тян-Шанского в разработку теории и практики географического изучения городов дает все основания для того, чтобы считать его одним из основоположников отечественной географии городов.

Теоретические разработки В.П. Семенова-Тян-Шанского начала XX в. в области расселения, к сожалению, не получили продолжения в трудах других исследователей того времени. К тому же, изучение вопросов расселения населения надолго было прервано событиями Первой мировой войны, революцией и Гражданской войной. Новый интерес к исследованию проблем расселения, и прежде всего городов, которые стали рассматриваться как результат развития территориального разделения труда, вызвали развертывание социалистического строительства и реализацию политики индустриализации.

К середине 1920-х гг. появились интересные градостроительские исследования И.М. Гревса, М.Г. Диканского и А.А. Крубера, затрагивающие внутреннюю структуру города и его взаимодействие с городским окружением. При этом М.Г. Диканский и А.А. Крубер в 1920-е гг. независимо друг от друга обратили внимание на необходимость дальнейшего изучения зарождавшегося процесса городского агломерирования. Являясь одним из видных представителей антропогеографии, А.А. Крубер начал исследование различных аспектов развития и функционирования городов и их сетей еще в дореволюционный период. Сферой его научного интереса были функционально-генетическая классификация и историко-культурная типология городов, а также изучение факто-

ров, определяющих планировочную структуру городов. Основным градovedческим трудом М.Г. Диканского является книга «Проблемы современных городов» (1926). Она представляет собой одну из первых комплексных работ о жизни городского населения в пространственно-временном аспекте и внутренней инфраструктуре города как важнейшей части городского организма. Несомненной заслугой М.Г. Диканского явилось развитие представления о городе как саморазвивающейся системе, что рассматривается в наши дни в качестве одного из ключевых элементов концепции устойчивого развития города. Известным исследователем городов в эти годы был И.М. Гревс. В его статье «Город как предмет краеведения» (1924), посвященной культурно-географическому аспекту городской жизни, содержится развернутая программа краеведческого изучения жизни города на различных этапах его развития с учетом взаимодействия с городским окружением.

Переходный этап. Хронологические рамки третьего этапа географического изучения городов охватывают период со второй половины 1920-х до середины 1940-х гг. Он связан с активным осуществлением политики индустриализации, провозглашенной во второй половине 1920-х гг. Важнейшим следствием и побочным продуктом индустриализации страны стала ускоренная урбанизация, сопровождавшаяся во многом непродуманными административными преобразованиями сельских населенных пунктов в городские поселения и чрезмерной концентрацией производства и населения в городах. Специализированные работы в области географии городов в эти годы публиковались крайне редко и часто опирались на старые подходы, которые в целом не учитывали зарождавшиеся тенденции развития и размещения общественного производства и расселения населения. На этом этапе произошло оформление ряда новых идей, программных целей и задач географического изучения городов, появились пионерные работы по методологии и методике географии городов. Однако вплоть до середины 1940-х гг. география городов не сумела обрести черты самостоятельной науки, оставаясь одной из важнейших составных частей экономической географии. В связи с этим третий этап развития географии городов, имеющий некоторые сходные черты с предыдущим этапом и подготовивший развертывание следующего этапа, был назван переходным этапом.

В 1920–1930-е гг. вопросы географии городов рассматривались в рамках общей проблематики по экономическому районированию и реализации целевых территориальных комплексных народнохозяйственных программ, направленных на преодоление ранее сложившихся диспропорций в размещении производительных сил и обживание районов нового хозяйственного освоения. В этих условиях существенно повысилась роль городов, которые, по образному выражению Н.Н. Баранского, стали играть роль командных (узловых) пунктов на экономической карте страны. Новые цели и задачи географического изучения городов были сформулированы в ряде программных работ Н.Н. Баранского и О.А. Константинова, сыгравших важную роль в разработке научной методологии и методики географии городов.

В довоенный период появились интересные исследования, которые способствовали разработке отечественной теории расселения и географии городов. Одним из важнейших элементов этой теории стало введенное Н.Н. Баранским понятие об экономико-географическом положении городов, которое в последующие годы активно развивалось его учениками и последователями. В эти годы Н.Н. Баранский разработал развернутую схему комплексной характеристики города, не утратившую своего значения и поныне. Экономико-географическая характеристика городов стала одной из ведущих тем на страницах научно-методического журнала «География в школе», который был основан в 1934 г. по инициативе Н.Н. Баранского и долгие годы им редактировался.

География городов была ведущей темой научных исследований видного советского экономико-географа О.А. Константинова – одного из основоположников советской экономико-географической школы градovedов. Ему принадлежит приоритет в разработке первого отечественного курса географии городов, программы, методики, подходов, принципов и направлений экономико-географического изучения городских поселений. Научный интерес О.А. Константинова к вопросам географии населения и городов проявился еще в 1920-е гг. в ходе разработки проблем экономического районирования и комплексной характеристики конкретных экономических районов. В ходе изучения географических особенностей экономических районов О.А. Константинов выделил региональные типы городов. Их характеристика, представленная в статье «Опыт изучения влияния особенностей района на характер городских поселений» (1934), способствовала зарождению региональной географии городов.

Рост числа городских поселений и численности городского населения, вызванный ускорением процесса индустриализации, потребовал разработки новых подходов к географическому изучению городов и градостроительному проектированию. В конце 1920–1930-х гг. были начаты масштабные исследования в области градостроительства и территориального проектирования, которые способствовали совершенствованию структуры расселения населения на основе архитектурно-планировочных подходов и инженерных решений. Становление индустриального общества и урбанизации стимулировало научную дискуссию о путях развития социалистического города, в которой приняли участие экономико-географы и экономисты, архитекторы и градостроители. Большой вклад в научную разработку этой проблематики в довоенный период внесли архитекторы

и градостроители Д.И. Богорад, М.Я. Гинзбург, А.П. Иваницкий, Г.А. Ладовский, Н.А. Милютин, Н.П. Першин и В.Н. Семенов, стоявшие у истоков отечественного территориального проектирования. В 1930-е гг. были опубликованы первые работы В.Г. Давидовича, посвященные проектированию новых городов Урала и Кузбасса. Теоретические и практические разработки В.Г. Давидовича по этому вопросу нашли отражение в работе «Вопросы планировки новых городов», увидевшей свет в 1934 г. С этого времени планировка городов и районная планировка стали основным направлением его научной деятельности.

Интерпретативно-прогностический этап. Четвертый этап географического изучения городов, названный интерпретативно-прогностическим этапом, охватил послевоенный период с середины 1940-х до середины 1960-х гг. Он ознаменовался активизацией градоведческих исследований и становлением первичных концептуальных подходов, ориентированных на интерпретацию, прогнозирование и управление процессами городского развития и расселения. Интерпретативно-прогностический этап характеризуется окончательным оформлением географии городов в качестве самостоятельного раздела географии населения и признанием практического значения районной планировки как важнейшего инструмента для рационального размещения производства и расселения населения. Со второй половины 1950-х гг. РСФСР вошла в число высокоурбанизированных республик с динамичным ростом городского населения. В связи с этим урбанизация стала одним из важнейших факторов жизни общества, а изучение общих закономерностей и региональных особенностей эволюции сети городских поселений – первоочередной задачей экономической географии, географии населения, расселения и городов. На этом этапе развития географии городов основное внимание уделялось изучению производственных и экономических аспектов развития и функционирования городов, связанных с территориальной организацией и концентрацией в городах отраслей материального производства и производственной инфраструктуры, населения и трудовых ресурсов.

Городская проблематика занимает особое место в многогранном научном наследии основоположника советской экономической географии Н.Н. Баранского. Программным трудом по географии городов стала его известная статья «Об экономико-географическом изучении городов», впервые опубликованная в 1946 г. [5]. Выдвинутые в ней концептуальные идеи заложили научные основы отечественной географии городов, определив основные пути ее дальнейшего развития. Научный вклад Н.Н. Баранского в экономико-географическое изучение городов состоит в разработке представлений о системе и иерархии городских поселений, функциональных различиях и типологии городов. Важное методологическое значение для современной геоурбанистики имеет выдвинутая Н.Н. Баранским идея о единстве экономических и социальных процессов развития городов. Опираясь на научные достижения советской экономической географии, связанные с разработкой теории географического разделения труда, экономического районирования и экономико-географического положения, Н.Н. Баранский раскрыл роль городов как организующих центров экономических районов различного экономического уровня и узлов транспортной сети. При этом он рассматривал города как «фокусные пункты» и «командный состав страны, организующий ее во всех отношениях». Известное высказывание Н.Н. Баранского о том, что «города плюс дорожная сеть – это каркас, это остов, на котором остальное держится, остов, который формирует территорию, придает ей определенную конфигурацию», позволяет считать его основоположником концепции опорного каркаса расселения. Научные идеи Н.Н. Баранского явились стимулом для дальнейшего развития градоведческих исследований в социально-экономической географии в последующие десятилетия.

В послевоенные годы возобновился интерес к историко-географическим исследованиям. В это время был издан ряд фундаментальных исследований по исторической географии российских городов в разные периоды исторического развития страны. В 1947 г. О.А. Константинов опубликовал обзорную статью «Изменения в географии городов за советский период», в которой показаны особенности формирования сети городских поселений в советское время. Пионерный характер имели изданные им в эти годы работы по районированию расселения населения, экономико-географической классификации и типологии городов. Их содержательная часть не потеряла своего научного значения до настоящего времени. Наряду с этим в послевоенные годы были изданы монографические исследования К.И. Спидченко (1947), Р.М. Кабо (1949), Л.Е. Иофа (1951), В.В. Воробьева (1959), посвященные изучению региональных сетей городов Урала, Западной и Восточной Сибири [7, 16, 18, 51].

Первое послевоенное десятилетие совпало с активизацией научных исследований в области географического изучения населения известного советского экономико-географа Р.М. Кабо, с именем которого связано становление отечественной географии населения как самостоятельной науки и учебной дисциплины. Круг научных интересов Р.М. Кабо в области географии населения был весьма широк и разнообразен, но в его научных исследованиях ведущее место занимала география городов. Городской проблематике была посвящена его первая научная работа «Потребление городского населения России», опубликованная в 1918 г. Ярким образцом историко-экономического исследования города стала монография Р.М. Кабо по истории городов Западной Сибири в XVII – первой половине XIX вв. [18]. Анализируя принципиальные вопросы географии населения и городов, он обосновал ведущую роль общественного производства в характере расселения населения, разработал методику географического исследования населения и населенных пунктов, выявил градообразующие

факторы, рассмотрел процесс возникновения и развития системы городов. В обобщающей статье, опубликованной в сборнике научных трудов «Город и район как объекты географического изучения» (1949) под его редакцией, Р.М. Кабо выделил три основных направления географического изучения городов: экономическая география города, геодемография города и микрогеография города, определившие приоритеты социально-экономико-географических исследований в данной области на последующие десятилетия послевоенного времени.

Параллельно с научной деятельностью Р.М.Кабо реализовал себя как вузовский преподаватель. В 1940-е гг. он разработал вузовскую программу по географии населения для географических факультетов. На ее основе в 1947–1948 гг. Р.М.Кабо прочитал в МГУ и МГПИ первый вузовский курс по географии населения, который впоследствии стал обязательной учебной дисциплиной для студентов географических специальностей сначала педагогических институтов, а с 1976 г. и университетов страны.

Заметный вклад в методологию экономико-географического изучения городов, в историческую географию и исследование истории географической мысли внес экономико-географ Л.Е.Иофа. Являясь учеником Н.Н.Баранского, он последовательно развивал и углублял его идеи об историзме в экономической географии и методологическом значении историко-географического изучения различных территориальных общностей, о специфике экономико-географического изучения и экономико-географическом положении городов, а также определяющей роли городов в процессе формирования экономических районов. Главным трудом жизни Л.Е.Иофа стала фундаментальная монография «Города Урала. Часть I. Феодалный период», опубликованная в 1951 г. [16]. В этом капитальном труде раскрыта история формирования сети уральских городов как целостной системы на протяжении почти четырех столетий с 1472 по 1861 г. Работа задумывалась как трилогия, но реализовать первоначальный замысел ему не удалось. Предполагаемая вторая часть монографии должна была раскрыть динамику развития городской сети Урала в капиталистический период, а третья часть – особенности процесса урбанизации в советский период. При этом для подготовки третьей части монографии Л.Е.Иофа предполагал привлечь уральских экономико-географов. Однако даже в незавершенном виде исследование городов Урала, выполненное Л.Е.Иофа, было признано географами и историками как выдающийся научный труд и образец регионального историко-географического исследования. В этой и других его работах градovedческого характера содержатся интересные научные идеи и положения, предвосхитившие развитие теории географии городов. В их числе – раскрытие понятия «экономико-географического опыта жизни городов», обоснование необходимости познания процесса развития городов как целостной системы, изучение социального характера городов и учета влияния социальных факторов на формирование экономико-географического положения городов [60, с. 491, 492].

В число основоположников отечественной географии населения и расселения по праву входит видный советский экономико-географ Н.И.Ляликов, который одним из первых в СССР начал исследовать географические аспекты формирования населения и способствовал становлению этой научной дисциплины. Широкую известность принесли ему работы по географии населения СССР, опубликованные в первые десятилетия послевоенного времени. Среди различных аспектов географии населения, всесторонне рассмотренных в публикациях Н.И.Ляликова, ведущее место занимали проблемы плотности населения и ее взаимосвязи с хозяйственным развитием территории, особенности формирования городского и сельского расселения, вопросы типологии городских и сельских поселений. В его научной статье «О географическом изучении города» (1949) сформулированы важные теоретические положения о городе как объекте экономико-географического исследования, о значении производственных функций города и необходимости изучения города на микрогеографическом уровне. Ляликову принадлежит приоритет в установлении и обосновании главной полосы хозяйственного освоения и расселения СССР, которую он связывал с выделением зональных типов расселения.

География городов была одним из основных направлений научного поиска выдающегося советского экономико-географа И.М.Маергойза. Уже первые научные публикации И.М.Маергойза, посвященные экономико-географическому положению и комплексной экономико-географической характеристике городов, принесли ему широкую известность. В кандидатской диссертации, защищенной И.М.Маергойзом в 1945 г. и написанной на ее основе статье, было всесторонне раскрыто экономико-географическое положение Сталинграда. Первая книга И.М.Маергойза «Киев – столица Украинской ССР» (1950) была посвящена комплексной экономико-географической характеристике города Киева, в котором в 1940 г. началась его научная деятельность. Своеобразным обобщением и итогом градovedческих исследований И.М.Маергойза стала публикация в 1956 г. научной статьи «К экономико-географическому изучению городов». Развивая начатые Н.Н.Баранским исследования по экономико-географическому положению городов, И.М. Маергойз предложил более развернутую схему изучения экономико-географического положения города. В ходе подготовки страноведческих работ о социалистических странах Восточной Европы, И.М. Маергойз разработал эталонные монографические характеристики ряда крупнейших городов СССР и Восточной Европы, выступив в роли зачинателя географического направления в исследовании проблем урбанизации.

В многогранном творческом наследии выдающегося советского экономико-географа Ю.Г.Саушкина представлено несколько публикаций, глубоко раскрывающих городскую проблематику. Анализ формирования территориальных групп городов страны на основе системного подхода посвящена его статья «Об изучении системы городов Советского Союза» [50]. Однако ведущей темой градovedческих исследований Ю.Г.Саушкина была Москва – главный город страны. Его первая книга о Москве опубликована в 1955 г. под редакцией Н.Н.Баранского и выдержала пять изданий. Последняя монография «Москва среди городов мира. Экономико-географическое исследование», написанная в соавторстве с В.Г. Глушковой, увидела свет в 1983 г., через год после его смерти. В этих работах, посвященных крупнейшему городу государства и его признанной столице, получили дальнейшее развитие многие теоретические и методологические положения о географическом изучении городов, выдвинутые его учителем Н.Н. Баранским.

Интерпретативно-прогностический этап прошел под знаком динамичного развития и широкого распространения работ по районной планировке, которые охватили практически всю территорию основной полосы хозяйственного освоения и расселения населения в стране. Налаживанию связей географии городов с градостроительством и районной планировкой способствовала активизация исследований экономико-географов и специалистов в области градостроительства и районной планировки. Особый вклад в этом направлении внесли Д.И.Богорад и В.Г.Давидович, заявившие о себе своими научными разработками на стыке географии и градостроительства еще в довоенный период. Однако расцвет их научного творчества пришелся на послевоенные десятилетия.

Среди плеяды советских экономико-географов послевоенного времени, активно разрабатывавших вопросы районной планировки и градостроительства, географии расселения и городов, одно из ведущих мест занимает Д.И.Богорад. Он был в числе первых специалистов районной планировки, осознавших ее тесные связи с географической наукой и конструктивную роль экономической географии в преобразовании природы и хозяйства района. С именем Д.И. Богорада связано внедрение в практику районной планировки, которую он назвал «конструктивной географией района», ряда важнейших идей в области городского расселения населения, связанных с созданием групповых форм поселений и преимущественным использованием существующих населенных мест всех типов, регулированием роста и развития городских агломераций, прогнозированием городского населения и методикой комплексной районной планировки территории с многопрофильным хозяйством.

В послевоенный период значительный вклад в географию расселения и городов внес известный советский экономист и экономико-географ В.Г.Давидович – выдающийся специалист в области географии и планировки городов, выступавший в качестве проектировщика и эксперта крупных работ по районной планировке. В эти годы основными направлениями его научного поиска было изучение закономерностей и тенденций развития городского расселения, динамики сети городских поселений и образования групповых форм населенных мест, взаимосвязанных процессов урбанизации и субурбанизации, включая формирование городских агломераций, пригородных зон и городов-спутников, а также исследование проблем маятниковых миграций и подвижности населения в городах и их пригородных зонах. Им были разработаны новые методы регионального анализа динамики населения и сети городов. Опубликовав в 1947 г. фундаментальную работу «Планировка городов (инженерно-экономические основы)», В.Г.Давидович заявил о себе как крупный исследователь комплексных проблем градостроительства и планировки городов, потребовавших междисциплинарной разработки вопросов теории и практики расселения [12]. Последовательно и всесторонне разрабатывая вопросы теории расселения в тесной связи с практикой градостроительства и районной планировки, он рассматривал ее как «конструктивную географию районов». Свообразным итогом географического изучения городского расселения стала работа В.Г. Давидовича «О развитии сети городов СССР за 40 лет» (1959). В ней содержится обстоятельное исследование развития сети городов страны за весь советский период, предлагается классификация и типология городов, раскрываются региональные особенности урбанистического развития и пути управления развитием системы расселения населения. Все последующие работы В.Г. Давидовича по проблемам расселения и районной планировки отличало органическое сочетание экономико-географического подхода к анализу условий и проблем развития расселения населения с инженерно-экономической постановкой задач и поиском путей их конструктивного решения.

В конце 1950-х гг. появились обобщающие работы, затрагивающие один из важнейших вопросов теории расселения – классификацию городских и сельских поселений. Наиболее развернутые классификационные схемы городских поселений предложили В.Г. Давидович, С.А. Ковалев и В.В. Покшишевский в статье «Об основах классификации населенных пунктов СССР (в связи с задачами экономической географии)» (1959), а также А.А.Минц и Б.С.Хорев – в статье «Опыт экономико-географической типологии советских городов (по материалам Центрально-Промышленного района)» (1959). В последней статье было предложено сочетать классификацию городов по плотности с генетическим и функциональным подходами типологии городов.

В послевоенный период появились пионерные работы, посвященные исследованию проблем районирования и типологии расселения. Необходимость и важность разделения территории страны на районы расселения были обоснованы в трудах С.А.Ковалева («Перспективное районирование расселения в экономической географии», 1958; «Некоторые принципиальные вопросы типологии расселения», 1959), В.В.Покшишевского («Система показателей для специального районирования СССР по признакам географии населения», 1959) и Ю.Г.Саушкина («Введение в экономическую географию», 1960), положивших начало поиску путей решения этой проблемы. Между тем, наиболее последовательно, всесторонне и глубоко эта проблема была рассмотрена в работах О.А.Константинова «Опыт выявления районов расселения СССР» (1967) и «Районирование расселения СССР» (1970).

Геурбанистический этап. Пятый этап географического изучения городов, охвативший период со второй половины 1960-х гг. до конца 1980-х гг., получил название геурбанистического этапа. Он характеризуется усилением внимания к социальному аспекту развития и функционирования отдельных городов, сетей поселений и территориальных систем расселения, особенно городских агломераций. В эти годы произошло оформление ведущих концепций, определивших теоретическое содержание и методологию геурбанистики. В возросшем потоке градovedческих публикаций отчетливо обозначились основные направления геурбанистики, связанные с изучением территориальных (географических) аспектов процесса урбанизации, городской среды и экологических проблем расселения, проблем регулирования развития и роста городов, городских агломераций и систем расселения наднагломерационного уровня, городского расселения на уровне страны и экономических районов различного таксономического ранга.

На рубеже 1960–1970-х гг. появились фундаментальные работы по географии городских поселений и городскому расселению Г.М.Лаппо («География городов с основами градостроительства», 1969), Б.С.Хорева («Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение)», 1968; «Проблемы городов (экономико-географическое исследование городского расселения в СССР)», 1971; «Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР)», 1975) и Е.Н.Перцика («Основы районной планировки», 1971; «Районная планировка. Географические аспекты», 1973), ознаменовавшие переход к новому этапу развития городов – геурбанистике.

Научный интерес к сложным и многоаспектным проблемам урбанизации определил разнообразие подходов к их изучению и управлению развитием городских систем расселения. Одним из актуальных направлений исследований в области геурбанистики в эти годы был вопрос о путях и перспективах дальнейшего развития урбанизации. Многочисленные предположения и прогнозы развития урбанизации сводились к двух основным точкам зрения. Согласно одной из них, процесс урбанизации должен завершиться деконцентрацией и дезурбанизацией. В соответствии с другой точкой зрения, в перспективе должно произойти территориальное расширение процесса урбанизации и его переход на качественно новый уровень, ориентированный на постепенное слияние города и села в ходе урбанизации сельской местности и распространения в ней городских стандартов и образа жизни.

Географические особенности и проблемы урбанизации были рассмотрены в монографических исследованиях В.В. Покшишевского («География населения СССР. Экономико-географические очерки», 1971; «Население и география», 1978), О.П.Литовки («Проблемы пространственного развития урбанизации», 1976), Ю.Л. Пивоварова («Современная урбанизация: Основные тенденции расселения», 1976), Е.Н. Перцика («География городов (геурбанистика). Исторические этапы развития городов», 1985), Г.М.Лаппо («Города на пути в будущее», 1987) и И.М.Маергойза («Географическое учение о городах», 1987). Проблемы развития урбанизации зарубежных стран проанализированы в ряде работ В.М.Гохмана, С.Б.Лаврова, И.М.Маергойза, Я.Г.Машбица, Ю.Л.Пивоварова, В.В.Покшишевского, С.А.Польского, А.Е.Слуки и В.М.Харитоновой. Рассмотрению урбанизации как глобального процесса посвятили свои исследования Г.М.Лаппо, И.М.Маергойз, Я.Г.Машбиц, Е.Н.Перцик, Ю.Л.Пивоваров и В.В.Покшишевский.

В 1960–1980-е гг. активизировались исследования в области научной систематизации городских поселений и агломераций. Основы методологии и принципы экономико-географической систематизации городских поселений были заложены трудами Н.Н. Баранского, В.Г. Давидовича и О.А. Константинова. Свое дальнейшее развитие вопросы классификации и типологии городских поселений получили в работах Н.Т. Агафонова, Н.И. Блажко, Э.В. Кнобельсдорфа, А.М. Колотиевского, Г.М. Лаппо, И.М. Маергойза, А.А. Минца, В.В. Покшишевского, Ю.Г. Саушкина, Л.Л. Трубе, Б.С. Хорева и других экономико-географов. Научные подходы к выделению и анализу развития городских агломераций наиболее глубоко и всесторонне рассмотрены в трудах Н.И. Блажко, Д.И. Богорада, В.Г. Давидовича, Г.М. Лаппо, Ф.М. Листенгурта, Н.И. Наймарка и П.М. Поляна.

В ряду отечественных исследователей географических проблем городских поселений особое место занимает Н.И. Блажко, с именем которой связаны внедрение количественных методов в экономико-географические исследования и глубокая формализация экономико-географической теории. Она внесла значительный вклад в исследование территориальных систем городских поселений. В 1965 г. Н.И. Блажко защитила докторскую

диссертацию «Экономико-географические методы исследования системы городских поселений», результаты которой были опубликованы в 1960-е гг. в ряде научных статей. В этих работах впервые были намечены многие перспективные направления использования в экономической географии формализованных системных понятий и математического моделирования экономико-географических территориальных систем, которые были реализованы ею в последующие годы. Среди оригинальных научных разработок Н.И.Блажко в области изучения географии городских поселений – методика количественного анализа связей городов, построение матричной модели города, выделение функциональных типов городских поселений. Важным вкладом в развитие теории географии в целом и географии городов в частности стало издание в 1970 г. монографии «Математико-географические методы исследования городских поселений», подготовленной в соавторстве с Ю.Р.Архиповым, А.М.Трофимовым и другими казанскими географами. В ней изложен математико-географический метод определения ступеней развития городских поселений в системе с помощью циклов и стадий взаимосвязанных и соподчиненных производств, выделяемых в производственном комплексе города. При этом для каждой такой ступени развития городских поселений, связанной друг с другом отношениями функционально-производственного соподчинения, показаны типичные выполняемые функции и людность. Этот метод, основанный на балльной оценке, оказался пригодным для использования в разных целях, в числе которых – определение уровня развитости производственного комплекса города, классификация городских поселений по ступеням развития и их типизации на математико-географической основе. Опыт системного исследования городских поселений позволил Н.И.Блажко перейти к изучению общих систем расселения. Ее научный интерес в этой области был связан с анализом динамического аспекта развития систем расселения и их структуры на основе использования матричного метода, позволившего исследовать направления перераспределения населенных пунктов из одних форм в другие.

Градоведческая тематика занимала видное место в многогранном творческом наследии выдающегося советского экономико-географа В.В.Покшишевского. Являясь одним из основоположников отечественной географии населения, В.В.Покшишевский внес большой вклад в разработку многих ее разделов и научных направлений. Он стоял у истоков создания географических основ отечественной миграциологии и историко-географического исследования процессов миграции в СССР, которые тесно связаны с вопросами расселения населения и географии городов. Покшишевскому принадлежат постановка и разработка проблемы соподчинения местных центров и роли второго города в развитии городских агломераций. В ходе работы над конкретными проектами планировки городов, он разработал методику учета природных условий в микрогеографии города, в градостроительстве и проектах районной планировки конкретных территорий. Итоги многолетних научных исследований в области географии населения и городов стала публикация фундаментального учебного пособия для высшей школы «География населения СССР. Экономико-географические очерки» (1971), монографических работ «Население и география» (1978) и «География мирового процесса урбанизации» (1981), написанная в соавторстве с Г.Н.Озеровой [45, 46, 47].

Широкую известность в СССР и за рубежом получило научное творчество одного из виднейших советских экономико-географов В.М.Гохмана. Он внес значительный вклад в разработку ряда новых направлений общественной географии и в становление геоурбанистики как нового этапа в развитии географии городов. В рамках разработанной им концепции проблемного страноведения В.М.Гохман делал упор на сопряженный анализ территориальной организации хозяйства и расселения населения. Занимаясь исследованием географической сущности и факторов процесса урбанизации, он рассматривал его как многоплановый социально-экономико-географический процесс. Много внимания в работах В.М. Гохмана уделено изучению функциональной структуры городов, выступающих в роли своеобразных фокусов роста в общей структуре социально-экономического развития и территориальных системах городов. При активном участии В.М.Гохмана, выступавшего в роли переводчика, редактора, автора предисловий и послесловий, отечественные ученые познакомились со многими классическими работами зарубежных экономико-географов и регионалистов, в том числе и в области географии городов. В числе последних – фундаментальные труды Д.Александрссона «Экономическая структура городов США» (1959) и Р. Мерфи «Американский город» (1972).

В последние годы жизни к городской проблематике вновь обратился И.М. Маергойз, изучавший географические проблемы урбанизации и промышленно-городские агломерации. В 1970-е гг. он создал свои главные труды, существенно обогатившие созданную им теорию территориальной структуры хозяйства. В качестве одной из разновидностей территориальных структур, функционирующих в выявленных им интегрально-пространственной, множественной территориально-отраслевой и питательно-распределительной формах, И.М. Маергойз предложил рассматривать опорный каркас. Часть трудов И.М. Маергойза, опирающаяся на архивные материалы и неопубликованные рукописные работы, вышла посмертно. Среди них – монография И.М. Маергойза «Географическое учение о городах» (1987), подготовленная к печати его учениками и коллегами [37]. В ней собраны воедино все ранее опубликованные и неизданные работы И.М. Маергойза по географии городов и геоурбанистике.

В 1970–1980-е гг. фундаментальными и пионерными исследованиями во многих областях общественной географии, демографии и географии населения заявил о себе Б.С.Хорев. Основными темами его научного творчества были взаимосвязанные вопросы развития городских поселений и расселения, миграции и урбанизации. Широкую известность Б.С.Хореву принесли докторская диссертация «Единая система расселения и развитие городов» и монографии, посвященные проблемам городских поселений и территориальной организации общества [56, 57, 58, 59]. В этих фундаментальных работах нашли отражение основные положения теории расселения и геоурбанистики, концепции единой системы расселения и опорного каркаса расселения. При этом следует особо отметить большой личный вклад Б.С. Хорева в теоретическую разработку концепции единой системы расселения и обоснование семичленной иерархии населенных пунктов России.

На урбанистическом этапе географического изучения городов дальнейшее развитие получили теория и практика расселения населения. Большой вклад в разработку теории расселения внесли экономико-географы Г.А.Гольц, В.Г.Давидович, Ж.А.Зайончковская, С.А.Ковалев, Г.М.Лаппо, Ф.М.Листенгурт, В.В.Покшишевский и Б.С.Хорев. В эти годы, наряду со специализированными исследованиями отдельных сторон развития и функционирования городов и их территориальных групп, стали появляться комплексные научные разработки, выполненные на стыке геоурбанистики, градостроительства и геопланировки. К их числу следует отнести работы В.Н. Белоусова, Э.И. Вайнберг, В.В. Владимирова, Г.А. Гольца, А.Э. Гутнова, А.В. Кочеткова, О.К. Кудрявцева, Г.М. Лаппо, Е.Е. Лейзеровича, Ф.М. Листенгурта, В.Я. Любовного, Н.И. Наймарка, В.И. Нудельмана, Е.Н. Перцика, И.А. Портянского, И.М. Смоляра, Г.Н. Фоминой, Д.Г. Ходжаева, Е.С. Щацило и З.Н. Яргиной. Опираясь на эти исследования, с первой половины 1970-х гг. началась разработка генеральных схем (концепций) развития и расселения на уровне страны, союзных республик, основных экономических районов и макроэкономических регионов, что способствовало более комплексному размещению производительных сил и совершенствованию формирующихся систем расселения страны.

Вступление географии городов на качественно новый этап развития потребовало дальнейшего совершенствования методологии и разработки концептуальных основ геоурбанистики. Оформлению научной методологии геоурбанистики способствовали разработанные отечественными учеными концепции групповых систем населенных мест (ГСНМ), опорного каркаса расселения (ОКР), Единой системы расселения (ЕСР), «поляризованного ландшафта», «Центр – периферия», а также во многом заимствованные из-за рубежа стадийные концепции расселения, агломерационные концепции и системные подходы. В этих концепциях нашли отражение сложившиеся к тому времени научные представления о расселении и путях его развития от сетей городских и сельских поселений к их территориальным группам, представленных преимущественно городскими формами – агломерациями, урбанизированными районами и групповыми системами расселения.

Концепция групповых систем населенных мест была предложена В.Г.Давидовичем в конце 1950-х гг. В качестве групповых систем расселения он рассматривал взаимосвязанные городские поселения и сельские населенные пункты различных категорий людности и разного профиля, объединенные территориально-производственными связями и использованием общей инфраструктуры. В известной работе В.Г.Давидовича «Расселение в промышленных узлах СССР» были выделены несколько типичных групповых форм расселения и сделан основной вывод о формировании групповых систем как закономерном результате концентрации общественного производства и основном направлении развития сети поселений и систем расселения [13]. В пользу закономерного и целенаправленного формирования групповых систем расселения высказывались известные отечественные экономико-географы, экономисты, специалисты в области градостроительства и районной планировки. В последующие годы концепция групповых систем населенных мест разрабатывалась Ю.Л.Пивоваровым [44], Е.Е. Лейзеровичем [36], Д.Г.Ходжаевым [55], А.В.Кочетковым и Ф.М.Листенгуртом [25, 26, 55] и другими учеными, которые считали процесс формирования групповых форм расселения во многом неизбежным и необратимым. Концепция групповых систем населенных мест получила широкое использование в отечественной практике градостроительного проектирования в 1970–1980-е гг.

Идея опорного каркаса территории, выдвинутая в 1946 г. Н.Н.Баранским, состояла в необходимости выделения и преимущественного развития в качестве опорных узлов больших городов и связывающих их транспортных магистралей [5]. В известной степени идея опорного каркаса опиралась на теорию центральных мест В.Кристаллера и явилась развитием положений разработанной И.М.Маергойзом теории территориальной структуры хозяйства. Впервые термин «опорный каркас расселения» был предложен и введен в научный оборот Б.С.Хоревым, который рассматривал его как важную составную часть разработанной им концепции единой системы расселения [1971]. Между тем, свое первоначальное научное воплощение концепция опорного каркаса расселения получила в статьях Г.М.Лаппо, в которых было дано представление об опорном каркасе как одной из разновидностей территориальной структуры народного хозяйства и эффективной форме территориальной организации производства и расселения [32, 33]. Дальнейшая разработка географических основ концепции опорного каркаса расселения принадлежит П.М.Поляну. В 1988 г. он опубликовал монографию «Методика выделения опорного каркаса расселения». В ней представлены методика выделения городских агломера-

ций, обоснованы критерии города-ядра и способы определения границ распространения пригородной зоны поселений-спутников [48]. Важный вклад в разработку каркасного подхода внесли архитекторы и градостроители В.В. Владимиров, А.Э. Гутнов, О.К. Кудрявцев и В.И. Нудельман. С географической точки зрения наибольший интерес представляют исследования архитектора-градостроителя О.К. Кудрявцева, в работах которого раскрыт архитектурно-планировочный аспект понятия каркаса расселения, определены сущность и особенности опорного расселения страны и мира, намечены пути практического использования концепции опорного каркаса расселения в практике градостроительства и территориальном проектировании [27, 28].

Концепция единой системы расселения была выдвинута в 1960-е гг. и получила практическую реализацию на региональном уровне. Однако основная заслуга в ее научной разработке и перенесении с регионального уровня на уровень страны принадлежит Б.С.Хореву. Определенный вклад в развитие этой концепции внесли также Э.Б.Алаев («Методологические принципы формирования единой системы расселения СССР», 1974; «Концепция единой системы расселения и проблемы окружающей среды», 1977) и Д.Г.Ходжаев («Концепция единой системы расселения и плановое регулирование роста городов в СССР», 1971), опубликовавшие несколько статей на эту тему в соавторстве с Б.С.Хоревым. Важнейшие положения концепции единой системы расселения были реализованы при составлении Генеральных схем расселения населения страны.

Существенным вкладом в развитие отечественной теории геурбанистики и практическое решение проблем урбанизации стала концепция поляризованного ландшафта, выдвинутая в 1970 г. Б.Б.Родоманом. Предложенная им конструкция идеального поляризованного ландшафта предполагает гармоничное сосуществование трех обособленных сетевых пространств (повседневно-утилитарный; дикая и полудикая природа; пространство для рекреации). Данная концепция представляет собой модель территориальной увязки разных отраслей хозяйства и объединения систем с разными принципами функционирования на основе функционального зонирования территории [49]. Одним из важнейших следствий концепции поляризованного ландшафта является вывод о нецелесообразности стремления к более равномерному размещению хозяйства и расселения населения.

Основные положения концепции «Центр – периферия» раскрыты в монографии О.В. Грицай, Г.В. Иоффе и А.И.Трейвиша «Центр и периферия в региональном развитии» [11]. Отдельные аспекты этой концепции рассмотрены в работах С.С. Артоболевского, Г.В. Иоффе и Т.Г. Нефедовой. Сложные и многогранные отношения центра с периферийными территориями приобрели особую актуальность на современном этапе реформирования системы государственной власти и управления, особенностью которой является децентрализация власти и хозяйственной жизни, вызванная смещением центра тяжести принятия решений с федерального уровня власти на уровень региона – субъекта Российской Федерации – и базовый уровень местного самоуправления (муниципальный район, городской округ).

В 1970–1980-е гг. на смену традиционных (линейных) концепций расселения пришли стадийные концепции, основанные на идеях Дж. Джиббса о циклическом (поэтапном) характере эволюции расселения, который выделил пять основных стадий урбанизации. В соответствии с положениями стадийных концепций управление развитием сети городских поселений должно осуществляться путем их саморегуляции и с учетом анализа закономерностей циклического развития урбанизации. Принципиальные отличия линейных и стадийных концепций расселения по ряду сопоставимых параметров рассмотрены в статье Т. Коммель «Стадийная концепция урбанизации: методология и методы анализа» [22]. В русле стадийных концепций находится выдвинутая Ж.А.Зайончковской концепция эволюции расселения, представляющая собой попытку комплексного анализа расселения с учетом взаимодействия городской и сельской сети поселений. В соответствии с тремя основными стадиями модернизации общества (аграрная, индустриальная, постиндустриальная) она выделила аграрный, урбанизированный и интегрированный этапы эволюции расселения. Стадийный подход к управлению расселением нашел адекватное отражение в работах Г.В. Иоффе, который соединил теоретические разработки сторонников традиционных и стадийных подходов к изучению динамики систем расселения. С учетом сложившихся форм и динамики поселенческих систем Г.В. Иоффе выделил равномерное, очаговое и агломерационное расселение. В свою очередь, агломерационное расселение также проходит стадии роста ядер за счет депопуляции межагломерационных пространств, территориального расширения агломераций при ускоренном росте населения в периферийной зоне и деконцентрации населения в связи с ускоренным развитием поселений малых групп людности и стагнацией ядер [18].

В 1970–1980-е гг. одним из основных объектов геурбанистики стали городские агломерации, ставшие одной из ведущих тенденций в развитии расселения страны. Исследование городских агломераций велось в нескольких научно-исследовательских и проектных институтах географического и градостроительного профиля, по разным направлениям и методикам. Различные аспекты формирования и функционирования городских агломераций рассматривались в работах Н.И. Блажко, Д.И. Богорада, В.Г. Давидовича, Г.А. Гольца, Г.М. Лаппо, Ф.М. Листенгурт, В.Я. Любовного, В.В. Покшишевского, П.М. Поляна и Б.С. Хорева. Городские агломерации как закономерный результат формирования расселения представляет собой одну из высших ста-

дий его развития. Выступая важнейшим средством регулирования роста больших городов, агломерационный подход стал одним из ведущих в градостроительной практике. Между тем, оценка агломераций и их роли в перспективном расселении страны не всегда однозначно положительная. Последовательным критиком использования агломерационных концепций и подходов, которые исходят из приоритета преимущественно экстенсивного развития крупнейших городов за счет практически неограниченной концентрации в них производства и населения, выступал известный российский экономико-географ Н.Т. Агафонов. По его мнению, ошибочный и неконструктивный характер агломерационных подходов был осмыслен не сразу, а отрицательные последствия их реализации в условиях нашей страны вряд ли будут полностью устранены в ближайшие годы [1].

Усложнение проблем и задач геоурбанистики потребовало освоения и внедрения более современных и эффективных подходов и методов исследования. Одним из первых в этом направлении начал работать Ю.В. Медведков. На рубеже 1980–1990-х гг. обозначились новые направления и аспекты изучения городов, которые были реализованы в последующие годы. Работами Ю.В. Медведкова («Человек и городская среда», 1978), В.В. Владимирова («Расселение и городская среда», 1982), О.П. Литовки («Город как среда обитания», 1982), О.Н. Яницкого («Экология города. Зарубежные междисциплинарные концепции», 1984; «Экологическая перспектива большого города», 1987), Н.Б. Барбаш («Методика изучения территориальной дифференциации городской среды», 1986), С.Б. Чистяковой («Охрана окружающей среды», 1988), В.Л. Глазычева («Социально-экологическая интерпретация городской среды», 1989), Е.Н. Перцика («Среда человека: предвидимое будущее», 1990), З.Н. Яргиной («Эстетика города», 1990) было положено начало всестороннему изучению городской среды и экологических проблем городского расселения.

Конструктивно-преобразовательный этап. Необходимость выделения конструктивно-преобразовательного этапа географического изучения городов, начавшегося на рубеже 1980–1990-х гг. и продолжающегося до настоящего времени, обусловлена завершением преобразования географии городов в геоурбанистику и оформлением в ее составе урбоэкологического направления, усилением внимания к вопросам устойчивого развития городов, создания научных основ городской и градостроительной политики. Конструктивно-преобразовательный этап связан с использованием новых методологических подходов, рассматривающих городские поселения и городскую систему расселения как объект управления и саморазвивающуюся систему.

Последнее десятилетие XX в. стало временем появления обобщающих работ по геоурбанистике, выполненных Е.Н. Перциком («Геоурбанистика (география городов)», 1991), Г.М. Лаппо («География городов», 1997) и Ю.Л. Пивоваровым («Основы геоурбанистики: Урбанизация и городские системы», 1999). Особое место среди фундаментальных трудов по географии городов заняла энциклопедия «Города России», изданная в 1994 г. Большой Российской энциклопедией под редакцией Г.М. Лаппо. Публикация этой многоплановой и масштабной работы стала своеобразным итогом историко-географического изучения российских городов в советский период истории [9].

На протяжении последних четырех десятилетий одним из лидеров современной российской геоурбанистики является Г.М. Лаппо. Являясь учеником Н.Н. Баранского, И.М. Маергойза и Ю.Г. Саушкина, Г.М. Лаппо продолжил и существенно углубил с исторических, системных и комплексных позиций заложенные в их трудах отечественные традиции географического изучения городов, взаимосвязей между расселением и хозяйством. Особое место в научном творчестве Г.М. Лаппо занимает разработка концепций городских агломераций и опорного каркаса расселения. Он внес существенный вклад в решение вопросов делимитации и анализа опорных каркасов расселения разного уровня и его узловых и линейных элементов. В многогранном творческом наследии ученого представлены научные монографии, статьи и препринты докладов, учебники и учебные пособия, существенно обогатившие геоурбанистику и общественную географию. Многочисленные научно-публицистические статьи Г.М. Лаппо об исторических и современных российских городах способствовали развитию особого жанра «литературной геоурбанистики».

Признанным авторитетом среди отечественных географов-градovedов пользуется университетская школа геоурбанистики, создателем которой является Е.Н. Перцик – ученый с мировым именем, получивший известность одновременно как исследователь проблем геоурбанистики России, закономерностей географии мировой урбанизации и особенностей урбанизационного процесса в зарубежных странах, разработчик проектов районной планировки, консультант и эксперт градостроительных проектов, преподаватель оригинальных университетских курсов, автор учебников и учебных пособий по географии городов и районной планировке. Его многогранное научное творчество охватывает широкий круг взаимосвязанных вопросов теории геоурбанистики и геопланировки, практики градостроительства и районной планировки. В монографических работах Е.Н. Перцика раскрыты сущность и образы городов, закономерности и особенности формирующих их процессов, исторический подход в изучении городов и феномен урбанизации как глобальное явление, урбанистическая картина мира во временном (с древних времен до наших дней) и пространственном (весь земной шар, крупные регионы и страны мира) аспектах. Опираясь на труды основоположников отечественной геогра-

фии городов, Е.Н. Перцик обогатил ее новыми направлениями и достижениями, способствуя перерастанию географии городов в геурбанистику.

Принципиальные изменения в геодемографической обстановке и геурбанистической ситуации, которые произошли в России в 1990-е гг., обусловили смену характера и тенденций формирования городского населения, сети городских поселений и систем городского расселения населения. С распадом СССР перестала существовать единая система территориальной организации государства, планирования и градостроительного проектирования. Вместе с тем, основные положения Генеральной схемы расселения на территории РСФСР, разработанные на основе Генеральной схемы расселения на территории СССР, во многом не потеряли своего значения и были учтены в новой Генеральной схеме расселения на территории Российской Федерации, утвержденной на уровне федерального правительства в 1994–1997 гг. В этом стратегическом документе сформулированы основные положения государственной градостроительной политики, направленной на дальнейшее совершенствование расселенческого пространства страны и градостроительного (городского) развития с учетом территориально-планировочных, экологических, правовых и социально-экономических аспектов. Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации призвана стать основой и регулятором взаимодействия федеральных органов государственной власти, местных органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по обеспечению их взаимодействия в области совершенствования расселения на различных таксономических уровнях функционирования систем поселений.

Особенностью конструктивно-преобразовательного этапа географического изучения городов является повышение роли районной планировки, ставшей ведущей областью территориального проектирования и прикладной сферой геурбанистики. Экономико-географам и геурбанистам принадлежит ведущая роль в проектировании схем расселения и районных планировок, а также генеральных планов городов, которые в новых условиях могут быть преобразованы в качественно новые типы проектов – в программы открытого, перманентного и стратегического типа. Значение районной планировки возрастает при решении практических задач, связанных с использованием природно-ресурсного потенциала территории и обоснованием стратегических направлений развития расселения как основы городской и градостроительной политики в стране. В последние 10-15 лет появились новые монографии комплексного характера, выполненные на стыке геурбанистики, градостроительства и районной планировки В.В. Владимировым и И.А. Фоминым («Основы районной планировки», 1995), В.В. Владимировым («Районная планировка, расселение и окружающая среда», 1999), И. Браде, Е.Н. Перциком и Д.С. Питерским («Районная планировка и разработка схем расселения: опыт и перспективы», 2000), И.М. Смоляром («Градостроительное планирование как система: прогнозирование – программирование – проектирование», 2001) и Е.Н. Перциком («Районная планировка (территориальное планирование)», 2006).

Отличительной чертой конструктивно-преобразовательного этапа развития геурбанистики становится экологический императив в исследовании городских проблем. В ряде монографических работ последних лет В.В.Владимирова («Расселение и экология», 1996), Г.С.Камериловой («Урбоэкология: научное направление и учебная дисциплина», 2000), Я.Я. Яндыганова и Е.Я. Власовой («Экология города (проблемы и решения)», 2002), а также в отдельных научных статьях В.П. Алексеева, Т.И. Алексеевой, Е.С. Годиной, В.П. Казначеева, Е.М. Микулиной, Н.Ф. Реймерса и З.Н. Яргиной содержатся научные обоснования необходимости обособления и концептуальные положения нового направления в урбанистике – урбоэкологии (экологии города). В свою очередь, урбоэкология становится одним из ключевых элементов развиваемой в последние годы концепции устойчивого развития города.

Переход от плановой к рыночной модели экономики вызвал объективную необходимость активизации научных исследований в области городского планирования и управления, направленных на создание основ и механизмов городского управления. При этом должны быть задействованы федеральный, региональный и городской уровни обеспечения управляемости городов и городского права. Повышение управляемости и устойчивого развития городов в переходный период должно обеспечить умелое сочетание отечественного опыта городского управления с зарубежным опытом управления городом как адаптивно-адаптирующейся системы. Особенности взаимодействия органов местного самоуправления и государственной власти с местной экономикой в условиях рыночной экономики связаны с самоорганизацией экономики, дополняемой элементами государственного регулирования в форме экономической политики. В условиях переходного периода ведущим методом городского планирования должно стать сочетание комплексного социально-экономического планирования городов с основными методами регулирования местной экономики на основе стратегического планирования и маркетинга города, имеющих общие корни в методах предпринимательства. В условиях коренных социально-экономических преобразований, предполагающих адаптацию структуры города к требованиям рыночной экономики, стратегическое планирование выступает как средство объединения усилий частного и общественного секторов в консолидации усилий городской администрации и органов местного управления в решении проблем трансформации городского хозяйства и занятости населения, эффективности использова-

ния городского пространства и других перспективных целей развития города. Основой городского маркетинга должна стать разносторонняя деятельность по созданию и улучшению репутации и имиджа города, направленная на повышение его конкурентноспособности. В эти годы существенный вклад в создание основ городского управления в нашей стране внесли научные разработки А.М. Лолы по методологии и процедурам подготовки и реализации стратегической программы развития крупнейших и крупных городов России. В работах А.С.Эпштейна рассматриваются основные типы управленческих задач при обосновании стратегии градостроительного развития города и создании механизмов ее реализации, а также вопросы взаимодействия экономического, экономико-географического и градостроительного прогнозирования.

Одной из актуальных задач современного этапа развития отечественной геурбанистики становится научная разработка основ городской политики в России. Свой вклад в решение этой сложной задачи вносят экономико-географы, экономисты, социологи и философы. Основы городской политики в России последовательно и всесторонне раскрыты в работах Е.Н. Перцика [41, 43], Г.М. Лаппо [29, 30], Б.С. Жихаревича [14], Е.Г. Анимиды, Н.Ю. Власовой, Я.П. Силина [3], Л.Б. Когана [21] и Я.П. Силина [53]. Важнейшим требованием конструктивно-преобразовательного этапа географического изучения городов является необходимость разработки и последовательного проведения эффективной городской политики, направленной на обоснование путей решения проблем городских поселений с учетом объективных закономерностей их развития и саморазвития, создание в них подлинной городской среды и дальнейшее повышение роли городов в территориальной организации жизни общества. Необходимым условием проведения эффективной городской политики является согласование локальных, региональных и государственных интересов. При этом она должна способствовать обеспечению рационального использования и сочетания потенциала городов различных групп, классов и типов, формированию в них благоприятной среды обитания и экологического благополучия, условий и качества жизни городского населения.

Отличительной особенностью конструктивно-преобразовательного этапа развития геурбанистики стало появление градоведческих работ, в которых предпринята попытка конструирования науки о городах как особой междисциплинарной научной и учебной дисциплины, основанной на достижениях ряда смежных наук. К числу таких работ следует отнести публикации А.П. Обедкова [8, 38], В.С. Занадворова и А.В. Занадворовой [16], Е.Г. Анимиды и Н.Ю. Власовой [2].

Заключение. В дореволюционный период российской истории процесс географического изучения городов отличался крайней неравномерностью. Это нашло отражение в появлении весьма узкого круга авторов и редких научных публикаций, непосредственно посвященных географии городов. Однако уже в первые десятилетия советского времени круг исследователей проблем географии городов существенно расширился, а публикации в этой области стали более регулярными и разносторонними. В послевоенные десятилетия городская проблематика стала доступной для научного освоения широким кругом исследователей географических аспектов развития и функционирования городов. Массовый характер публикаций о городах и их территориальных группах, пространственных формах городского расселения и процессе урбанизации способствовал превращению географического изучения городов в доминирующую тему социально-экономико-географических исследований последних десятилетий советского и постсоветского времени.

На каждом этапе географического изучения городов, за исключением латентного этапа, можно выделить ведущих исследователей, сыгравших ключевую роль в познании сущности фундаментальных свойств города и эволюции сети городских поселений России. Ключевыми фигурами описательно-познавательного этапа являются К.И. Арсеньев и П.П. Семенов-Тян-Шанский, переходного этапа – Н.Н. Баранский, О.А. Константинов, интерпретативно-прогностического этапа – Н.Н. Баранский, Н.И. Блажко, Д.И. Богорад, В.М. Гохман, В.Г. Давидович, Л.Е. Иофа, Р.М. Кабо, О.А. Константинов, О.К. Кудрявцев, Г.М. Лаппо, Ф.М. Листенбург, О.П. Литовка, Н.И. Ляликов, И.М. Маергойз, Ю.В. Медведков, Е.Н. Перцик, Ю.Л. Пивоваров, В.В. Покшишевский, П.М. Полян, Ю.Г. Саушкин, Б.С. Хорев, конструктивно-преобразовательного этапа – В.В. Владимиров, Г.М. Лаппо, Е.Н. Перцик, Ю.Л. Пивоваров.

Таким образом, в течение всего времени существования географии городов как самостоятельной научной дисциплины в отечественной общественной географии сложилась научная школа геурбанистики, связанная с географическим изучением городских поселений, городского расселения и процесса урбанизации. Основной вклад в ее становление и развитие внесли К.И. Арсеньев, Н.Н. Баранский, В.Г. Давидович, Р.М. Кабо, О.А. Константинов, Г.М. Лаппо, И.М. Маергойз, Е.Н. Перцик, В.В. Покшишевский, В.П. Семенов-Тян-Шанский и Б.С. Хорев. Современные ученые-градоведы во многом приблизились к необходимости создания общенаучного учения о городе, опирающегося на базовые идеи признанных учений, теорий и концепций географии населения и геурбанистики, социально-экономической географии и районной планировки, экономики и экологии города с достижениями прикладной урбанистики, полученными в рамках градостроительного планирования.

Литература и источники

1. Агафонов Н.Т. Русское географическое общество и социально-экономическая география // Русское географическое общество. 150 лет. – М.: АО «Прогресс», 1995. – С. 290–320.
2. Анимациа Е.Г., Власова Н.Ю. Градоведение. 2-е изд. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. экон. ун-та, 2006.
3. Анимациа Е.Г., Власова Н.Ю., Силян Я.П. Городская политика: теория, методология, практика. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2001.
4. Арсеньев К.И. Гидрографическо-статистическое описание городов Российской империи с показанием всех перемен, происшедших в составе и числе оных в течение двух веков от начала XVII столетия и донныне. – СПб.: Журнал Министерства внутренних дел, 1832. – Ч. VI. – № 2. – С. 9–30; – № 3. – С. 5–28; – № 4. – С. 1–25; – № 5. – С. 1–27; – Ч. VII. – № 7. – С. 1–48; – № 9. – С. 1–40; – 1834. – Ч. XII. – № 4. – С. 1–43; – № 5. – С. 129–190.
5. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // Экономическая география. Экономическая картография. – М.: Географгиз, 1960. – С. 172–220.
6. Вальская Б.А. Николай Алексеевич Миллютин (1818–1872) // Отечественные экономикогеографы. – М., 1957. – С. 176–181.
7. Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири (Историко-географический очерк). – Иркутск: Иркутское кн. изд-во, 1959.
8. Геурбанистика. Материалы к спецкурсу / Автор-сост. А.П.Обедков. 3-е изд. – Сыктывкар: КРИО и ПК, 2006 (2003, 2004).
9. Города России: Энциклопедия / Гл. ред. Г.М. Лаппо. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994.
10. Гольц Г.А. Транспорт и расселение. – М.: Наука, 1981.
11. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Тревиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991.
12. Давидович В.Г. Планировка городов и районов. Инженерно-экономические основы. – М.; Л.: Изд-во Минкомхоза РСФСР, 1947.
13. Давидович В.Г. Расселение в промышленных узлах СССР. – М.: Госстройиздат, 1960.
14. Жихаревич Б.С. Современная экономическая политика городских и региональных властей. – СПб.: ИСЭП РАН, 1995.
15. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселения. – М.: Наука, 1991.
16. Занадворов В.С., Занадворова А.В. Экономика города. Вводный курс: Учебное пособие. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2003.
17. Иофа Л.Е. Города Урала: Ч. I. Феодалный период. – М.: Географгиз, 1951.
18. Иоффе Г.В. Управление расселением: возможности и ограничения // Методы изучения расселения. – М.: ИГ АН СССР, 1987. – С. 181–195.
19. Кабо Р.М. Города Западной Сибири. Очерки историко-географической географии (XVII – первая половина XIX в.). – М.: Географгиз, 1949.
20. Катровский А.П. Василий Андроссов: страницы жизни и деятельности // Урбанизация в условиях трансформации социально-экономической структуры общества. – Смоленск: Универсум, 2003. – С. 3–4.
21. Коган Л.Б. Города и политика: российские уроки. – М.: Ин-т муниципального управления, 2003.
22. Коммель Т. Стадиальная концепция урбанизации: методология и методы анализа // Методы изучения расселения. – М.: ИГ АН СССР, 1987. – С. 82–100.
23. Константинов О.А. Опыт выявления районов расселения СССР // География населения и населенных пунктов СССР. – Л.: Наука, 1967. – С. 5–68.
24. Константинов О.А. Районирование расселения СССР. Научные проблемы географии населения. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. – С. 48–70.
25. Кочетков А.В., Листенгургт Ф.М. Расселение в СССР (Проблемы и решения). – М.: Знание, 1981.
26. Кочетков А.В., Листенгургт Ф.М. Системный подход к прогнозированию развития сети населенных мест. – М., 1974.
27. Кудрявцев О.К. Каркас расселения в СССР: генезис и форма // Известия АН СССР. Серия географическая. – 1981. – № 2. – С. 12–22.
28. Кудрявцев О.К. Расселение и планировочная структура крупных городов-агломераций. – М., 1985.
29. Лаппо Г.М. Географические основы городской политики в России // Известия РАН. Серия географическая. – 1992. – № 3. – С. 100–116.
30. Лаппо Г.М. География городов. – М.: Владос, 1997.
31. Лаппо Г.М. География городов с основами градостроительства. – М.: Изд-во МГУ, 1969.
32. Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства // Известия АН СССР. Серия географическая. – 1983. – № 5. – С. 16–28.
33. Лаппо Г.М. Опорный каркас территориальной структуры народного хозяйства // Территориальная организация производительных сил СССР. – М., 1978. – С. 3–25.
34. Лаппо Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. – М.: Наука, 1978.
35. Лаппо Г.М. Становление и развитие исследований проблем городских агломераций в СССР // Динамика расселения в СССР: Вопросы географии. Сб. 129. – М., 1986. – С. 119–130.
36. Лейзерович Е.Е. Локальные системы расселения и экономическое микрорайонирование // Динамика расселения в СССР: Вопросы географии. Сб. 129. – М., 1986. – С. 69–76.
37. Маергойз И.М. Географическое учение о городах. – М.: Наука, 1987.

38. Обедков А.П. Содержание геоурбанистики и перспективы ее развития как научной и учебной дисциплины // Территориальная организация общества: Сборник научных статей. – Смоленск: Изд-во СГУ, 2007. – С. 79–84.
39. Перцик Е.Н. К.И. Арсеньев и его работы по районированию России. – М.: Географгиз, 1960.
40. Перцик Е.Н. География городов (геоурбанистика). Исторические этапы развития городов. – М.: Изд-во МГУ, 1985.
41. Перцик Е.Н. Геоурбанистика (география городов). – М.: Высшая школа, 1991.
42. Перцик Е.Н. К истокам отечественной урбанистики: становление и развитие основных идей // Урбанизация в условиях трансформации социально-экономической структуры общества. – Смоленск: Универсум, 2003. – С. 5–12.
43. Перцик Е.Н. Районная планировка (территориальное планирование). – М.: Гардарики, 2006.
44. Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация: Основные тенденции расселения. – М.: Статистика, 1976.
45. Покшишевский В.В. География населения СССР. – М.: Просвещение, 1971.
46. Покшишевский В.В. Население и география. – М.: Мысль, 1978.
47. Покшишевский В.В., Озерова Г.Н. География мирового процесса урбанизации. – М.: Просвещение, 1981.
48. Полян П.М. Методика выделения опорного каркаса расселения. – М., 1988. – Ч. 1-2.
49. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. – Смоленск: Ойкумена, 1999.
50. Саушкин Ю.Г. Об изучении системы городов Советского Союза // Вестник Моск. ун-та. Серия География. – 1960. – № 1. – С. 23–30.
51. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России: Очерк по экономической географии // Записки Русского императорского Географического общества по отделению статистики. – СПб., 1910. – Т. 10. – Вып. 2.
52. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. – М.; Л.: Госиздат, 1928.
53. Силин Я.П. Городская политика: проблемы формирования и развития. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. экон. ун-та, 2005.
54. Спидченко К.И. Города Кузбасса. Экономико-географический очерк. – М., 1947.
55. Ходжаев Д.Г., Кочетков А.В., Листенгурт Ф.М. Система расселения в СССР. Вопросы комплексного планирования. – М.: Экономика, 1977.
56. Хорев Б.С. Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение) – М., 1968.
57. Хорев Б.С. Проблемы городов (экономико-географическое исследование городского расселения в СССР). – М.: Мысль, 1971.
58. Хорев Б.С. Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР). 2-е изд. – М.: Мысль, 1975.
59. Хорев Б.С. Территориальная организация общества (актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). – М.: Мысль, 1981.
60. Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие: Книга для учителя / Сост. Т.Е.Губанова. 2-е изд., переработанное. – М.: Просвещение, 1987.

Коми АССР в годы Великой Отечественной войны: демографический фактор в развитии стратегических отраслей промышленности

На протяжении Второй мировой, а для СССР Великой Отечественной войны, Коми АССР (с 1992 г. – Республика Коми) в экономическом и демографическом плане являлась одним из специфических районов. Опыт тыловой республики интересен в связи с тем, что здесь наряду с коренным населением (народ коми, относящийся к финно-угорской группе) в период 1930–1950-х гг. проживали спецпереселенцы и заключенные системы ГУЛАГа НКВД-МВД СССР, эвакуированные граждане, трудовой потенциал которых был задействован в стратегически важных отраслях топливно-энергетической и лесозаготовительной промышленности региона.

К началу Великой Отечественной войны Коми АССР представляла собой быстро развивающийся регион страны. Она занимала свыше 400 тыс. кв. км на Европейском Северо-Востоке СССР. По переписи 1939 г. численность населения республики составляла 322,9 тыс. чел., из которых на долю городского населения приходилось 9, сельского – 91%. С учетом численности контингента, прошедшего спецперепись по линии НКВД (спецпереселенцы и заключенные), численность населения республики составляла 412,4 тыс. чел. [1]. В административно-территориальном отношении было 15 сельских районов, 146 сельских Советов, два поселка городского типа, один город – Сыктывкар, являвшийся столицей республики.

По состоянию на 1 января 1945 г. численность наличного населения республики составила 277,2 тыс. чел., из них городского населения – 76,8 тыс., сельского – 200,4 тыс., в качестве временно проживающих было зарегистрировано 14,3 тыс., в том числе 2,3 тыс. – эвакуированные. С 1941 по 1945 г. абсолютная численность населения республики сократилась на 64,9 тыс. чел. (19%). Снижение общей численности населения произошло за счет уменьшения численности сельского населения. Удельный вес сельских жителей в составе населения республики сократился с 88,9% в 1941 г. до 72,3 к 1945 г. Сельское население, состоявшее в абсолютном большинстве из представителей коренного этноса, сократилось на 103,7 тыс. чел. (более чем на 30%). К концу войны численность сельских жителей уменьшилась во всех районах. Городское население за годы войны выросло в два раза, главным образом, за счет присвоения городского статуса бывшим поселкам Воркуте и Ухте, появлению новых рабочих поселков. Период 1941–1945 гг. характеризуется определенными демографическими изменениями, в результате которых процессы народонаселения складывались неоднозначно и сопровождались ростом и снижением численности. Несмотря на массовую воинскую мобилизацию, по данным исследователя Н.П. Безносовой, в течение 1941 г. в Коми АССР произошло значительное увеличение численности населения. К 1942 г. оно составило 380,3 тыс. чел. Одной из причин исследователем названы погрешности в текущем учете населения, принимавшем в первый военный год отсутствующее население как наличное. Кроме того, с началом военных действий начинался приток населения из-за пределов республики – эвакуированных и новых партий спецпереселенцев [2].

Первые эвакуированные с районов боевых действий граждан СССР в Коми стали прибывать уже в июле 1941 г. На 28 августа по республике было зарегистрировано 114 семей [3]. Через полтора месяца по подсчетам на 7 октября количество прибывших семей возросло и насчитывалось уже 536 или 1411 чел., из них 482 муж. (в том числе в возрасте от 16 до 54 лет, т. е. трудоспособного, а также призывного возраста 157 чел.), 926 жен. (в том числе в возрасте от 16 до 54 лет 622 чел.), детей в возрасте от 7 до 16 лет – 253 чел. и 328 малолетних детей [4]. В Коми АССР были эвакуированы граждане в основном из Карело-Финской ССР – 4967 чел., г. Ленинграда и Ленинградской области – 1888, г. Москвы и Московской области – 546, Мурманской области – 231, Прибалтики – 64, Белорусской, Украинской и Молдавской ССР – 271, Калининской и Смоленской областей – 163, Тульской, Орловской, Курской, Воронежской, Ростовской, Сталинградской, Крымской областей, Кубани и Северного Кавказа – 100 чел., с Дальнего Востока – 12 чел. [5].

К 1 марта 1942 г. в Коми АССР прибыло 8718 эвакуированных [6]. По состоянию на 1 апреля 1943 г. число размещенных в пределах республики эвакуированных граждан сократилось, так как было зарегистрировано 8242 чел. (889 муж., 3815 жен., 3538 детей). Сокращение численности эвакуированных объясняется рядом причин. Среди факторов были мобилизации на фронт эвакуированных граждан призывного возраста и, согласно постановления ГКО № 11210 от 10 января 1942 г., осуществление обратного выезда мужчин без членов семейств на восстановление разрушенных территорий, а именно рабочих и служащих, эвакуированных из Москвы [7].

*Боле Елена Николаевна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

В период с 1941 по 1945 г. наблюдались определенные демографические изменения. Все годы войны в Коми АССР сохранялся механический прирост населения [8]. Так, за первое полугодие 1942 г. из Коми АССР выбыли 6738 чел., и вместе с тем, за это же время прибыли 8599 чел. Таким образом, механический прирост составил 1861 чел., в данное число входили и эвакуированные [9]. Но в сравнении с восточными районами страны прибытие в Коми АССР населения из прифронтовой полосы не было массовым. Например, во втором полугодии 1941 г. за счет прибытия эвакуированных число жителей Казани выросло с 401 тыс. чел. до 515 тыс., Куйбышева – с 390 тыс. до 529 тыс., Свердловска – с 425 тыс. до 544 тыс., Омска – с 281 тыс. до 400 тыс., Ташкента – с 585 тыс. до 660 тыс. чел., а в 1942 г. население этих и других городов еще более увеличилось, а в некоторых из них удвоилось [10]. С 1944 г. началась постепенная реэвакуация населения к местам прежнего жительства. На 1 января 1945 г. в качестве временно проживающих в Коми АССР были зарегистрированы 14296 чел., в том числе эвакуированных – 2251 [11].

Великая Отечественная война стала крупнейшей в истории СССР демографической катастрофой и оказала разрушительное влияние на демографическое развитие как на регионы, непосредственно находившиеся в зоне военных действий и оккупации, но и нанесла непоправимый ущерб населению даже тыловых районов. К факторам, определившим демографические перемены в это время, относится и мобилизационный, вызвавший деформацию возрастнополового состава сельского населения. По мнению Н.П. Безносовой, к окончанию войны удельный вес мужчин в деревнях Коми АССР упал до 35,4%, наибольшему сокращению подверглось мужское сельское население трудоспособного (он же мобилизационный) возраста. Также отмечается деформация естественного прироста – как за счет снижения рождаемости из-за вынужденного бесплодия женщин, обусловленного уходом мужчин на фронт, так и в результате повышенной смертности населения. Исследователь Н.П. Безносова отмечает, что в 1942 г. вследствие отрыва семейно-брачных отношений, вызванных мобилизацией мужского населения в действующую армию, значительно сокращается рождаемость. На фоне снижения рождаемости резко возрастает смертность населения, вызванная тяготами военного времени. С 1942 г. начинается естественная убыль населения, продолжавшаяся до 1944 г., а в сельской местности она сохранялась и в 1945 г. [12].

В то же время в годы войны в республике возросла интенсивность миграционных процессов: Коми АССР стала районом массового перемещения людей, вызванного мобилизацией в армию, размещением эвакуированных, затем их реэвакуацией, размещением спецпереселенцев и репрессированных народов, расширением сети ГУЛАГа, вербовки специалистов в развивающуюся добывающую промышленность. Число прибывших за 1941 г. по сравнению с 1940 г. возросло в 2,1 раза, число выбывших – на 20,6%, а миграционный прирост увеличился в 14 раз. С началом боевых действий миграционная активность людей значительно усилилась. На вторую половину 1941 г. приходится почти 59,7% прибывших и 66,6% от выбывших за год [13]. Миграционный прирост в 1941 г. составил 9,2 тыс. чел.; в 1942 г. – 0,8; 1943 г. – 3,2; 1944 г. – 1,1; 1945 г. – 11,4 тыс. чел. [14].

Исторически так сложилось, что в 1930–1940-е гг. Коми край стал местом ссылки, спецпоселений и размещения лагерей для заключенных. Начало насильственных переселений было связано с государственной политикой коллективизации сельского хозяйства. Спецпереселение считалось не карательной акцией, а особой формой переселения раскулаченных с применением для них ряда правовых ограничений. Принудительная высылка крестьян с осени 1930 г. получила наименование «спецпереселение», а высланные с мест постоянного проживания стали именоваться «спецпереселенцами». В дальнейшем к высылке на спецпоселения определялись представители депортированных народов, репатриированные, военнопленные и др. [15]. По документации НКВД-МВД СССР, на 1 апреля 1941 г. в Коми АССР были выселены различные категории спецпереселенцев: «кулацкая ссылка» составила 5339 семей или 17492 чел., «польские осадники и беженцы» – 18772 чел. [16]. Отдельной строкой учитывались спецпереселенцы-немцы. Так, за годы войны их численность составляла: в 1941 г. – 18 тыс., 1942 г. – 25 тыс., 1943 г. – 20 тыс. и в 1944 г. – 15 тыс. чел. [17]. По данным исследователя Н.М. Игнатовой, всего за 1941 г. в Коми АССР прибыло около 20 тыс. перемещенных лиц. На декабрь 1941 г. было учтено 8147 эвакуированных, 8410 эвакуированных спецпереселенцев и 2949 немцев. Основную массу эвакуированных спецпереселенцев (7290 чел.) составили раскулаченные и высланные в Карелию в 1930-е гг. крестьяне, а затем в 1941 г. высланные повторно уже из Карело-Финской ССР в Коми АССР. В начале 1941 г. дислокация «кулацкой ссылки» по Коми АССР составляла 17634 чел., что к общему числу спецпереселенцев по СССР (930221 чел.) составило 1,9% [18]. На 1 января 1943 г. численность спецпереселенцев составила в республике 31315 чел., в том числе немцев – 11043, «власовцев» – 8219, «бывших кулаков» – 7102, «оуновцев» – 4088, из Литвы – 864 чел. [19]. На 1 октября 1944 г. в Коми АССР проживали 5866 семей или 14719 спецпереселенцев-«бывших кулаков», в том числе 3863 муж., 5778 жен. и 5078 детей до 16 лет. В течение последнего квартала 1944 г. в республику прибыло данной категории всего 39 чел., в том числе 14 муж., 7 жен. и 18 детей до шестнадцатилетнего возраста, в то время как убыло 112 семей или 483 чел., в их числе были 181 муж., 212 жен. и 90 детей того же возраста. К числу ушедших вошли не только уехавшие из республики, но и снятые с учета, умершие и лица, совершившие преступления и заключенные в места лишения свободы. По состоянию на

1 января 1945 г. в Коми АССР на учете в качестве спецпереселенцев-«бывших кулаков» состояли 5692 семьи или 14275 чел. [20], а к 1 апреля 1945 г. число снизилось до 5561 проживающих семей с общим количеством в 13937 чел. [21]. После окончания войны, когда спецпереселенцы-участники войны смогли воспользоваться правом свободного выбора места жительства, численность спецпереселенцев категории «бывшие кулаки» сократилась. По данным на 1 июля 1945 г. (за второй квартал года), количество проживавших в Коми таких семей составило 5402 с общим количеством в 13540 чел. [22].

Представителей депортированных народов в начале 1940-х гг. в Коми насчитывалось более 18000 чел. («польских осадников и беженцев» – выселенных из Западной Украины и Западной Белоруссии поляков и евреев). По данным 1944 г., в спецпоселках Коми АССР находилось 4670 тыс. чел. – членов семей ОУНовцев (от «организации украинских националистов»), в 1945 г. – 3655 граждан Молдавии и Литвы, 1945–1946 гг. – 12942 немцев, переселенных в ходе репатриации, 1946–1947 гг. – 9847 «власовцев» (граждан СССР, побывавших в фашистском плену или коллаборационистов) [23].

За годы войны в итоге естественного и механического движения населения его численность в Коми АССР с 1 января 1941 г. по 1 января 1945 г. сократилась на 64,9 тыс.чел., или на 19,0% [24]. На сокращение численности повлияли и массовые призывные кампании. Военкоматы Коми АССР призвали и отправили на фронт свыше 170 тыс. чел., или около 0,8% от общего числа граждан, мобилизованных за годы войны в целом по Российской Федерации. Число не вернувшихся с войны, призванных из Коми АССР, достигает почти 80%. Основную массу мобилизованных из республики составили заключенные ГУЛАГа, которых было отправлено на фронт почти 100 тыс. чел. и 2589 спецпереселенцев, т.е. более половины всех призванных военкоматами Коми АССР или почти 10% от общего числа мобилизованных по СССР бывших заключенных (всего за период с 1941 по 1944 г. в армию были призваны 975 тыс. бывших заключенных [25] и 60747 спецпереселенцев [26]). Несмотря на то, что мобилизация спецпереселенцев была закончена в октябре 1942 г., по данным НКВД Коми АССР, мобилизационный ресурс еще оставался: численность спецпереселенцев военнообязанных возрастов от 18 до 45 лет по состоянию на 10 октября 1942 г. составляла 1101 чел., из них подлежало мобилизации только 324 чел., так как остальная ее часть – 776 чел. или 70,5% от общей численности были забронированы в промышленности или отпадали от мобилизации «по политическим мотивам».

На сплошную мобилизацию в армию «ненадежного контингента» государство не только не решалось, но, прежде всего, путем его прикрепления к предприятиям промышленности регулировало кадровые вопросы по сохранению трудовых ресурсов. Администрация ГУЛАГа провела идеологическую проверку среди спецпереселенцев категории «бывшие кулаки». Например, было установлено, что из общего количества мужчин призывного возраста только 37861 чел. являлись бывшими кулаками, которые в период ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации были главами семей. Остальные 136735 чел. были выселены в качестве членов кулацких семей, причем 31869 чел. составляла молодежь, достигшая 16 лет во время нахождения на спецпоселении. Таким образом, за исключением бывших кулаков, всего по стране в трудпоселениях содержалось 104866 чел. призывного возраста, однако по указанию Главного управления РККА они не подлежали призыву в армию [27]. По данным ОТСП НКВД Коми АССР, на 23 апреля 1943 г. по республике спецпереселенцев-мужчин в возрасте от 16 до 55 лет (мобилизационного возраста) насчитывалось 2275 чел., из них около половины работали в лесных организациях, где на многие специальности распространялись отсрочки от призыва (бронирование) [28]. Численность спецпереселенцев-«бывших кулаков» призывных возрастов, согласно данным учета, проведенного Отделом спецпоселений НКВД СССР, к сентябрю 1944 г. составила 85 тыс. чел., из них по занимаемым должностям подлежали бронированию от мобилизации в армию 58 тыс. чел. (68,2%) [29]. Таким образом, численное пополнение действующей армии выходцами из среды спецпереселенцев было малозначительным. В годы войны спецпереселенцы были задействованы в промышленности и использовались как трудсила.

По характеру своей экономики Коми АССР не могла стать «военным арсеналом», но она заняла важное место в военном производстве как топливно-энергетическая и лесосырьевая база. Уже в первые месяцы войны на совещаниях партийных активов, в решениях пленумов, бюро обкома, райкомов коммунистической партии, политотделов промышленных новостроек, в постановлениях местных органов власти были намечены практические мероприятия по переводу промышленности Коми АССР на военные рельсы. Необходимо было привести в движение все имеющиеся мощности, чтобы дать сражающейся стране как можно больше леса, угля, нефти и другой продукции военно-хозяйственного значения. В соответствии с обстановкой вносились изменения, поправки в народнохозяйственные планы республики и ее районов, в производственные и финансовые планы предприятий, предусматривавшие первоочередное выполнение оборонных заданий.

Ведущей отраслью народного хозяйства Коми АССР в военный период оставалась лесная промышленность. Еще до войны она выполняла отдельные спецзаказы для оборонной промышленности, в частности, вела заготовку авиасосны и березы, палубника и понтонника, ружейной болванки, крепежного материала и шпальника. С началом войны на предприятиях лесной промышленности размещались новые специальные

заказы Государственного Комитета Обороны (далее ГКО). Было намечено в короткий срок увеличить заготовку древесины и лесоматериалов для изготовления деревянных деталей стрелкового и артиллерийского оружия, самолетов, судов, военно-инженерного снаряжения и т.п. К военным заказам приравнялись заготовки многих видов деловой древесины народнохозяйственного назначения и дров для железных дорог [30].

Большое значение приобрело заново организованное лыжное производство, получившее статус спецздания ГКО. В 1942 г. почти все деревообрабатывающие предприятия республики переключились на изготовление армейских лыж, более 70 тысяч комплектов которых в первую военную зиму республика направила защитникам Заполярья, Москвы и Ленинграда. О том, как нуждался фронт в этой продукции, есть немало свидетельств, сохранившихся в летописях войны. Вот одно из них. В разгар битвы за Москву командующий 43-й армией генерал К.Д. Голубев в своем донесении И.В. Сталину писал: «Дозарезу нужны сейчас лыжи и нужно теплое белье. Лыжи нужны в первую очередь для разведки. Хотим также создать при штабе армии полк лыжников, вооруженных автоматами, для действий в тылу и на флангах противника» [31].

В связи с мобилизацией людских ресурсов на фронт органы власти перераспределили между предприятиями неработающее трудоспособное население, а также рабочих и служащих, освобожденных от работы из-за сокращения штатов, направляя их на первостепенные участки производства. Вводились обязательные сверхурочные работы. Рабочий день удлинялся до 10-11 часов при шестидневной рабочей неделе, временно отменялись отпуска. На смену ушедшим воевать на предприятия пришли женщины, учащиеся старших классов, студенты. Профессии, которые принято называть «мужскими», становились обычным делом женщин [32].

Трудовые мобилизации стали основным способом привлечения рабочей силы на производство, периодически повторялись по нескольку раз в год. Им подлежало все трудоспособное население: мужчины в возрасте от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет, ранее не работавшие на предприятиях и в учреждениях. Ввиду малочисленности городских жителей трудовая мобилизация в южных районах Коми проводилась преимущественно за счет сельского, колхозного населения. В 1942 г. в республике было мобилизовано для работы в промышленности (главным образом на заготовку и сплав древесины) и на транспорте 17045 чел. [33]. Особенно часто по трудомобилизациям на сезонные работы лесной промышленности привлекались специалисты других отраслей, служащие организаций, эвакуированные, и, прежде всего, работники сельского хозяйства. Одним из важных источников пополнения рабочей силой промышленных предприятий стало эвакуированное население из Карело-Финской ССР, Ленинградской и некоторых других областей. К концу 1941 г. только на предприятиях местной и лесной промышленности края было трудоустроено 3503 чел. из числа эвакуированных граждан [34].

С конца 1930-х гг. «постоянным трудовым кадром» для лесозаготовительной промышленности назначался спецконтингент, размещенный в лесных массивах спецпоселков, закрепленных к леспромхозам. По замыслу советского правительства, спецпереселенцы должны были быть полностью обеспечиваться нормальной работой и нормальным заработком, дававшим им возможность прокормить свои семьи. И, казалось бы, как пишет Н.М. Игнатова, проблемы с их трудоустройством не должны были возникать, ведь лесозаготовительные предприятия постоянно жаловались на то, что из-за нехватки рабочих рук не могут справиться с постоянно растущими планами лесозаготовок. Но для того, чтобы «переварить» такое значительное единовременное пополнение, нужно было проделать большую работу – рассчитать емкость лесозаготовительных участков, оборудовать лесовозные дороги, обеспечить новых рабочих инструментами и спецодеждой. Жизненно важные для переселенцев вопросы трудоустройства можно было решить более эффективно как за счет перераспределения рабочей силы по разным производственным объектам и видам работ внутри предприятий, так и за счет создания новых рабочих мест в сфере соцкультбыта. Ученый отмечает, что некоторые из этих проблем (в частности, обеспечения инструментами и спецодеждой) тресты просто не могли решить из-за своего тяжелого финансового положения. Другие были вполне решаемы, но руководство лесозаготовительных предприятий махнуло на них рукой, привычно понадеявшись, что со временем все утрясется само собой. Не исключено, что из-за недостатка знаний и опыта для управленцев оказалось непосильным решение достаточно сложной производственной задачи, связанной с экономическим планированием [35].

Таким образом, стоит помнить, что всем сторонам, перед которыми была поставлена задача «дать стране лес» (прибывшим – и местной, принимающей стороне), пришлось осваивать новые работы: от строительства поселков, элементарного жилья до обеспечения культурного досуга людей. И это помимо осуществления непосредственной и основной деятельности – лесозаготовительной. При этом советская репрессивная машина, задумавшая насильственные миграции, в том числе с целью «превращения Коми в лесной цех страны», спуская цифры планов и программ, не предусмотрела элементарную подготовленность к созданию условий труда прибывшим партиям трудовых кадров. Думается, поэтому чаще в отчетах по итогам проверок НКВД большинства лесных предприятий отрасли отмечалось невыполнение планов. Так, по итогам проверки в III квартале 1940 г. Объячевского и Ношульского леспромхозов – лесозаготовительных предприятий треста «Лузтранслес» –

было отмечено следующее: «Срыв выполнения плана лесозаготовок и вывозки объясняется отсутствием надлежащего руководства со стороны руководителей леспромхозов» [36].

В годы Великой Отечественной войны вся страна работала под лозунгом «Все для фронта! Все для победы!» Чтобы как-то компенсировать неизбежное падение производительности труда из-за снижения квалификации работников и других причин, власти пошли по пути всемерного развертывания и подталкивания социалистического соревнования. В самом начале войны был объявлен патриотический почин: «Работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт» [37]. Одновременно ужесточались условия труда и трудовой дисциплины, вплоть до того, что самовольный уход с работы и опоздание карались тюремным заключением. Рабочие прикреплялись на весь период войны к своим предприятиям, превращались в своего рода крепостных социалистического государства. Однако для большинства советских людей не требовались какие-то дополнительные меры поощрения или принуждения. Отечественная война, в которой решалась судьба Родины, заставляла каждого человека подчинять личные интересы общим, работать на пределе сил, с полной самоотдачей. Отношение к труду демонстрируют показатели трудовой дисциплины на примере 1941 г., где основное количество нарушений, например, по Ношульскому леспромхозу (предприятию лесного транспортного хозяйства) падало на первую половину 1941 г., т.е. довоенного времени [38].

Великая Отечественная война – особая страница в жизни людей, на чью долю выпало четыре года испытаний на выносливость и стойкость духа. Об условиях жизни в тылу написана не одна сотня страниц. Война возродила новую волну стахановского движения и соцсоревнования, труженики тыла систематически перевыполняли нормы выработки, показывая образцы отношения к труду, брали на себя ответственность по целому ряду обязательств. Имя Христины Николаевны Рубцовой, вальщицы вышеупомянутого лесозаготовительного предприятия, в военные годы упоминалось практически в каждом номере Прилузской районной газеты «Сталинец». Ее трудовой стаж – более 40 лет. Х.Н. Рубцова вспоминает: «Родилась в 1915 году. С 16 лет начала работать в лесу, валить лес. Тогда заключали с рабочими договор, например, на 1000 кубометров леса. Это значит надо его свалить, раскряжевать, вырубить сучья, сложить бревна и вывезти. Дали звание «стахановка». Мы работали с Екатериной Ивановной Вахниной, тоже «стахановкой». Сначала в паре, потом по одиночке. Выполняли за день 1,5-2 нормы (норма выработки на одного человека составляла 4 кубометра). Работали на сплотке, но работали тоже парами. Женщины сами делали плоты, сами сплавляли до г.Луза. Тащили по 7-9 плотин-плиток. Бывало, тонула, пока везли плоты, потом меня грели спиртом. Сплав леса – это чисто мужская работа. В 1940 году образовали леспромхоз, помню, первым начальником был Розанов. 22 июня 1941 года мы были на Починке, праздновали праздник Престола. Пришли люди и сказали, что началась война. Мы сразу пришли в село, начался митинг. Мужчин всех взяли на фронт, остались одни женщины, все легло на наши плечи. Но хочу сказать, что в войну нас, так как мы перевыполняли норму, кормили лучше: давали кашу, мясо, другие продукты. Работали мы без выходных. Радовались каждой победе наших солдат, даже устраивали по этому случаю праздник небольшой. Во время войны с нами в лесу было много поляков, они наравне с нами работали. За ними закрепляли лесорубов, чтобы учили их лес валить. Жили дружно, как одна семья. Поляков увезли на пароходе обратно на родину. Потом привезли власовцев, но и к ним мы относились по-человечески, не было никаких стычек. 9 мая 1945 года мы сплавляли лес, плотили. Ждали десятника, а его все не было. Потом он все же пришел и сказал: «Вы что, ничего не знаете? Бросайте работу и идите на митинг». Что тут было... кто-то упал, кто-то плакал от счастья. Я чувствовала такую радость, которую в жизни больше не испытала. Многие мужчины не вернулись. Почти в каждой семье погиб или сын или отец. После войны мне предлагали работу в столовой, но я отказалась, так привыкла к своей, что уже не могла поменять на более легкую. В 50 лет вышла на пенсию. В трудовой книжке одна запись: «Принята рабочей леса» [39].

Ударничество в годы войны стало массовым, но сегодня воображение современника поражают упорство и воля людей военного поколения – настоящего поколения победителей. Чего стоит пример семьи эвакуированного из Карело-Финской АССР лесоруба Кивель Августа, который для участка по ночам точил пилы, а днем с женой валил лес по 11-12 кубов на человека [40]. В республике распространился патриотический почин: «Работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт». Ветеран лесозавода грузчик П.Хлопин, отец четырех сыновей-фронтовиков, несмотря на преклонный возраст, довел выработку до трех норм в день. Он говорил: «Не к лицу нам работать хуже. Я хоть и в тылу, но сыновьям своим должен служить примером». Лесоруб Сысольского леспромхоза Х.Двоеглазова организовала звено из женщин-домохозяек, обучила их, и все они стали выполнять до двух норм в день. Достичь рекордов можно было только желанием и верой. Преобладал ручной труд. Немногочисленное сохранившееся техническое оборудование лесозаготовительных предприятий изнашивалось и часто выходило из строя. Машины и механизмы большую часть времени простаивали в ремонте, которые приходилось делать полукустарно, изготавливая необходимые детали на месте. Лесорубочным инструментом и инвентарем лесозаготовителей были двуручные и лучковые пилы, топоры.

Война на время задержала развитие лесной промышленности Севера. Она отвлекла из отрасли значительные материальные и людские ресурсы. В целом, по Коми АССР за годы Великой Отечественной в лесной

отрасли почти на четверть, или на 6,5 тыс. чел. сократилась численность рабочих (постоянных и сезонных). Это сокращение происходило главным образом за счет кадровых рабочих, на долю которых приходилось 80% выбывших из лесной промышленности [41]. При этом стоит отметить, что производственные показатели росли. Несмотря на сложности, промышленность республики перевыполнила план 1941 г. Наибольший прирост продукции дала лесная промышленность, на которую приходилось больше половины всего промышленного производства. План по рубке леса в республике в первый год войны был выполнен на 131%, по вывозке древесины – на 123%. Оборонным предприятиям страны был отправлен большой ассортимент специальной древесины: «авиабереза», «авиасосна», лес «палубник», «мачтовый», «понтонник», «ружболванка», «ствольная накладка», разнообразная тара для транспортировки боеприпасов, санитарная дранка и т.д. [42]. В то же время последующие годы войны ознаменовались значительным сокращением производственных мощностей лесной промышленности Коми, снижением объема лесозаготовок – с 7,5 млн. кубометров в 1941 г. до 4,2 млн. кубометров в 1945 г. Начиная с 1942 г. (несмотря на большие сырьевые ресурсы), она давала древесины много меньше, чем в 1940 г. Если вывозку в 1940 г. принять за 100%, то в 1941 г. она составляла 125,5, в 1942 г. – 82,4, в 1943 г. – 63,9, в 1944 г. – 61,1, в 1945 г. – 61,7%. Это объяснялось многими причинами, а главные из них – ослабление производственно-технической базы и нехватка трудовых ресурсов [43]. Однако на фоне сокращения в стране лесозаготовок удельный вес вывезенной из Коми АССР древесины уменьшился незначительно: с 2,8% в 1940 г. до 2,5% в 1945 г. Республика снабжала лесопродукцией 40 крупных предприятий девяти союзных наркоматов (18 предприятий республики и 22 за ее пределами). Помимо военных заводов ее получали Подмосковский, Челябинский, Карагандинский угольные бассейны, ряд крупных новостроек. Значительная часть древесины отправлялась в освобожденные районы. Лесная промышленность Коми АССР обеспечивала дровами Печорскую и ряд других железных дорог Центра и Северо-Запада.

Решающую роль в создании и развитии горнодобывающего комплекса и железнодорожном строительстве, значительную – в развитии лесозаготовительной отрасли, играли расположенные в Коми АССР лагеря НКВД СССР. В годы войны значение сырьевого потенциала Коми АССР существенно возросло: во-первых, лесоматериалы, уголь, нефть и газ были стратегическим сырьем, за счет развития горнодобывающего комплекса республики можно было частично компенсировать потери важных сырьевых районов (Донбасс, разрушенный Грозненский нефтепромысел и др.). По мнению исследователя М.Б. Рогачева, экономика Коми АССР оказалась заложницей ГУЛАГа, без него дальнейшее развитие базовых отраслей промышленности было невозможным [44].

Перед войной в подчинении ГУЛАГа НКВД СССР находились 65 лагерей истроек (в которых насчитывалось свыше 1,3 млн. заключенных), из них пять крупных исправительно-трудовых лагеря были дислоцированы на территории Коми АССР: Ухто-Ижемский и Воркутинский Управления топливной промышленности (УТП), Северный железнодорожный и Северо-Печорский Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС), Усть-Вымский Управления лагерей лесной промышленности (УЛЛП) НКВД СССР. По численности заключенных самыми большими в Коми АССР были лагеря, строившие Северо-Печорскую железную дорогу – Северный железнодорожный (84,9 тыс. заключенных) и Северо-Печорский (34,9 тыс. заключенных). Как указывает в своих работах М.Б. Рогачев, создание лагерной системы в Коми АССР имело целью с помощью принудительного труда заключенных освоить богатый природными ресурсами, но малонаселенный регион, сделать его одной из основных сырьевых баз советской промышленности. Каждый из лагерей имел определенную специализацию. У Ухто-Ижемского ИТЛ (центр – рабочий поселок Чибью, с 1939 г. – Ухта) это была разведка и освоение нефтяных месторождений и радиевый промысел, у Воркутинского ИТЛ (центр – рабочий поселок Воркута) – добыча угля, у Усть-Вымского ИТЛ (центр – пос. Вожаель) – лесозаготовки, у Северного железнодорожного (центр – рабочий поселок Железнодорожный) и Северо-Печорского ИТЛ (центр – пос. Абезь) – строительство железной дороги Котлас–Воркута. Кроме основной специализации каждый лагерь решал ряд других экономических задач и включал в себя развитую систему различных промышленных и сельскохозяйственных подразделений. Во многом за счет производственной деятельности лагерей республика превратилась из аграрной в индустриально-аграрную [45]. На начало 1942 г. в исправительно-трудовых лагерях, расположенных на территории Коми АССР, находились 231,5 тыс., в 1943 г. – 169,9 тыс., в 1944 г. – 99,5 тыс. заключенных. За этот период численность заключенных в Ухто-Ижемском ИТЛ снизилась с 25,3 до 15,3; в Усть-Вымском ИТЛ – с 21,9 до 13,6; Воркутинском ИТЛ – с 28,6 до 25,3; в Северном железнодорожном ИТЛ – с 53,3 до 14,7; в Северо-Печорском ИТЛ – с 102,3 до 23,0 тыс. чел. В двух последних лагерях снижение численности заключенных обусловлено тем, что в основном было завершено строительство Северо-Печорской железной дороги [46].

В «Истории Коми» отмечается, что Центральные государственные органы власти на протяжении всех военных лет уделяли самое пристальное внимание развитию промышленной экономики Коми АССР, особенно ее топливных отраслей, не вышедших из стадии строительства. Об этом свидетельствует тот факт, что в годы войны ГКО 12 раз рассматривал вопросы, связанные со строительством и развитием Печорского угольного

бассейна. В результате были решены многие проблемы по обеспечению строящихся предприятий и действующих угольных шахт денежными ресурсами, материалами и рабочей силой: в Печорском угольном бассейне были построены и сданы в эксплуатацию 17 шахт с производственной мощностью почти 5,4 млн. тонн угля в год, или почти 10% от общего объема введенных мощностей по Российской Федерации. В результате возросла доля Коми АССР в общей добыче угля в РСФСР с 0,4% в 1940 г. до 3,5% в 1945 г. [47]. В годы войны в основном завершилось строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали. С первыми поездами по этой дороге в Воркуту и Инту начало поступать эвакуированное оборудование, снятое с Донбасса. На постоянную работу в Воркуту было отправлено по путевкам ЦК партии более 100 опытных шахтеров, техников, инженеров из Донбасса, Кузбасса, Караганды. Для освоения Интинского угольного месторождения было создано специальное управление «Интастрой» с политотделом. Ему передавался Интинский лагерь, отпочковавшийся от Воркутинского лагеря в качестве самостоятельного подразделения ГУЛАГа. Главной задачей нового лагеря было обеспечение стройки дешевой рабочей силой.

Характерной чертой военного времени было достижение цели любой ценой. Особенно наглядно это проявилось в процессе завершения строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали: требовалось ускоренное освоение Печорского топливно-энергетического района. На строительстве дороги до осени 1941 г. работало свыше 85 тыс. заключенных и вольнонаемных, к началу 1942 г. общая численность заключенных железнодорожных лагерей достигла 170 тыс. чел. [48]. Темпы строительства дороги с началом войны ускорились, поскольку выросло ее стратегическое значение, особенно для снабжения военной промышленности районов Европейского Севера, железнодорожного транспорта и морского флота углем и нефтью, лесом и газом. Путь укладывался одновременно на нескольких участках (одна группа строителей шла навстречу другой). Передовые бригады и «боеучастки», специально созданные политотделом на ключевых объектах стройки, в некоторые дни прокладывали до пяти километров пути. Таких темпов тогда еще не знала отечественная практика железнодорожного строительства. Напряженная обстановка военных дней заставляла зачастую искать и находить неординарные, вынужденные решения, не всегда соответствующие техническим нормам. Когда в ходе сооружения Северо-Печорской железной дороги выявилась нехватка шпал (лесная промышленность республики к 1 сентября 1941 г. дала только 58,2% от запланированных поставок), строители использовали природный фактор. Бывший секретарь обкома ВКП(б) по транспорту П.Королев вспоминал: «Выручила зима. Такой суровой зимы, какая выдалась в 1941 г., я, пожалуй, больше и не припомню. В реке Воркуте толщина льда достигала 1 метра 60 сантиметров... И вот, учитывая такую суровую зиму, мы расстояние между шпалами увеличили. И мороз действительно нас выручил. Так сковало эту дорогу, и мы вышли из положения. А по мере того, как шпалы к нам поступали, мы тихонечко в промежутках их добавляли. С расчетом успеть до весны» [49].

Главным показателем увеличения практического значения Печорского угольного бассейна в военной экономике страны является рост вывозки топлива потребителям в постоянно возрастающих размерах. В 1942 г. она в семь раз превысила уровень 1941 г., причем из 646 тыс. тонн угля, отгруженного из Воркуты, 505,1 тыс. перевезены по железной дороге, остальное – водным путем. «Воркутинским углем, – отмечалось на пленуме Коми обкома ВКП(б) 16 июля 1943 г., – полностью снабжается Архангельск – крупный порт Советского Союза, Северодвинск, Мурманск, уголь Воркуты идет в Ленинград, Киров, Горький (ныне Нижний Новгород), Москву». В 1943 г. в Ленинград под вражеским обстрелом прибились 89 эшелонов печорского угля, или 71,6% всего твердого топлива, получаемого городом на Неве [50]. За цифрами кроется труд сотен тысяч вольнонаемных специалистов и заключенных.

Мобилизационные мероприятия в лагерях ГУЛАГа и направление на фронт заключенных, наряду с высокой смертностью, привели к сокращению их численности, стали одной из причин недостатка рабочей силы в лагерях. О ситуации, сложившейся на территории Коми республики, наркому внутренних дел СССР Л.П.Берия докладывал первый секретарь Коми обкома ВКП(б) А.Г. Тараненко. В докладной записке, в частности, указывалось на тот факт, что после освобождения заключенных по бытовым статьям, согласно Указа ПВС СССР от 24.11.1941 г., основные стройки (лагеря) системы НКВД (а их в республике насчитывалось семь) имели недостаток в рабочей силе. Севжелдорстрой для выполнения программы 1942 г. по плану должен был иметь среднегодовой списочный состав 58 тыс. чел., на февраль месяц имелось 46 тыс. чел. Производя скоростное строительство Северо-Двинского и Печорского железнодорожных мостов, потребность рабочей силы для окончания их до начала ледохода составляла 22250 чел., однако фактически работали только 5800 чел. (26,1%). Дефицит рабочей силы по Севжелдорстрою составлял 12 тыс. чел. среднегодового списочного состава. По Ухтижемстрою плановая потребность рабочей силы на 1942 г. составляла 25 тыс. чел., фактически же имелось 17500 чел. (70%). По Верхне-Ижемскому строительству (Крутая) плановая потребность в 1942 г. составляла 12700 чел., имелось 4700 чел. (37%). В целом, по всем строительным организациям системы НКВД СССР, имевшимся в Коми АССР, недостаток рабочей силы в 1942 г. составлял 37500 чел. [51]. Потери трудовых ресурсов частично компенсировались за счет направления в лагерь более 15 тыс. немцев-трудармейцев (призыв в трудармию начался в начале 1942 г.), освобожденных и прикрепленных к лагерям до конца войны, а

также за счет привлечения рабочих и специалистов из других регионов страны (в том числе эвакуированных) [52].

Учитывая, что на новых предприятиях топливного комплекса Коми АССР в широких масштабах применялся труд заключенных, спецпереселенцев и трудмобилизованных было усилено внимание вопросу вербовки, закрепления и обучения кадров на предприятиях и организациях республики из вышеназванных контингентов, особенно из числа освободившихся из лагерей. Проблема постоянных работников была очень злободневной. Также большое значение для решения кадровых вопросов проблемы имело направление на постоянную работу в Коми АССР квалифицированных горняков из Донбасса и Подмосковья, специалистов сажевого производства из Майкопа (в начале войны из Майкопа был эвакуирован на Крутую – газовый промысел в ста километрах от Ухты – сажевый завод и был пущен в эксплуатацию), железнодорожников из Украины и Белоруссии. К концу войны в Воркуте насчитывалось 9832 постоянных наемных рабочих, инженерно-технических служащих (против 2752 чел. в 1940 г.), из них 6970 рабочих, занятых на угледобыче, в том числе 2300 были кадровыми горняками. Опытные работники в содружестве с местными кадрами послужили основой для создания многих новых производственных коллективов промышленности и транспорта [53].

Главным источником Победы СССР в Великой Отечественной войне был человеческий потенциал. В своем историческом докладе в ноябре 1943 г. И.В.Сталин сказал следующее: «Можно с полным основанием сказать, что самоотверженный труд советских людей в тылу войдет в историю, наряду с героической борьбой Красной Армии, как беспримерный подвиг народа в защите Родины». Неоспоримо, что независимость государства была сохранена посредством механизмов тоталитарного государства, политической воли руководителя, силой патриотизма и толерантности народа. Политика государства в решении стоявших перед ним задач выразилась в последовавших демографических процессах. Непопулярные методы насильственного переселения граждан страны, прикрепление к лагерям отбывших сроки наказания бывших заключенных, «добровольно-принудительная» вербовка на Север квалифицированных рабочих и специалистов позволили в годы войны усиливать темпы и развивать стратегически важные отрасли промышленности региона, богатого лесными ресурсами и природными ископаемыми. Положительный миграционный прирост в течение всех военных лет стал основным фактором прироста населения в Коми АССР, стал основой кадрового ресурса, обеспечил выполнение заданных и необходимых в те годы объемов производства.

Литература и источники

1. Республика Коми к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Статистический сборник. – Сыктывкар, 1995. – С. 3, 4, 57.
2. Безносова Н.П. Изменение численности и половозрастной структуры населения Коми АССР в годы войны (1941–1945 гг.) // Защита Отечества: история и современность. Материалы науч.-практ. конф., посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Сыктывкар, 2001. – С. 32.
3. Национальный архив РК. Ф.Р-605. Оп. 4. Д. 66. Л. 2.
4. Там же. Л. 17.
5. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Сборник документов и материалов. – Сыктывкар, 1982. – С. 169-170.
6. Александров А.Н. В боевом союзе. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. – Сыктывкар, 1985. – С. 172.
7. Коми РГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 880. Л. 1.
8. Республика Коми к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Сборник статистических материалов. – Сыктывкар, 1995. – С. 58.
9. Государственный архив РФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 185. Л. 5.
10. Лихоманов М.И. Размещение и использование эвакуированного населения в восточных районах // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 2: Трудовой подвиг народа / Под общ. ред. П.Н. Поспелова. – М., 1974. – С. 188.
11. Безносова Н.П., Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Миграционные процессы в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Мы Победу приближали как могли. Материалы Междун. науч. конф., посвященной Великой Отечественной войне (с акцентом на события 1943 г.), Москва, 18-19 апреля 2003 г. – Смоленск, 2003. – С. 92, 93.
12. Безносова Н.П. Изменение численности и половозрастной структуры населения Коми АССР в годы войны (1941–1945 гг.) // Защита Отечества: история и современность. Материалы науч.-практ. конф., посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Сыктывкар, 2001. – С. 33.
13. Безносова Н.П., Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Указ. соч. – С. 91.
14. Безносова Н.П. Указ. соч. – С. 33.
15. Игнатова Н.М. Стратегия выживания спецпереселенцев в годы Великой Отечественной войны (на материалах Коми АССР) // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы «Круглого стола». – Сыктывкар, 2004. – С. 36.
16. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. – Сыктывкар, 2001. – С. 18.
17. Игнатова Н.М. Осуществление политики спецпереселения и изменения в составе и численности спецпереселенцев-«бывших кулаков» в середине 1930-х – 1950-е гг. // Покаяние. Мартиролог. – Сыктывкар, 2001. – Т. 4. – Ч. 2. – С. 26.

18. Игнатова Н.М. Осуществление политики спецпереселения и изменения в составе и численности спецпереселенцев-«бывших кулаков» в середине 1930-х – 1950-е гг. // Покаяние. Мартиролог. – Сыктывкар, 2001. – Т. 4. – Ч. 2. – С. 26.
19. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Указ. соч. – С. 18.
20. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1 Д. 45. Л. 2.
21. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1 Д. 57. Л. 2.
22. Там же. Л. 4.
23. Игнатова Н.М. Стратегия выживания спецпереселенцев в годы Великой Отечественной войны (на материалах Коми АССР) // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы «Круглого стола». – Сыктывкар, 2004. – С. 37.
24. Безносова Н.П. Изменение численности и половозрастной структуры населения Коми АССР в годы войны (1941–1945 гг.) // Защита Отечества: история и современность. Материалы науч.-практ. конф., посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Сыктывкар, 2001. – С. 32.
25. Государственный архив РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 68. Л. 9-11; То же. ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1918–1960 / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: Изд-во «Материк». – С. 275; То же: Рогачев М.Б. Лагеря Коми АССР в годы войны // Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях. Материалы науч.-практ. конф. 21 июня 2001 г. – Сыктывкар, 2001. – С. 170.
26. Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социальные исследования. – 1992. – № 2. – С. 20; То же: Государственный архив РФ. Ф. 9479. Оп. 1с. Д. 113. Л. 215.
27. Государственный архив РФ. Ф. 9479с. Оп. 1с. Д. 113. Л. 4.
28. Коми РГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1018. Л. 29.
29. Государственный архив РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д.08. Л.7.
30. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т.2. – Сыктывкар, 2004. – С. 446.
31. Там же. – С. 451.
32. История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Сыктывкар, 2004. – Т. 2. – С. 448.
33. Там же. – С. 448.
34. Игнатова Н.М. На спецпоселении // Покаяние. Мартиролог. – Сыктывкар, 2002. – Т. 5. – С. 149.
35. История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Сыктывкар, 2004. – Т. 2. – С. 449.
36. ГУ РК «НАРК». Ф.Р-2283. Оп. 1. Д. 40. Л.172.
37. Архив автора.
38. Можегов А.И. Ношуль. История села. – Сыктывкар, 2006. – С. 135.
39. История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Сыктывкар, 2004. – Т. 2. – С. 459.
40. Там же. – С. 451.
41. Там же. – С. 454.
42. История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Сыктывкар, 2004. – Т. 2. – С. 448.
43. Боле Е.Н. Ношульский лесозаготовительный комплекс. – Сыктывкар, 2008. – С. 14.
44. Рогачев М.Б. Лагеря Коми АССР в годы войны // Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях. Материалы науч.-практ. конф. 21 июня 2001 г. – Сыктывкар, 2001. – С. 165.
45. Рогачев М.Б. Исправительно-трудовые лагеря Коми АССР в 1941–1945 гг. // Участие жителей Коми в войнах и вооруженных конфликтах XX века. – Сыктывкар, 2004. – С. 27. (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; Вып. 2).
46. Рогачев М.Б. Лагеря Коми АССР в годы войны // Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях. Материалы науч.-практ. конф. 21 июня 2001 г. – Сыктывкар, 2001. – С. 171.
47. История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Сыктывкар, 2004. – Т. 2. – С. 452.
48. Там же. – С. 450.
49. Там же.
50. Там же. – С. 453.
51. Боле Е.Н., Сметанин А.Ф. Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. (На материалах Коми АССР). – Сыктывкар, 2005. – С. 79.
52. Рогачев М.Б. Лагеря Коми АССР в годы войны // Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях. Материалы науч.-практ. конф. 21 июня 2001 г. – Сыктывкар, 2001. – С. 171.
53. История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Сыктывкар, 2004. – Т. 2. – С. 458.

Захоронения интернированных иностранных граждан и военнопленных Второй мировой войны на Урале (состояние источниковой базы)

В ходе Второй мировой войны и после ее окончания на территории Урала находилось свыше 200 тыс. военнопленных из состава венгерской, германской, итальянской, румынской, финской и японской армий, а также немцы, гражданские лица, интернированные из стран Восточной Европы. Приблизительно 30 тыс. чел. из числа военнопленных и интернированных иностранных граждан умерли и захоронены на 190 специальных воинских кладбищах, расположенных во всех областях и автономных республиках региона.

Больше всего иностранных граждан было размещено на территории Свердловской области. Она имела самый мощный на Урале промышленный потенциал и остро нуждалась в дополнительной рабочей силе. В первой половине 1950-х гг. здесь располагался и самый крупный в СССР лагерь для осужденных военнопленных и интернированных лиц. В результате количество умерших на Среднем Урале иностранных граждан составило 14 тыс. чел., захоронены они были на 94 специальных кладбищах.

Кроме того, в ходе предпринятых поисковых работ удалось обнаружить три иностранных воинских кладбища в Курганской, 19 – Оренбургской, столько же – Пермской и 30 – Челябинской областях. Имеются они и в уральских автономиях: 11 – в Башкирии, 14 – в Удмуртии. Иностранные воинские захоронения находятся и в других регионах России. Их количество постепенно сокращается по направлению с Запада на Восток. В Кировской области, например, было обнаружено 24 иностранных кладбища, а вот Тюменской – лишь два. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке картина меняется, что было связано с преимущественным расположением там лагерей для военнопленных из состава японской армии.

В 1990-е гг. Советский Союз, а впоследствии Российская Федерация, подписали со всеми вышеуказанными странами (за исключением Румынии) соглашения о статусе советских воинских кладбищ на территории этих государств и захоронениях иностранных военнослужащих и интернированных гражданских лиц на территории нашей страны. В соответствии с данными соглашениями российская сторона обязывалась предоставлять зарубежным партнерам информацию о нахождении и состоянии захоронений военнослужащих их армий, а также оказывать необходимое содействие в проведении благоустроительных работ. Весьма настойчиво требуют информацию о состоянии мест захоронений и десятки тысячи граждан государств, чьи родственники погибли в России. Таким образом, данная проблема получила не только научное, но политическое и гуманитарное звучание, что весьма значимо в условиях возврата нашей страны к восприятию многих общечеловеческих ценностей.

По проблеме нахождения в СССР военнопленных Второй мировой войны главным хранителем информации является Центр хранения историко-документальных коллекций (бывший «Особый архив», а ныне РГВА). По данной проблеме в фондах архива сохранился крупный массив документальных материалов, среди которых есть формуляры лагерей для военнопленных, отчеты лагерной администрации, справки отдела трудового использования, документы отделов по антифашистской борьбе и антифашистских школ. Имеются много свидетельств о зверствах немецко-фашистских войск на временно оккупированной территории Советского Союза, а также множество благодарственных писем от военнопленных в адрес И. В. Сталина.

В архивах хранятся и литературные произведения военнопленных, и фотоальбомы об их жизни в плену, и многочисленные воспоминания о пребывании в нашей стране и т.д. Материалы подобраны отдельно по немцам, отдельно по австрийцам, голландцам, французам, японцам и т.д. В архиве хранятся также личные дела и учетные карточки военнопленных. Учетные карточки сосредоточены в специальном алфавитном каталоге. Среди них особо выделим картотеку на оказавшихся в советском плену генералов иностранных армий.

Весьма ценные и подробные материалы сохранились и по захоронениям военнопленных иностранных армий, а также интернированным в Советский Союз гражданским лицам. Следует отметить, что в начальный период Великой Отечественной войны учет плененных Красной армией и впоследствии умерших иностранных военнослужащих органами НКВД был мало документирован. Правда, и пленных было совсем немного, первые их крупные контингенты в оказались советском плену только после Сталинградской битвы. Поэтому

*Мотревич Владимир Павлович (Екатеринбург) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии; Смыкалин Александр Сергеевич (Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральской государственной юридической академии.

летом 1943 г. органы ГУПВИ НКВД СССР принимают меры по упорядочению оформления документов персонального учета на умерших в плену, а с осени 1944 г. начинается плановая организация мест захоронений военнопленных и оформление соответствующей документации.

Учет умерших военнопленных осуществлялся путем записи в специальных кладбищенских книгах. Данные книги содержали сведения о каждом из захороненных, в том числе: фамилию, имя и отчество, год рождения, национальность, воинское звание, дату смерти и дату захоронения, номер могилы и номер квадрата. Кроме того, во многих книгах составляли отдельное приложение, в котором на основании учетных карточек давались краткие справки об умерших. Они включали сведения о месте рождения и месте жительства до призыва в армию, гражданстве, образовании, гражданской профессии, времени призыва в армию, месте службы и должности, времени и месте пленения.

Кроме списков умерших по каждому кладбищу составлялась и кладбищенская схема. В соответствии с существовавшим порядком, территория каждого кладбища военнопленных разбивалась на квадраты по 25 могил в каждом. Каждый квадрат имел свой номер, начиная с первого. Захоронения производились в порядке нумерации могил слева направо в соответствии с хронологией смерти. Нумерация могил осуществлялась отдельно для каждого квадрата. На каждой могиле устанавливался опознавательный знак – деревянный столбик с прибитой на нем дощечкой. В ряде случаев на могиле устанавливали металлический стержень с приваренной к нему металлической табличкой (кладбища лагеря № 314 в г. Каменск-Уральск, лагеря № 102 в г. Челябинск, спецгоспиталя № 2929 в г. Нижний Тагил и др.). На табличке в числителе указывали номер могилы, а в знаменателе – номер квадрата. Писать фамилию и имя умерших запрещалось, однако в ряде случаев этот порядок не соблюдался. Так, в частности, проведенная в 1946 г. проверка состояния кладбища военнопленных в г. Новая Ляля Свердловской области показала, что на дощечках вместо номеров указаны имена и фамилии пленных. Кладбищенская схема представляла собой, как правило, сделанный на листе бумаги чертеж в виде прямоугольника. На нем изображались пронумерованные квадраты, в каждом из которых находилось двадцать пять также пронумерованных могил.

Кладбище организовали либо на территории самого лагеря, либо в непосредственной близости от него. При этом оно ограждалось колючей проволокой либо деревянным забором. Разрешение на занятие данного участка получали у местных органов власти, но это требование соблюдали далеко не всегда. По каждому кладбищу составлялась так называемая «легенда». Она представляла собой схему его расположения на местности с необходимыми привязками и ориентированную по частям света.

После ликвидации лагеря, спецгоспиталя или отдельного рабочего батальона, его администрация передавала кладбище под надзор местным органам власти, о чем составлялся соответствующий акт. Кладбищенские схемы и планы, а также списки умерших передавали в территориальные отделы МВД, учетные дела умерших вместе с учетными карточками отправляли в Москву в ГУПВИ МВД СССР. Впоследствии они и были сосредоточены в «Особом архиве».

На протяжении послевоенных лет, а во многих местах и в 1960–1970-е гг., иностранные воинские кладбища находились под надзором органов МВД. Сохранились многочисленные справки и акты их осмотров с описанием состояния захоронений на дату проверки. Имеются и материалы хозяйственных служб на местах, которые отвечали за содержание захоронений. Среди них отчеты о состоянии иностранных кладбищ и затратах на их содержание.

Как уже указывалось, первоначально часть документов об иностранных военнопленных была направлена в Москву, другие хранились на местах. Здесь они оказались распылены по различным архивохранилищам. Небольшая часть лагерной документации попала в фонды государственных архивов (в Серовский филиал ГАСО, например). Другие документы – справки о нахождении военнопленных на территории областей, фотоальбомы – оказались в архивах областных управлений ФСБ. Материалы на необоснованно репрессированных из числа иностранных граждан после их реабилитации в настоящее время переходят в ведение Архива административных органов Свердловской области. Наиболее же информативные материалы по исследуемой проблеме – копии кладбищенских книг, а также акты и справки о результатах контроля за состоянием кладбищ – хранились в территориальных органах МВД. В начале 1960-х гг. в соответствии с указанием МВД СССР они были изъяты с мест и сосредоточены в Москве. Правда, не все. Так, в частности, на хранении в архиве ИЦ УВД Пермской области остались материалы по размещавшемуся в первые послевоенные годы в г. Краснокамск лагерю № 207. Не были переданы в «Особый архив» и материалы на осужденных военнопленных. Так, документы по лагерю № 476 МВД СССР для военных преступников, отделения которого располагались в городах Асбест, Дегтярске, Первоуральск, Ревда и Свердловск, и поныне хранятся в архиве ИЦ УВД Свердловской области. Здесь же имеются и копии переданных в центр кладбищенских книг, но их немного. Такие же разрозненные материалы по отдельным лагерям и кладбищам военнопленных находятся и в архиве ИЦ УВД Оренбургской области.

В 1990-е гг. по данной проблеме стал формироваться новый источник. Сотрудниками созданной в Москве ассоциации «Военные мемориалы» стали обследоваться расположенные на территории РФ иностранные воинские кладбища. Финансирование программы обследования осуществляли заинтересованные страны – Венгрия, Италия и Германия в первую очередь. После обнаружения и осмотра иностранного воинского кладбища составлялся протокол обследования. Прежде всего, в протокол вносились подробные сведения о месте захоронения. Указывались область и город, а также район, сельсовет и деревня, если кладбище располагалось в сельской местности. Указывались и размеры захоронения, количество могил и численность захороненных, а также то, к какой армии они принадлежали. Протокол содержит и много других полезных сведений: указывается, например, сохранились ли на месте кладбища памятные знаки и могильные холмики, выясняется, имеется ли угроза разрушения данного захоронения и находится ли оно под охраной, фиксируются адреса и фамилии очевидцев. В протоколе также составлялась схема расположения кладбища с указанием ближайших ориентиров, расстояний и частей света. В случае сохранения могильных холмиков делался и план захоронения. В протоколе указывалась дата осмотра иностранного воинского кладбища, фамилия, имя и отчество проводившего осмотр захоронения и его адрес. Данный источник отличается высокой степенью информативности и позволяет в дальнейшем уже не потерять обнаруженные, часто с огромным трудом, иностранные воинские кладбища в РФ.

Обзор сохранившихся материалов по исследуемой проблеме показывает, что, несмотря на их распыленность по различным архивохранилищам страны, они дают возможность исследовать целый круг проблем, связанных с пребыванием на территории отдельных регионов России военнопленных Второй мировой войны и интернированных иностранных граждан.

Комплекс сохранившихся источников также позволяет и сейчас, спустя шестьдесят лет после окончания Второй мировой войны, проводить поисковые работы по выявлению их на местности. Состояние источниковой базы позволяет в случае необходимости найти заброшенное кладбище, определить нужную могилу и провести эксгумацию и идентификацию останков. Осуществленная нами в 1990-е гг. эксгумация японских захоронений на кладбищах спецгоспиталей в пос. Ракитянка г. Медногорск Оренбургской области и пос. Рудник им. Третьего Интернационала г. Нижний Тагил Свердловской области, перенос трех кладбищ венгерских военнопленных лагеря № 318 в Новолялинском районе, эксгумации на воинских кладбищах лагеря № 476 в городах Асбест и Первоуральск Свердловской области в целом подтверждают этот вывод. Правда, в большей степени он относится к захоронениям послевоенных лет. В годы войны пленных чаще хоронили в братских могилах, документация на эти кладбища велась далеко не всегда и сохранилась значительно хуже.

Разумеется, имеются и исключения. Одним из примеров фальсификации документальной источниковой базы является неудачная попытка эксгумации японского воинского кладбища в Сухой Лог Свердловской области. В сентябре 1999 г. в Свердловскую область в очередной раз прибыла делегация Министерства здравоохранения Японии. Целью десятидневного визита были выяснение перспектив проведения эксгумационных работ на других иностранных воинских кладбищах и пробные выемки грунта на перспективных участках для определения наличия там костных останков. В ходе поездки были осмотрены все оставшиеся на территории Свердловской области места захоронения японских военнопленных. Выяснилось также, что наиболее перспективными для проведения эксгумационных работ являются кладбища военнопленных, расположенных в Сухоложском и Туринском районах. Это объяснялось, во-первых, большим числом захороненных, что увеличивало площадь разыскиваемых участков, а, во-вторых, оба кладбища находились вне городской черты, и данные земельные участки не вводились в хозяйственный оборот, и, следовательно, имели больше шансов на сохранность. В Сухоложском районе японское кладбище располагалось недалеко от районного центра возле станции Кунара. Место захоронения было определено на основании многочисленных показаний очевидцев, которые подтверждались сохранившейся кладбищенской схемой. Однако могильные холмики в указанном месте не сохранились. В данном месте на протяжении нескольких дней нами проводились интенсивные поисковые работы. Они заключались в прокладывании на территории предполагаемого места захоронения с помощью двух экскаваторов траншей. Интервал между ними составлял три метра, глубина – два метра. Однако поисковые работы не принесли ожидаемого результата.

Полученные в Сухоложском районе результаты позволяют сделать вывод о том, что, по-видимому, виденное местными жителями кладбище военнопленных являлось муляжным. В пользу этого вывода говорит тот факт, что в сохранившейся объяснительной записке начальника расположенного в этой местности лагеря для военнопленных № 153 отмечалось, что кладбищенская документация отдельным рабочим батальоном ему не передавалась, и место нахождения захоронения японцев ему не известно. А в более позднем акте, датированном октябрём 1949 г., отмечалось, что на всех могилах, в которых захоронены японцы, имеются опознавательные знаки и могильные холмики, а само кладбище огорожено. Этим же временем датируется и существующая кладбищенская схема. Спустя еще три года это устроенное, по-видимому, для отчетности кладбище, которое и

видели местные жители, по указанию органов МВД, было распахано. Проведенные спустя 60 лет в данном месте интенсивные поисковые работы делают данное предположение достаточно весомым.

Не увенчались успехом и поиски японского кладбища в Туринском районе в пяти километрах севернее железнодорожной станции Поречье. Кладбище располагалось в глухой, лесисто-болотистой тайге, и уже в 1952 г. в ходе проводимого органами МВД обследования оно обнаружено не было. Весьма приблизительно, практически без четких ориентиров была составлена и кладбищенская схема. Она давала весьма приблизительное место нахождения кладбища. Проведенные с привлечением местного поискового отряда «Тайфун» работы, заключающиеся в закладке в наиболее перспективных местах шурфов, широкого применения бура и щупов, не принесли положительного результата.

Таким образом, сохранившиеся архивные документы позволяют вести поиск иностранных воинских кладбищ и производить на них эксгумационные работы. Однако далеко не все документы являются достоверными, поэтому их, по возможности, следует подтверждать сведениями из других источников.

Миграция как фактор этнодемографического развития Москвы

Москва во все времена занимала особое место в истории государства и никакие события, даже трагические, не смогли приостановить рост численности жителей города. За последние 100 лет население Москвы выросло более чем в десять раз. В 1897 г. население города составляло 1 млн. 39 тыс. чел., в 1912 г. – уже 1 млн. 618 тыс. чел. [1]. В 2004 г., по данным Мосгорстата, оно составляло более 10 млн. 400 тыс. чел. [2].

Характерно, что экономика развитых индустриальных государств сегодня не может существовать без притока труда мигрантов. В большинстве принимающих стран, например, доля иностранных работников в общей численности занятых составляет в Чехии – 2,3, Германии – 9, Австрии – 10, а в Швейцарии – 18% [3]. Основная демографическая особенность формирования населения Москвы, как столицы и в известном смысле как государства в государстве, так же состоит в том, что рост численности населения в последние 10-15 лет осуществляется прежде всего за счет миграционного прироста. По экспертным данным, численность мигрантов, находившихся в Москве в 2004 г. составляла около 3 млн. чел. (до 1 млн. чел. из России и 2 млн. чел. из стран ближнего и среднего зарубежья) [4] и имеет тенденцию к неуклонному увеличению.

Притягательность Москвы связана главным образом с динамичным развитием рыночных отношений, взвешенной и целенаправленной политикой московского правительства, отстоявшего собственную модель приватизации, развития малого и среднего предпринимательства, адресной социальной поддержки различных слоев населения, сохранения и развития промышленного и строительного комплекса. Важным фактором, способствующим притоку мигрантов, можно считать доступность города для их въезда, отсутствие реальных городов-конкурентов по уровню жизни и возможности найти место жительства и сферу приложения своего труда. Москва как центр миграционного притяжения определяется ее положением как столицы государства, что в свою очередь предопределяется размещением на ее территории посольств иностранных государств, офисов, постоянных (полномочных) представительств субъектов Российской Федерации, международных организаций, финансово-промышленных компаний, более тысячи коммерческих банков, высших учебных заведений.

Впервые со времени Великой Отечественной войны в период с 1991 по 1993 г. была зарегистрирована отрицательная «чистая» миграция: в 1991 г. она составила 4051, в 1992 г. – 17118, в 1993 г. – 16740 чел. [5]. В последующий период миграционный прирост стал возрастать и перекрывать естественную убыль населения. Последствиями этих тенденций является достаточно интенсивное сокращение численности коренных жителей Москвы при росте удельного веса мигрантов. Поэтому важным фактором повышения рождаемости в столице становится рождаемость иногородних и иностранных жителей. Без их учета Москва, возможно, возглавляла бы список городов Российской Федерации с самой низкой рождаемостью. Стимулирование рождаемости в столице необходимо прежде всего начать с утверждения на уровне правительства Москвы программы строительства жилья для молодежи. В любом случае необходимо принятие мер в этом направлении уже сейчас.

Традиционно активно происходит обмен населения Москвы с соседними областями: с Московской, Калужской, Тульской, Тверской, Владимирской, Рязанской, Ярославской. Например, на Московскую область приходится около 24% прибывших в Москву и 54% выбывших из Москвы [6]. Большой миграционный поток в столицу отмечается также из Южного и Приволжского Федеральных округов. Так, на Южный приходится почти 14% прибывших и 6% выбывших, а на Приволжский – 13,5% прибывших и 8% выбывших [7]. Вторым по значению является миграционный обмен с государствами СНГ. В территориальной структуре миграционного потока в Москву из стран СНГ преобладают выходцы из Украины, на которых приходится около трети всех прибывших из СНГ. Значительна доля иммигрантов из Узбекистана, Киргизии, Казахстана. Велика их численность из Молдавии, Грузии, Армении, Азербайджана [8]. Миграционный обмен с государствами дальнего зарубежья представляет собой преимущественно возвратную миграцию или реэмиграцию. Объем данного вида миграции не играет существенной роли в формировании населения Москвы, так как составляет не более 1,5 тыс. чел. в год (в том числе из Германии – 26% от общего числа прибывших, Израиль – 21%, США – 15%) [9]. Показатель миграционной убыли из Москвы в страны дальнего зарубежья так же незначителен и составил в 2004 г. около 1,3 тыс. чел. [10]. Среди эмигрировавших из Москвы выехали в Германию, США, Израиль, Канаду, Скандинавские страны. Это – в основном, высококвалифицированные специалисты, оказавшиеся «лишними» на рынке труда. Всего из столицы в 2004 г. выехали 31,6 тыс. чел. по сравнению с 34,6 тыс. чел. в 2003 г., из них в другие субъекты Российской Федерации – 29,9 тыс. чел., за рубеж – 4,7 тыс. чел. [11].

*Тюрнин Владимир Александрович (Москва) – кандидат экономических наук, член президиума Межнационального консультативного совета при Правительстве Москвы.

Тенденция к снижению числа выезжающих из столицы сохранилась и в 2005 г. Так, по состоянию на 1 октября 2005 г. из Москвы выехали около 21 тыс. чел. (за тот же период 2004 г. – 24 тыс.), в том числе в пределах России – 18,4 тыс. чел. (было 21,7). Одновременно несколько возросла численность выбывших за границу – 2,4 тыс. чел. (было 2,2), в том числе в страны дальнего зарубежья – 1,1 тыс. чел. (было 0,9 тыс. чел.) [12].

Благодаря миграции Москва не теряла столь быстро численность своего населения из-за естественной убыли населения в 1990-е гг. По данным Всероссийской переписи 2002 г., численность населения столицы оказалась больше, чем прогнозировалось и составила 10382,754 тыс. чел. [13]. Причем русских насчитывалось 8808,009 тыс. чел., (84,8% всего населения Москвы) [14], что в процентном отношении меньше, чем за все предыдущие годы за исключением 1920 г. [15]. За межпереписной период 1989–2002 гг. число постоянно проживающих в столице китайцев выросло в 35, турок – 17, вьетнамцев – 15 раз, таджиков – 12 раз [16]. Напротив, снизилось число евреев, белорусов, мордвы, чувашей, казахов, коми, латышей и др. [17]. В настоящее время в Москве проживает более 160 национальностей, и, как показывает статистика, компонент кавказских и азиатских народов стремительно растет. В связи с этим имеет место мнение, что примерно через десять поколений присутствие кавказских и закавказских этносов в Москве станет господствующим. В любом случае усилится пестрота состава москвичей по языку, образу жизни и т.д.

Миграция, стабилизируя численность населения в Москве, требует в свою очередь компетентного управления. С учетом сложности процесса взаимодействия миграции и демографии, представляются актуальными усилия Правительства Москвы, подготовившего Концепцию демографического развития города Москвы. Среди ее ближайших целей: сохранить численность населения столицы в пределах 10,4–10,6 тыс. чел., поднять среднюю продолжительность жизни до 75 лет для женщин и 66 лет для мужчин, повысить рождаемость, укрепить институт семьи. В ходе обсуждения Городской целевой миграционной программы на 2008–2010 гг. Мэр Москвы высказал следующее мнение: «Миграция должна быть минимальной, соответствующей самой необходимой потребности. И эта потребность должна все время снижаться в режиме той целевой работы, которая должна проводиться по увеличению потенциала собственных квалифицированных рабочих кадров» [18]. Поскольку традиционно важное место в Москве занимает трудовая миграция, далее он отметил, что со следующего года количество заявок на квоты будет минимизировано, и разрешения на трудовую деятельность мигрантов будут выдаваться только после рассмотрения заявок от работодателей на необходимую рабочую силу [19].

Литература и источники

1. Правовые и экономические аспекты консолидации московского общества на идеях толерантности и культуры мира. Научно-методический сборник. – М., 2006. – С. 59.
2. См.: Московская городская программа регулирования миграции на 2005–2007 гг. – М., 2005.
3. Этносфера. – 2007. – № 4. – С. 22.
4. См.: Миграционная обстановка в Москве. (Ситуационный анализ). – М., 2005. – С. 3.
5. Моисеенко В., Переведенцев В., Воронина Н. Московский регион: миграция и миграционная политика. – М., 1999. – С. 11.
6. Миграционная обстановка в Москве. – М., 2005. – С. 40.
7. Там же. – С. 40.
8. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2004 г. (Статистический бюллетень). – М., 2005. – С. 49.
9. Миграционная ситуация в Москве. – М., 2005. – С. 5.
10. Там же. – С. 6.
11. Там же. – С. 51–52.
12. Социально-экономическое положение Москвы в январе-октябре 2005 г. Информационно-аналитический доклад Мосгорстата. – М., 2005. – С. 91–92.
13. Госкомстат. Роскомстат. Москва многонациональная. – М., 2006. – С. 252–253.
14. Там же. – С. 252–253.
15. Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. – М., 1927. – С. 16.
16. Госкомстат. Роскомстат. Москва многонациональная. – М., 2006. – С. 252–253.
17. Там же.
18. Этносфера. – М., 2007. – № 6. – С. 21.
19. Там же.

Некоторые черты экономического поведения и его возрастно-половые особенности у представителей титульных этносов отдельных стран в современных российских городах

Распад СССР в начале 1990-х гг. повлек за собой, с одной стороны, разрушение в некоторой степени единого этносоциального пространства и миграционный «обмен» людьми, пожелавшими жить на исторической родине; с другой – активное становление внутригосударственных социумов, в которых представители «некоренных» этносов (в данном случае, это титульное население других стран СНГ или например, современных Израиля и Германии, имеющие гражданство и постоянное место жительства в одной из этих стран) с целью выживания на их новой родине вынуждены проявлять «национальные стереотипы» экономического и социального поведения. Это представляется возможным продемонстрировать в результате обработки данных Всероссийской переписи населения 2002 г. применительно ко всему (с разбивкой по полам) и городскому (в сравнении с сельским) населению нашей страны.

Анализ таблиц, в частности «Население отдельных национальностей ... по источникам средств к существованию», по типу «источников существования» представителей разных национальностей в целом, из-за высокой доли источника «доход от трудовой деятельности» позволяет отнести «в лидеры» украинцев и белорусов (51,7 и 50,1% от числа названных ими источников существования, соответственно), а в «аутсайдеры» – казахов (25%). Представители первых двух славянских этносов заметно выделяются и по доле пенсионеров (29,3 и 33,1%), хотя по этому показателю «выше» их евреи – 44,4%, (4,4% из которых приходится на «пенсии по инвалидности» и такой показатель – самый высокий среди рассматриваемых этносов); а наименьшая величина доли пенсионеров свойственна азербайджанцам – 4,8% (в том числе 1,3% – по инвалидности), казахам – 10,03% (2,1%) и армянам – 12,3% (1,9%), что, видимо, можно объяснить двумя главными факторами: 1) недоработкой частью их представителей до пенсионного возраста и предпочтением провести зрелые годы у себя на родине и 2) относительной нестабильностью учета рабочего времени для некоторых видов малоквалифицированных работ, где используется привлеченная из-за рубежа, но со временем получающая российское гражданство рабочая сила. В качестве относительно самостоятельного вида трудовой деятельности (но учтенного выше вместе с другими) выступает «личное подсобное хозяйство» (ЛПХ). Наиболее часто в материалах Переписи ... оно упоминается как источник существования применительно к немцам (17,3%) и казахам (15,5%), тогда как наименьшее внимание этому «способу выживания» уделяется у евреев и представителей народов стран Закавказья – от 2,2 до 6,5%. Минимальное число «стипендий» как источника существования – близкое к 0,7% – отмечается у украинцев и белорусов, а у немцев, казахов и русских этот показатель колеблется от 1,4 до 1,8% и составляет наиболее значительные величины. Самая большая доля среди получающих пособия (в том числе, по безработице) характерна для представителей казахского и азербайджанского этносов (16,1 и 12,3%, соответственно), а минимальное число пособий в 2002 г. было характерно для армян и евреев. Но у них среди источников существования наиболее высока доля «сбережений», а наименьший из такого рода показателей свойственен казахам. В то же время для последних, а также для азербайджанцев и армян характерна высокая доля населения, «находящегося на иждивении одного из лиц» – 29,0, 38,8 и 35,8%, соответственно. Наименьшие из таких показателей – от 9,8 до 12,1% – свойственны евреям, белорусам и украинцам. «Доход от сдачи в наем ... и аренды» пока мало значим, но наибольший показатель (0,34%) приходится на казахов.

Такое обобщенное описание ситуации по «источникам существования» может быть уточнено данными для городского и сельского населения отдельных национальностей (табл. 1).

В данной таблице по «доходам от трудовой деятельности (кроме ЛПХ)» существенная «аномалия» наблюдается у сельских казахов – очень низкий показатель в 13,4%. Но, на наш взгляд, он существенно «компенсируется» 27,2% источниками доходов от ЛПХ. Однако при мало уступающем последнему подобный показатель для сельских немцев суммарно с другими для них «доходами от трудовой деятельности» выгодно отличает их (более чем на 10%) от селян-казахов, как наиболее приспособляемых к изменяющейся структуре занятости. Это наше утверждение по сельским жителям (как, впрочем, и по городским), применительно к немцам и казахам, частично подтверждается данными о суммарной доле пособий: казахи получают в среднем почти в два раза больше всякого рода пособий, чем немцы (при этом в сельской местности вдвое больше, чем в городских условиях). Для других из рассматриваемых в таблице этнических групп по первым двум показателям

*Игнатов Александр Андреевич (Владивосток) – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения РАН.

Таблица 1

Характеристика отдельных этносов, постоянно проживающих в Российской Федерации по типу источников средств существования (в процентах от общей численности каждой этнической группы, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.)

Этнические группы в городах	Русские		Украинцы		Армяне		Азербайджанцы		Белорусы		Немцы		Казахи	
	Гор.	Сел.	Гор.	Сел.	Гор.	Сел.	Гор.	Сел.	Гор.	Сел.	Гор.	Сел.	Гор.	Сел.
Источник дохода														
1. Доход от трудовой деятельности (кроме личных подсобных хозяйств)	38,43	30,57	46,40	37,34	35,38	26,86	37,18	26,12	44,70	36,58	40,45	25,31	36,54	13,44
2. Личное подсобное хозяйство (ЛПХ)	4,69	13,05	5,00	14,70	2,18	14,21	1,69	10,99	5,40	13,42	7,95	26,67	3,73	27,23
3. Стипендия	2,19	1,45	0,85	0,57	1,41	0,93	1,07	0,83	0,85	0,61	2,22	0,64	3,58	0,76
4. Пенсия (кроме пенсии по инвалидности)	18,04	17,68	27,22	25,96	10,49	10,19	3,07	4,01	30,69	29,67	17,75	14,41	6,79	9,03
5. Пенсия по инвалидности	2,56	2,60	2,93	2,41	1,89	1,97	1,14	1,40	2,93	2,83	2,22	2,08	1,96	2,28
6. Пособия (кроме пособия по безработице)	7,04	9,56	2,18	3,86	7,50	11,02	8,00	14,14	2,18	3,10	5,64	10,46	10,52	20,62
7. Пособие по безработице	0,50	0,52	0,47	0,61	0,03	0,39	0,53	0,71	0,47	0,59	0,57	0,53	0,51	0,43
8. Другие виды государственного обеспечения	1,16	1,06	0,78	0,71	0,78	0,64	1,29	1,07	0,95	0,83	1,18	0,36	0,22	1,58
9. Сбережения	0,21	0,14	0,28	0,26	0,51	0,44	0,50	0,30	0,28	0,24	0,26	0,14	0,19	0,01
10. Доход от сдачи в наем или в аренду жилья	0,08	0,16	0,08	0,23	0,21	0,17	0,13	0,19	0,08	0,20	0,07	0,21	0,08	0,60
11. На иждивении отдельных лиц	23,99	22,07	12,19	11,95	37,00	34,68	40,71	36,95	10,46	10,40	20,77	18,29	31,94	26,10
12. Иной источник средств к существованию	1,12	1,10	1,51	1,33	2,33	1,97	4,74	3,22	0,64	1,94	0,92	0,80	1,77	1,13

отметим, что суммарно у русских, белорусов, как и у выше названных казахов, селян и горожан, они примерно равны (хотя показатели первой строки таблицы указывают на большую «занятость» городского населения в сравнении с сельским, а второй – на значительно большее распространение ЛПХ в сельской, нежели в городской среде). А у украинцев и армян «суммарная» занятость (по показателям двух первых строк таблицы) в сельской местности несколько выше, чем в городах. В третьей строке – «стипендия» – наблюдается «нормальное» превышение доли городских стипендиатов над сельскими – для послешкольной учебы раньше люди вообще вынуждены были уезжать в города, сейчас можно полагать, что ситуация из-за расширения форм специального образования меняется «в пользу» увеличения доли сельских жителей (но, чаще это, видимо, можно объяснить теми случаями, когда сельские стипендиаты проживают в небольшом удалении от учреждения, реализующего контакты с ними, либо такие стипендиаты некоторое время не меняют сельской прописки; реже – когда формы контактов могут быть заочными, через новые средства связи). В четвертой и пятой строках табл. 1 «редко встречаемое» превышение сельских пенсионеров над городскими (только у казахов) косвенно указывает на то, что в городах закрепляется более активная часть этой этнической группы российского населения. Обращает на себя внимание и тот факт, что только у сельских казахов наблюдается существенное превышение доли «других видов государственного обеспечения», над их соплеменниками из российских городов и, напротив, – меньшее, но значительное преобладание у городских немцев доли этого показателя среди источников существования над немцами сельскими. Доля «сбережений», как правило, у городской части рассматриваемых этносов выше, чем у сельской; но у казахов РФ это превышение очень высокое. Напротив, при первом рассмотрении несколько удивляет превышение среди источников существования у сельских представителей почти всех этносов «дохода от сдачи в наем...». Но предварительным объяснением этому могут быть ситуации в курортных районах страны, где в небольших поселениях этот доход – один из важнейших источников существования большинства взрослого населения. Хотя в недалекой перспективе соотношение долей такого дохода должно измениться, не исключено, что уже сейчас в городах этот источник существования составляет большую величину, но скрывается от разных форм налогообложения, тогда как в сельских поселениях такой вид дохода при менее сложной структуре «форм существования» скрыть труднее. Среди показателей двух последних строк таблицы, по нашему мнению, обращает на себя внимание для всех этносов следующее: а) в сельской местности возможности находиться на иждивении несколько меньше городских; б) высокая доля «иждивенцев» как у городских, так и у сельских армян и азербайджанцев; в) некоторое превышение у сельских белорусов над городскими в доле «иных источников средств к существованию, что не наблюдается у других этносов.

Применительно к населению российских городов представляется возможным несколько уточнить этнополовые особенности экономического поведения (табл. 2).

Наиболее выразительными межэтническими и половыми различиями в сравниваемых в табл. 2 национальных группах являются:

- 1) низкий показатель занятости в трудовой деятельности у женщин-представительниц народов Закавказья;
- 2) преобладание женщин среди «стипендиатов» у казахов, азербайджанцев и армян, тогда как у остальных национальных групп наблюдается «мужское преобладание» (кроме немцев, у которых – относительное «равенство»);
- 3) преобладание среди «пенсионеров по инвалидности» мужского населения, а среди остальных пенсионеров – женского;
- 4) некоторое преобладание женщин в ЛПХ над мужчинами (кроме армянского населения, где доля мужчин незначительно превышает долю женщин);
- 5) большая «склонность» женщин к оформлению пособий по безработице и других пособий, чем мужчин, которые активнее ведут поиск иных источников средств к существованию;
- 6) значительное превышение доли «других видов государственного обеспечения» у мужчин над женщинами всех национальных групп;
- 7) более активное использование мужчинами «сбережений» как источника существования и «равное» (для русских) и менее активное для мужчин других национальных групп (кроме азербайджанцев) «дохода от сдачи в наем...»;
- 8) «на иждивении отдельных лиц», как правило, преобладает женское население (наибольшие показатели у азербайджанок – 55,9% и армянок – 44,9%), но у русских, наоборот – 23,4% мужского и 22,7% женского пола; азербайджанцев отличает и наибольшая разница по этому показателю между женщинами и мужчинами – 27,9%; наименьшие показатели «иждивенчества» характерны для украинцев и белорусов;
- 9) резко повышенной долей «иных источников средств к существованию» выделяются азербайджанцы, хотя их соплеменникам свойственен показатель, не превышающий средней для рассмотренных этносов величины.

Таблица 2

Характеристика представителей мужского и женского населения отдельных этносов, постоянно проживающих в городах Российской Федерации по типу источников средств существования (в процентах от общей численности каждой этнополовой группы, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.).

Этнические группы в городах	Русские		Украинцы		Армяне		Азербайджанцы		Белорусы		Немцы		Кавказцы	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Источники дохода														
1. Доход от трудовой деятельности (кроме личных подсобных хозяйств)	38,00	31,51	47,29	36,85	40,16	20,27	43,11	13,61	45,80	36,11	37,08	28,91	28,34	21,66
2. Личное подсобное хозяйство (ЛПХ)	8,81	8,92	9,67	10,62	6,53	6,50	6,08	6,77	9,22	9,58	17,70	16,94	15,97	15,50
3. Стипендия	1,90	1,75	0,72	0,70	1,09	1,26	0,86	1,11	0,75	0,70	1,39	1,38	1,39	1,72
4. Пенсия (кроме пенсий по инвалидности)	12,71	22,27	22,75	30,16	8,55	12,49	3,22	4,04	25,35	34,43	12,82	19,16	6,01	9,81
5. Пенсия по инвалидности	3,02	2,20	2,97	2,38	2,16	1,63	1,36	1,11	3,18	2,60	2,57	1,76	2,50	1,74
6. Пособия (кроме пособия по безработице)	8,26	8,34	2,55	3,45	8,31	10,40	9,08	14,19	2,32	2,92	7,49	8,59	15,04	16,10
7. Пособие по безработице	0,39	0,61	0,39	0,68	0,20	0,34	0,76	0,83	0,26	0,62	0,37	0,72	0,34	0,73
8. Другие виды государственного обеспечения	1,72	0,60	1,25	0,44	1,07	0,29	1,07	0,31	1,40	0,43	1,20	0,37	1,32	0,46
9. Сбережения	0,21	0,16	0,33	0,23	0,63	0,36	0,53	0,21	0,32	0,21	0,25	0,16	0,11	0,08
10. Доход от сдачи в наем или в аренду жилья	0,12	0,12	0,14	0,18	0,22	0,16	0,16	0,14	0,11	0,15	0,20	0,19	0,38	0,32
11. На иждивении отдельных лиц	23,40	22,72	10,15	13,85	28,26	44,93	28,00	55,87	9,37	11,36	17,87	21,11	26,79	31,26
12. Иной источник средств к существованию	1,48	1,80	1,80	1,06	2,83	1,36	5,42	1,76	1,76	0,87	1,10	0,63	1,83	1,07

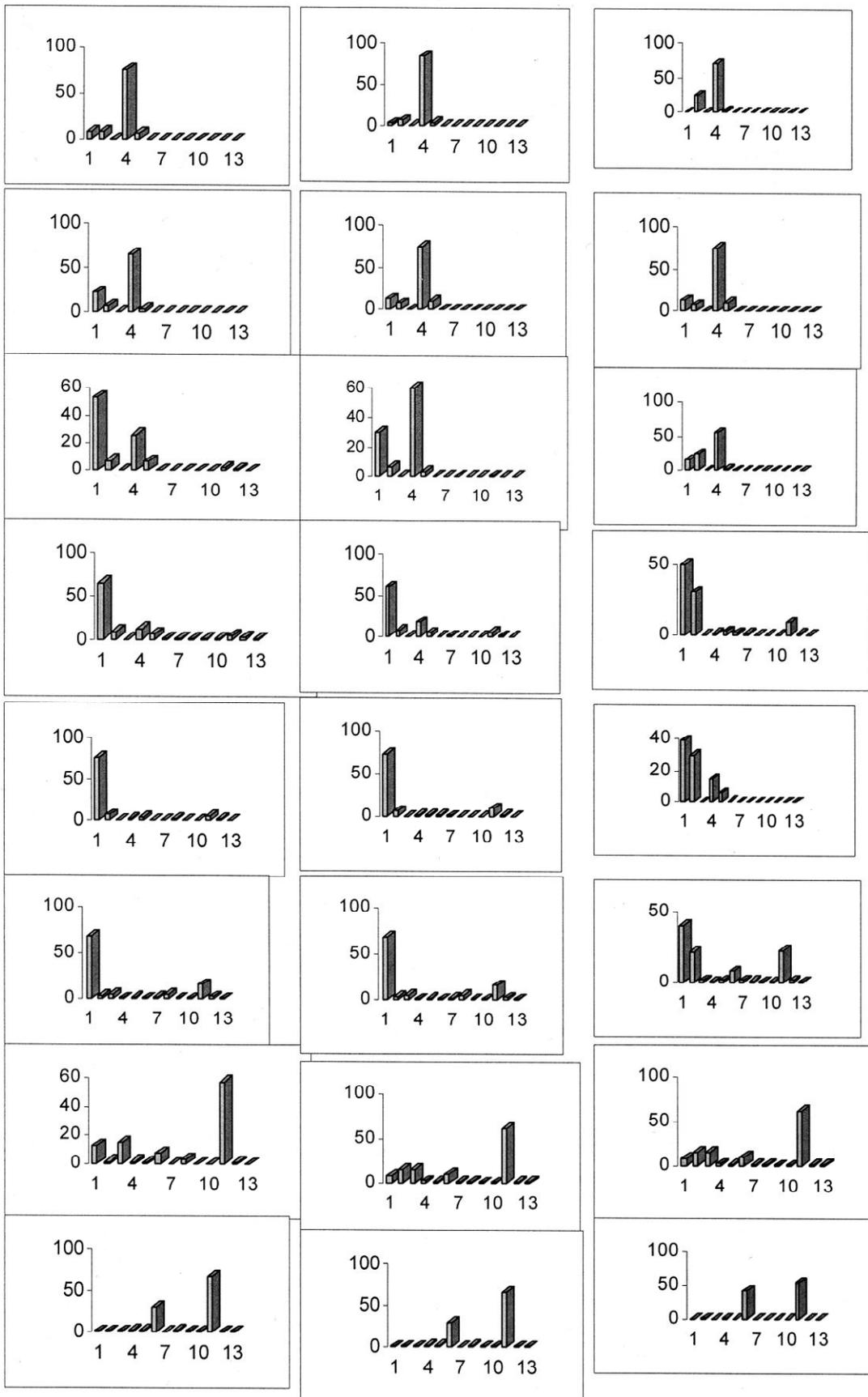

Рис. 1. Экономическое поведение русского населения.

Дальнейшая обработка такого рода статистических материалов позволяет уточнить некоторые возрастные особенности экономического поведения представителей ранее названных этносов для городов и сельской местности по стране в целом. Но из-за ограниченности объема публикации продемонстрируем такую возможность построения (пользуясь терминологией Excel) «широких гистограмм», «экономического поведения» лишь применительно к русскому населению (рис. 1). Источники существования, перечисленные в табл. 1, 2 (от 1 до 12), в гистограммах показаны по оси абсцисс порядковыми номерами (1 – 13); по оси ординат (в процентах) показано значение каждого из источников. В первом столбце представлено мужское городское население, во втором – женское городское, а в третьем – женское сельское. Первый ряд – это население от 65 лет и старше; второй – 60-64 года, третий – 55-59 лет, четвертый – 50-54 года, пятый – 30-49 лет, шестой – 20-29 лет, седьмой – 15-19 лет и восьмой – моложе 15 лет.

Не прибегая здесь к описанию различий между женским населением города и села и межполовых различий городского населения, укажем лишь на существенную дифференциацию населения по источникам существования по приведенным возрастным категориям. Надо полагать, что такие различия на советском этапе становления российского социума были выражены значительно слабее, чем в настоящее время. Но в ближайшей перспективе с усилением учета и контроля за источниками существования со стороны государства прежде всего через систему налогообложения такая дифференциация станет еще более выраженной.

Данные, представленные на гистограммах, в потенциале могут стать (возможно, в какой-либо другой форме) «внутренним содержанием» нового типа возрастно-половых пирамид (или «деревьев»), построенных с учетом источников существования каждого из этносов, проживающих в современной России. Форма концептуальной модели «экономического поведения этноса» (на примере русского сельского населения нам представляется в таком виде (рис. 2).

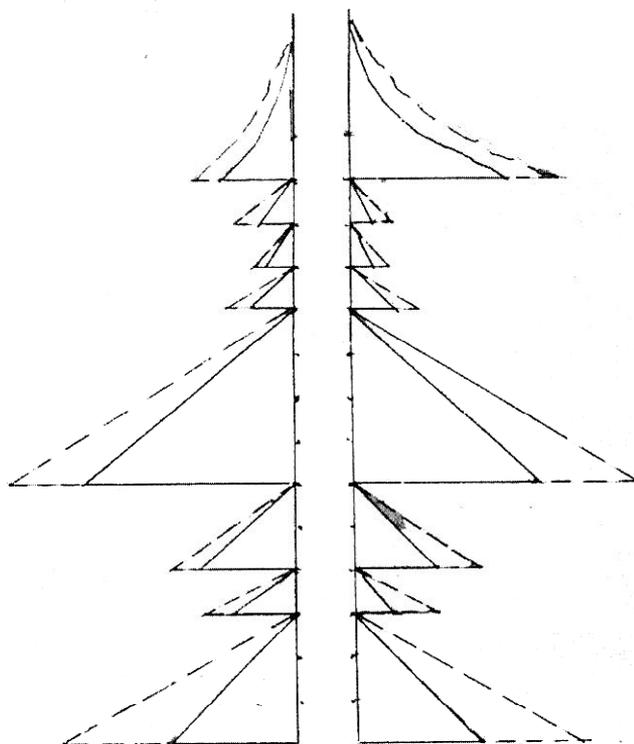

Рис. 2. Возрастно-половая структура сельского населения России (с учетом источников существования).

Данная структура построена с минимальным возрастным «шагом» в пять лет (это наименьшие по высоте треугольники по оси ординат: слева – для мужского населения и справа – для женского), при этом размер горизонтального основания треугольников со сплошной линией характеризует численность населения (минимальный возрастной «шаг» по вертикали, по горизонтали – т.е., по оси абсцисс, примерно соответствует одному миллиону населения), а «сплошное» основание вместе с пунктирным означает число учтенных для каждой возрастной группы источников существования этого населения. Но специфика статданных не позволяет нам показать распределение таких источников равномерно, а лишь с возрастными «шагами», указанными выше

для восьми рядов гистограмм. Таким образом, третий, левый столбец гистограмм полностью соответствует восьми «пунктирным» треугольникам правой половины рис. 2. А мы пока не научились рационально совмещать разнородные статданные в сложных «схемах».

Но в ближайшей перспективе нам представляется возможным построить совмещаемые «схемы» для моделей «экономического поведения» всех выше рассмотренных этносов как для российской городской, так и для сельской среды обитания.

Литература и источники

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М: НИЦ «Статистика России», 2004. – Т. 4. – Кн. 2. – 1130 с.

Воздействие демографических тенденций на развитие потребительского поведения населения Европейского Севера

Анализ существующих концепций поведения потребителей показал, что на их поведение оказывают серьезное влияние демографические особенности регионов, которые должны быть учтены при разработке как государственной политики развития северных территорий, так и в развитии потребительского рынка бизнес-структурами.

В условиях распада централизованной экономики и соответствующих ей структур управления, ослабления федеральной власти в целом и отсутствия пока должной консолидирующей роли государства проблема «северности», специфичности «социально-пространственной структуры» российского общества, иначе говоря, регионализации, резко обострилась. Россия, как огромный континент, образно говоря, представляет набор анклавов, живущих не только по федеральным законам, но и в значительной степени по собственным предписаниям и неписаным традициям. Неслучайно, для большей части населения, судя по опросам, финансовые и экономические реальности «местной жизни», отношения с местной администрацией, содержание местных средств массовой информации и т.д. заметно более важны, чем отношения с центром, находящимся в ином социополитическом и социокультурном измерении. Растет и локальная идентификация населения: люди чаще связывают себя с «малой родиной» (селом, городом, областью), нежели со страной в целом. Отметим, что и потребитель живет, прежде всего, повседневными проблемами местной (а не столичной) экономической жизни, проблемами местного (а не столичного) рынка товаров и услуг. Поэтому-то региональные исследования потребительских настроений приобретают сейчас особо актуальный характер.

Рассмотрим воздействие демографических тенденций на развитие потребительского поведения у населения Российского Севера, связанных, как отмечают исследователи, с приходом сюда рыночных отношений [1, с.33]. Внедрение рыночных отношений, распад Советского Союза усилили миграцию (отток активной части населения (потребителей)) из этой зоны страны. Так, только за 1989–2003 гг. зону районов Крайнего Севера покинуло более 1,3 млн. чел. Другой особенностью населения Севера является высокий уровень городского населения, на 1 января 2003 г. его доля составляла 77,2%, в то время как в РФ на долю городского населения приходится 73% [1, с. 36]. Характерной особенностью расселения северных территорий является то, что населенные пункты здесь разбросаны по огромным пространствам, и расстояния даже между ними превосходят среднероссийские более чем в три раза. Высокая миграционная подвижность населения северных регионов поддерживает здесь достаточно молодую возрастную структуру. Так, если по РФ доля лиц старше трудоспособного возраста в 2003 г. составляла 20,7%, то в районах Крайнего Севера – всего лишь 13,6%. В районах Севера намного выше среднероссийской доля трудоспособного населения, которая составляет 66,7%, против 61,7 для РФ в целом (2003 г.). К числу других изменений отнесем изменения этнической структуры населения Севера. Ранее абсолютное большинство на этнической родине сменилось и относительным, и абсолютным меньшинством. Сегодня практически во всех автономных образованиях доля коренного населения крайне мала.

Демографическая ситуация в большинстве северных районов характеризуется негативными тенденциями как в вопросах воспроизводства населения, так и в миграционных процессах. Так, если по итогам переписи 2002 г по сравнению с 1989 г. население РФ сократилось на 1,8%, то на Севере это сокращение составило 16%. Весьма низки показатели уровня здоровья северян. Так, уровень заболеваемости среди северян превышает средний по стране в три-пять раз, а заболеваемость туберкулезом в некоторых регионах – в 6-17 раз. Тяжелое положение наблюдается в области охраны здоровья коренных малочисленных народов Севера. Отсюда прямая зависимость – чем ниже уровень здоровья, тем выше уровень потребления фармацевтических препаратов (товаров) на потребительском рынке Заполярья, что следует учитывать при развитии рынка потребительских товаров. Главное звено в политике сохранения демографического потенциала и роста качества потребления товаров и услуг – развитие здравоохранения. Здесь необходима активная государственная работа, нацеленная на укрепление материально-технической базы медицины, разработку и реализацию северных стандартов поддержания здоровья населения, в том числе по питанию, активную пропаганду здорового образа жизни.

Особенности демографической ситуации на Севере России состоят и в том, что здесь велика доля пенсионеров в общей структуре населения, которая достигает 20%, на эти же районы приходится более 25% всех

*Новиков Юрий Семенович (Сыктывкар) – доктор экономических наук, ректор Института управления и международных связей, профессор кафедры менеджмента Сыктывкарского госуниверситета; Клепиков Николай Васильевич (Сыктывкар) – соискатель кафедры менеджмента Сыктывкарского госуниверситета.

безработных страны, что также отражается на потребительском рынке и его развитии. Реформирование пенсионного обеспечения в РФ ведется без учета трудового вклада в социально-экономическое развитие страны. Средний размер пенсий в восьми северных регионах в IV квартале 2003 г. составил 50-80% от величины прожиточного минимума пенсионера, тогда как в среднем по стране этот показатель – 102%. Государство неправомерно отменило льготное исчисление трудового стажа, что не соответствует физиологическим нормам работы в условиях Севера. Неслучайно, специалисты рекомендуют внести изменения и дополнения в действующее пенсионное законодательство в целях установления размера трудовой пенсии не менее уровня прожиточного минимума пенсионера, восстановления порядка льготного исчисления трудового стажа в полноразмерном размере за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Также необходимо восстановить порядок оплаты проезда к месту проведения отдыха неработающим пенсионерам один раз в два года.

Особенного внимания требует возмещение населению Севера повышенных материальных и физических затрат, в том числе затрат на потребление. Существующая система северных гарантий и компенсаций имеет существенные недочеты, поскольку опирается на несовершенную систему районирования, использует устаревшие механизмы или не имеет их вовсе. Исследования ученых показывают, что в вопросах регулирования доходов через гарантии и компенсации проявляется тенденция снижения уровня социальной защищенности северян, сокращается перечень гарантий и компенсаций, снижаются уровень и объем возмещения понесенных гражданами затрат.

Важным инструментом, который может учитывать потребительские настроения в обществе, регионе, муниципальном образовании, является «индекс потребительских настроений» (ИПН), который дает ответ не только на вопрос, будет ли население тратить свои доходы и сбережения, но и на вопрос об уровне оптимизма в отношении экономического и социального развития в целом. ИПН, кроме того, обладает огромным прогнозным потенциалом. Отдельный респондент, будучи покупателем, оценивает ситуацию на рынке товаров и услуг, исходя из собственной, как правило, случайной информации. Он может серьезно ошибаться, но преобладающий вектор потребительских оценок, оказывается, практически всегда верно предвосхищает краткосрочную перспективу экономической ситуации. В литературе описываются результаты экспериментов, в ходе которых одни и те же вопросы задавали массе обычных людей и большой группе экспертов, специалистов по экономическим проблемам. Оказалось, что усредненный ответ «совокупного потребителя» получился поразительно близким к ответу экспертов: все вместе потребители не ошибаются.

Сегодня, например, в США индекс потребительских настроений (ИПН) входит в десятку макроэкономических показателей, на основании которых исчисляет свои прогнозы Бюро экономического анализа, действующее под эгидой Министерства торговли. Таким образом, в развитых рыночных экономиках анализом потребительских настроений занимается государство. Почему? Дело в том, что там в рыночных условиях ответственно относятся к прогнозу экономического развития – прогнозу важному и для краткосрочного планирования любого бизнеса, и для выработки экономической политики государства, и для бюджетного управления. ИПН, неся в себе элемент прогноза, входит в группу лидирующих показателей, позволяя уловить так называемые поворотные точки развития, что важно для функционирующей по определенным циклическим закономерностям экономики.

Вся работа по определению «индекса потребительских настроений» (ИПН) строится на основе систематических социологических опросов населения. Для построения индекса используются ответы на пять основных вопросов:

- ✓ Как изменилось материальное положение вашей семьи за последние шесть месяцев?
- ✓ Как, по-вашему, изменится материальное положение семьи в предстоящие шесть месяцев?
- ✓ Как вы считаете, следующие 12 месяцев для экономики страны будут хорошим или плохим временем?
- ✓ Следующие пять лет будут хорошим или плохим временем для экономики страны?
- ✓ Сейчас в целом хорошее или плохое время для того, чтобы делать крупные покупки для дома?

На основании ответов респондентов на каждый вопрос строятся частные индексы, отражающие динамику отдельных факторов, формирующих потребительское поведение населения. Частные индексы строятся по следующей процедуре: из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных и к этой разнице прибавляется 100, чтобы исключить появление отрицательных величин. Совокупный индекс рассчитывается как средняя арифметическая из частных индексов. Значения индекса могут изменяться в пределах от 0 до 200. Значение индекса равно 200, когда все население положительно оценивает экономическую ситуацию. Индекс равен 100, когда доля положительных и отрицательных оценок одинакова. Снижение индекса ниже 100 означает преобладание негативных оценок в обществе. Каждый из частных индексов представляет самостоятельный интерес с точки зрения анализа отдельных составляющих комплексного процесса формирования и реализации конечного потребительского спроса. Однако наибольший интерес представляет совокупный индекс – индекс потребительских настроений (ИПН), который одновременно учитывает динамику всех частных составляющих

щих. Его отдельными компонентами являются индекс текущего состояния экономики (ИТС), исчисляемый простым усреднением ответов на первый и пятый из выше перечисленных вопросов, и индекс экономических ожиданий (ИЭО), являющийся усредненным вариантом ответов на второй, третий и четвертый вопросы. Таким образом, ИПН и его составляющие индексы агрегируют в себе простыми и понятными даже неспециалисту методами частные мнения самостоятельно действующих на потребительском рынке людей. Это делает ИПН независимым показателем, характеризующим динамику экономического развития страны [2].

Потребительские настроения в России постоянно находятся в центре внимания. Понятно, что в прошлом, в условиях плановой экономики, поведение отечественных потребителей регулировалось государством путем распределения товаров и услуг и контроля над ценами, и, соответственно, не было необходимости в определении специального индекса потребительских настроений. Увы, и в переходный период от плановой к рыночной экономике личное потребление не приобрело решающего значения для развития всего народнохозяйственного комплекса, поскольку при принятии решений государство и крупные производители по-прежнему далеко не в первую очередь учитывают интересы потребителей, ежедневно покупающих и планирующих свои семейные бюджеты миллионов людей. Тем не менее, будущее экономики России зависит именно от степени развития ее внутреннего потребительского рынка.

Потребительский рынок в России был всегда. Однако одно дело наличие, пусть и потребительски куцего (но все-таки наличие) рынка, и совсем другое дело – степень его развитости, скорейшее осознание государством того факта, что ключевое значение для оздоровления российской экономики имеет удовлетворение ожиданий и выражение текущих интересов отечественного массового потребителя. Весомую роль на пути России к развитому рынку потребительских товаров и услуг как раз и призвано сыграть составление ИПН на муниципальном, региональном и общефедеральном уровнях. На начальной стадии целесообразно использовать данный индекс в качестве показателя становления рыночных отношений, а на последующих этапах он может служить одним из основных показателей экономического развития.

И, хотя еще не все сегодня согласны с этим, а противники применения индекса аргументируют свою позицию тем, что в России не сложились зрелые рыночные отношения, а население продолжает играть пассивную роль в развитии экономических процессов, какую ни возьми сферу в России, бизнес здесь развивается по законам, отличным от западного мира, а инвестиции, если даже они, наконец, и пойдут из кармана потребителя, не реализуются, так как нет фондового рынка... [3, с. 33].

Конечно, если считать, что Россия как «особый» феномен не характеризуется всеобщими законами экономического развития, а ее население, ежедневно делая покупки, делает это как-то иначе, чем, скажем, в Англии, Германии или Японии, то действительно ИПН не представляет для нас равным счетом никакого интереса. Но такие рассуждения уже ушли в прошлое. Давайте обратимся к фактам. Несмотря на негативное отношение к такого рода индексу, исследования ИПН в России тем не менее ведутся с 1993 г. Этим занимался и занимается Всероссийский центр изучения общественного мнения. Анализ динамики ИПН и отдельных его составляющих в России за период 1993–1997 гг. показал, что общий уровень индекса за эти годы практически не изменился – весь этот период он колеблется вокруг отметки 70, означающей (как указывалось выше) преобладание в массе населения пессимистических потребительских настроений. Но важны не столько абсолютные значения, сколько динамика. Исследование ученых Института социально-экономических и энергетических проблем Севера показало, что в 2000 г. совокупный индекс потребительских настроений населения Республики Коми в 2000 г. (в ноябре) составил 93, индекс текущего состояния – 85,7, индекс экономических ожиданий 100,2 [4, с.164]. И хотя как видно, даже в такой северной республике, как Республика Коми, совокупный ИПН вырос практически на 20 пунктов по сравнению со среднероссийским индексом, тем не менее это означает, что среди взрослого населения республики в 2000 г. число потребителей, негативно оценивающих ситуацию на местном и региональном потребительских рынках, превосходило число позитивно оценивающих. Исследования показывают, что чем выше уровень «благополучия» и социальной адаптации населения, тем оптимистичнее потребительские настроения и активнее поведение населения. Если в самой неадаптированной группе населения потребительские настроения более пессимистичны (ИПН – 82,3), чем в целом по республике, то самая адаптированная группа склонна положительно оценивать ситуацию на потребительском рынке (ИПН – 124,9). В июне 2007 г. к измерению уровня оптимизма россиян подключился Центр стратегических исследований компании «Росгосстрах», который опросил 13764 респондента из 44 городов России. Цель опроса – выяснить, насколько высоко мы оцениваем рост собственного благосостояния, уверены ли в том, что в обозримом будущем уровень наших доходов будет стабильно расти [4].

Если в начале 1993 г. в целом в России заметно преобладали оптимистические надежды на будущее, а текущая ситуация оценивалась весьма негативно, то ныне оптимизм в отношении будущего возрастает, стали более благоприятными оценки потребительского рынка (индекс текущего состояния) и оценки экономических ожиданий (ИЭО). По оценке экспертов статистического ведомства РФ, реальные располагаемые денежные

доходы населения в первом месяце 2006 г. составили 110% от среднемесячных значений этого показателя в 2003 г.

По данным Госкомстата РФ, за последние годы доля самых бедных граждан постоянно сокращается. Так, процент россиян, имеющих доходы до 1500 руб., упал с 27,3% в 2000 г. до 6,2% в 2004 г., а доля тех, кто располагает ежемесячно суммами от 1501 до 3000 руб., сократилась с 36 до 26,8%. Общую тенденцию сокращения бедности в России отметили и специалисты Всемирного банка (ВБ), которые провели специальное исследование на тему «Рост, бедность и неравенство в Восточной Европе и бывших республиках Советского Союза». Если в 1998 г. в число бедных в странах СНГ входил каждый пятый житель, то теперь – каждый восьмой.

Отметим, что значение Индекса склонности населения к приобретению товаров длительного пользования (крупных покупок) возрастает на протяжении всего периода наблюдений (с 1993 по 2004 г.).

Динамика изменения ИПН по возрастным группам показывает, что оценки и ожидания россиян в возрасте от 30 до 55 лет фактически отражают (да и, видимо, в повседневной жизни деятельно определяют) «усредненное» мнение населения страны. Оценки текущей материальной ситуации и ожиданий у лиц моложе 30 лет гораздо более оптимистичнее не только по сравнению со старшим поколением, но и в сопоставлении с их собственными оценками в 1993 г. Если в 1993 г. уровень индекса у молодежи колебался в пределах 70-84, то в 2004–2005 гг. в пределах 85-95, в то время как индекс у лиц пожилого возраста остался практически тот же. Надо сказать, что опыт измерения ИПН в других странах (как в высокоразвитых, к примеру, США, так и в странах с «переходной экономикой» – Польше, Венгрии) свидетельствует, что везде, несмотря на казалось бы незавидное материальное положение молодежи, она всегда более оптимистична и активна на потребительском рынке, что связано с ее большими потребностями, а также с присущей ей восприимчивостью к новому, достаточно высокой мобильностью интересов и динамичностью действий.

Влияет ли тип поселения – село, город – на уровень потребительских настроений его жителей? Географо-демографический подход позволяет говорить о том, что да и, причем, весьма существенно. Сельское население в целом более пессимистично в своих оценках, особенно, когда речь заходит об оценках текущего материального положения семей или ближайших перспектив экономического развития страны. В отличие от горожан, сельские жители на протяжении последних лет раз за разом стабильно дают все более и более низкие оценки по этим параметрам.

Учитывая все вышесказанное, отметим, что роль государства в развитии потребительского рынка в северных регионах должна быть усилена. Прежде всего, следует усилить регулирование доходов населения северных регионов через установление минимального размера оплаты труда не ниже величины прожиточного минимума с одновременным пересмотром системы районных коэффициентов к заработной плате. Необходимо наиболее полно, научно обоснованно отразить специфику северных районов в методике расчета прожиточного минимума с учетом потребительского поведения жителей этих регионов. Следует пересмотреть методику определения потребительской корзины с учетом уровня и структуры потребления населения северных регионов, увязав с местными условиями нормативы по набору продовольственных и непродовольственных товаров и услуг, макро- и микроэлементов и витаминов; рассчитать минимальный набор жилищно-коммунальных услуг и их стоимость, транспортные затраты на выезд к местам отдыха и обратно работника и членов его семьи [1, с. 44].

Таким образом, социально-экономическая жизнь в России и ее регионах с января 1992 г. характеризуется новыми экономическими реалиями. Формирование и все большее разнообразие потребительских настроений в территориальном масштабе – одна из отличительных сторон рыночных отношений. Потребительские настроения – оценки, ожидания, мотивации, деятельные позиции – как бы то ни было отражают в динамике не только массовый уровень экономической культуры населения, но и его платежеспособную состоятельность и, следовательно, потенциал товаропроизводителей. Помимо этого, анализ потребительских настроений в России расширяет представления о рыночном сознании и поведении не только товаропроизводителей, но и в большей мере потребителей, которые в условиях рыночной экономики становятся главным звеном всей системы социально-экономического развития страны.

Индекс потребительских настроений и его составляющие частные индексы, будучи барометром экономической состоятельности населения и его деятельной позиции («покупать/не покупать») на рынке товаров и услуг, должны стать неременным атрибутом общественной жизни и экономической культуры в России и ее регионах.

Потребительское поведение по своей природе является сложным комплексным феноменом и требует всестороннего изучения его как с точки зрения экономики, политики, социологии и психологии, маркетинга, так и демографии, экономической теории и менеджмента. Потребительское поведение является одним из важнейших факторов функционирования эффективной рыночной экономики.

Будущее российской и региональной экономики зависит от степени развития внутреннего потребительского рынка и учета на этом рынке потребительских настроений (поведения). Стержневым направлением оздоровления российской экономики является удовлетворение ожиданий и выражение текущих интересов отечественного массового потребителя. Именно поэтому на пути России и регионов к развитому рынку потребительских товаров и услуг призвано сыграть составление ИПН на региональном и общефедеральном уровнях с учетом развития демографических тенденций.

Литература и источники

1. Север России: актуальные проблемы развития и государственный подход к их решению. – М.; Сыктывкар, 2004.
2. Гребенниченко Д.Х., Гребенниченко С.Ф. Потребительские настроения: долгая дорога в Россию // Социологические исследования. – 1998. – № 2. – С. 31-42.
3. Новиков Ю.С., Клепиков Н.В. Проблемы управления потребительским поведением жителей северных регионов // Материалы Международной научной конференции, посвященной 65-летию экономического факультета Санкт-Петербургского университета, 22–23 сентября 2005 г. – 249 с.
4. А жизнь-то налаживается! // Аргументы и факты, 2007. – № 35.

Теория и практика исследований кредитного поведения населения**

Настоящий бум в России переживает сегодня потребительское кредитование граждан. Согласно опросу ВЦИОМа, четверть россиян брала в последнее время кредиты в банках, а в Москве и Петербурге – половина [Потребительское кредитование, 2006]. По другим данным, за последние два-три года потребительскими или банковскими кредитами пользовались более трети (39%) россиян; чаще прочих – это люди молодого и среднего возраста и лица с доходом более 3000 руб. на человека (примерно по 50%), реже – жители сел (32%), и, что любопытно, москвичи (31%). Почти две трети россиян за последнее время не имели дела с кредитами. Самыми распространенными сегодня являются кредиты на покупку бытовой техники и других товаров, предоставляемые магазинами, ими пользовались 32% россиян, 9% брали кредиты на неотложные нужды. Другие виды кредитования менее распространены. Так, автокредитом пользовались 2% опрошенных, ипотекой, кредитами на образование и на развитие бизнеса – по 1% россиян [Преснякова, 2006].

По данным опроса 2007 г., 35% россиян за последние два-три года брали кредит в банке или покупали товары в кредит, 64% за этот период кредитами не пользовались. Чаще прочих пользуются кредитами респонденты молодого и среднего возраста, граждане со средним специальным и высшим образованием, люди с относительно высокими доходами. Доля граждан, заявляющих, что они пользовались кредитами в последние два-три года, по сравнению с прошлым годом незначительно уменьшилась (на 4 п.п.). Среди пользовавшихся кредитами более половины (по России в целом 20%) пока еще продолжают выплачивать свою задолженность, остальные (15% по выборке) ее уже погасили. При этом большинство заемщиков, по их словам, никогда не задерживали выплаты (29%), и только 6% – задерживали [Преснякова, 2007].

В мировой практике предоставления кредитных (микрофинансовых) услуг выделяют четыре категории институциональных поставщиков: коммерческие банки, специализированные МФО, созданные по типу неправительственных и некоммерческих организаций, членские организации (например, сельские кооперативы и кредитные союзы) и государственные фонды.

В течение последних пяти лет наблюдается резкий рост числа городских и сельскохозяйственных кредитных кооперативов, а также численности их членов, особенно на юге России. Причем этот быстрый рост происходит вопреки отсутствию целостной нормативно-правовой базы регулирования деятельности кредитных кооперативов и ограниченному доступу к кредитным ресурсам, который они испытывают. Однако, несмотря на высокую динамику роста микрофинансового сектора в России, он находится на раннем этапе своего развития. Существующих масштабов деятельности микрофинансовых институтов недостаточно для институционального развития микробизнеса.

В то же время способность российского банковского сектора обслуживать субъекты малого предпринимательства до сих пор остается весьма низкой. Финансовое посредничество продолжает оставаться на низком уровне, при этом особый дефицит финансовых услуг наблюдается в сельских районах. Свыше 80% всех банковских активов страны сконцентрировано в Москве и Московской области. Несмотря на это Сбербанк России, на который приходится 70% вкладов физических лиц, продолжает «уходить» из убыточных сельских районов и небольших городов [Луков, 2007, с. 15-16].

Не панацеей, но частичным решением задач микрофинансирования и, в первую очередь, сельских жителей могли бы стать кредитные потребительские кооперативы граждан (КПКГ). Сейчас уже подзабылось, что рынок потребительского кредитования – один из самых молодых в России: он появился в начале 2002 г., а в 2004 г. начали говорить о том, что грядет бум потребкредитования. Если бумом можно называть удвоение объемов потребительского кредитования, то он за два года произошел. По данным Центробанка, к началу 2005 г. объем потребительских кредитов составил 618,9 млрд. руб., а уже через год он вырос до 1,2 трлн. руб. (около \$40 млрд.) [Козулькова, 2006].

Правовым полем или основанием для деятельности кредитных потребительских кооперативов граждан стал Федеральный закон «О кредитных потребительских кооперативах граждан» № 117 от 7 августа 2001 г. (в ред. Федерального закона от 03.11.2006 № 183-ФЗ). В Законе прописано, что кредитный потребительский

*Фаузер Виктор Вильгельмович (Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом социально-экономических проблем ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН, заведующий кафедрой менеджмента СыктГУ; Макарова Валентина Николаевна – соискатель кафедры менеджмента СыктГУ.

**Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 06-02-00228а «Формирование человеческих ресурсов топливно-энергетического комплекса северного региона с учетом демографической динамики».

кооператив граждан – потребительский кооператив граждан, созданный гражданами, добровольно объединившимися для удовлетворения потребностей в финансовой взаимопомощи. Кредитные потребительские кооперативы граждан могут создаваться по признаку общности места жительства, трудовой деятельности, профессиональной принадлежности или любой иной общности граждан (ст. 4 п. 1). Число членов кредитного потребительского кооператива граждан не может быть менее чем пятнадцать и более чем две тысячи человек (ст. 4 п. 2). Основными принципами деятельности кредитных потребительских кооперативов граждан являются: добровольность вступления в кредитный потребительский кооператив граждан; свобода выхода из кредитного потребительского кооператива граждан независимо от согласия других членов кредитного потребительского кооператива граждан; равенство прав и обязанностей всех членов кредитного потребительского кооператива граждан независимо от размеров паевых взносов при принятии решений; личное участие членов кредитного потребительского кооператива граждан в управлении кредитным потребительским кооперативом граждан (ст. 5). Закон определяет нижнюю возрастную границу членов кооператива: членами кредитного потребительского кооператива граждан могут быть граждане, достигшие возраста шестнадцати лет (ст. 6) [О кредитных потребительских, 2001, с. 2].

По мере развития финансового рынка Министерство финансов России, руководители потребительских союзов (кооперативов) стали осознавать, что указанный закон не отвечает реалиям сегодняшнего дня. Поэтому Минфин России совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами начали подготовку двух законопроектов – «О микрофинансовых организациях» и «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных потребительских кооперативах граждан».

Следующим шагом по улучшению ситуации с микрофинансированием становится приказ Министерства финансов Российской Федерации от 11 мая 2006 г. за № 147 «Об образовании Межведомственного Совета по разработке проекта Федерального закона «О микрофинансовых организациях». В Совет вошли представители Минфина РФ, Министерства экономического развития и торговли РФ, Министерства сельского хозяйства РФ, Центрального банка РФ, Федеральной службы по финансовым рынкам; Президент Ассоциации кредитных союзов Карелии, Председатель Совета Ассоциации Кредитных Союзов Кузбасса, Президент Южно-Российской Ассоциации Кредитных Кооперативов, исполнительный вице-президент по правовым вопросам Ассоциации российских банков, Генеральный директор союза некоммерческих саморегулируемых организаций финансовой взаимопомощи «Лига кредитных союзов», вице-президент Ассоциации региональных банков, директор Российского микрофинансового центра, члены Межрегионального общественного движения «Кредитная кооперация» и ряд других структур.

Концепцией законопроекта «О микрофинансовых организациях» предусматривается, что его действие будет распространяться на некоммерческие организации, созданные как общества взаимного кредитования в форме некоммерческих партнерств, государственные и муниципальные фонды, автономные некоммерческие организации и учреждения, а также на потребителей (физических и юридических лиц, индивидуальных предпринимателей) услуг, оказываемых некоммерческими микрофинансовыми организациями.

Принятие закона позволит устранить существующие пробелы законодательства, придать микрофинансовому сектору более динамичные темпы развития, а в результате – способствовать развитию малого предпринимательства и, в конечном счете, преодолению уровня бедности, обеспечению устойчивых темпов экономического роста и преодолению региональных различий в уровнях валового регионального продукта и занятости.

Учитывая специфику клиентской базы МФО (это субъекты малого предпринимательства, а также граждане, ведущие личные подсобные хозяйства или желающие организовать собственное дело, садоводческие, огороднические и дачные некоммерческие объединения граждан и другие категории граждан и их объединения), принятие закона облегчит им доступ к финансовым и дополняющим их социальным услугам, позволит сгладить социальную напряженность в обществе, будет способствовать обеспечению занятости.

Концепция законопроекта «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных потребительских кооперативах граждан» внесет изменения в действующее законодательство на основе международного опыта и практики функционирования аналогичных систем в мире и с учетом российских правовых условий и фактического состояния данного сегмента рынка. Предусматривается возможность создания кредитных потребительских кооперативов на региональном (второго) и на федеральном (третьего) уровнях.

Предполагается, что с его принятием доверие к кредитному потребительскому кооперативу граждан возрастет, защита интересов и прав их членов увеличится, услуги КПКГ будут развиваться более динамично, и сформируется система контроля со стороны государства за их деятельностью и за соблюдением установленных нормативов.

Реализация предусмотренных законопроектом изменений обеспечит общее совершенствование институциональных условий для развития деятельности кредитных потребительских кооперативов в РФ, приведет к развитию инфраструктуры финансового рынка, создаст механизмы привлечения частного капитала в данный сектор рынка, что приведет к существенному росту объемов финансирования населения и развитию отдельно-

го сегмента финансового сектора, необходимого для поддержки малого предпринимательства. Так что ситуация в данной сфере в ближайшее время изменится кардинально и в лучшую сторону [Луков, 2007, с. 16-17].

Понимая актуальность этого вопроса, в 2005 г. Государственный Совет Республики Коми принял закон «О целевой республиканской программе «Развитие и поддержка малого предпринимательства и потребительской кооперации в Республике Коми на 2006–2008 годы». В Программе предусмотрены реализация действующих и внедрение новых мер, направленных на формирование механизмов, облегчающих доступ субъектов малого предпринимательства к финансовым ресурсам, сделан особый акцент на мероприятия, способствующие решению проблем получения кредитных ресурсов, развитию альтернативных форм финансирования малого бизнеса (финансовая аренда (лизинг), микрокредитование). Одна из мер поддержки – субсидирование за счет средств республиканского бюджета части затрат по уплате процентов по займам, привлеченным субъектами малого предпринимательства в кредитных потребительских кооперативах граждан [Истиховская, 2007, с. 1-2].

Развитие потребительской кооперации имеет в России непростую историю. Российские кредитные кооперативы (как городские, так и сельские), насчитывавшие в 1916 г. около 14 млн. пайщиков, в советский период прекратили свое существование в качестве независимых юридических лиц. Они были преобразованы в кассы взаимопомощи, которые уже не функционировали как самостоятельные общинные организации. Управление их деятельностью осуществлялось государственными предприятиями или организациями, а также профсоюзами, предоставлявшими кассам дотации на возмещение текущих затрат. Лица, вносившие деньги в кассу взаимопомощи, не получали за это никакого вознаграждения, а те, кто брали займы, не выплачивали проценты.

В начале 1990-х гг. вновь стали возрождаться членские кредитные организации в своем первоначальном виде, когда собственниками и руководителями этих организаций являлись пайщики. Несмотря на ускоренный рост в последние пять лет, сектор кредитных кооперативов по-прежнему остается небольшим, о чем говорит степень «проникновения» кооперативных финансов в экономику страны – намного ниже 1 %.

Что касается сельской кредитной кооперации, лишь один из тысячи сельских жителей является членом кредитного кооператива, а средний объем кредита в расчете на одного селянина составляет менее одного доллара в год. Однако, несмотря на медленные темпы роста на начальном этапе развития, в последние несколько лет в данном секторе наблюдается существенный рост, хотя и с очень низкой начальной отметки. С 1998 г. число сельских кредитных кооперативов выросло в 16 раз, а членство в них – в 84 раза [Луков, 2007, с. 16].

Финансовое поведение граждан в Советском Союзе на протяжении многих десятилетий было достаточно очевидным и легко предсказуемым. Имевшая место в стране ситуация товарного дефицита не позволяла населению в полной мере реализовывать свои потребности в товарах и услугах, поэтому значительная часть сбережений была вынужденной. Выбор инструментов для их осуществления был крайне ограничен – наличные рубли и Сбербанк. Кредитная система также была недостаточно развита: предприятия через профсоюзные кассы взаимопомощи предлагали своим сотрудникам беспроцентные ссуды, материальную помощь. Следствием всего этого являлся недостаток финансового опыта у основной массы граждан.

Ситуация резко изменилась в 1990-х гг. с началом в России экономических реформ. У россиян появилась возможность свободно покупать и продавать иностранную валюту, ценные бумаги, вкладывать деньги в коммерческие банки. Актуальными стали проблемы эффективности и безопасности вложений. Одновременно увеличилась потребность в кредитах [Стребков, 2004; Социолог. исслед., 2004, с. 51].

Сегодня практически во всем мире, и особенно в высокоразвитых государствах, прослеживается достаточно четкая тенденция перехода от кредита как средства достижения определенной цели (покупки автомобиля, оплаты обучения и т.п.) к формированию особого стиля жизни, который определяет, конституирует наши потребительские нужды. В российском обществе эта тенденция также становится заметна. Кредитная культура отчасти формирует новую этику российской действительности – этику опережающего потребления.

Среди основных аспектов кредитования населения, которые исследуются западными учеными, чаще всего фигурируют общий объем долга семьи, наличие отдельных долгов у каждого из супругов, количество кредитных карточек, доля средств, уходящих на ежемесячное погашение долга. Важным вопросом является исследование кризисного долга, т.е. ситуации, в которой индивид или домохозяйство не в состоянии вовремя расплатиться по счетам, задолженность нарастает как снежный ком, и оно вынуждено объявить себя банкротом.

В России подобные исследования до сих пор достаточно редки. В российской практике при изучении финансового поведения населения основной акцент делается в первую очередь на изучении сберегательного и инвестиционного потенциала граждан. Между тем, актуальность рассмотрения различных аспектов кредитования в нашей стране становится все более очевидной. За последние годы произошло немало перемен: рост реальных доходов граждан, оптимистических настроений, усиление ощущения экономической и политической стабильности, уверенности в завтрашнем дне. Существенно расширилось и по объему, и по ассортименту предложение дорогостоящих товаров и услуг на рынке. Открываются новые торговые центры, расширяются

торговые сети, развивается Интернет-торговля. Это все обусловило то, что различные аспекты финансового поведения населения с середины 1990-х гг. становятся предметом междисциплинарных исследований: экономистов, социологов, психологов.

В то же время резкий рост предложения кредитных услуг обусловлен не только институциональными изменениями в экономике и кредитно-финансовой сфере, но и тем, что гораздо более важно, постепенным изменением у людей ценностно-нормативных установок по отношению к долгу и кредиту [Стребков, 2007, с. 52-53]. Сделаем здесь два пояснения. В экономической науке под кредитом понимается экономическая сделка, при которой один партнер предоставляет другому денежные средства или имущество на условиях срочности, возвратности и платности [Финансово-кредитный, 2004, с. 440]. Долг – это экономическая категория, отражающая отношения различных субъектов по поводу возникновения задолженности одной стороны перед другой и своевременного ее погашения в оговоренные сроки и в оговоренной форме [Финансово-кредитный, 2004, с. 292].

В социологической и экономической практике накоплен определенный опыт изучения кредитного поведения населения. Приведем те исследования, где на наш взгляд затронуты демографические характеристики населения и их влияние на кредитное поведение граждан.

В июне 1995 г. сектором экономической социологии ИЭ РАН было проведено исследование, цель которого состояла в анализе поведения средних слоев населения в области личных сбережений, а также в выявлении мотивов этого поведения. Исследование базируется на данных социологического опроса руководителей, специалистов и рабочих, проведенного более чем на 60 (преимущественно промышленных) предприятиях трех городов России – Москвы, Нижнего Новгорода и Иванова. Всего опрошено 303 респондента. Данный опрос был повторным. Годом ранее, в июне 1994 г., проводилось аналогичное обследование по тем же выборкам. Достижимая сопоставимость основных параметров выборки позволила в ряде случаев оценивать динамику отдельных процессов.

По данным опроса, в течение последнего года откладывали деньги примерно 40% опрошенных (год назад эта доля была несколько большей), в том числе только каждый шестнадцатый делал это регулярно, а каждый третий – лишь время от времени (в 1994 г. – 8,6 и 37,3% соответственно). Не удавалось откладывать денежные средства более чем половине респондентов – 60,8% (54,1% в 1994 г.). Имеют денежные сбережения в настоящее время, судя по ответам, чуть более трети – 37,7%, не имеют таковых – 62,3%.

Итак, в структуре работающего населения можно выделить две неблагоприятные группы, охватывающие в целом до 60% опрошенных. Первая группа («несберегатели») включает респондентов, у которых явно отсутствуют и сбережения, и сберегательная активность (20-25%). Вторая группа («полусберегатели»), охватывающая около 35-40%, близка к «несберегателям». Но что касается их положения, то здесь все же существуют определенные сомнения: они могут иметь некие сбережения. Оставшиеся 40% заявили о наличии у них сбережений и совершении сберегательных действий. Здесь мы тоже не можем говорить об однородной группе и не должны рассматривать их сбережения как однородную массу. Следует не только оценивать размеры этих сбережений, но, что более важно, анализировать то, какие функции они выполняют, какие побудительные мотивы за ними скрываются.

Рассмотрим два принципиальных, как нам кажется, функциональных различия. Первое: сбережения могут обслуживать как долгосрочные, так и краткосрочные интересы населения. Второе: сбережения могут выступать как инструмент экономического выживания или как средство обеспечения социального комфорта. От того, какие функции будут реализовывать сберегательные действия населения, зависит очень многое.

Что можно отнести к долгосрочным интересам? Это – обеспечение себя качественным жильем, включая его покупку, строительство и ремонт некосметического характера; поддержание и улучшение здоровья, достигаемое посредством отдыха и лечения; развитие своего дела; забота о собственной старости и пенсионном обеспечении; забота о детях и внуках, включая оплату их образования и завещание им приличного наследства; наконец, вложения с целью получения дополнительного дохода в отдаленной перспективе. В свою очередь, обеспечение краткосрочных интересов включает: оказание поддержки родственникам и близким; своевременное возвращение долгов; покупку необходимых вещей; наличие минимальных резервных средств для текущих нужд; празднование особых событий.

Оценим второе функциональное разделение (выживание или комфорт). Когда мы говорим о части сбережений, используемой для обеспечения социально-экономического комфорта, то имеем в виду не просто гедонистические потребности и элементарные удобства, а то, что можно несколько расплывчато назвать «достойной», уважаемой жизнью. Это означает снятие текущего бытового напряжения благодаря наличию необходимых денежных резервов и, кроме того, возможность: следовать устоявшимся привычкам, куда-то поехать, отдохнуть, развлечься, отметить традиционные праздники и особо важные события, обеспечить определенный социальный престиж и мнение о себе как о человеке «со средствами», «с обеспеченным будущим». В противоположность этому социально-экономическое выживание – это сведение концов с концами, страхова-

ние себя на «черный день», оказание необходимой помощи нуждающимся близким, а также возврат своих долгов. Здесь ставятся задачи поддержания сложившегося уровня, простого жизнеобеспечения, достигаемого к тому же ценой изрядного напряжения в борьбе с вызовами внешней среды.

Что же характеризует сберегательные мотивации наших респондентов по полученным данным? Если исходя из средних значений разделить мотивы на две равные группы по степени их важности для людей, то оказывается, что в число более значимых входят именно мотивы выживания и мотивы, связанные с краткосрочными ориентациями. Так, на первых местах оказались помощь близким, покупка товаров длительного пользования, страховка на «черный день», возврат долгов. Исключение составляет высокая значимость мотивов помощи детям (дать им образование, оставить наследство). Наряду с мотивом обеспечения собственной старости они образуют самостоятельные мотивационные факторы. Однако по сравнению с прошлым годом роль последних несколько снизилась, зато повысилась значимость мотивов осуществления крупных покупок и материальной взаимопомощи.

Что же касается второй группы мотивов, отмеченных в среднем как менее важные, то интересующий многих экспертов мотив получения дополнительного дохода относится именно к ней. За ним идут потребности социального комфорта (отдых и развлечения, следование привычкам, повышение престижа) и развития собственного дела (у многих такого дела нет и не будет). Такие мотивы, по данным опроса, в 1994 г. занимали те же нижние позиции в перечне побуждений к сбережению.

Вернемся к сберегающей части работающего населения. Разделим их условно на две группы – собственно «сберегателей» и «инвесторов». К первым относятся примерно 25-30%, ко вторым – 10-15% опрошенных. Группы образованы так: «сберегатели» имеют денежные сбережения, но тратят их в основном на текущие нужды; «инвесторы», обладая сбережениями, тратят их на дорогостоящие покупки, отдых и лечение, а также на прочие нужды перспективного характера. В определение «инвесторов» введен еще один дополнительный критерий, чтобы ограничить эту группу людьми, занимающими более прочное положение и имеющими относительно значимые накопления: их денежные сбережения превышают личный месячный доход минимум в 1,5-2 раза. Таким образом, «инвесторы» отличаются от «сберегателей» не потому, что первые уже вкладывают средства в производство, непосредственно или через финансовые институты, а вторые хранят деньги «в чулках». Мы пытаемся провести различия по способам использования сбережений, по выполняемой ими функциональной роли и посредством этого оценить уровень инвестиционного потенциала населения, обеспечиваемый сбережениями «запас прочности».

Опишем эти группы чуть подробнее. Первая группа – «сберегатели» – вынуждена в основном заботиться о выживании в краткосрочной перспективе. Размеры их сбережений невелики, чаще всего не превышают одного-двукратного объема личного месячного дохода. Это характерно для половины тех, кто вообще заявил о наличии денежных сбережений (20% всех опрошенных). Отметим, что, как правило, речь идет о доходах от 200 тыс. до 500 тыс. руб., реже – от полумиллиона до миллиона рублей (в ценах 1996 г.).

Вторую группу – «инвесторов» – в меньшей степени беспокоят текущие бытовые проблемы. Здесь наблюдается повышенный удельный вес руководителей разного уровня. Доля зарплаты в доходах у «инвесторов» на 10 процентных пунктов ниже, чем у остальных. Зато на 10% выше доля предпринимательских доходов. И 3% достигает доля доходов, получаемых от сдачи в аренду жилья и имущества, что косвенно свидетельствует в пользу их лучшей имущественной обеспеченности (у прочих групп таких доходов фактически нет) [Луценко, Радаев, 1996, с. 63-75].

К числу первых работ по финансовому поведению домохозяйств также можно отнести исследование Тапилиной и Богомоловой. Основная цель приводимого исследования состояла в том, чтобы проследить, с одной стороны, как население распоряжается остающимися у него деньгами, на какие цели их направляет, и, с другой стороны, за счет чего домохозяйства решают проблему нехватки средств. Иными словами – выявить характер **финансового поведения домохозяйств**, связанного с оперированием денежными средствами, находящимися за рамками текущего потребления.

Информационной базой исследования послужили материалы Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), проводившегося Университетом Северной Каролины (США), Институтом социологии РАН и Институтом питания Академии медицинских наук. Были использованы данные, полученные на втором этапе мониторинга, в ходе которого ежегодно (в декабре 1994 г., октябре 1995 г. и октябре 1996 г.) опрашивались около 11 тыс. респондентов в 4 тыс. домохозяйств различных регионов России.

Конкретные способы финансового поведения (например, покупку валюты, получение кредита и т.д.) можно отнести к одному из двух его видов: позитивному или негативному. **Позитивное финансовое поведение** – это деятельность домохозяйств по уменьшению долгов и высвобождению средств из сферы текущего потребления для осуществления вложений в будущие доходы. **Негативное финансовое поведение** характеризуется дополнительным вовлечением средств в текущее потребление за счет увеличения долгов, траты сбережений, продажи части имущества. Заметим, что термины «позитивное» и «негативное» отражают всего лишь знак

изменения – увеличение или уменьшение – накоплений в результате соответствующего поведения, а отнюдь не оценку «хорошее» или «плохое». Наряду с финансово-активными домохозяйствами, т.е. проводящими ту или иную финансовую стратегию, в совокупности домохозяйств есть и другая часть: финансово-пассивные, не обнаруживающие каких-либо признаков позитивного или негативного финансового поведения.

Преобладающим способом позитивного финансового поведения является **передача денег в долг** физическим лицам, а негативного – **получение денег в долг**. Второй по распространенности вид финансового поведения – операции с денежными сбережениями: аккумуляция денег на сберегательных счетах или хранение дома (в рублях, в валюте), либо, наоборот, их расходование. Обращает на себя внимание крайне незначительная доля домохозяйств, вкладывающих деньги в ценные бумаги. Непопулярность ценных бумаг как инструмента накопления и преумножения средств объясняется прежде всего слабой информированностью населения относительно возможностей данного рынка, незнанием механизма защиты и обращения ценных бумаг, боязнью «прогореть», участвуя в финансовых пирамидах.

Распространенность различных видов финансового поведения
в 1994–1996 гг., % от общего числа домохозяйств

Виды и способы финансового поведения	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Позитивное поведение	34,5	25,6	23,0
Покупка ценных бумаг	1,2	0,2	0,3
Уплата страховых взносов	5,6	3,7	2,8
Погашение кредита, долга	7,7	5,8	5,0
Дача денег в долг	17,1	13,8	13,2
Откладывание в виде сбережений	10,7	7,2	5,7
Негативное поведение	25,9	25,5	28,6
Продажа имущества	2,6	2,4	1,8
Денежные долги, кредиты	19,6	19,6	20,7
Трата сбережений, продажа драгоценностей, валюты	5,8	5,9	8,2

Из таблицы видно, как меняется соотношение домохозяйств с позитивным и негативным финансовым поведением. За три года в 1,5 раза уменьшилось число семей, аккумулирующих свои накопления, и увеличилось количество тратящих и продающих – масштабы активности населения в рамках позитивного финансового поведения сокращаются. Наряду с этим стала таять общая сумма накоплений: так, если в 1994 г. средства, отложенные в виде сбережений, несколько превышали суммы, снятые со счетов, то в 1995 г. со счетов было снято в 2,2 раза больше, чем отложено, в 1996 г. этот разрыв вырос до 2,6 раз.

Наряду с выделением видов финансового поведения населения в работе отмечается и несколько типов или моделей их финансового поведения:

- сберегатели – домохозяйства, отличающиеся только позитивным финансовым поведением;
- антисберегатели – домохозяйства, для которых характерно только негативное финансовое поведение;
- смешанная модель – домохозяйства, сочетающие позитивное и негативное финансовое поведение;
- пассивная модель, соответствующая отсутствию какого-либо финансового поведения.

В работе был сделан вывод для того периода времени, что динамика финансового поведения населения России характеризуется тревожными тенденциями: сужением масштабов позитивного поведения; ростом отрицательного сальдо в соотношении сумм денежных средств, связанных с позитивным и негативным финансовым поведением, сокращением доли семейных доходов, направляемых на накопление. Они порождены экономической ситуацией, сложившейся в стране в середине 1990-х гг. Именно тогда явно обозначились или приобрели особую остроту проблемы роста явной и скрытой безработицы, увеличения продолжительности «принудительных» административных отпусков, невыплаты заработной платы, пенсий, пособий. На этот же период приходится разорение многих банков и крах финансовых пирамид, лишившие миллионы вкладчиков их накоплений.

Результаты исследования показали, что **свободные деньги у населения есть. Но то, что они могут быть привлечены в качестве инвестиций, – возможность лишь чисто теоретическая**, поскольку подавляющая часть сберегаемых денег (особенно крупных сумм) сконцентрирована в руках немногих. Поэтому, в частности, надежды на население как на инвестора, способного оживить массовое жилищное строительство, вряд ли являются обоснованными.

Нестабильность финансовых структур, нежелание частных банков активно работать с мелкими вкладчиками, неспособность государства защитить интересы миллионов обманутых вкладчиков подорвали доверие и к финансовым структурам, и к государству, явились одной из причин сокращения как числа сберегателей, так и размеров сберегаемых сумм. Это сужает материально-экономическую базу будущего у работающего населения. Отношение, демонстрируемое властями к обладателям вкладов на протяжении 1990-х гг., особенно силь-

но отразилось на людях старшего поколения: миллионы пожилых людей, потеряв накопленное на старость, оказались беззащитными перед лицом материально-экономических проблем.

В работе отмечается и такой важный для нас факт, что финансовая активность населения определяется наряду с уровнем дохода, возрастом индивидов, составом семьи, местом проживания, так и ориентированностью на сбережения и умением сберегать денежные средства. Кроме того, для тех, у кого существует альтернатива сберегать денежные средства или расходовать их на алкоголь, в силу культурных ориентации выбор нередко делается в пользу алкоголя. В целом же **влияние социально-культурного фактора является серьезным ограничением прямого регулирования сберегательной активности населения** [Тапилина, Богомолова, 1998, с. 119-128].

Сбережения населения являются одним из важных факторов экономического роста, сдерживаемого в настоящее время отсутствием необходимого объема инвестиций. Нереализованный инвестиционный потенциал частных сбережений – одна из причин того, почему население в большинстве случаев использует неинвестиционные модели сберегательного поведения. В 1996 г. Центральный Банк РФ поручил ИСЭПН РАН провести в 13 регионах России социологическое исследование, направленное на выявление объема, структуры и организации частных сбережений. Объем выборки – 8000 домохозяйств. Руководители исследования – Н.М. Римащевская и И.Е. Дискин (в работе помимо авторов приняли участие Г.В. Волкова, А.А. Овсянников, Л.А. Мигранова, М.В. Михайлюк).

С началом экономических реформ уровень жизни населения России резко снизился вследствие освобождения цен и высокой инфляции. Исчезли все прежние и вновь создаваемые сбережения. Перед населением встала задача адаптации к новым условиям, но для одних это была задача выживания, для других – восстановления привычного уровня жизни, для третьих – достижения более высоких, чем прежде, жизненных стандартов. Это и послужило базой формирования различных стратегий сберегательного поведения.

В новой ситуации появились возможности увеличения доходов, которых не было раньше: в качестве источников дохода стала выступать не только заработная плата за основную и дополнительную трудовую деятельность, но и владение собственностью в виде недвижимости, ценных бумаг, наконец, доходы от сбережений.

Таким образом, в конце 1990-х гг. проявилось резкое расхождение целей финансовой политики государства и реального сберегательного поведения населения. Это рассогласование потребовало более пристального внимания к процессу формирования и использования сбережений населения. При усилении расслоения населения меняются потребительские ориентации людей, появляются новые виды сбережений.

Под сбережениями принято понимать денежные вклады, ценные бумаги, а также свободные денежные средства на руках у населения, независимо от причин их образования (отложенный или неудовлетворенный спрос, форма хранения денег).

Лишь десятая часть обследованных семей в числе других видов сбережений имеет ликвидные ценные бумаги, обладающие реальной стоимостью. В проведенном исследовании опрашивались семьи, которые разделились на несколько групп: 1) не имеющие никаких сбережений (27,5%); 2) имеющие только акции предприятий и инвестиционных фондов (13,5%); 3) имеющие сбережения разного вида (58,6%) [Аврамова, Овчарова, 1998, с. 62-67].

Вряд ли возможно рассматривать всю совокупность сбережений населения как стопроцентный потенциальный инвестиционный ресурс. Современная макроэкономическая теория констатирует тот факт, что в рамках рыночной экономики решения о сбережениях и инвестициях принимаются, по существу, разными группами людей. Приведение к соответствию различий между субъектами сбережений и инвесторами – серьезная проблема макроэкономической оптимизации экономики. Одним из основных инструментов совмещения целей сберегателей и инвесторов, безусловно, является ставка процента по вкладам и кредитам. Но таков далеко не единственно значимый фактор. Некоторые семьи сберегают, чтобы сделать крупные покупки, стоимость которых превышает размер мобильного дохода. Сбережения осуществляются и в целях будущих потребностей домохозяйства. Многие семьи рассматривают сбережения как запас на непредвиденный случай. Ни один из рассмотренных выше мотивов не является особенно чувствительным к процентной ставке по вкладам. С учетом этих обстоятельств авторы предлагают следующую типологию сберегательных мотиваций населения:

1. Сбережения, ориентированные только на текущее потребление.
2. Сбережения, создаваемые с целью резерва на непредвиденный случай. Сюда относятся резерв на случай потери работы, на непредвиденный случай и на похороны.
3. Сбережения, формируемые с целью приобретения дорогих предметов (покупка товаров длительного пользования: строительство, ремонт или покупка жилья, дачи, гаражи; покупка транспортных средств и их ремонт).
4. Сбережения, ориентированные на будущие потребности семьи и расходы, связанные со здоровьем и проведением досуга (образование, отдых, спорт, оздоровление, лечение, помощь детям).

5. Группа домохозяйств с широким спектром сберегательных мотивов, представляющих собой комбинацию из сберегательных ориентаций третьей и четвертой групп.

6. Мотивацией выступает стремление иметь запас денежных средств, чтобы израсходовать их по мере необходимости.

7. Сбережения, накапливаемые и используемые с инвестиционными целями (для предпринимательской деятельности, приобретения акций и ценных бумаг, как источник дополнительного дохода).

Последняя группа характеризуется более высокой эластичностью относительно инструментов инвестиционного регулирования, третья, четвертая и пятая достаточно чувствительны к изменениям в инвестиционной сфере, а две первые практически не реагируют на инвестиционную политику. В целом, типология сберегательных мотивов построена по принципу непересекающихся множеств. Все гипотетически предполагаемые типы сберегательных мотивов оказались значимыми в пределах допустимой ошибки выборки. Вместе с тем даже на уровне первичного анализа результаты обследования свидетельствуют о том, что несмотря на объективно существующее противоречие в целевых установках сберегателей и инвесторов, инвестиционные предпочтения в использовании сбережений присущи значительному числу семей. В отдельных регионах (например, Москве и Иркутской области) их доля превышает 30%.

Следует также отметить, что налицо проявление территориальных различий в реализованных и предполагаемых целях использования сбережений. В кризисных регионах (Воронежская область) доля семей, использовавших в 1996 г. сбережения только на текущее потребление, в два раза выше, чем в регионах-донорах (например, Москва). Противоположной тенденцией характеризуются региональные различия в значимости инвестиционных сберегательных предпочтений: среди домохозяйств, реализовавших свои сберегательные мотивы, в Воронежской области их доля в два раза ниже, чем в Москве. В целом исследование показало, что в России одним из способов трансформации наличных сбережений в инвестиции становится развитие систем кредитования, расширения потребительского и ипотечного кредитования [Аврамова, Овчарова, 1998, с. 62-67].

В новом столетии обращают на себя внимание методические и прикладные работы Стребкова [Стребков, Потребности и предпочтения, 2004; Стребков, Основные типы, 2004; Стребков, Модели кредитного поведения 2007]. Главным их достоинством является то, что автор предлагает методические подходы и основания для построения типологии кредитного поведения населения.

Обычно для построения типологии используются три основания, в том числе мотивация деятельности и предпочтения в выборе финансовых инструментов. Безусловно, мотивация является важнейшим звеном в цепочке формирования домохозяйством своей финансовой стратегии. С одной стороны, это исходный пункт, из которого вытекает необходимость осуществления сбережений или получения кредита. А с другой – мотивация выступает конечным пунктом, после реализации которого, т.е. после достижения требуемой цели (покупка недвижимости, расходы на образование, лечение и т.д.) и погашения долга начинает раскручиваться уже новый виток спирали. Поэтому неудивительно, что именно мотивация использовалась многими исследователями в качестве основы для построения типологии финансового поведения.

В своей первой работе [Стребков, Потребности и предпочтения, 2004] автором приводится мотивация кредитного поведения. Характер спроса на те или иные кредитные услуги определяется в первую очередь наличием у населения потребностей в дополнительных денежных средствах и их структурой. Первый шаг в определении этой структуры состоит в анализе потребностей граждан безотносительно к их желанию или нежеланию брать кредит.

Результаты исследования показывают, что основным мотивом осуществления сбережений является приобретение вещей для дома (мебели, бытовой техники и т.п.) – 35%. Около 32% домохозяйств готовы откладывать деньги на оплату лечения кого-то из членов семьи, 31% хотели бы иметь средства на непредвиденный случай, «черный день». Следом идут такие мотивы, как расходы на образование кого-то из членов семьи (30%), ремонт квартиры, дома (29%), приобретение недвижимости (27%). Таким образом, нельзя сказать, что в современном российском обществе преобладает какой-либо один тип мотивации: и потребительские, и страховые, и инвестиционные мотивы имеют приблизительно равную распространенность.

Вторым шагом анализа структуры кредитной мотивации является изучение потребностей людей в ситуации возможного кредитования. Выделяются пять основных целей получения кредита. Первая из них – приобретение недвижимости или улучшение жилищных условий – ее назвали 52% ответивших на вопрос. Следом идут приобретение вещей для дома (43%), получение образования (37%), лечение кого-то из членов семьи (33%) и ремонт квартиры, дома (32%).

Третий шаг – определение главной, центральной цели возможного получения кредита, которая для домохозяйства является наиболее актуальной, и могла бы быть реализована в первую очередь. Около трети (36%) от всех респондентов, готовых взять кредит на приемлемых для них финансовых условиях, в качестве основной своей цели назвали приобретение недвижимости или улучшение жилищных условий. Достаточно важными являются и такие мотивы, как получение образования (16%) или лечение (13%), а также приобретение вещей

для дома (10%). Эти четыре позиции в совокупности охватывают 75% всех потребностей населения в кредите, и именно на них финансовым организациям в первую очередь следует ориентироваться при разработке кредитных программ.

В данной работе автор также, анализируя текущую ситуацию на рынке долга и кредита, отмечает, что весьма распространенным явлением стала практика неинституциональных кредитов. В течение последних трех-четырёх лет 31,6% опрошенных приходилось хотя бы раз брать в долг у своих родственников, а 28,7% – у друзей или знакомых. В то же время опыт получения кредита на предприятии, в банке или другой финансовой организации имеют очень немногие граждане – всего 17,3%. Из них брали кредит в Сбербанке – 3,9%; в коммерческом банке – 1,3%; в ломбарде – 5,7%; по месту работы – 5,8%; делали покупки в кредит – 5,4%. Услугами кредитных союзов не пользовался никто из опрошенных.

Результаты исследования показали, что значительная часть российских граждан испытывает потребность в получении «дешевого» потребительского кредита и расширении спектра кредитных услуг. С одной стороны, это граждане со средним уровнем дохода – для осуществления дорогостоящих покупок, организации малого бизнеса они ориентируются на относительно крупные средне- и долгосрочные займы. С другой – потенциальными заемщиками являются и малообеспеченные слои населения, которым кредит нужен для поддержания уровня жизни на приемлемом уровне, для оплаты медицинских услуг. Они испытывают потребность, преимущественно, в мелких краткосрочных займах. Однако многие из этих людей не берут деньги в долг не потому, что не могут реально этого сделать, а потому что боятся, что не смогут вернуть их в будущем.

Финансовыми институтами, способными составить реальную альтернативу банкам на этом сегменте рынка, могли бы стать общества взаимного кредитования или кредитные союзы. Эти организации могут предложить своим вкладчикам более высокие проценты по сбережениям и более низкие проценты по выдаче кредитов, так как здесь существенно сокращен уровень накладных расходов. А цена получения кредита практически для всех потенциальных заемщиков является важнейшим параметром, который принимается во внимание в первую очередь.

Однако здесь существуют две основные проблемы. Во-первых, и о самом существовании таких организаций, и об основных принципах их функционирования подавляющему большинству граждан ничего не известно. Никто из опрошенных сам не участвовал в деятельности подобных объединений. Поэтому здесь требуется проведение специальной разъяснительной политики. Во-вторых, граждане рассматривают частные финансовые объединения как чрезвычайно рискованные. Люди проявляют готовность сотрудничать только с организациями, имеющими государственную поддержку. В этой ситуации государство могло бы взять на себя функции контроля и координации деятельности кредитных союзов [Стребков, Потребности и предпочтения, 2004, с. 52, 58-59]. Вывод автора лишней раз подтверждает актуальность выбранной нами темы исследования.

В другой работе автор обращает внимание, что на отношение граждан к получению денег в долг оказывают значимое влияние следующие параметры: возраст, образование, род занятий, сфера занятости, уровень дохода семьи. Не влияют на отношение к заимствованиям такие параметры, как пол и должность [Стребков, Основные типы, 2004, с. 117-118]. Этот результат также показал, что кредитное поведение населения необходимо изучать с учетом демографических характеристик населения.

В социологической литературе «кредит» понимается более широко – не только как институциональный, но и как неинституциональный, межличностный долг. Наиболее часто под *кредитным (заемным) поведением* понимают деятельность индивида или домохозяйства, в процессе которой происходит заимствование денежных средств, предполагающее их обязательное последующее возвращение. Данное поведение может быть рассмотрено в разрезе пяти основных его составляющих:

- осуществление заимствований и их регулярность;
- выбор кредитора (индивида или организации); при этом возможно одновременное обращение к различным источникам денежных средств;
- размер кредита;
- срок погашения кредита;
- наличие и величина процентных ставок (цена кредита).

Финансовое поведение российских домохозяйств крайне неоднородно: есть группы, которые охотно берут деньги в долг для решения своих текущих материальных проблем. Другие, вероятно, хотели бы взять кредит, но опасаются, что не смогут вернуть его вовремя или считают действующие процентные ставки слишком высокими. Третьи принципиально никогда не берут деньги в долг, а вместо этого пытаются решать свои проблемы иными способами. Следовательно, можно говорить о существовании нескольких наиболее типичных моделей кредитного поведения населения. Для построения типологии обычно используются три основания.

1. Наличие или отсутствие задолженности и сбережений (текущее финансовое поведение).
2. Мотивация деятельности и предпочтения в выборе финансовых инструментов.

3. Принципы управления бюджетом в домохозяйстве.

В данном исследовании основное внимание обращается на типологию граждан в соответствии с их отношением к долговым обязательствам (и как следствие выделение групп, потенциально готовых и заинтересованных в получении кредита), а также определение факторов, оказывающих наибольшее влияние на выбор модели кредитного поведения.

В качестве источника эмпирических данных используются результаты квартирного опроса домохозяйств в пяти российских областных центрах: Москве, Самаре, Екатеринбурге, Краснодаре и Пскове. Опрос проводился в период с 15 сентября по 15 октября 2002 г. В каждом домохозяйстве опрашивался один человек (старше 18 лет), принимающий основные финансовые решения. Метод сбора данных – личное формализованное интервью. Использовалась маршрутная выборка, общий объем выборочной совокупности составил 976 чел. Целью исследования было изучение текущего кредитного поведения населения, выявление основных установок по отношению к долгу и оценка перспектив развития кредитной системы в России.

Отношение населения к деньгам, сбережениям и долгу, использовались для кластеризации респондентов – выделения достаточно однородных групп граждан, имеющих сходные установки, предпочтения, социокультурные стереотипы. Таких основных групп было выделено шесть.

Вынужденные потребители (15%) – это очень бедные и отчаявшиеся люди, у них нет сбережений. Они никому не дают деньги в долг и сами никогда не занимают, не берут кредиты и ни при каких условиях не готовы рисковать. Практически все доходы уходят на покупку продуктов питания и товаров первой необходимости. Им ничего уже не нужно, они ни во что не верят и ни на что не надеются. Жизнь сделала их озлобленными и раздраженными. К обеспеченным людям относятся крайне негативно. Совершенно не разбираются в финансовых вопросах.

Активные сберегатели (21%) также характеризуются достаточно низким уровнем материального положения, но если у них появляются свободные денежные средства, стараются их откладывать, делать сбережения. Наличие сбережений рассматривается как важный показатель стабильности, безопасности. Деньги в долг не дают практически никогда и сами стараются не брать, так как нечем отдавать. Разделяют понятия кредита и долга. К кредиту относятся положительно, к долгу – отрицательно. Считают, что нужно жить по средствам, экономно, а в долги залезают только бездельники и тунеядцы.

Осторожные сберегатели (13%), наоборот, охотно готовы дать деньги в долг другим, но сами не склонны занимать и брать кредиты. Они, скорее, будут работать столько, сколько нужно, чтобы накопить необходимую сумму. В финансовых вопросах проявляют осторожность и осмотрительность: считают, что «лучше синица в руке, чем журавль в небе». Не готовы рисковать, внимательно и бережно относятся к деньгам. По их мнению, деньги в долг берут не бездельники или тунеядцы и не расчетливые, уверенные в себе граждане, а несчастные люди, которых к этому вынуждают обстоятельства, поэтому относятся к ним с пониманием и сочувствием.

Осторожные заемщики (11%) другим людям деньги в долг практически никогда не дают, но сами весьма положительно относятся к займам и кредитам. Сбережения делают, но полагают, что с их помощью решить те проблемы, которые у них есть, невозможно. Осторожно относятся к крупным тратам. Это люди с умеренными доходами – не богатые, но и не бедные. Стремятся повысить уровень своего материального положения, которым они не удовлетворены. Имеют потребность в кредите и желание его взять, но боятся, что не смогут вернуть кредит вовремя. Склонность к риску – средняя.

Активные заемщики (18%) спокойно относятся к деньгам: могут сами дать в долг другим, а в случае необходимости занять или взять кредит, делают сбережения, способны идти на риск. Хорошо информированы по финансовым вопросам. Самая перспективная с точки зрения получения кредита группа – и хотят его взять, и планируют это сделать.

Активные потребители (13%) имеют относительно высокий уровень дохода и демонстрируют легкое отношение к жизни. Не знают, что такое бережливость – считают, что деньги надо тратить, использовать, а никак не копить, соответственно не считают нужным делать сбережения. Скептически относятся к кредитам, не стремятся их брать, поскольку сами способны обеспечить себе достойный уровень жизни. Предпочитают не связываться с банками и финансовыми организациями, свои проблемы решают через родственников и друзей. В случае необходимости легко возьмут деньги в долг, так как знают, что всегда смогут рассчитаться. Точно так же сами могут предоставить своим знакомым финансовую помощь. Готовы рисковать – демонстрируют очень высокую склонность к риску [Стребков, Основные типы, 2004, с. 109-128].

В следующем исследовании [Стребков, 2007, с. 52-62], которое осуществлялось в 2004 г. путём опроса москвичей, участвовавших ранее в качестве респондентов в первом исследовательском проекте. Однако в этот раз в качестве метода сбора данных использовалось глубинное полужформализованное интервью. Для каждого из шести типов финансового поведения было отобрано по 15-20 граждан, составляющих ядро кластера, т.е. наиболее точно соответствующих модели данного финансового поведения (имеющих минимальное расстоя-

ние до центра кластера). Однако из первоначальной базы респондентов удалось опросить лишь 23 чел. Для того чтобы получить запланированный объем эмпирических данных, методом снежного кома дополнительно было набрано и проинтервьюировано еще 12 чел., не принимавших участие в исследовании в 2002 г. Итоговый размер выборки составил 35 чел.

Всем участникам исследования был задан ряд вопросов из анкеты 2002 г., касающихся их ценностно-нормативных установок. На их основе рассчитана обновленная структура респондентов с точки зрения принадлежности к одному из шести выделенных кластеров. В целом, удалось добиться более-менее равномерного распределения респондентов по кластерам: наполненность каждого из них составила от четырех до девяти человек.

Что касается социально-демографической структуры полученной выборочной совокупности, то и она не обладает сколько-нибудь явно выраженной спецификой. Отобранные респонденты характеризуют самые разные слои населения, и выборка по всем основным параметрам (пол, возраст, род занятий, сфера занятости, служебное положение) в целом соответствует генеральной совокупности. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что при анализе данных не происходит смещения результатов в сторону какой-либо отдельной специфической группы населения.

Основные модели отношения к долгу и кредиту. Анализ собранных в ходе исследования данных позволил выделить четыре основные группы респондентов с точки зрения их фактического кредитного поведения.

1. Люди, периодически испытывающие нехватку денежных средств для совершения крупных покупок, **предпочитающие делать сбережения,** вместо того чтобы использовать заемные средства. Это наиболее консервативная в отношении кредита группа, которая предпочитает опираться исключительно на собственные силы. Некоторые из этих людей принципиально не берут деньги в долг, другие стараются приспособиться и экономно расходовать имеющиеся денежные средства, третьи боятся, что впоследствии не смогут расплатиться с кредиторами. *«Нет, я не беру, не брал и не буду брать. Лучше я что-нибудь не куплю, что думал. Потому что если в долги раз залезть, то потом уже не выкарабкаться»* (Антон А., 47 лет, сержант милиции).

2. Люди, склонные в большей степени пользоваться неформальными кредитами, займами у родственников, друзей или знакомых. Их не устраивает современная система банковского кредитования и те условия, на которых сегодня предоставляется кредит, поэтому они предпочитают использовать возможности своих социальных сетей, прибегая к неформальной материальной помощи, а кредит рассматривают для себя как самый крайний вариант: *«Лично я предпочту занять у кого-нибудь деньги и таким образом купить. Потому что меня не устраивают проценты, которые завышены в коммерческих банках. А в Сбербанке меня не устраивает отношение [к клиентам], когда ты приходишь»* (Ирина А., 45 лет, преподаватель вуза). Как правило, эти люди достаточно обеспечены и имеют друзей и знакомых, способных одолжить им в случае необходимости требуемую сумму денег.

3. Люди, склонные в большей степени пользоваться банковскими кредитами. Под эту категорию попадают граждане, которые либо уже брали кредит (через магазин или непосредственно в банке), либо те, кто хотел бы это сделать в будущем. Не берут кредит люди в силу различных обстоятельств, но чаще всего проблема заключается в том, что потенциальный заемщик не соответствует формальным требованиям банка или попадает в «группу риска». Особенно актуально это для молодых семей, имеющих маленьких детей, пенсионеров, лиц, имеющих невысокую официальную («белую») зарплату. Многие из тех, кто однажды уже воспользовался кредитом, остаются его активными сторонниками. Свои будущие финансовые стратегии они предпочитают рассматривать именно с точки зрения формального, банковского кредита.

При этом среди заемщиков есть и те, у кого первый опыт получения кредита оказался скорее негативным. Тем не менее, результаты исследования показывают, что наличие опыта во многих случаях не снижает желание людей брать кредит в дальнейшем: *«Я думаю, это [негативный опыт] повлияло положительным образом, потому что я знаю теперь о наличии подводных камней, уже примерно знаю, чего ожидать, я умею рассчитывать, сколько мне нужно заплатить, чтобы шло не только погашение процентов, но и погашение долга»* (Наталья Ф., 37 лет, медработник).

Есть и такие люди, чей интерес к кредиту обусловлен прежде всего любопытством и желанием попробовать эту новую услугу. Как правило, у этих респондентов достаточно собственных средств для покупки, и они берут кредит лишь для того, чтобы получить новые ощущения.

4. Люди, не нуждающиеся в дополнительных финансовых средствах – те, кого вполне удовлетворяет их текущее материальное положение. К этой группе относятся люди с самым разным уровнем материального положения: от малообеспеченных пенсионеров до семей, имеющих относительно высокий уровень дохода, которые более-менее крепко «стоят на ногах» (имеют постоянную работу, стабильный заработок, квартиру, взрослых детей). Соответственно, в первом случае отсутствие потребности в дополнительных средствах обусловлено пассивностью, смирением со своим положением, а во втором – отсутствием ярко выраженной цели.

«Потребности в дополнительных деньгах у меня нет. Вроде чего бы мне сейчас при моем возрасте – холодильник, телевизор, одежда у меня есть. На еду хватает пенсии, а больше ничего и не надо» (Александра М., 80 лет, пенсионерка). Те люди, чье положение более или менее стабильно, относятся к кредиту спокойно, хотя и рассматривают для себя возможность в дальнейшем использовать кредитные схемы. Причем мотивируют это необходимостью приобретения в будущем каких-то действительно дорогостоящих вещей (например, кухонного гарнитура или машины) [Стребков, 2007, с. 54-56].

Таким образом, изучив российский опыт кредитного поведения граждан, существующие типологии финансового поведения населения, типологии сберегательных мотиваций населения, а также модели отношения к долгу и кредиту мы не нашли исследования, где бы во главу угла при изучении кредитного поведения граждан были поставлены демографические характеристики населения. Мы решили восполнить существующий в теории и практике пробел. Следующая наша работа будет посвящена социально-демографическим характеристикам участникам потребительского кредита граждан.

Литература и источники

1. Авраамова Е.М., Овчарова Л.Н. Сбережения населения: перспективы частного инвестирования // Социологические исследования. – 1998. – № 1. – С. 62-67.
2. Козулькова К. Дают – бери // Коммерсантъ. – 2006. – № 103 (15 июня 2006 г.).
3. Луков В.В. Рынок финансовых услуг населению становится шире и безопаснее // Финансы. – 2007. – № 4. – С. 14-18.
4. Луценко А., Радаев В. Сбережения работающего населения: масштабы, функции, мотивы // Вопросы экономики. – 1996. – № 1. – С. 63-75.
5. О кредитных потребительских кооперативах граждан. – Федеральный закон № 117 от 7 августа 2001 года (в ред. Федерального закона от 03.11.2006 № 183-ФЗ).
6. Потребительское кредитование – надежда и угроза экономики России // Коммерсантъ. – 2006. – № 101 (7 июня 2006 г.).
7. Преснякова Л. Пользование кредитами. – 2006. – Электронный ресурс <http://bd.fom.ru/report/map/dd061424>.
8. Преснякова Л. Получение и погашение кредитов. – 2007. – Электронный ресурс <http://bd.fom.ru/report/map/d072023>.
9. Истиховская М. Развитие инфраструктуры кредитной кооперации в Республике Коми // Материалы совещания в Торгово-промышленной палате Республики Коми 28 сентября 2007 г. – Сыктывкар, 2007. – 25 с.
10. Стребков Д.О. Модели кредитного поведения и факторы, определяющие их выбор // Социологические исследования. – 2007. – № 3. – С. 52-62.
11. Стребков Д. О. Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России // Вопросы экономики. – 2004. – № 2. – С. 109-128.
12. Стребков Д.О. Потребности и предпочтения населения России на рынке кредитных услуг // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С. 51-59.
13. Тапилина В.С., Богомолова Т.Ю. Кто на что тратит...// ЭКО. – 1998. – № 10. – С. 119-128.
14. Фаузер В.В., Климочкина Н.И. Нефтегазовый сектор Республики Коми: демография, труд, миграция / Отв. ред. проф. Н.Д. Цхадая. – Ухта: УГТУ, 2007. – 150 с. (Библиотека демографа; Вып. 9).
15. Фаузер В.В., Макарова В.Н., Фаузер Вл.В. Проблемы и тенденции рождаемости населения северных городов Республики Коми // Современные тенденции менеджмента в Украине: правовые и экономические аспекты. – Донецк: Донецкий национальный технический ун-т, 2008. – С. 132-143.
16. Федеральный закон № 117-ФЗ «О кредитных потребительских кооперативах граждан». – М., 2001. – С. 2.
17. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / Коллектив авторов; Под общ. ред. А.Г. Грязновой. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 1168 с.

Численность населения и трудовых ресурсов нефтегазового сектора Республики Коми**

В настоящее время стало бесспорным утверждение, что главным богатством любой территории является ее население. Общество стало понимать, что не только нефть, газ и уголь делают привлекательной территорию для потенциальных инвесторов. Уровень образования и квалификации человеческих ресурсов, соотношение полов и возрастов в населении часто становятся определяющими факторами при экономической экспансии региона, прихода в него крупнейших международных холдингов.

Мировая практика развития общества показывает, что ресурсов земли на всех не хватает, и проблема еще больше усугубляется неоднородностью распределения того, что есть. Такая ситуация не может продолжаться долго. Если не будут приняты меры, и в первую очередь в образовании, то человечество может и не выжить. А роль образования здесь двоякая. Во-первых, оно воспитывает новый тип мышления, адекватный новым условиям, с переходом от парадигмы безудержного потребления к парадигме выживания. И, во-вторых, дает конкретные знания для создания новых технологий, адекватных новому сценарию развития [1, с. 73-74].

Кроме того, сами знания (первичные, вторичные и последующие; приобретение специфических производственных навыков и умений) зависят от демографических параметров населения. Нам представляется, что такие базовые характеристики, как пол, возраст, национальность конкретного участника социально-трудовых отношений оказывают самое непосредственное влияние на то, как эти знания применяются и как эти знания способствуют росту производительности труда. Поэтому важно в любом социально-демографическом и трудовом исследовании определиться с базовыми характеристиками населения.

Необходимо также сделать примечание, что начиная с переписи населения 2002 г. текущий учет ведется только по постоянному населению, что создало определенные трудности для социальной сферы. Дело в том, что обеспеченность жителей предприятиями социальной инфраструктуры, общественным транспортом и прочими услугами может быть рассчитана теперь только на постоянное население, хотя пользоваться этими благами будет и временно присутствующее население. Для северных территорий это новшество явилось отрицательным моментом. Связано это с тем, что в северной экономике присутствуют отрасли с сезонным характером производства, а также вахта. На отдельных территориях различия между постоянным и наличным населением могут составлять существенную величину [5, с. 12].

Поскольку ниже в работе мы постоянно будем оперировать понятием «постоянное население», то есть необходимость пояснить, что под ним понимается. В научной литературе и статистике обычно к постоянному населению относят тех, кто проживает на данной территории постоянно, а также временно отсутствующих на срок не более шести месяцев и прибывших на учебу или работу на срок от шести месяцев и более.

При определении рейтинга территории в число важнейших факторов входит такой показатель, как соотношение общей численности населения и площади территории региона, что показывает степень ее освоенности, резервы демографической емкости для дальнейшего заселения или, наоборот, свидетельствует о необходимости принятия административных мер для снижения демографической нагрузки на территорию и вывоза излишнего населения.

Общая численность населения, его состав и структура являются первопричиной развития любого региона – в качестве основного потребителя всех произведенных благ – и в то же время важнейшим фактором развития материального производства.

Население Республики Коми, как и всего Российского Севера, во многом сформировалось за счет миграции. Благодаря притоку населения Коми край из окраины Российской Империи превратился в промышленно развитый регион. За короткий исторический период времени (1950–1970 гг.) миграции внесли существенные

*Климочкина Наталья Ивановна (Ухта) – аспирантка Ухтинского государственного технического университета; Назарова Инесса Георгиевна (Ухта) – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой Ухтинского государственного технического университета; Фаузер Виктор Вильгельмович (Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом социально-экономических проблем Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, заведующий кафедрой менеджмента Сыктывкарского государственного университета.

**Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 06-02-00228а «Формирование человеческих ресурсов топливно-энергетического комплекса северного региона с учетом демографической динамики».

изменения во все структуры населения: половые, возрастные, семейные, этнические и т.д. Поэтому неслучайно на протяжении длительного периода, вплоть до середины 1980-х гг. республика характеризовалась значительными темпами роста численности населения [9, с. 11-15]. В первую очередь это относится к городскому населению. Здесь достаточно привести такие цифры: по переписи населения 1897 г. городское население Коми края составляло менее 3%, а сегодня примерно 76% [8, с. 14-15]. Аналогичная картина и в других северных субъектах.

Однако с конца 1980-х гг., после практически семикратного за 70 лет увеличения, началось уменьшение численности населения. В 1989–1992 гг. сокращение населения было обусловлено исключительно миграционным оттоком, а с 1993 г. отрицательное сальдо миграции дополняется естественной убылью населения. В общей сложности, за последние 18 лет – с 1989 по 2007 г. – постоянное население республики сократилось на 275,9 тыс. чел., что равнозначно потере 22,1% от его исходной численности (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности постоянного населения Республики Коми за 1989–2007 гг., тыс. чел.

Год	Постоянное население	В том числе		В процентах к предыдущему году		
		Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население
1989	1250,5	943,8	306,7	–	–	–
1990	1248,9	945,4	303,5	99,9	100,2	99,0
2000	1057,9	798,3	259,6	84,7	84,4	85,4
2001	1042,9	784,9	258,0	98,6	98,3	99,4
2002	1029,6	775,0	254,6	98,7	98,7	98,7
2003	1016,0	764,6	251,4	99,7	99,7	99,7
2004	1005,7	757,3	248,4	99,0	99,0	98,8
2005	996,4	751,9	244,5	99,1	99,3	98,4
2006	985,0	744,5	240,5	98,9	99,0	98,4
2007	974,6	737,3	237,3	98,9	99,0	98,7

Городское население республики сократилось за это время на 206,5 тыс. чел., а численность сельского населения уменьшилась на 69,4 тыс. чел.

Постоянное уменьшение численности привело к тому, что в течение 2004 г. население Республики Коми стало меньше одного миллиона. Если оглянуться назад, то можно констатировать, что своего первого миллиона республика достигла в начале 1970-х гг. (рис. 1).

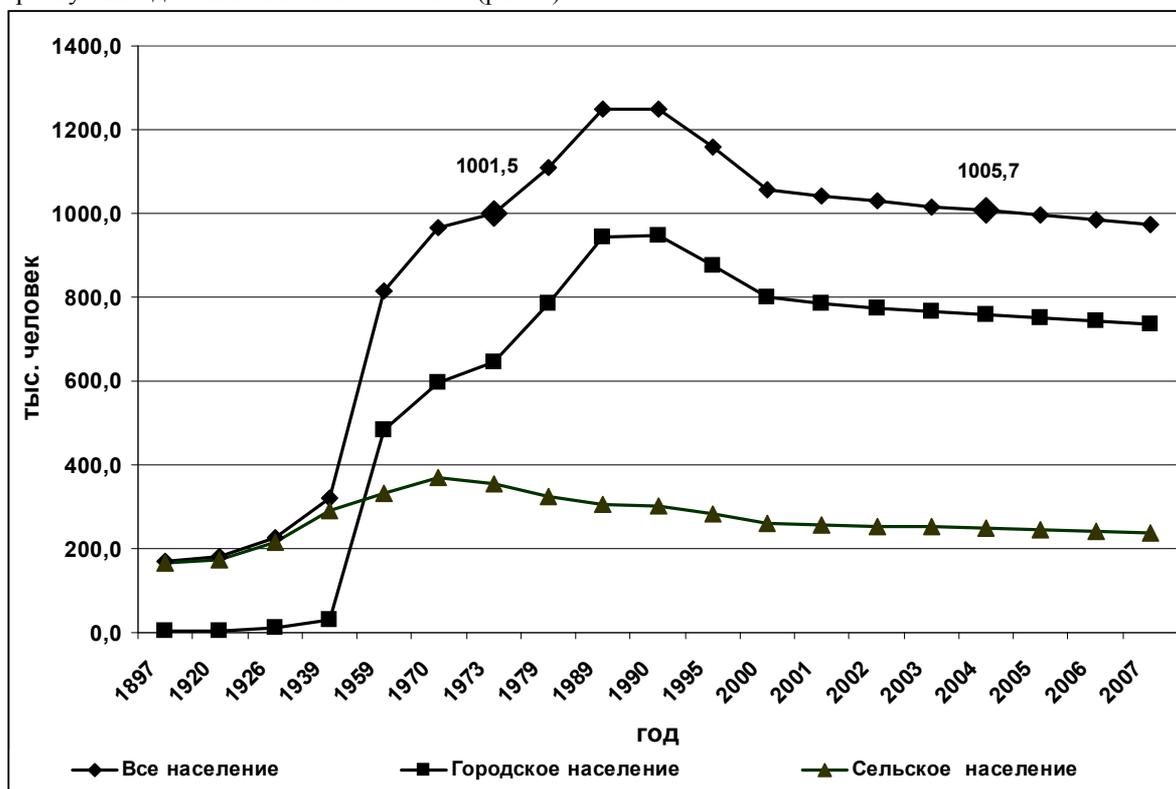

Рис. 1. Динамика численности населения Республики Коми за 1897–2007 гг.

Республика Коми относится к регионам с повышенной урбанизацией населения – более трех четвертей его жителей (75,7%) проживает в городской, остальные 24,3% – в сельской местности. Эти пропорции сохраняются уже на протяжении последних 20 лет.

На 1 января 2007 г. население республики составило 974,6 тыс. чел., что равно 0,7% населения России. По численности населения Республика Коми занимает 54-е место среди регионов России после Томской, Калужской, Смоленской, Астраханской областей (на начало 1990 г. республика была на 48-м месте). В течение 1990–2006 гг. республика в среднем ежегодно теряла 1,3% населения, тогда как в предшествующий семнадцатилетний период здесь наблюдался ежегодный прирост в 1,4%.

Северные города республики, имеющие прямое или косвенное отношение к добыче, переработке или транспортировке углеводородного сырья (или будут иметь в ближайшем будущем) имеют особую динамику численности населения. Среди административно-территориальных образований за 1990–2007 гг. наибольшее сокращение численности населения наблюдалось в Воркуте – почти двойное (55,4%), затем в Инте (58,3%), Вуктыле (61,9%), Печоре (67,4%), Усинске (72,3%). Меньше всего население сократилось в Сосногорске (80,7%) и Ухте (89,2%) (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности постоянного населения административно-территориальных образований Республики Коми за 1990–2007 гг., тыс. чел.

Административно-территориальные образования	Год									2007 г. в процентах к	
	1990	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	1990 г.	2006 г.
	Республика Коми	1248,9	1057,9	1042,9	1029,6	1016,0	1005,7	996,4	985,0	974,6	78,0
Городское население	945,4	798,3	784,9	775,0	764,6	757,3	751,9	744,5	737,3	78,0	99,0
Сельское население	303,5	259,6	258,0	254,6	251,4	248,4	244,5	240,5	237,3	78,2	98,7
Воркута	216,7	146,5	142,0	137,9	133,5	130,1	127,5	123,8	120,1	55,4	97,0
Вуктыл	27,4	20,0	19,3	18,7	18,2	17,9	17,7	17,2	16,9	61,7	98,3
Инта	70,5	51,7	49,5	48,0	46,2	44,9	43,8	42,5	41,1	58,3	96,7
Печора	93,9	70,7	68,8	67,4	66,1	65,5	64,8	63,8	63,3	67,4	99,2
Сосногорск	62,3	53,9	53,4	52,9	52,4	52,0	51,4	50,8	50,3	80,7	99,0
Усинск	71,6	53,8	53,6	53,2	52,8	53,0	52,7	52,3	51,8	72,3	99,0
Ухта	142,6	130,0	128,6	127,8	127,1	126,9	127,0	127,0	127,2	89,2	100,2

Сокращение численности населения страны или отдельных территорий имеет некоторые негативные последствия. Это в первую очередь относится к соотношению территории и численности населения. Так, средняя плотность населения Республики Коми с 1990 по 2007 г. уменьшилась с 3,0 чел. на 1 кв. км до 2,3 чел. При этом население крайне неравномерно размещено по территории республики с Севера на Юг. Плотность населения варьируется от 1,8 чел. на 1 кв. км на Дальнем Севере до 1,9 на Среднем Севере и 4,4 чел. на Ближнем Севере (2007 г.). Самая низкая плотность населения имеет место в Вуктыле – 0,8 чел. на 1 кв. км, средняя в Воркуте – 5,0, а самая высокая в Ухте – 9,6 чел. на 1 кв. км. Однако если посмотреть на размещение населения в 1990 г., то видно, что средняя плотность населения на Дальнем Севере была на 0,5 чел. на кв. км выше, чем на Среднем Севере (табл. 3).

Изменение плотности населения было вызвано тем, что с начала 1990-х гг. в Республике Коми произошли заметные сдвиги в расселении населения по ее территории: наблюдается тенденция перераспределения населения из северной части республики в центральные и южные районы. К началу 2007 г. на Ближнем Севере, занимающем лишь пятую часть площади республики, было размещено более трети населения (38,0%), тогда как в 1990 г. больше всего населения (39,4%) проживало на Дальнем Севере. Можно отметить, что за 1990–2007 гг. произошло перемещение населения из Дальнего Севера на Ближний Север при почти стабильной доле населения Среднего Севера. Такая направленность обусловлена тем, что в структуре населения уменьшилась доля городов Дальнего Севера (Воркуты, Инты, Печоры и Усинска); увеличилась доля двух городов Среднего Севера (Ухты и Сосногорска) и существенно увеличилась в структуре населения доля населения Ближнего Севера, в основном за счет г. Сыктывкара.

В ходе социально-экономического развития территории меняется не только численность населения, но и обновляется его структура. Однако, прежде чем перейти к дальнейшему изложению материала, сделаем ряд пояснений. Структура населения – отнюдь не синоним его состава. Состав – это номенклатура, точнее перечень элементов, составляющих население как совокупность людей. Демографический состав включает в себя

деление населения на мужчин и женщин, а также на лиц разного возраста. Население, дифференцированное по возрасту, может быть распределено по группам. Группировка, выполненная по качественному признаку, представляет классификацию. Например, в зависимости от такого качественного признака как трудоспособность выделяют три группы населения: моложе трудоспособного, трудоспособное и то, которое старше трудоспособного [5, с. 15-16]. Изменения в структуре населения представляют помимо теоретического интереса большое практическое значение. Суть в том, что, реализуя свою потребность в человеческих ресурсах, организации должны учитывать наряду с особенностями существующей половой и возрастной структуры населения, ее динамику на ближайшую и долгосрочную перспективу. Исходя из этого, они должны строить свою кадровую стратегию. Пока же в реальности мы имеем ухудшающуюся возрастную структуру населения (уменьшение доли детей и рост доли лиц старших возрастов), что негативно отражается на демографическом и трудовом потенциалах Республики Коми.

Таблица 3

Расселение населения Республики Коми в 1990–2007 гг.

Административно-территориальные образования	Удельный вес в площади территории, %	Удельный вес в численности населения, %			Плотность населения на 1 кв. км			
		1990 г.	2006 г.	2007 г.	1990 г.	2006 г.	2007 г.	2007 г. к 1990 г.
Республика Коми	100,0	100,0	100,0	100,0	3,0	2,4	2,3	76,7
Дальний Север	41,9	39,4	32,3	31,9	2,8	1,8	1,8	64,3
Воркута	5,8	17,3	12,6	12,3	8,9	5,1	5,0	56,2
Инта	7,2	5,6	4,3	4,2	2,3	1,4	1,4	60,9
Усинск	7,3	5,7	5,3	5,3	2,3	1,7	1,7	73,9
Печора	6,9	7,5	6,5	6,5	3,2	2,2	2,2	68,8
Средний Север	37,9	29,1	30,0	30,1	2,3	1,9	1,9	82,6
Вуктыл	5,4	2,2	1,7	1,7	1,2	0,8	0,8	66,7
Ухта	3,2	11,5	12,9	13,1	10,8	9,6	9,6	88,9
Сосногорск	3,9	5,0	5,2	5,2	3,8	3,1	3,0	78,9
Ближний Север	20,2	31,5	37,7	38,0	4,7	4,4	4,4	93,6
Сыктывкар	0,2	19,2	24,9	25,1	325,8	334,0	333,5	102,4

Наиболее часто выделяемой структурой населения является половая. Это и понятно. При нормальном развитии событий люди живут парами. Поэтому для воспроизводства населения должна на каждой отдельно взятой территории соблюдаться гармония полов и, в первую очередь, в молодых и дееспособных возрастах. Что же мы имели в Республике Коми в реальности. В годы миграционного притока (до второй половины 1980-х гг.) практически во всех возрастах доминировали мужчины. С 1990-х гг. – наоборот, идет миграционный отток населения и естественно вымывается его мужская часть. Если до начала 1990-х гг. в республике и абсолютно, и относительно мужчин было значительно больше чем женщин, то сегодня картина другая. Особенно существенна половая диспропорция в городах, где на 1000 мужчин приходится 1132 женщины (табл. 4).

Таблица 4

Доля мужчин и женщин в населении Республики Коми за 1990–2006 гг.

Год	Все население			Городское население			Сельское население		
	Доля в общей численности населения, %		Женщин на 1000 мужчин	Доля в общей численности населения, %		Женщин на 1000 мужчин	Доля в общей численности населения, %		Женщин на 1000 мужчин
	Мужчины	Женщины		Мужчины	Женщины		Мужчины	Женщины	
1990	50,3	49,7	988	50,0	50,0	1001	51,3	48,7	947
1995	49,3	50,7	1029	48,8	51,2	1051	51,0	49,0	962
2000	48,4	51,6	1068	47,7	52,3	1096	50,3	49,7	988
2001	48,2	51,8	1075	47,6	52,4	1102	50,1	49,9	994
2002	48,1	51,9	1081	47,4	52,6	1108	50,0	50,0	1000
2003	47,9	52,1	1087	47,3	52,7	1115	49,8	50,2	1006
2004	47,8	52,2	1092	47,2	52,8	1120	49,7	50,3	1011
2005	47,7	52,3	1097	47,0	53,0	1126	49,7	50,3	1012
2006	47,6	52,4	1102	46,9	53,1	1132	49,6	50,4	1014

Наблюдается ухудшение половой структуры и в разрезе административно-территориальных образований. За анализируемый период времени (1990–2006 гг.) во всех без исключения административно-территориальных образованиях доля женщин стала выше доли мужчин. В то же время в 1990 г. из семи городов в четырех доминировали мужчины. Из расчета на 1000 мужчин больше всего женщин в Инте – 1154, в Сосногорске – 1125, Печоре – 1119 и Ухте – 1108 (табл. 5).

Таблица 5

Распределение населения административно-территориальных образований Республики Коми по полу в 1990 и 2006 гг.

Административно-территориальные образования	Численность, чел.				Доля в общей численности населения, %				Женщин на 1000 мужчин	
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины		1990 г.	2006 г.
	1990 г.	2006 г.	1990 г.	2006 г.	1990 г.	2006 г.	1990 г.	2006 г.		
Республика Коми	628369	468611	620522	516418	50,3	47,6	49,7	52,4	988	1102
Городское население	472508	349213	472854	395297	50,0	46,9	50,0	53,1	1001	1132
Сельское население	155861	119398	147668	121121	51,3	49,6	48,7	50,4	947	1014
Воркута	110750	59482	105912	64366	51,1	48,0	48,9	52,0	956	1082
Вуктыл	15043	8252	12329	8971	55,0	47,9	45,0	52,1	820	1087
Инта	35202	19719	35340	22749	49,9	46,4	50,1	53,6	1004	1154
Печора	49061	30134	44811	33725	52,3	47,2	47,7	52,8	913	1119
Сосногорск	31032	23919	31254	26909	49,8	47,1	50,2	52,9	1007	1125
Усинск	37496	25592	34140	26673	52,3	49,0	47,7	51,0	910	1042
Ухта	70911	60259	71690	66765	49,7	47,4	50,3	52,6	1011	1108

Наиболее заметны диспропорции полов в разрезе отдельных возрастных групп. Для сравнения возьмем три крупные возрастные группы, по которым можно отметить следующее. С 1989 г. и по настоящее время (2006 г.) в возрасте моложе трудоспособного в пяти из семи городов увеличилось число женщин, приходящихся на 1000 мужчин, но в целом их пока меньше. В трудоспособном возрасте сегодня преобладают мужчины, но число женщин стремительно приближается к равновесию практически во всех городах. Наиболее значительное уменьшение мужского и, соответственно, рост женского населения наблюдались в Вуктыле – с 666 до 936 и в Печоре – с 723 до 935. Теперь, если посмотреть на соотношение полов среди тех, кто достиг пенсионного возраста, то видно, что здесь на 1000 мужчин приходится более 3000 женщин. В пяти городах из семи это соотношение еще более усугубилось. Больше всего женщин на 1000 мужчин приходится в шахтерских Воркуте – 3949 и Инте – 3864, а также в нефтяной столице в г. Усинск – 3653 (табл. 6).

Таблица 6

Соотношение численности мужчин и женщин в основных возрастных группах населения Республики Коми, по данным переписи населения 1989 г. и текущего учета за 2006 г.

Население	На 1000 мужчин соответствующей возрастной группы приходится женщин					
	в возрасте моложе трудоспособного		в трудоспособном возрасте		в возрасте старше трудоспособного	
	1989 г.	2006 г.	1989 г.	2006 г.	1989 г.	2006 г.
Республика Коми	969	954	821	945	3388	3006
Городское население	968	948	862	988	3264	3136
Сельское население	974	970	694	814	3647	2709
Воркута	954	960	838	950	3838	3949
Вуктыл	950	998	666	936	3409	3124
Инта	966	985	881	983	3420	3864
Печора	977	978	723	935	3132	3260
Сосногорск	961	892	825	952	3055	3345
Усинск	972	941	803	969	3522	3653
Ухта	966	943	893	947	3036	3139

Миграционная убыль и отрицательный естественный прирост внесли свои коррективы и в возрастную структуру населения. За рассматриваемый период времени (1990–2006 гг.) в целом по Республике Коми численность населения моложе трудоспособного возраста сократилась в два раза и составила 175,2 тыс. чел. против 349,5 тыс. чел. в 1990 г. В это же время шел относительный рост возрастной группы трудоспособного возраста с 61,7 до 67,8%, но абсолютно она уменьшилась с 771,2 тыс. чел. до 668,0. Что касается возрастной

группы старше трудоспособного возраста (женщин 55 лет и старше, мужчин 60 лет и старше), то она увеличилась в республике на 110,6%, составив на начало 2006 г. 141,8 тыс. чел., против 128,2 в 1990 г. Данная возрастная группа выросла и относительно с 10,3 до 14,4%. В то же время сегодня она значительно ниже, чем по России в целом – 20,4% (табл. 7).

Таблица 7

Численность населения Республики Коми в основных возрастных группах в 1990 и 2006 гг.

Население	Численность населения, чел.		Удельный вес в общей численности населения, %		
	1990 г.	2006 г.	1990 г.	2006 г.	Справочно: Россия, 2006 г.
Все население	1248891	985029	100,0	100,0	100,0
в том числе в возрасте:					
моложе трудоспособного	349537	175217	28,0	17,8	16,3
трудоспособном	771193	668012	61,7	67,8	63,3
старше трудоспособного	128161	141800	10,3	14,4	20,4
Городское население	945362	744510	100,0	100,0	100,0
в том числе в возрасте:					
моложе трудоспособного	261257	130542	27,6	17,5	15,3
трудоспособном	599812	512052	63,5	68,8	64,7
старше трудоспособного	84293	101916	8,9	13,7	20,0
Сельское население	303529	240519	100,0	100,0	100,0
в том числе в возрасте:					
моложе трудоспособного	88280	44675	29,1	18,6	19,1
трудоспособном	171381	155960	56,5	64,8	59,5
старше трудоспособного	43868	39884	14,4	16,6	21,4

В рассматриваемых административно-территориальных образованиях, чья экономика в значительной степени сопряжена с предприятиями отраслей ТЭК, динамика изменения возрастной структуры населения практически не отличается от республиканских тенденций. С 2002 по 2006 г. везде уменьшилась доля населения моложе трудоспособного возраста, возросла доля населения в трудоспособном возрасте и увеличилась доля лиц старше трудоспособного возраста в пяти из семи муниципальных образований. Исключение составили два города: Сосногорск и Ухта, где доля пожилых людей незначительно, но уменьшилась (табл. 8).

Таблица 8

Удельный вес основных возрастных групп населения административно-территориальных образований Республики Коми в 2002 и 2006 гг., %

Административно-территориальные образования	Удельный вес населения соответствующей возрастной группы					
	Моложе трудоспособного возраста		В трудоспособном возрасте		Старше трудоспособного возраста	
	2002 г.	2006 г.	2002 г.	2006 г.	2002 г.	2006 г.
Республика Коми	19,8	17,8	66,1	67,8	14,1	14,4
Городское население	19,3	17,5	67,5	68,8	13,1	13,7
Сельское население	21,1	18,6	61,7	64,8	17,2	16,6
Воркута	20,1	17,8	70,0	71,9	9,8	10,3
Вуктыл	20,4	18,9	67,2	68,6	12,1	12,5
Инта	20,3	18,1	66,7	68,6	12,8	13,3
Печора	19,2	17,3	65,8	67,5	15,0	15,2
Сосногорск	19,5	18,3	63,5	65,9	16,6	15,8
Усинск	22,2	20,0	71,4	73,3	6,0	6,7
Ухта	18,0	16,4	67,2	69,1	14,6	14,5

Несмотря на схожесть в общей направленности демографической динамики, в отдельных административно-территориальных образованиях возрастная структура населения отличается от республиканской. В 2006 г. в городах Вуктыл, Инта, Сосногорск и Усинск доля детей была выше, чем в среднем по республике. В пяти

городах выше доля лиц трудоспособного возраста, чем в Республике Коми в целом: в Воркуте, Вуктыле, Инте, Усинске и Ухте. В них же, за исключением Ухты, – более низкая доля лиц старше трудоспособного возраста. Однако если посмотреть на изменение возрастной структуры за относительно продолжительный период времени, то станет более очевидным резкое ухудшение возрастных пропорций отдельных когорт (табл. 9).

Таблица 9

Удельный вес основных возрастных групп населения административно-территориальных образований Республики Коми в 1989 и 2006 гг.

Административно-территориальные образования	Удельный вес населения соответствующей возрастной группы					
	Моложе трудоспособного возраста		В трудоспособном возрасте		Старше трудоспособного возраста	
	1989 г.	2006 г.	1989 г.	2006 г.	1989 г.	2006 г.
Республика Коми	28,0	17,8	62,1	67,8	9,9	14,4
Городское население	27,7	17,5	63,7	68,8	8,6	13,7
Сельское население	28,9	18,6	57,2	64,8	13,9	16,6
Воркута	28,1	17,8	66,7	71,9	5,2	10,3
Вуктыл	28,9	18,9	66,0	68,6	5,1	12,5
Инта	28,3	18,1	63,9	68,6	7,8	13,3
Печора	27,3	17,3	63,4	67,5	9,3	15,2
Сосногорск	27,3	18,3	60,8	65,9	11,9	15,8
Усинск	32,7	20,0	64,1	73,3	3,2	6,7
Ухта	26,7	16,4	63,0	69,1	10,3	14,5

Во всех административно-территориальных образованиях произошло уменьшение доли лиц моложе трудоспособного возраста в среднем на 10 процентных пунктов (пп). Наибольшее снижение доли детей наблюдалось в г. Усинске – на 12,7 пп, наименьшее в г. Сосногорске – 9,3 пп. Во всех без исключения административно-территориальных образованиях произошло увеличение доли населения в трудоспособном возрасте. Сегодня она самая высокая в двух административно-территориальных образованиях: Воркутинском – 71,9% и Усинском – 73,3%, а самая низкая в Сосногорском – 65,9%.

Обобщающей характеристикой возрастного распределения населения выступает его средний возраст. Он может рассчитываться для всего населения в целом, для разных возрастных групп и для отдельных контингентов. Изменение возрастной структуры влияет на ряд связанных с ней демографических показателей. Поскольку частота всех демографических событий различается в зависимости от возраста. В возрасте 20–30 лет женщины рожают чаще, чем в возрасте 30–40 лет. Умирают же чаще в старших возрастах, чем в детских и юношеских.

В целом, в течение 1989–2006 гг. средний возраст жителей республики вырос на 5,5, составив в 2006 г. 35,7 лет. При этом его величина осталась ниже среднего возраста населения по России в целом на 2,6 года (в 1989 г. разница составляла 4,5 года). В разрезе административно-территориальных образований самое «молодое» население в Усинске – 33,0 лет, самое «старое» в Печоре – 36,5 лет. Женщины республики «старше» мужчин на 4,0 года. Среднестатистическому мужчине Республики Коми в 2006 г. было 33,6 лет, а женщине – 37,6 лет (табл. 10).

Средний возраст имеет и свою отраслевую специфику. Так, в добыче полезных ископаемых он составляет 39,1 лет, в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – 39,9 лет, в обрабатывающем производстве – 38,2 лет и строительстве – 39,0 лет [4, с. 102-103]. В настоящее время самый высокий средний возраст у руководителей (представителей) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий – 42,0 лет [3, с. 56-57].

Следует отметить, что процессы старения населения характерны для всех развитых стран. Но если в промышленно развитых странах с высоким уровнем жизни населения, наряду со снижением рождаемости, основным фактором старения является увеличение продолжительности жизни и улучшение ее качества, то в России это главным образом снижение рождаемости. Вызвано это тем, что снижение рождаемости ведет к сокращению численности и доли детского населения, а, следовательно, к росту доли населения в старших возрастах, в том числе старше 60 лет. Увеличение продолжительности жизни ведет к росту коэффициента старения только тогда, когда оно происходит за счет сокращения смертности населения в возрастах старше 60 лет (увеличивая тем самым численность и долю этого населения). Однако практически всегда и во всех странах продолжительность жизни росла, в основном, за счет снижения смертности в более молодых и, в первую очередь, в детских возрастах. А это уже совсем другое дело. В этом случае рост продолжительности жизни будет, наоборот, препятствовать демографическому старению, так как будет вести к росту числа и доли

детей (из-за большого числа сохраненных детских жизней). Итак, главная причина старения населения – снижение рождаемости [5, с. 20].

Таблица 10

Средний возраст населения административно-территориальных образований Республики Коми в 1989 и 2006 гг., лет

Административно-территориальные образования	1989 г.			2006 г.		
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
Республика Коми	30,2	28,6	31,9	35,7	33,6	37,6
Городское население	29,9	28,5	31,3	35,3	33,1	37,1
Сельское население	31,3	29,1	33,6	37,0	34,8	39,1
Воркута	28,5	27,4	29,8	34,3	32,5	36,0
Вуктыл	28,3	27,8	28,9	35,2	33,6	36,7
Инта	29,9	28,6	31,2	36,1	33,8	38,0
Печора	30,3	29,1	31,7	36,5	34,1	38,6
Сосногорск	31,6	30,0	33,3	36,1	33,3	38,6
Усинск	26,2	26,0	26,5	33,0	32,1	33,8
Ухта	30,8	29,2	32,3	35,5	33,2	37,6
Справочно: Россия	34,7	31,9	37,2	38,3	35,7	40,6
Городское население	34,4	31,8	36,6	38,4	35,7	40,6
Сельское население	35,8	32,2	38,9	38,1	35,5	40,5

Разная направленность динамики отдельных возрастов привела к общему положительному результату – уменьшению демографической нагрузки. В 2006 г. на 1000 человек трудоспособного возраста приходилось 474 лиц нетрудоспособного возраста по сравнению с 619 в 1990 г. Однако если посмотреть на составляющие: «снизу» – детьми или «сверху» – пенсионерами, то видно, что структура демографической нагрузки имеет явно негативную тенденцию. Она уменьшилась за счет нагрузки населением, не достигшим трудоспособного возраста с 453 до 262 чел. и возросла нагрузкой лицами пенсионного возраста с 166 до 212 чел. на 1000 чел. трудоспособного возраста (табл. 11).

Таблица 11

Индекс демографической нагрузки в Республике Коми в 1990 и 2006 гг.

Население	На 1000 населения трудоспособного возраста приходилось лиц в нетрудоспособном возрасте					
	Всего		В том числе:			
	1990 г.	2006 г.	Дети и подростки (0–15 лет)		Лица старше трудоспособного возраста	
			1990 г.	2006 г.	1990 г.	2006 г.
Все население	619	474	453	262	166	212
Городское	576	454	436	255	140	199
Сельское	771	542	515	286	256	256
Справочно: Россия	759	580	430	258	329	322
Городское	699	546	403	236	296	310
Сельское	953	682	518	322	435	360

Наблюдается разная динамика демографической нагрузки у городского и сельского населения. Особенно быстро уменьшался коэффициент демографической нагрузки детьми у селян (на 229 чел., против 181 у горожан). При этом на селе демографическая нагрузка «стариками» осталась неизменной – 256 чел., а в городах она увеличилась на 59 чел.

И еще на одном моменте необходимо остановиться, чтобы до конца оценить влияние миграции на демографические структуры населения – это на этнической структуре населения. Обычно процесс колонизации любой территории сопровождается расселением представителей одних этнических групп среди других, численно преобладающих [6, с. 27-34]. Это утверждение было верно для Республики Коми примерно до 1940-х гг., когда доля населения коми национальности составляла более половины всего населения. Но чтобы оценить структуру населения по этническому составу сегодня необходимо хотя бы в общих чертах коснуться прошлого. Отправной точкой может стать Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. По ней на коми этнос приходилось 81,6% всего населения. К 1926 г. доли коми увеличилась до 86,9%. Мы считаем, что это явилось результатом того, что, с одной стороны, после окончания войн коренное население потянулось домой, на родину, а с другой стороны, пришлое население стало покидать Коми край. Судя по этнической

структуре 1926 г. коми возвращались на родину более интенсивно, чем республику покидали пришлые. Но это лишь предположение, поскольку статистика эти явления не зафиксировала. В последующие годы под воздействием миграции доля коми этноса сократилась почти в четыре раза и составила 23,3% в 1989 г. В последний межпереписной период (1989–2002 гг.) доля коми этноса несколько возросла и составила в 2002 г. 25,2% (табл. 12).

Таблица 12

Распределение населения Республики Коми по национальности за 1926–2002 гг., %

Национальность	Год						
	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Коми	86,9	72,5	30,1	28,6	25,3	23,3	25,2
Русские	12,6	22,0	48,6	53,1	56,7	57,7	59,6
Украинцы	–	1,9	10,0	8,6	8,5	8,3	6,1
Белорусы	–	1,1	2,8	2,6	2,2	2,2	1,5
Немцы	0,4	0,8	2,4	1,5	1,2	1,0	0,9
Татары	–	0,2	1,1	1,2	1,6	2,1	1,5
Др. национальности	0,1	1,5	5,0	4,4	4,5	5,4	5,2

Таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что этнический состав населения Республики Коми был изменен благодаря открытию здесь значительных запасов углеводородного сырья, что явилось основой привлечения новоселов со всех республик Союза ССР. Это утверждение подтверждается данными по этнической структуре тех административно-территориальных образований, чья экономика так или иначе связана с отраслями ТЭК. Действительно, в районах, где шло экстенсивное развитие производительных сил и куда были направлены основные миграционные потоки с 1939 по 1989 г., доля лиц коренной национальности коми существенно уменьшилась [7, с. 12-13], затем, когда начался миграционный отток, доля коми вновь увеличилась, исключение составили города Воркута и Ухта (табл. 13).

Таблица 13

Структура национального состава населения административно-территориальных образований Республики Коми по данным переписей населения 1970–2002 гг., в % к общей численности населения

Административно-территориальные образования	Год	Национальность					
		Коми	Русские	Украинцы	Белорусы	Татары	Другие*
Республика Коми	1970	28,6	53,1	8,6	2,6	1,2	5,9
	1979	25,3	56,7	8,5	2,2	1,6	5,7
	1989	23,3	57,7	8,3	2,1	2,1	6,5
	2002	25,2	59,6	6,1	1,5	1,5	6,1
Воркута	1970	2,9	67,2	14,8	–	2,8	12,3
	1979	2,6	69,6	13,8	–	3,3	10,7
	1989	2,2	68,5	13,5	2,9	4,3	8,6
	2002	1,9	71,6	10,7	2,1	3,6	10,1
Вуктыл	1970	18,9	57,8	9,8	–	1,6	11,9
	1979	11,0	64,1	13,8	–	2,0	9,1
	1989	10,2	62,8	13,0	2,6	2,7	8,7
	2002	11,9	67,7	10,3	1,8	2,0	6,3
Инта	1970	9,3	59,7	17,2	–	2,0	11,8
	1979	9,8	64,7	13,7	–	2,1	9,7
	1989	8,5	66,3	12,8	3,0	2,8	6,6
	2002	10,6	68,2	10,0	2,1	2,4	6,7
Печора	1970	19,6	63,5	9,4	–	1,0	6,5
	1979	14,5	66,6	10,0	–	1,1	7,8
	1989	13,8	66,5	9,5	2,5	1,3	6,4
	2002	15,4	68,9	7,6	1,9	1,0	5,2
Сосногорск	1970	11,4	72,2	7,1	–	1,0	8,3
	1979	10,5	72,0	7,9	–	1,1	8,5
	1989	10,2	72,8	7,4	2,5	1,2	5,9
	2002	10,4	75,4	6,1	1,7	0,9	5,5

Административно-территориальные образования	Год	Национальность					
		Коми	Русские	Украинцы	Белорусы	Татары	Другие*
Усинск	1970	44,7	40,0	6,5	–	0,9	7,9
	1979	11,3	55,7	10,9	–	6,7	15,4
	1989	11,5	54,6	12,0	2,4	8,8	10,7
	2002	14,8	54,8	10,2	1,8	7,3	11,1
Ухта	1970	11,0	70,1	8,7	–	1,1	9,1
	1979	10,3	72,0	8,2	–	1,3	8,2
	1989	9,6	72,1	7,9	2,3	1,5	6,6
	2002	9,2	75,4	6,0	1,6	1,3	6,5

*Включая не указавших национальную принадлежность.

Далее можно отметить, что из представленных в табл. 13 данных видно, что в 2002 г. ниже всего доля коми этноса в г. Воркута – 1,9%. В других городах она значительно выше и составляет в Ухте – 9,2, Сосногорске – 10,4, Инте – 10,6, Вуктыле – 11,9, Усинске – 14,8% и замыкает ряд Печора – 15,4%. Наиболее высока доля русских в Ухте и Сосногорске – по 75,4%, несколько ниже она в Воркуте – 71,6%. Следует также подчеркнуть, что во всех городах, за исключением Усинска (54,8%), доля русских значительно выше, чем в среднем по республике (59,6%). В Усинске ниже доля русских потому, что здесь более широко представлены коми, украинцы, татары, башкиры, белорусы, азербайджанцы, чуваша, немцы, лезгины и другие национальности [2, с. 123].

Здесь также необходимо подчеркнуть, что продолжающийся из республики отток населения по-прежнему вносит свои коррективы во все структуры населения. Очередная перепись населения, запланированная на 2010 г., позволит эти изменения зафиксировать в полном объеме.

Литература и источники

1. Валянский С.И. Теория информации и образование. Условия выживания России. Серия «АИРО-МОНОГРАФИЯ». – М.: АИРО ХХ; «Крафт+», 2005. – 140 с.
2. Демографическое развитие Усинского района: история и современное состояние / Коллектив авторов. – Сыктывкар; Усинск, 2007. (Библиотека демографа; Вып. 6).
3. Занятия населения. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. – 347 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. / Федер. Служба гос. Статистики; Т. 9).
4. Занятое население по видам экономической деятельности. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. – 614 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. / Федер. Служба гос. Статистики; Т. 8).
5. Практическая демография / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2005. – 280 с.
6. Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.В. Взаимодействие миграционных и этнических процессов // Социологические исследования, 1982. – № 4.
7. Фаузер В.В. Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми. – Сыктывкар, 1992. – 32 с. (Научные доклады / Коми науч. центр УрО РАН; Вып. 293).
8. Фаузер В.В. Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми. – Сыктывкар, 2007. – 40 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; Вып. 492).
9. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. – Сыктывкар, 2001. – 124 с.

Этнодемографические особенности смертности населения в регионах России

Процесс объединения субъектов Федерации в единые административно-территориальные образования затронул в России уже несколько регионов. Начало было положено объединением Пермской области с Коми-Пермяцким автономным округом, затем объединились Красноярский край, Таймырский и Эвенкийский автономный округа.

Как заявляется, целью подобного объединения является восстановление в рамках единого субъекта эффективного механизма функционирования экономики региона и повышение на этой основе качества жизни населения округов края. В рамках процесса объединения предусматриваются меры по сохранению и развитию традиционных мест проживания коренных малочисленных народов Севера.

Ключевым вопросом в решении поставленных задач объединения является скорость процессов выравнивания уровней социально-экономического развития. Ожидается, что развитие инфраструктуры позволит обеспечить экономический рост предприятий, создать рабочие места, снизить уровень безработицы.

Может ли такое укрупнение регионов, учитывая вхождение в состав крупных регионов национальных автономий, привести к суммарному изменению или даже ухудшению социально-демографических характеристик объединенного субъекта Федерации?

Данные Всероссийской переписи населения 2002 г. дают представление о национальном составе населения ныне существующих и уже вошедших в состав более крупных административно-территориальных образований автономных округов. Всего в составе Российской Федерации на момент переписи существовало девять таких территориальных образований. Согласно информации переписи, коренное население составляет более половины численности постоянного населения лишь в двух автономных округах – Коми-Пермяцком АО и Агинском Бурятском АО (59,03% и 62,52% соответственно). Также достаточно велика доля коренного населения (около 40%) в Усть-Ордынском Бурятском АО. Наименьшей долей коренных народов в населении характеризуются Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа (1,89% и 7,3% соответственно). В остальных автономиях доля коренных народов в численности населения составляет от 22 до 29%. Есть основания предполагать, что с момента переписи национальная структура округов изменилась незначительно.

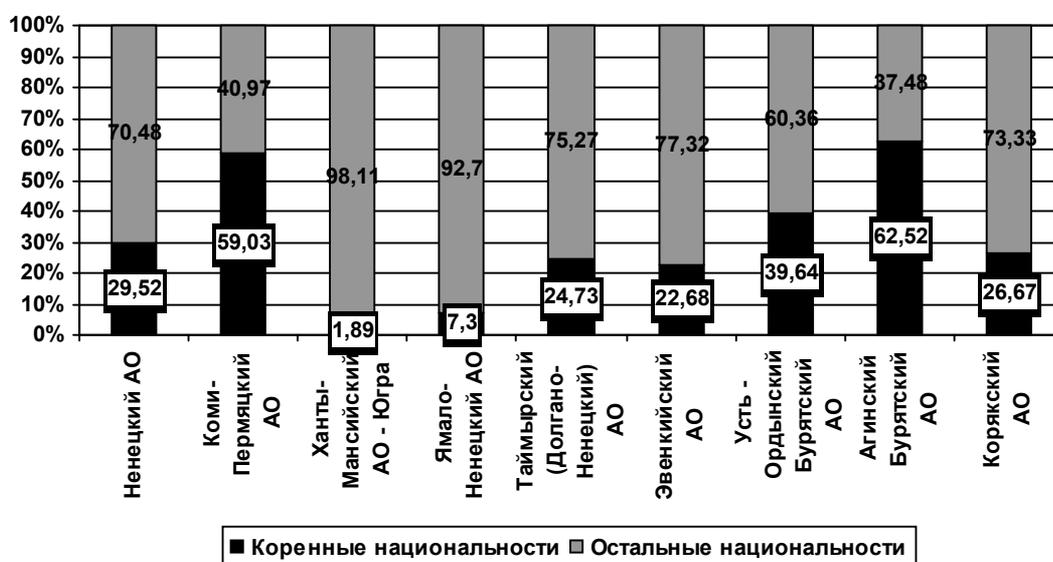

Рис. 1. Доля коренных народов в населении автономных образований (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.), %.

*Землянова Елена Валерьевна (Москва) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отделения анализа статистики здоровья ЦНИИ организации и информатизации здравоохранения Росздрава.

Таким образом, только в трех из девяти автономных округов национальные особенности населения могут существенно влиять на демографические процессы территориального образования.

Последним годом, для которого доступны для проведения анализа данные о численности населения и смертности всех упомянутых административно-территориальных образований является 2004 г. С 2005 г. Пермский край выступает в статистике как единое административно-территориальное образование. Исходя из этого проанализируем, каким образом демографическая ситуация автономий оказывала влияние на формирование итоговых значений демографических характеристик регионов.

В табл. 1 представлены данные об естественном движении населения в анализируемых территориях в 2004 г. Для проведения анализа нами были рассчитаны уровни рождаемости, смертности и естественного прироста по территориям в целом, и в том числе по территориям без учета автономных образований и самим автономиям. Анализ данных табл.1 показывает, что значимые изменения значений естественного прироста отмечаются лишь в Тюменской области, где после исключения населения Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов в самой Тюменской области выявилась естественная убыль населения, хотя справедливости ради следует отметить, что естественная убыль в области существенно ниже среднероссийского уровня. Однако такие сдвиги показателей ни в коей мере нельзя приписывать этническим особенностям автономий, так как именно в этих автономиях самые низкие доли коренных народов в составе населения.

Таблица 1

Показатели естественного движения регионов в 2004 г. (на 1000 населения)

Регионы	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост
Российская Федерация	10,4	16,0	-5,6
Архангельская область (в целом)	11,0	17,5	-6,5
в том числе			
Архангельская область	10,8	17,7	-6,9
Ненецкий АО	14,2	12,4	1,8
Пермский край (в целом)	11,4	17,7	-6,3
в том числе			
Пермская область	11,3	17,4	-6,1
Коми-Пермяцкий АО	12,1	23,1	-11,0
Тюменская область (в целом)	13,3	9,7	3,6
в том числе			
Тюменская область	12,2	14,6	-2,4
Ханты-Мансийский АО	13,9	6,7	7,2
Ямало-Ненецкий АО	14,0	5,7	8,3
Красноярский край (в целом)	11,2	15,1	-3,9
в том числе			
Красноярский край	11,1	15,2	-4,1
Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	16,2	8,8	7,4
Эвенкийский АО	15,3	12,5	2,8
Иркутская область	12,4	16,5	-4,1
в том числе			
Иркутская область	12,2	16,6	-4,3
Усть-Ордынский Бурятский АО	15,3	16,2	-0,9
Читинская область	13,8	17,1	-3,3
в том числе			
Читинская область	13,6	17,4	-3,8
Агинский Бурятский АО	16,7	12,3	4,4
Камчатская область	11,1	12,2	-1,1
в том числе			
Камчатская область	10,9	11,6	-0,7
Корякский АО	14,1	19,2	-5,1

Поскольку общие показатели воспроизводства населения не учитывают специфику возрастной структуры населения, более правомерно будет сравнить уровни ожидаемой продолжительности жизни в исследуемых регионах (табл. 2).

Ожидаемая продолжительность жизни в регионах в 2004 г.

Регионы	Оба пола	Мужчины	Женщины
Российская Федерация	65,34	59,03	72,28
Архангельская область (в целом)	62,30	55,59	70,45
в том числе			
Архангельская область	62,32	55,62	70,43
Ненецкий АО	62,22	55,81	71,03
Пермский край (в целом)	62,78	56,35	70,04
в том числе			
Пермская область	63,12	56,70	70,28
Коми-Пермяцкий АО	56,65	50,26	65,35
Тюменская область (в целом)	66,91	61,19	73,07
в том числе			
Тюменская область	64,88	58,71	71,65
Ханты-Мансийский АО	68,40	62,97	74,10
Ямало-Ненецкий АО	68,16	63,33	73,30
Красноярский край (в целом)	63,59	57,39	70,53
в том числе			
Красноярский край	63,61	57,37	70,58
Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	64,49	57,76	71,15
Эвенкийский АО	59,96	56,68	63,55
Иркутская область	61,09	53,86	68,98
в том числе			
Иркутская область	61,22	54,36	69,12
Усть-Ордынский Бурятский АО	58,75	52,35	66,43
Читинская область	59,50	53,47	66,80
в том числе			
Читинская область	59,33	53,32	66,62
Агинский Бурятский АО	62,15	55,74	69,91
Камчатская область	63,60	57,99	70,32
в том числе			
Камчатская область	64,02	58,63	70,39
Корякский АО	53,13	46,55	62,11

Анализ данных табл. 2 показывает, что объединение Архангельской области с Ненецким АО практически не сказывается на итоговых показателях продолжительности жизни как для обоих полов, так и для мужчин и женщин отдельно. Да и сами значения продолжительности жизни в области и автономии очень близки и существенно ниже среднероссийских величин.

Если говорить о Пермском крае, то сравнение продолжительности жизни в Пермской области и Коми-Пермяцком АО оказывается не в пользу последнего, где отмечаются чрезвычайно низкие ее показатели. Однако в силу малочисленности автономного округа итоговые значения продолжительности жизни для Пермского края меняются в сторону снижения лишь незначительно. Вопрос, влияет ли образ жизни коренного населения автономного округа на уровни продолжительности жизни, требует дополнительного исследования.

Совершенно противоположная ситуация с уровнями продолжительности жизни в Тюменской области. Как и в ситуации с естественным приростом, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа существенно улучшают итоговые показатели Тюменской области – на 2,03 года для обоих полов, на 2,48 года для мужчин и на 1,42 года у женщин.

Ситуация с продолжительностью жизни в Красноярском крае сходна с Архангельской областью. Однако следует заметить, что показатели продолжительности жизни в Эвенкийском АО заметно хуже, чем в Красноярском крае и Таймырском (Долгано-Ненецком АО), но как и в ситуации с Коми-Пермяцким АО в силу малочисленности населения этой автономии это не сказывается на итоговых показателях.

В Иркутской области ситуация сходна с ситуацией в Пермском крае, хотя уровни продолжительности жизни в Усть-Ордынском Бурятском АО все же выше, чем в Коми-Пермяцком АО.

Можно было бы говорить, что ситуация с продолжительностью жизни в Читинской области сходна с Тюменской областью. Однако так можно говорить лишь с математической точки зрения, поскольку уровни продолжительности жизни в этом сибирском регионе чрезвычайно низки. И хотя включение Агинского Бурятско-

го АО и повышает ее уровни в области, однако для обоих полов продолжительность жизни в Читинской области почти на шесть лет ниже среднероссийских показателей.

Ситуация в Камчатской области близка к таковой в Пермском крае. Следует сказать, что уровни продолжительности жизни в Корякском АО чрезвычайно низки как в мужском, так и в женском населении.

Таким образом, наилучшая ситуация с продолжительностью жизни отмечалась в Тюменской области, ее итоговые показатели выше среднероссийских, но демографическую обстановку в самой области необходимо подтянуть до уровня, входящих в нее автономий.

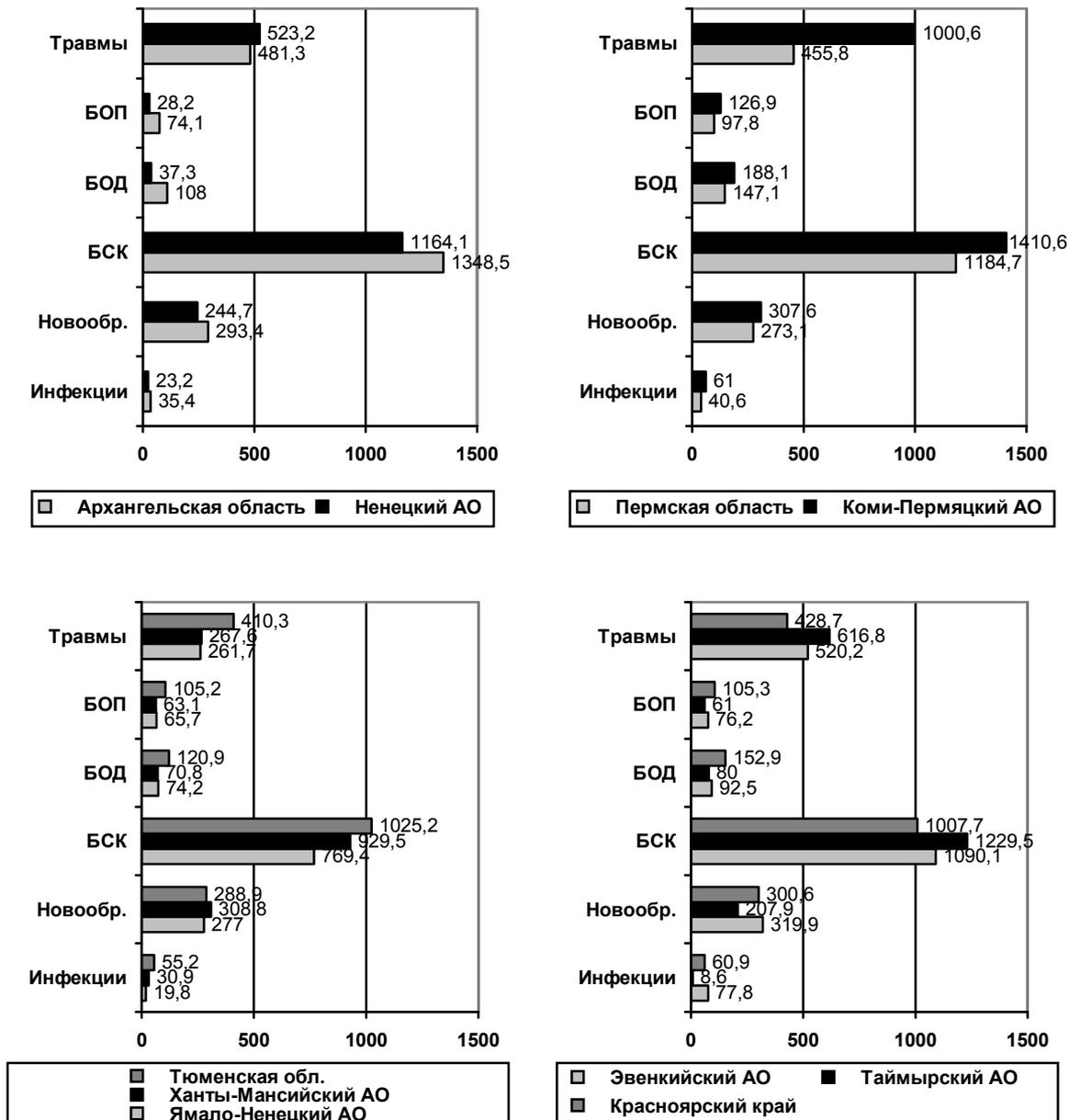

Рис. 2. Стандартизованные коэффициенты смертности мужчин по классам причин смерти (на 100 тыс. населения).

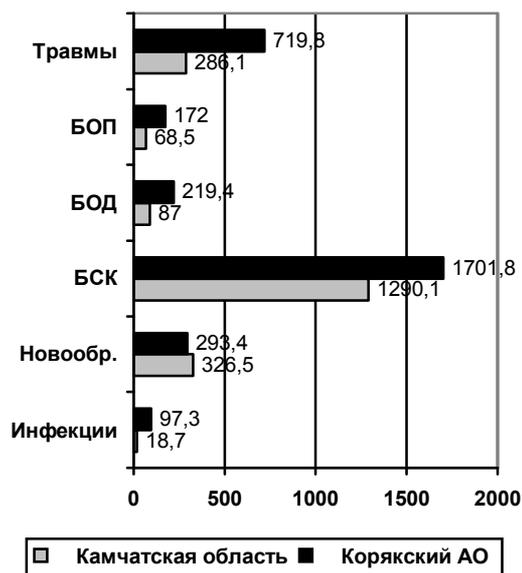
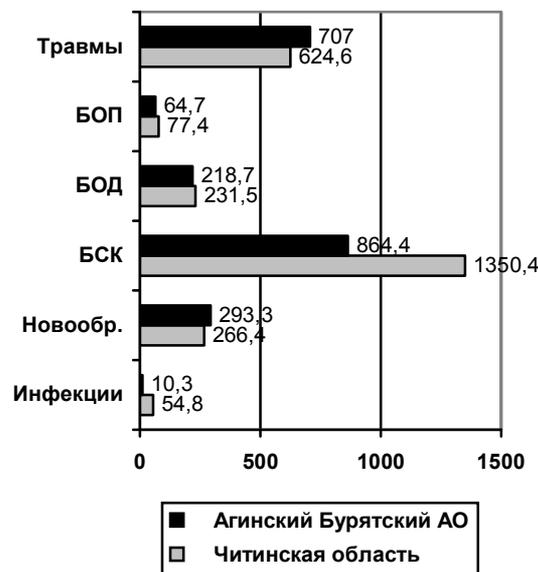
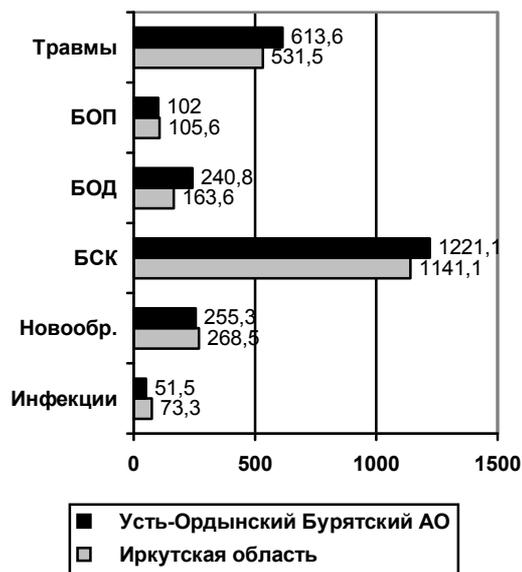

Рис. 2 (окончание). Стандартизованные коэффициенты смертности мужчин по классам причин смерти (на 100 тыс. населения).

Сравнение смертности мужчин по классам причин в Архангельской области и Ненецком АО показал (рис. 2), что она в области выше, чем в округе по всем основным классам причин, за исключением несчастных случаев, отравлений и травм. В женском населении смертность жительниц области (рис. 3) выше от несчастных случаев, отравлений и травм, болезней органов пищеварения и дыхания, а жительницы автономии чаще умирают от болезней системы кровообращения, новообразований и инфекционных болезней.

Смертность жителей Коми-Пермяцкого АО как мужчин (рис. 2), так и женщин (рис. 3) выше, чем в Пермской области по всем основным классам причин. Особенно велики различия в уровнях смертности от несчастных случаев, отравлений и травм. Так, смертность мужчин округа выше в 2,2 раза, чем в области, а женщин – в 2,5 раза.

Различия продолжительности жизни населения Тюменской области и входящих в нее автономных округов вызваны превышением смертности населения области практически по всем основным классам причин (рис. 2, 3). В мужском населении только по классу новообразований смертность в Ханты-Мансийском округе несколько выше, чем в области, а в женском столь же незначительное превышение еще и по болезням системы кровообращения. Однако эти превышения перекрываются более низкими уровнями смертности по остальным

классам причин, что и приводит к более высоким уровням продолжительности жизни в автономных округах по сравнению с областью.

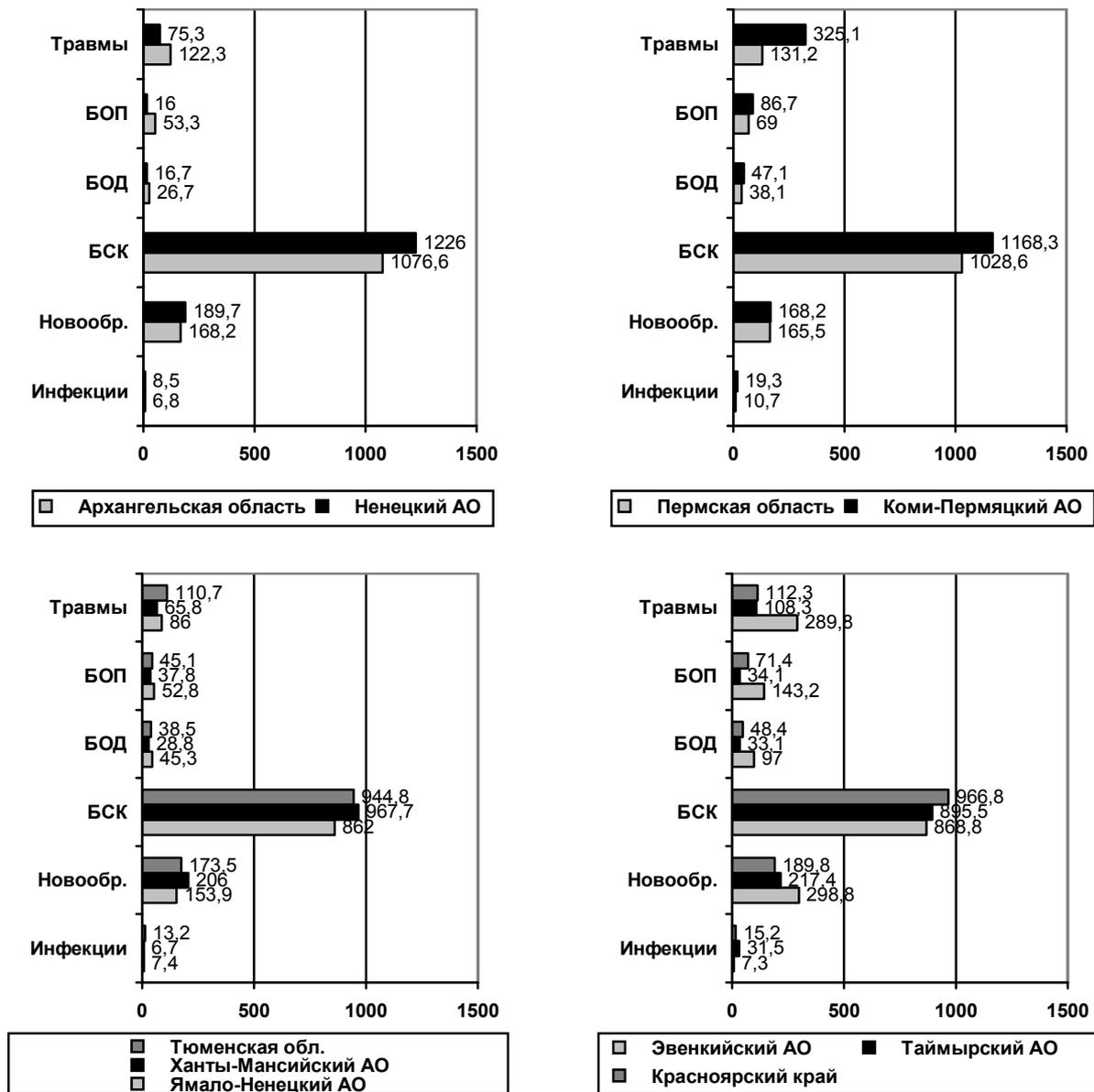

Рис. 3. Стандартизованные коэффициенты смертности женщин по классам причин смерти (на 100 тыс. населения).

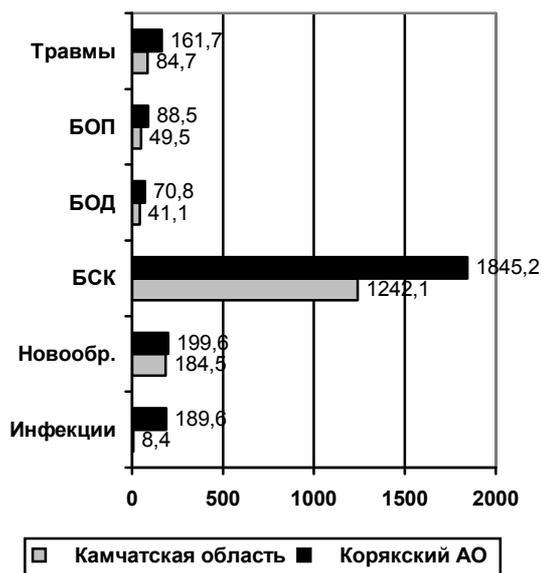
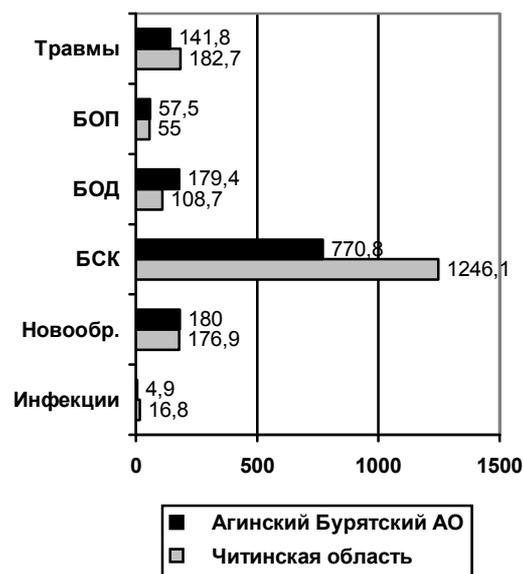
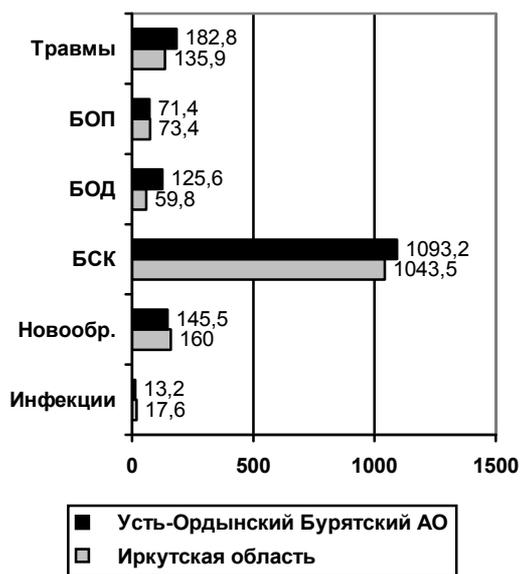

Рис. 3 (окончание). Стандартизованные коэффициенты смертности женщин по классам причин смерти (на 100 тыс. населения).

В Красноярском крае, Таймырском и Эвенкийском округах (рис. 2, 3) следует обратить внимание на заметное превышение уровней смертности в округах от несчастных случаев, отравлений и травм у мужчин на 44 и 21% соответственно. А особенно велико превышение смертности эвенкийских женщин от этого класса причин – превышение над уровнем Красноярского края составляет 2,6 раза. Также велико превышение смертности женщин этой автономии и по болезням органов пищеварения – в 2 раза, по новообразованиям – в 1,6 раза.

Различия смертности населения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского АО по всем причинам невелики, как у мужчин, так и у женщин (рис. 2, 3). Значимую разницу можно отметить лишь по двум классам причин в мужском населении. Так, смертность мужчин округа выше, чем в области от несчастных случаев, отравлений и травм – в 2,5 раза, и от болезней системы кровообращения – в 1,3 раза. В женской же популяции столь значимых различий не наблюдается.

Сравнение уровней смертности Читинской области и Агинского Бурятского АО (рис. 2, 3) показывает, что и в мужском, и в женском населении смертность жителей области от болезней системы кровообращения выше, чем в автономии в 1,6 раза для обоих полов. Также следует отметить высокий уровень смертности женщин Агинского округа от болезней органов дыхания, он выше смертности от несчастных случаев, отравлений и

травм и практически одинаков со смертностью от новообразований, а его уровень превышает таковой в области в 1,7 раза.

Что касается Камчатской области и Корякского АО, то анализ показывает, что беспрецедентно низкий уровень продолжительности жизни мужчин округа (46,55 года) вызван в первую очередь смертностью от двух классов причин – несчастные случаи, отравления и травмы (смертность мужчин в округе выше, чем в области в 2,5 раза), болезни системы кровообращения (в 1,3 раза). В женской популяции различия по этим классам причин также велики (1,9 раза и 1,5 раза соответственно). Следует также указать на чрезвычайно высокие уровни смертности населения Корякского округа от инфекционных болезней даже на фоне всех остальных рассматриваемых регионов. Так, в мужской популяции округа она составляет 97,3 на 100 тыс. населения, что в 5,2 раза выше, чем в области, в женской – 189,6 на 100 тыс. населения, или в 22,6 раза выше, чем в области.

Таким образом, можно сказать, что только две из рассматриваемых территорий являются довольно благополучными в демографическом отношении – это Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. В этих территориях уровни продолжительности жизни мужчин и женщин выше среднероссийских показателей. И самой Тюменской области, в состав которой они входят, есть к чему стремиться.

В то же время среди рассматриваемых есть территории, где уровни продолжительности жизни чрезвычайно низки, даже у женщин, что особенно отчетливо проявляется в Коми-Пермяцком и Корякском автономных округах. Однако низкой продолжительностью жизни мужчин характеризуются многие территории, как области, так и входящие в них автономии (табл. 1).

Следовательно списывать неблагоприятную демографическую обстановку в этих регионах на особенности образа жизни и здоровья коренных народов является неправомерным. Это еще раз подтверждает необходимость разработки региональных концепций демографического развития с учетом особенностей каждого конкретного региона, его возрастной структуры, структуры смертности по причинам, развития социальной сферы. Именно развитие социальной сферы, системы здравоохранения и образования может привести к улучшению демографической ситуации регионов страны.

Большинство автономий являются добывающими регионами, поэтому обеспечение безопасности работников на производстве, обеспечение нормальных условий труда и отдыха, медицинского обслуживания также внесет свой вклад в оздоровление демографической обстановки.

Сравнительный анализ смертности у русских и других национальностей

Этническая дифференциация рождаемости и смертности, как основных параметров воспроизводства населения, хорошо известна по результатам научных исследований. Большая часть их принадлежит зарубежным авторам. В России эти проблемы активно разрабатывались в начале XX в., в годы, приуроченные к первой всероссийской переписи населения 1897 г. В более поздний период пик интереса сместился от анализа этнических к изучению региональных особенностей параметров воспроизводства населения, и собственно этнический фактор получал лишь косвенное освещение путем анализа национального состава населения регионов, характеризующихся различными уровнями рождаемости и смертности. В постсоветский период интерес к исследованию собственно этнических особенностей воспроизводства населения возрос на фоне возрождения национального самосознания отдельных народов.

Анализ современной ситуации в этнической дифференциации смертности проведем в два этапа. В начале рассмотрим территориальные различия смертности в России в зависимости от доли русских в составе населения той или иной территории. Результаты относятся к 2002–2003 г., в соответствии с тем, какой национальный состав зафиксировала последняя российская перепись.

Опуская исключения и ведя сравнительный анализ в пяти основных группах (табл. 1), можно найти аргументы как в пользу гипотезы о присутствии русских, как факторе повышенной смертности, так и против нее. С одной стороны, в семи республиках Приволжья и Южного округа (четвертая группа) уровни продолжительности жизни наиболее высокие (62,0-74,1 лет) при условии, что доля русских в регионах данной группы в среднем не превышает трети населения. Тогда как увеличение доли русских до 84,8% (первая группа) и тем более до 90,4% (третья группа) заметно снижает показатели продолжительности жизни: соответственно до 59,9-73,0 лет и до 55,4-69,5 лет. С другой стороны, уровни продолжительности жизни во второй группе (56,3-70,0 лет соответственно для мужчин и женщин), в территориях которой доля русских не превышает в среднем 60%, оказываются даже меньше, чем в пятой группе (57,5-71,4 года), в территориях которой доля русских превышает 90%. Кроме того, как отмечалось выше, третья и пятая группы, однородные по присутствию русских (более 90%), заметно отличаются по продолжительности жизни и мужчин, и женщин. Таким образом, помимо этнического фактора на вариацию продолжительности жизни оказывают существенное влияние иные, прежде всего, социально-экономические детерминанты. Более отчетливо роль этих детерминант проявляется при анализе рисков смертности в ключевых возрастах: детских и трудоспособных.

Таблица 1

Классификация территорий России по доле русских в составе населения и продолжительности жизни населения

Классы	Число территорий	Доля русских, %	Продолжительность жизни мужчин, лет	Продолжительность жизни женщин, лет
1	25	84,8	59,9	73,0
2	7	58,6	56,3	70,0
3	22	90,4	55,4	69,5
4	7	31,1	62,0	74,1
5	13	90,3	57,5	71,4
6	1	51,9	54,3	61,9
7	1	20,1	51,2	62,5
8	1	84,8	66,1	75,7
9	1	4,7	68,7	76,5
Всего	78	77,9	58,1	71,4

Примечание: 1 – Адыгея, Алтайский край, Астраханская область, Белгородская область, Волгоградская область, Воронежская область, Краснодарский край, Курская область, Липецкая область, Мордовия, Москва, Московская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Орловская область, Пензенская область, Ростовская область, Самарская область, Санкт-Петербург, Саратовская область, Ставропольский край, Тамбовская область, Томская область, Тюменская область, Ульяновская область;

*Иванова А.Е. (Москва) – доктор экономических наук, профессор, ЦНИИОИЗ Росздрава; Кондракова Э.В. (Москва) – кандидат медицинских наук, докторант ЦНИИОИЗ Росздрава.

2 – Алтай, Бурятия, Карелия, Коми, Марий Эл, Якутия, Удмуртия;

3 – Амурская область, Архангельская область, Владимирская область, Вологодская область, Еврейская АО, Ивановская область, Иркутская область, Калининградская область, Кемеровская область, Костромская область, Ленинградская область, Магаданская область, Новгородская область, Пермская область, Псковская область, Сахалинская область, Смоленская область, Тверская область, Тульская область, Хабаровский край, Хакасия, Читинская область;

4 – Башкортостан, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Татарстан, Чувашия;

5 – Брянская область, Калужская область, Камчатская область, Кировская область, Красноярский край, Курганская область, Мурманская область, Нижегородская область, Приморский край, Рязанская область, Свердловская область, Челябинская область, Ярославская область;

6 – Чукотский АО; 7 – Тыва; 8 – Москва; 9 – Дагестан.

В целом, проведенный анализ показал существенно более полиморфную картину, чем то следует только из анализа территориальных различий продолжительности жизни. В целом, можно констатировать, что в территориях с высоким присутствием русского населения меньше детская смертность, но выше смертность в трудоспособных возрастах и у мужчин, и у женщин (табл. 2). Так, в шестой группе (Центр России – 91,5% русских) отмечаются самые низкие уровни детской смертности и более высокие, чем в среднем по совокупности территорий, показатели смертности в трудоспособных возрастах. В четвертой группе (преимущественно Северо-Запад – 90,8% русских) – более низкие, чем в среднем по стране, показатели детской смертности и самые высокие – в трудоспособных возрастах.

Таблица 2

Классификация территорий по доле русских в составе населения и параметрам смертности детей и лиц трудоспособного возраста

Классы	Число территорий	Доля русских	Вероятность умереть в возрасте 0-14 лет, на 1000		Вероятность умереть в возрасте 15-59 лет, на 1000	
			Мальчики	Девочки	Мужчины	Женщины
1	7	77,5	19,2	13,7	372,8	130,4
2	6	74,8	33,7	26,9	529,1	249,5
3	23	86,4	24,2	17,0	455,6	172,3
4	17	90,8	21,8	15,7	546,2	215,9
5	6	32,4	19,7	14,8	381,6	130,3
6	12	91,5	17,8	14,5	476,9	167,2
7	2	14,0	30,0	27,2	290,4	91,8
8	4	52,1	22,6	15,6	481,9	189,9
9	1	20,1	42,0	28,1	588,9	367,5
Всего	78	77,9	22,9	16,9	470,0	181,3

Примечание: 1 – Адыгея, Белгородская область, Краснодарский край, Мордовия, Москва, Ставропольский край, Тюменская область;

2 – Алтай, Амурская область, Бурятия, Еврейская АО, Читинская область, Чукотский АО;

3 – Алтайский край, Астраханская область, Брянская область, Волгоградская область, Камчатская область, Кировская область, Красноярский край, Курганская область, Курская область, Магаданская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Орловская область, Пензенская область, Приморский край, Ростовская область, Саратовская область, Томская область, Ульяновская область, Хабаровский край, Хакасия, Челябинская область;

4 – Архангельская область, Владимирская область, Вологодская область, Ивановская область, Иркутская область, Калининградская область, Карелия, Кемеровская область, Костромская область, Ленинградская область, Новгородская область, Пермская область, Псковская область, Сахалинская область, Смоленская область, Тверская область, Тульская область;

5 – Башкортостан, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Татарстан, Чувашия;

6 – Воронежская область, Калужская область, Липецкая область, Московская область, Мурманская область, Нижегородская область, Рязанская область, Самарская область, Санкт-Петербург, Свердловская область, Тамбовская область, Ярославская область;

7 – Дагестан, Северная Осетия; 8 – Коми, Марий Эл, Якутия, Удмуртия; 9 – Тыва.

На этот общий фон накладывается отчетливый географический фактор, который существенно различается в отношении смертности детей и взрослых. Так, в отношении детской смертности присутствует выраженный вектор роста с севера на юг, тогда как для взрослых наоборот – с юга на север. Наиболее наглядно в этом отношении сравнение Дагестана и Северной Осетии, с одной стороны (седьмая группа) и Северо-Запада России (четвертая группа), с другой: детская смертность 30,0-27,2 на 1000 против 21,8-15,7 на 1000; смертность в трудоспособных возрастах 290,4-91,8 на 1000 против 546,2-215,9 на 1000. При этом и для детей, и для взрос-

лых (в меньшей степени) справедлив вектор нарастания смертности с запада на восток. Сравнение шестой (Центр России) и второй групп (Дальний Восток) демонстрируют уровни детской смертности: 17,8-14,5 на 1000 против 33,7-26,9 на 1000, и смертности в трудоспособных возрастах: 476,9-167,2 на 1000 против 529,1-249,5 на 1000. Подобные закономерности связаны с тем, что для детей (особенно раннего возраста) принципиально важным условием является наличие адекватной медицинской помощи, тогда как для взрослых – поведенческие факторы, а в числе определяющих – масштабы и стереотипы потребления алкоголя.

Наконец, в-третьих, существенную роль по мере осуществления социально-экономических реформ начинает играть экономическая состоятельность территории, степень ее успешной адаптации в новых экономических условиях. Вне зависимости от состава населения и географической локализации более благополучные результаты с точки зрения здоровья населения демонстрируют территории с высокими среднестатистическими показателями валового регионального продукта. Так, благополучными по уровню смертности детей и лиц трудоспособного возраста оказались первая (доля русских 77,5%) и пятая (доля русских 32,4%) группы, куда вошли экономические лидеры (Москва, Тюменская область, Татарстан, Башкортостан) и регионы с сильной социальной политикой (Белгородская область, Чувашия, Ставропольский край). Что касается вошедших сюда же некоторых республик Юга России, то благополучие детской смертности здесь, скорее всего артефакт плохого учета.

Второй аспект рассмотрения этнических особенностей смертности связан с анализом индивидуальных данных о смерти лиц различных национальностей. Для исследования выбрано четыре региона, различающихся по уровню смертности и модели ее формирования в условиях доминирования доли русских в составе населения (84-94%). Смоленская область представляет регион с наибольшим уровнем смертности (продолжительность жизни мужчин 55,5 лет, женщин – 70,8 года), прежде всего, в трудоспособных возрастах; Самарская область – территорию с примерно среднероссийским уровнем смертности (59,4-73,0 лет), в том числе в трудоспособных возрастах; Краснодарский край – регион с существенно лучшими показателями продолжительности жизни, прежде всего за счет «южной» модели поведенческих факторов риска, способствующих снижению смертности взрослого населения; Москва – территорию с максимальными в России уровнями продолжительности жизни (66,1-75,7 лет), формируемыми на всей возрастной шкале.

Анализ показал*, что в условиях, когда национальность исключена из актовой записи о смерти и не подлежит статистической разработке, заполняемость этого признака в свидетельстве о смерти крайне неудовлетворительна. В Москве национальность не указана в 70% случаях, в Самарской области – в 42,6%, в Смоленской области – в 31,9%, в Краснодарском крае – в 16,9% случаях. Поскольку неизвестно, кто чаще не указывает национальность – русские или другие этнические группы – распределить имеющиеся соотношения на всю совокупность умерших не представляется возможным, а, следовательно, это лишает нас возможности оценить показатели смертности для русских и лиц иных национальностей. Единственная аналитическая возможность, которая остается в этих условиях, – это оценка пропорций русских и лиц иных национальностей среди умерших, в том числе от отдельных причин.

С учетом отмеченных ограничений можно констатировать, что доля русских среди умерших с указанной национальностью составляет: в Москве – 91,3, в Краснодарском крае – 88,9, Самарской области – 84,8, Смоленской области – 92,9%. Эти соотношения в целом соответствуют доле русских в составе населения рассматриваемых территорий. Что касается отдельных причин смерти, то никаких принципиальных отличий в смертности русских и лиц иных национальностей обнаружить не удастся. Можно лишь отметить намек на несколько больший удельный вес умерших иных национальностей среди смертей от инфекционных болезней, болезней органов пищеварения и травм. Так, в Москве доля лиц иных национальностей среди всего количества смертей в возрасте 20-59 лет составляет 8,7%, в том числе от инфекций и травм и отравлений – 10,1%; в Краснодарском крае доля лиц иных национальностей среди всех умерших – 11,1%, в том числе от инфекций – 13,0%, от болезней органов пищеварения – 12,6%; в Самарской области доля лиц иных национальностей среди всех умерших – 15,2%, в том числе от болезней органов пищеварения – 16,7%, от инфекций – 16,5%. При этом надо иметь в виду, что в рассматриваемом периоде жизни (20-59 лет) инфекционная смертность практически полностью определяется туберкулезом, смертность от болезней органов пищеварения – циррозами алкогольной и иной природы, смертность от травм и отравлений – отравлениями алкоголем, убийствами, самоубийствами, повреждениями без уточнений, дорожно-транспортными происшествиями. Таким образом, можно констати-

*Поскольку, как было показано выше, различия в смертности определяются, в основном трудоспособными возрастными группами, анализ индивидуальных данных будет осуществлен только для группы 20-59 лет. Выбор в качестве нижней границы трудоспособного возраста 20 лет (а не 15, как это делается традиционно) связан с тем, что в настоящее время официальный период детства простирается вплоть до 18 лет. В рамках периода трудоспособности анализ ведется по основным причинам, определяющим смертность в данных возрастах: болезням системы кровообращения, травмам и отравлениям, новообразованиям, болезням органов дыхания, пищеварения, инфекциям, а также симптомам, признакам и неточно обозначенным состояниям, смертность от которых, по данным исследований, зачастую маскирует смерти от внешних причин.

ровать, что среди лиц иных национальностей в трудоспособных возрастах несколько выше доля экзогенных, предотвратимых при современном уровне здравоохранения причин смерти. И хотя различия крайне невелики, они прослеживаются во всех территориях, пожалуй, исключая лишь Смоленскую область, где, впрочем, самая низкая доля нерусских.

Объяснения отмеченного факта лежат в плоскости анализа социального состава умерших, как русских, так и лиц других этнических групп. Более высокий вклад экзогенных и внешних причин в смертность свидетельствует о более низком социальном статусе умерших. Таким образом, можно отметить, что на территориях, где доля русских составляет не менее 85% населения (на примере Москвы, Самарской области и Краснодарского края) социальный состав русских в целом несколько выше, чем иных этнических групп, как минимум в трудоспособных возрастах.

Потери трудового потенциала вследствие ухудшения здоровья и преждевременной смертности

Катастрофическое ухудшение здоровья населения постсоветской России привело к тому, что демографический кризис стал рассматриваться на самом высоком уровне как угроза национальной безопасности. Однако представляется, что даже сейчас мы только приближаемся к осознанию не менее тревожного факта: поскольку в основном снижение продолжительности жизни обусловлено населением трудоспособных возрастов, потери вследствие роста смертности и других причин утраты здоровья могут рассматриваться как потенциальная угроза экономической безопасности страны.

Проведенный анализ показал, что в постсоветский период происходит ухудшение трудового потенциала российского населения, что нашло свое выражение не только в количественном росте потерь вследствие преждевременной смертности, но и в качественной деформации этих потерь: во-первых, рост их был обусловлен смертностью от экзогенных причин, полностью предотвратимых (и ранее успешно предотвращаемых) силами современного здравоохранения, во-вторых, произошло заметное омоложение потерь. Эти изменения наблюдаются как в мужской, так и в женской популяции, однако негативные тенденции в постсоветский период гораздо более выражены в женской популяции: они привели к искажению возрастного профиля смертности женщин трудоспособных возрастов, в его реализации по мужской модели, чего не было в самые неблагоприятные в демографическом отношении годы советского периода отечественной истории – худшие тенденции для женского населения являются абсолютно новым явлением, нигде в цивилизованных странах не отмечавшимся.

Следует отметить, что базисной причиной произошедших негативных изменений являются не столько недостатки в работе здравоохранения, сколько социальные деформации, что отмечают многие исследователи (Римашевская Н.М., Корхова И.В., 2001; Максимова Т.М., Гаенко О.Н., 2001; Иванова А.Е., Семенова В.Г., 2005; Римашевская Н.М., Кислицина О.А., 2005; Семенова В.Г., 2006). Российские реформы 90-х гг. XX в., проведенные за счет собственного населения, привели к расширению социально дезадаптированных слоев, и закономерным следствием, маркером этого ухудшения трудового потенциала не мог не стать рост его потерь за счет, в первую очередь, экзогенных и социально значимых причин («болезней бедных»). Более того, сложившаяся в России ситуация указывает на необходимость пересмотра критериев отнесения той или иной соматической патологии к категории социально значимых болезней: наиболее ярким примером может служить никогда не входившие в их число сердечно-сосудистые заболевания – широко обсуждаемое их омоложение, происходящее за счет далеко зашедшей алкоголизации населения, на наш взгляд, явно обусловлено не столько медицинскими, сколько социальными факторами.

Из этого следуют практические выводы: никакие изолированные усилия здравоохранения не смогут привести к снижению потерь трудового потенциала России, к улучшению его качества: решить эту задачу может только исправление социальных диспропорций, которыми и определялись негативные явления постсоветского периода.

Завершая проведенный анализ, рассмотрим место России в сообществе европейских стран с позиций сохранения трудового потенциала населения. Наиболее адекватной характеристикой может служить показатель сокращения продолжительности жизни населения в возрасте до 65 лет за счет преждевременной смертности. Рассматривая весь возрастной интервал, включая период детства, мы не совершаем существенной ошибки, поскольку даже при современных уровнях смертности в России вероятность умереть, не дожив до 15 лет, составляет менее 2%.

Из проведенного анализа следует, что между уровнем развития страны и масштабами преждевременной смертности, влияющей на сокращение продолжительности жизни в активных возрастах, существует тесная зависимость: коэффициент аппроксимации составляет 0,50 для мужчин и 0,67 для женщин. Существенной особенностью является то, что эта зависимость не линейна. Иными словами, наибольший эффект в сокращении преждевременной смертности достигается при преодолении крайней бедности, границы которой условно можно определить как рост среднедушевого ВВП с 2 до 10 тыс. долл. С дальнейшим увеличением уровня экономического развития прогресс продолжается, но темпы его, очевидно, замедляются. В развитых странах за счет смертности теряется до пяти лет продолжительности жизни мужчин и до трех лет женщин, тогда как в бедных странах европейского региона ВОЗ 15-17 лет у мужчин и 7-8 лет для женщин.

Что касается места России, то она имеет существенно большие потери продолжительности жизни, чем то можно было ожидать, исходя из оценки ее экономического потенциала. Справедливости ради надо отметить, что вариация масштабов потерь присутствует и при высоких, и при низких показателях экономического разви-

тия, однако показатели для России существенно выходят за границы вариации. Так, например, в группе стран с близкими к России уровнями экономического развития, потери продолжительности жизни за счет преждевременной смертности составляют 7,3-12,9 лет для мужчин и 3,0-6,0 для женщин, то для российского населения они составляют 17,0-8,0 лет соответственно. Это означает, что количественные потери трудового потенциала населения в нашей стране определяются не только сравнительно низким уровнем экономического развития страны, но и ненацеленностью экономических возможностей государства на решение вопросов сохранения и развития населения и его трудового потенциала.

Трудовой потенциал населения в рабочих возрастах убывает не только за счет преждевременной смертности, но и в результате того, что часть людей становится инвалидами. В динамике инвалидизации можно отметить сложное взаимодействие факторов, отражающих, с одной стороны, ухудшение здоровья населения в 1990-е гг., с другой, – спрос на инвалидность, как своеобразный способ социальной защиты в условиях ухудшения условий жизни и обострения положения на рынке труда.

Эффект первой группы факторов проявляется в том, что инвалидизация населения трудоспособного возраста в 1990-е гг. росла, при этом опережающие темпы отмечались в младших трудоспособных возрастах от заболеваний, связанных с неблагоприятными условиями жизни (туберкулез), тяжелыми условиями труда (болезни костно-мышечной системы) и саморазрушительными формами поведения (болезни системы кровообращения, болезни органов пищеварения). Эти процессы соответствовали тенденциям смертности, что повышает их объективность как характеристик здоровья, с одной стороны, и подтверждает вывод о динамике инвалидизации молодого трудоспособного населения как о выражении негативных социальных тенденций (маргинализации) в этих возрастных группах, – с другой.

Эффект второй группы факторов проявляется в том, что с начала 2000 г. по мере нормализации ситуации на рынке труда и начала экономического оживления в стране спрос на инвалидность начал сокращаться, что привело к снижению новых случаев инвалидности от большинства причин и формированию более легкой структуры инвалидности с преобладанием третьей группы.

В заключение оценим, в какой мере эти группы факторов актуальны в формировании закономерностей инвалидности не только в России, но и других европейских странах. Существенным при подобном сравнительном анализе является методология получения данных об инвалидности. Для получения сопоставимых сведений по разным странам, обладающим различными системами социальной поддержки инвалидов, проводится опрос репрезентативной выборки населения с применением стандартизованных анкет о наличии и выраженности у респондентов нарушений здоровья, обусловленных ими ограничений жизнедеятельности и характере социального ущерба. Таким образом, априори можно ожидать, что полученные сведения о масштабах потерь в результате инвалидности в максимальной степени должны отражать состояние здоровья населения, поскольку люди оценивают характер имеющихся у них проблем, а не уровень компенсации от государства, который они при этом получают. В свою очередь, можно полагать, что при сравнительном анализе потерь за счет инвалидности мы обнаружим те же закономерности, что и при анализе смертности, а именно: чем выше уровень развития страны, тем меньше масштабы потерь, обусловленных инвалидностью, соответственно, чем беднее страна, тем в большей степени инвалидность сокращает продолжительность активной жизни.

Итак, как показал проведенный анализ*, зависимость между уровнем развития страны и потерями продолжительности жизни за счет инвалидности оказалась довольно слабой: для мужчин коэффициент аппроксимации составляет 0,13, для женщин 0,37. Такие результаты определяются, с одной стороны, крайне малой вариацией масштабов потерь здоровой жизни населения в странах, кратно различающихся по уровню развития, с другой – практической независимостью масштабов потерь от уровня развития (особенно у мужчин). Так, при различиях среднедушевого ВВП от 1,5 тыс. долл. в Молдове до 61,2 тыс. долл. в Люксембурге, вариация потерь составляет 3,2 года как для мужчин (от 5,6 в России до 8,8 лет на Кипре), так и для женщин (от 7,6 лет в Германии до 10,8 лет в Албании).

Полученные результаты существенно отличаются от выводов, полученных при анализе потерь за счет смертности, которые продемонстрировали отчетливую и понятно интерпретируемую зависимость между уровнем развития страны и количественным сохранением ее трудового потенциала. Вместе с тем, отмеченное противоречие вполне может быть объяснено.

Преодоление сверхсмертности преимущественно путем активного развития медицинских технологий, приведет к спасению жизней людей с хроническими заболеваниями, или пострадавших после травмы, а, сле-

*Прежде чем приступить к содержательному анализу результатов, следует отметить, что Европейская база данных «Health for all» содержит сведения о потерях за счет инвалидности, рассчитанных только для всего населения. Однако такое допущение представляется несущественным, поскольку политика в области инвалидности принципиально одинакова в отношении всех возрастных групп населения, а потому результаты для всего населения могут быть распространены на группы трудоспособных возрастов.

довательно, вполне может быть фактором, способствующим росту инвалидности. И только общее оздоровление образа жизни, и обеспечение более безопасных условий жизни может вести к одновременному снижению и смертности, и инвалидности. Таким образом, при низкой смертности могут отмечаться как относительно низкие, так и более высокие масштабы потерь вследствие инвалидности.

Иные доводы позволяют объяснить, почему и при высокой смертности, потери за счет инвалидности могут заметно отличаться. Еще раз напомним, что результаты получены путем опроса на основе самооценки респондентами наличия и выраженности у них нарушений здоровья и обусловленных ими ограничений, включая социальный ущерб. Таким образом, факторы образования, культурной традиции, религиозные и этнические мотивы, в целом культурно-исторический фон может сказаться на полученных результатах. Эти факторы нельзя сбрасывать со счета, поскольку в круг относительно бедных стран Европейского Региона ВОЗ (т.е. стран с более высокой смертностью) входят преимущественно бывшие республики СССР Кавказа и Средней Азии.

Обобщая полученные результаты, можно отметить, что инвалидность является существенной характеристикой здоровья и качества трудового потенциала, но интерпретация масштабов потерь, обусловленных инвалидностью, требует учета сложного комплекса факторов, которые ее определяют, причем не только при международных сравнениях, но и при анализе динамике в одной стране.

Демографические аспекты формирования рынка труда Дагестана

На формирование рынка труда и тенденций в сфере труда оказывают влияние факторы социального, экономического и политического характера. Трудности в реализации экономических реформ, проводимых в России, в большей степени сказываются в депрессивных регионах, к которым относится и Республика Дагестан. К причинам, приведшим сегодня республику к тяжелому экономическому положению, можно отнести: проявление структурных диспропорций в ходе реформирования (большой удельный вес предприятий военно-промышленного комплекса и машиностроения, испытавших на себе резкий спад; специализация сельского хозяйства республики как сырьевого источника и др.); отсутствие номенклатуры товаров, имеющих законченный цикл; неблагоприятное сочетание факторов социально-экономического развития (демографическая ситуация, характеризующаяся высокой репродуктивностью населения; миграционные потоки в трудоизбыточный регион, военные действия в соседней республике и т.д.); особенности развития социальной сферы (слаборазвитая инфраструктура республики при наличии значительных контингентов населения, нуждающихся в социальной услугах и защите).

Среди социально-экономических факторов, определяющих сегодня ситуацию на региональном рынке труда, можно, на наш взгляд, назвать следующие.

1) Продолжающийся рост численности трудовых ресурсов при сохраняющейся относительно благоприятной демографической ситуации. Численность экономически активного населения к концу 2005 г. составила 1105,9 тыс. чел., или 38% общей численности населения республики.

2) Высокий уровень незанятого населения, сложившийся на момент реформирования экономики. Многие годы темпы роста трудовых ресурсов, в том числе экономически активного населения, опережали темпы увеличения рабочих мест. В то время, когда в стране не были заняты 5-10% трудоспособного населения, а отдельные регионы даже испытывали дефицит рабочей силы, в Дагестане не были заняты более 30% населения.

3) Высокий коэффициент демографической нагрузки на трудоспособное население. По отношению лиц нетрудоспособного возраста к трудоспособному республика занимает одно из первых мест в Российской Федерации. Этот показатель составляет 0,9, т.е. на каждого потенциального работника приходится по одному иждивенцу.

4) Неравномерное размещение трудовых ресурсов по территории республики, преобладание сельского населения и аграрной сферы приложения труда, что ограничивает расширение сферы приложения труда, так как производственно-экономический потенциал села значительно уступает городской местности в возможности создания новых рабочих мест.

5) Усиление миграционных потоков граждан в республику при сокращении миграции за пределы Дагестана и внутриреспубликанских перемещений по схеме «село-город», «горные районы – низменные районы».

6) Углубление кризисных явлений в традиционных отраслях-потребителях рабочей силы и падение спроса на нее со стороны предприятий; хозяйств, работодателей различных форм собственности.

7) Деформация мотивации труда, осложненная национальным менталитетом. Процесс адаптации населения республики к рыночным условиям тормозится как прежними стереотипами отношения к труду, уравнительной оплатой, так и современной деквалификацией рабочей силы в результате невостребованности на региональном рынке труда.

В то же время, анализ динамики функционирования рынка труда в Республике Дагестан за 2001–2005 гг. и сравнительный показатель по отношению к 1992 г. позволяют выявить устойчивую тенденцию снижения численности официально зарегистрированных безработных и роста экономически активного населения (см. табл.)**.

*Абидов Магомед Хабибович (Махачкала) – кандидат экономических наук, доцент Махачкалинского филиала Московского автомобильного института.

**Таблица составлена на основе данных «Социально-экономическое положение Республики Дагестан 2001 по 2005 годы»: Стат. сборник. Махачкала, 2001–2005 гг.

Динамика численности экономически активного населения и безработных
в Республике Дагестан за 2001–2005 гг., тыс. чел.

Годы	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2005 г. к 1992 г., %
Экономически активное население	946,5	898,3	882,1	870,9	1156,8	145,47
Занятые	891,6	845,3	653,9	816,9	1105,9	158,6
Безработные зарегистрированные в службах занятости	54,9	53	52	54	50,9	52

Рассматривая основные направления в деятельности службы занятости республики на современном этапе, можно сделать вывод, что здесь одним из центральных направлений является содействие в трудоустройстве незанятого населения. В этой связи органами служб занятости предусматривается решение следующих вопросов:

- осуществление контроля над полнотой и своевременностью предоставления работодателями сведений о наличии свободных рабочих мест и вакантных должностей;
- создание банков вакансий по районам и городам и их поддержка;
- подбор подходящих работников по запросу работодателей;
- проведение совместных с работодателями ярмарок вакансий и ярмарок специалистов;
- создание клубов ищущих работу и проведение специальных форм консультирования для граждан, испытывающих трудности с трудоустройством;
- повышение конкурентоспособности безработных за счёт их переобучения на профессии, пользующиеся спросом на рынке труда.

В республике проводится определенная работа по трудоустройству безработных граждан, обеспечению потребности предприятий в квалифицированной рабочей силе, оказанию содействия работодателям в создании и сохранении рабочих мест, совершенствованию системы социальных гарантий и оказанию материальной поддержки безработным.

Современные миграционные процессы в Республике Казахстан

Ретроспективный анализ миграционных процессов, происходивших в Республике Казахстан, свидетельствует о воздействии подвижности населения на демографическую ситуацию страны. Новые тенденции, проявившиеся в середине 1980-х гг. и особенно усилившиеся в 1990-е гг., привлекают особое внимание исследователей проблем миграций. На рубеже веков численность населения республики, несмотря на растущий естественный прирост, увеличивалась медленно в результате миграционного оттока за ее пределы. Пик эмиграционного бума пришелся на вторую половину 90-х гг. XX в.

Суть государственной миграционной политики на уровне отдельного государства заключается в установлении строгого контроля над миграционными перемещениями с целью предотвратить те из них, которые считаются нежелательными с точки зрения интересов страны. Во всем мире аналогичные ограничения значительно в меньшей мере распространяются на эмиграцию, чем на иммиграцию, против которой почти повсеместно принимаются запретительные меры. Казахстан является уникальной страной, так как в 90-е гг. XX в. эмиграционные потоки были на порядок выше, чем иммиграционные.

В результате миграционных потерь усиливалась демографическая дестабилизация общества. Происходило количественное уменьшение численности населения, в том числе и его активной части. Постепенно миграционный отток сократился, естественный прирост увеличивался. Наконец, в 2002 г. естественный прирост превысил отрицательное сальдо внешней миграции, а с 2004 г. численность населения Казахстана стала расти за счет обоих показателей.

Важнейшей составляющей внешней миграции является иммиграция, которая в условиях становления независимого правового государства приобретает новые черты, иное политическое и социально-экономическое содержание.

Иммиграция населения в Казахстан имеет свои особенности, обусловленные ее геополитическим положением, отдаленностью от очагов социальной напряженности, историческим прошлым, связанным с массовым оттоком коренного казахского населения вследствие голода 1932 г. и политических репрессий за пределы родины. Возвращение в республику казахов (оралманов) характерно именно для современного этапа.

Сформировались регионы, принимающие население в результате межобластной миграции: в первую очередь, это города Алматы и Астана, а также Акмолинская, Мангыстауская области. Наиболее активно во внутриреспубликанской миграции участвует городское население. Такая ситуация сложилась в результате оттока населения из сельской местности в города. Продолжается процесс урбанизации, но преимущественно из-за негативных обстоятельств, тяжелого положения в аграрном секторе и недостаточного социально-экономического развития села. Внутреннее перемещение населения в большей степени носит стихийный характер и нуждается в государственном регулировании.

Основной целью миграционной политики Республики Казахстан является управление миграционными процессами, обеспечение устойчивого демографического развития, укрепление государственной безопасности страны и создание условий для реализации прав мигрантов. Для качественного и полноценного осуществления намеченных целей в ноябре 2005 г. Президент подписал Указ «О Государственной программе поддержки соотечественников, проживающих за рубежом, на 2005–2007 годы». В числе других законодательных актов по регулированию миграционных процессов необходимо упомянуть Закон Республики Казахстан «О миграции населения» 1997 г., Отраслевую программу миграционной политики Республики Казахстан на 2001–2010 гг., Указ Президента Республики Казахстан о квоте иммиграции оралманов на 2005–2007 гг. от 27 декабря 2004 г., Инструкцию о порядке определения статуса репатрианта (оралмана), реэмигранта, переселенца, а также вынужденного переселенца.

Исходя из инерционности миграционных процессов в современных условиях, реализация программы по их регулированию ожидается в два этапа. На первом этапе в среднесрочной перспективе в 2001–2005 гг. основной целью программы будет являться формирование миграционной политики, направленной на снижение отрицательного сальдо миграции, создание всех необходимых условий по реализации прав мигрантов, а также укрепление государственной безопасности страны. Для достижения поставленной цели будут решаться следующие основные задачи:

*Елмурзаева Раушан Сапархановна (Астана, Казахстан) – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева.

– создание условий для уменьшения эмиграции и в целом снижение отрицательного сальдо по внешней миграции;

– содействие возвращению бывших соотечественников на родину;

– совершенствование системы управления миграционными процессами и законодательства.

В качестве основных инструментов для осуществления программы этого направления можно предложить:

– государственное регулирование трудовой миграции с целью приглашения специалистов, которые по своему профессиональному уровню отвечают спросу рынка труда и не усугубляют проблемы безработицы в отдельных регионах страны;

– укрепление региональной политики, прозрачность неформальных рынков труда и процессов миграции;

– комплексный анализ эмиграционных процессов и причин, вызывающих неоправданно высокий уровень выезда из страны;

– социально-экономическая и демографическая оценка последствий эмиграции населения, а также, на этой основе, прогнозирование миграционных процессов, их последствий и влияния на социально-экономическую и миграционную ситуации;

– совершенствование системы статистического учета и отчетности по эмиграции, повышение достоверности ее информации;

– создание системы регулирования внешней трудовой миграции на основе формирования соответствующей нормативно-правовой базы в данной области, организация межведомственного взаимодействия государственных и негосударственных структур и органов исполнительной власти;

– создание условий для реализации профессионализма высококвалифицированных рабочих и специалистов;

– привлечение зарубежных инвесторов для оказания помощи и поддержки в этнокультурном и социальном развитии соотечественников, обустройстве их по месту проживания в Казахстане; ежегодное определение эмиграционного настроения в областях республики и в целом по стране (проведение социологических обследований и выявление основных причин эмиграции по национальностям, возрастам и районам города);

– сотрудничество с другими странами, особенно принимающими иммигрантов, в области снижения нелегальной миграции;

– содействие временной миграции для повышения образования, профессиональной подготовки, трудовой миграции и других сферах;

– содействие в социально-экономической, языковой и культурной адаптации мигрантов на территории республики;

– развитие временной трудовой миграции в страны с развитой рыночной экономикой как средства повышения качества трудового потенциала, стабилизации внутреннего рынка труда и улучшения валютного баланса республики;

– постоянный анализ состояния региональных рынков труда и зарубежных рынков труда в целях выявления сбалансированности вакансий и предложения рабочей силы, прогнозирования трудовой миграции;

– сотрудничество с неправительственными организациями по изучению и анализу миграционных процессов;

– достижение стабильных гарантированных связей жителей республики с государствами Содружества и дальнего зарубежья на основе повышения эффективности деятельности транспортных, почтовых, информационных служб обеспечения своевременного перевода денежных средств, пенсий, пособий, периодических изданий, корреспонденции в целях сокращения миграции населения из-за разрыва связей между государствами;

– проведение организационно-информационной кампании по миграционной политике в Республике Казахстан;

– проведение просветительских теле- и радиопередач по миграционной тематике и т. д.

Основной деятельностью в среднесрочной перспективе (2001–2005 гг.) в области иммиграции будут являться предотвращение нелегальной миграции и содействие возвращению бывших граждан страны в Республику Казахстан.

Регулирование иммиграционных процессов в этот период предполагает использование целого ряда механизмов:

– территориальное размещение иммигрантов на основе оптимального выбора мест проживания;

– продолжение работы по подведению соответствия нормативно-правовой базы Республики Казахстан мировым стандартам;

– максимальное обеспечение мер по приему, размещению, обустройству на новом месте жительства бывших соотечественников, возвращающихся в Казахстан, на свою историческую родину;

– совершенствование информационного обеспечения иммиграционных процессов путем улучшения работы государственной системы регистрации и учета иммигрантов, постоянного мониторинга иммиграции и конъюнктуры рынка труда;

– создание для иммигрантов условий проживания в стране в соответствии с международными соглашениями и стандартами;

– регулирование государством масштабов иммиграции, исходя из экономических возможностей, уровня социально-экономического развития общества, политической обстановки;

– совершенствование правовой и организационной основы защиты мигрантов, помощи в их реабилитации и достижении экономической самостоятельности, исходя из возможностей государства;

– пресечение незаконной миграции.

На втором этапе в долгосрочной перспективе в 2005–2010 гг. основной целью программы будет являться развитие миграционных факторов в экономическом росте страны, дальнейшее совершенствование правовой, экономической, социальной баз, обеспечивающих необходимые условия по реализации прав мигрантов. Основными задачами на этом этапе будут являться:

– регулирование внутренних миграционных процессов с целью обеспечения стабильного экономического развития страны;

– регулирование внешних миграционных процессов с целью выхода на положительное сальдо;

– постепенное переселение части населения из неблагоприятных регионов в северные и центральные области.

Регулирование миграции населения основывается на следующих принципах:

– обеспечение закрепленных в Конституции Республики Казахстан прав человека на свободный выбор места проживания, рода деятельности и профессии, свободу выезда, свободу передвижения;

– недопустимость какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства и т.п.;

– обеспечение соответствия миграционного законодательства Республики Казахстан международным нормам и рекомендациям Международной организации по миграции с учетом современного социально-экономического положения республики, ее исторического прошлого и традиций, перспектив развития;

– всестороннее содействие репатриации казахов на свою историческую родину, организация их расселения, создание рабочих мест и осуществление комплекса других мер обеспечения адресной помощи и социальной защиты переселенцев коренной национальности;

– превентивная политика по регулированию стихийных и неупорядоченных процессов как внутри страны, так и за ее пределами на основе выработки социально-экономических стимулов в среднесрочных и долгосрочных программах действий, базирующихся на прогнозе потенциальной миграции и направлений миграционных потоков в связи с изменениями социально-экономической и общественно-политической ситуации;

– участие соответствующих государственных органов в организации упорядочения процессов миграции;

– личное участие мигрантов в обустройстве на новом месте проживания при адресной государственной поддержке инициативы и самодеятельности каждого, в первую очередь, переселенцев из зон экологического и стихийного бедствий;

– запрещение высылки или принудительного возвращения беженцев в страны, откуда они прибыли, кроме случаев, предусмотренных международными договорами;

– сотрудничество с другими странами, особенно принимающими иммигрантов, в области снижения нелегальной миграции, в виде учебного образования, профессиональной подготовки, трудовой миграции.

Приоритетная направленность в миграционной политике государства на всестороннее оказание помощи репатриантам способствует качественным и количественным миграционным потокам оралманов. Так, в Казахстане, по данным Комитета по миграции Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, за период с 1993 г. по 1 октября 2005 г. прибыли 117 698 семей оралманов (464426 чел.), преимущественно из Узбекистана (61,5%), Монголии (15,4%), Туркменистана (9%), Китая (4,8%), России (4%) [2, с. 32].

Основной деятельностью в долгосрочной перспективе (2005-010 гг.) в области иммиграции будет являться регулирование внешних миграционных процессов с выходом на положительное сальдо с целью содействия экономическому росту страны. В этой связи предусмотрено всемерное стимулирование иммиграции в республику лиц, обладающих дефицитными профессиями, талантливых ученых, специалистов, преподавателей, выдающихся деятелей культуры.

Регулирование внутренней миграции основывается на принципах свободы передвижения и права выбора места жительства на добровольной основе. В то же время, оно будет нацелено на обеспечение экономического роста страны. В этой связи основной методологической базой в государственном регулировании внутренней миграции будет являться кроме этнокультурных, экологических и других факторов программа развития и раз-

мещения производительных сил Республики Казахстан на период до 2015 г. Это позволит решить следующие задачи:

- принятие мер по снижению напряженности на рынке труда, особенно среди молодежи, выпускников школ и вузов;
- определить рациональную схему расселения с учетом перемещения из отсталых депрессивных регионов в регионы с развитой инфраструктурой;
- вывести из депрессивного состояния проблемные регионы, малые города, сельские населенные пункты, реанимировать в них производство.

Регулирование внутренней миграции в среднесрочной перспективе 2001–2005 гг. потребует разработки мероприятий по следующим направлениям:

- обеспечение рационального этнодемографического развития поселений в условиях формируемых рыночных отношений;
- снижение сельско-городского внутриреспубликанского миграционного оттока путем проработки и осуществления специальных мер по содействию занятости сельского населения, устранению диспропорций в оплате труда и укреплению социальной инфраструктуры села;
- улучшение экологической обстановки в стране и в отдельных регионах, проведение комплекса мер по снижению вредного воздействия экологических факторов и обеспечение социальной защиты населения в этих регионах;
- совершенствование эффективной системы отраслевой дифференциации оплаты труда в целях оптимизации внутриреспубликанской миграции населения;
- создание республиканского и региональных информационных баз данных по прибывшим и убывшим мигрантам в различных разрезах (половозрастном, профессиональном, места прибытия и убытия и т.д.);
- ежегодная разработка «портрета внутреннего (межобластного) эмигранта и иммигранта».

Регулирование внутренней миграции в долгосрочной перспективе в 2006–2010 гг. потребует разработки мероприятий по следующим направлениям:

- содействие перемещению и перераспределению трудовых ресурсов и населения страны, исходя из схемы размещения производительных сил;
- создание благоприятных предпосылок для развития экономики регионов и выгодных для населения условий проживания в них в целях достижения сбалансированного внутри республиканского расселения населения;
- разработка системы миграционных потоков, их направленность в точки экономического роста и регулирование, усиление материально-технической базы, а также стимулирование;
- создание стимулов для привлечения населения в точки экономического роста, малые города и сельские населенные пункты на добровольной основе вслед за развитием производства, наличием условий для проживания, с учетом демографической ситуации в регионах;
- развитие стимулов для привлечения в точки роста проблемных регионов и городов высококвалифицированных кадров, выпускников вузов, училищ и т.д.

Республика стала родиной для представителей около 130 национальностей, народов и народностей. Рассматривая в качестве примера США, где единственным всеобъемлющим понятием национальной принадлежности принято считать «американец», мы не имеем сегодня возможности говорить о появлении, укреплении осознания общегражданской позиции, именуемой «казахстанец». Однако межнациональное и межконфессиональное согласие на территории республики свидетельствует о толерантном сосуществовании и сотрудничестве всех наций и народностей Казахстана.

Казахстан занимает 9-е место в мире по размерам территории, но население страны насчитывает всего 15 миллионов, что свидетельствует о наличии дисбаланса между необходимыми и реальными демографическими показателями в республике.

Следуя положениям Послания Президента Казахстана народу «Новый Казахстан в новом мире», опубликованном в марте 2007 г., для решения демографической проблемы не последнее место занимает политика стимулирования рождаемости:

- С 1 января 2008 г. предусмотрено повысить размер единовременного государственного пособия в связи с рождением ребенка до 34 740 тенге (в два раза).
- Увеличить ежемесячные пособия по уходу за ребенком до достижения им одного года. По плану они должны составить: при рождении первого ребенка – почти 5800 тенге, рост на 177%; при рождении второго ребенка – около 6400 тенге, или рост на 167%; при рождении третьего ребенка – свыше 6900 тенге, или рост на 159%; при рождении четвертого ребенка и более – свыше 7500 тенге, или рост на 153%.
- Дополнительно на поддержку семей, имеющих детей, запланировано выделить 9,5 миллиарда тенге.

- Предусматривается введение обязательного социального страхования беременности, родов и материнства для работающих женщин. При этом их пенсионные накопления должны продолжаться в период нахождения в декретном отпуске и отпуске по уходу за ребенком до одного года.

Выплата этих пособий будет осуществляться из средств Государственного фонда социального страхования, сформированного за счет перераспределения социального налога. На это потребуется выделить дополнительно из государственного бюджета 9,2 миллиарда тенге... [1]

Очень важно для успешного решения демографических проблем на современном этапе стимулировать деторождение повышением реальных льгот для многодетных семей и возродить значение семьи в приоритетных ориентирах личности и общества. Большая роль в решении проблем оздоровления семейных отношений, здорового образа жизни и т. д. отводится государственным СМИ. Только реализация такой политики может дать людям надежду на то, что Казахстан сумеет преодолеть демографические проблемы, стоящие перед нашим обществом. Послание Президента Н.А. Назарбаева является не только важным событием по выходу страны из демографического кризиса, но и руководством к действию.

Литература и источники

1. Милитарев А. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. – М., 2005. – № 3. – С. 30-39.

2. Постановление Правительства Республики Казахстан от 27.09.06 № 925 «Об утверждении Плана мероприятий на 2006–2008 годы по реализации отраслевой Программы миграционной политики Республики Казахстан на 2001–2010 годы».

3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 29.10.01 № 1371 «Об утверждении отраслевой Программы миграционной политики Республики Казахстан на 2001–2010 годы (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.09.06)»

4. Казахстанская правда, 2007. – 2 марта.

Новые подходы к миграционной политике России

Россия является страной, принимающей мигрантов из менее развитых стран. Внутри страны миграционные потоки изменили направление после распада СССР – происходит отток населения из регионов Дальнего Востока, Сибири и Севера. Эта ситуация опасна с геополитической точки зрения, поскольку провоцирует иммиграцию из Китая и других стран Азии на территорию России. Иммиграционная политика должна быть направлена на привлечение соотечественников, привлечение высококвалифицированных мигрантов, борьбу с нелегальной миграцией.

Миграция для России всегда была и остается важным компонентом демографического и социально-экономического развития. В 2006 г. внешняя миграция компенсировала примерно 23% естественной убыли населения страны. Однако статистика миграции в стране крайне неточна, поскольку не учитывает иностранцев, которые находятся в России с временным статусом (например, с разрешением на временное проживание и на трудовую деятельность). Неслучайно, перепись населения 2002 г. «обнаружила» в стране около 2 млн. людей, которые были «невидимы» для текущего учета. Это в большинстве своем иммигранты. По данным ООН, Россия стала второй страной в мире по количеству принятых иммигрантов – в 1991–2001 гг. она приняла 11 млн. чел.

Россия активно вовлечена в процесс международной миграции населения, поскольку занимает промежуточное положение между двумя экономическими полюсами мировой экономики – богатым Севером и бедным Югом. Территория России достаточно привлекательна для мигрантов из менее развитых стран СНГ, Азии и Африки. Многие иммигранты рассматривают территорию России как «перевалочный пункт» для дальнейшей миграции в экономически развитые страны Запада. Россия испытывает довольно мощный демографический «пресс» со стороны некоторых развивающихся стран. Например, на приграничной с Россией территории Китая проживает около 100 млн. чел., в то время как на территории Дальневосточного федерального округа насчитывается всего 6,7 млн. чел. Китай, Индия и ряд стран Азии обладают высоким миграционным потенциалом. Как показывает анализ полей расселения, Россия может стать территорией вселения значительного числа иммигрантов из этих государств.

В 1990-е гг. Россия стала довольно привлекательной для мигрантов из стран СНГ, в большинстве своем русских и представителей разных российских народов. Сейчас Россия получает мигрантов из стран СНГ и Балтии («ближнего» зарубежья) и отдает мигрантов в государства «дальнего» зарубежья. Практически половина всего миграционного прироста приходилась на Центральный федеральный округ, где основным центром притяжения мигрантов является Москва и Московская область (более 40% иммигрантов). Другими центрами притяжения иммигрантов в России являются Приволжский и Уральский федеральный округа. Меньшая доля международных мигрантов приходится на Южный, Северо-Западный и Сибирский федеральный округа. Наконец, положительный, но едва заметный миграционный прирост отмечался на Дальнем Востоке.

История расширения территории страны связана с переселением населения из центральных регионов в Сибирь и на Дальний Восток на протяжении последних нескольких веков, включая советский период истории. Благодаря государственной политике миллионы людей были переселены в восточную часть России. Социально-экономические и политические преобразования в 1990-е гг. кардинально меняли основные направления и характер внутренних миграций в России. Главным направлением пространственного перемещения населения внутри страны стали «центростремительные» миграционные потоки, или так называемый «западный дрейф» населения – движение из северных и восточных регионов страны (Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера) в центральные и юго-западные регионы (Северный Кавказ, Центральную Россию).

В настоящее время территория России по показателю результативности внутренней миграции разделилась на две зоны. Первая – регионы, притягивающие мигрантов: Центральный и Северо-Западный федеральные округа. Вторая зона – территории, отдающие мигрантов: Южный, Приволжский, Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа. Главная причина – колоссальная диспропорция в уровне социально-экономического развития между регионами страны. По данным Минэкономразвития и торговли РФ, разница в среднедушевом валовом региональном продукте между благополучным Ямало-Ненецким автономным округом и Ингушетией составляет почти 90 раз.

В настоящее время в стране обозначилась серьезная проблема – территории на востоке и севере интенсивно теряют население. Складывающаяся ситуация опасна с геополитической точки зрения. Демографичес-

*Рязанцев Сергей Васильевич (Москва) – доктор экономических наук, зав. отделом социальной демографии Института социально-политических исследований РАН.

кий вакуум на Дальнем Востоке создает объективные предпосылки для полного замещения населения иммигрантами из соседних стран (прежде всего из Китая). В среднесрочной перспективе следует сбалансировать территориальное распределение населения в масштабах страны, а также реализовать устойчивые стратегии в области регионального развития. Если это не будет сделано, то свободные пространства России окажутся заселенными исключительно иммигрантами.

Несмотря на усиление взаимозависимости в условиях глобализации, большинство стран мира регулируют иммиграцию, исходя из собственных национальных интересов, не только удовлетворяя потребности экономики в трудовых ресурсах, но и пытаясь сохранить культурную и этническую самобытность. Россия не должна быть исключением в этом ряду, а должна использовать иммиграцию в интересах своего развития. В 2001 г. в России была принята Концепция демографического развития страны на период до 2015 г. Она обозначает абсолютно адекватную времени цель – стране необходимы иммигранты. Данную точку зрения неоднократно высказывал Президент России. Однако на уровне практики регулирования иммиграции до последнего времени сложилась и существовала кардинально противоположная ситуация – иммиграционная политика сводилась к борьбе с нелегальной миграцией и ограничивала приток любых иммигрантов в страну.

В условиях экономического роста и депопуляции роль иммиграции в удовлетворении потребности в трудовых ресурсах и стабилизации численности населения России значительно возрастает. Стране требуется иммиграционная политика, направленная не на ограничение въезда, а на привлечение необходимых категорий иммигрантов. При этом Россия, в отличие от других стран мира, находится в уникальном положении – она окружена государствами, которые ранее составляли единую страну, а сейчас сосредотачивают миллионы людей, близких в культурном и ментальном отношении, говорящих на русском языке. Это дает шанс на протяжении нескольких лет привлекать русских и представителей российских народов и резко не изменять этнический состав населения, а также тратить гораздо меньшие средства на интеграцию иммигрантов в общество и избежать серьезных межнациональных конфликтов.

Исходя из собственных национальных интересов и учитывая зарубежный опыт миграционной политики, Россия в настоящее время должна осуществлять протекционистские меры в отношении представителей российских коренных народов и национальностей Российской Федерации, а также привлекать трудовых иммигрантов с необходимой квалификацией, соблюдая права коренного населения. В настоящее время созданы благоприятные условия для реализации идеи привлечения мигрантов и «собираания российской нации». России необходимо максимально облегчить доступ и процедуры получения российского гражданства, расширить круг потенциальных получателей гражданства, дать четкие государственные гарантии для организации переезда в страну и обустройства на месте соотечественникам из стран СНГ. В 2006 г. была утверждена Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Миграционная политика должна учесть возможность легализации тех соотечественников, кто уже давно живет и работает в России нелегально и полулегально.

Другим важным направлением иммиграционной политики России должно стать привлечение высококвалифицированных трудовых ресурсов и учебных мигрантов (студентов и аспирантов) из различных стран. Это образованные иммигранты, способные удовлетворить объективные потребности в рабочей силе, быстро адаптироваться к российскому рынку труда и принести пользу стране. В мире нарастающей тенденцией становится конкурентная борьба за квалифицированные трудовые ресурсы, которые обладают необходимыми профессиями, знаниями и возрастом.

Острой проблемой для России является нелегальная иммиграция, оказывающая существенную угрозу национальной безопасности страны. Борьба с нелегальной иммиграцией и ее предотвращением должна стать одной из приоритетных задач иммиграционной политики. На территории России сложились изолированные этнические анклавные, в которых проживают нелегальные иммигранты, куда не имеют доступа представители власти, где по существу не действуют российские законы. Это не только становится средой для распространения преступности, но и угрожает национальной безопасности страны.

Необходимо кардинально пересмотреть подход к регулированию внутренней миграции, поставив во главу угла не столько административные меры управления ею (ограничение регистрации), сколько экономические. Отток из неблагоприятных регионов продолжится до тех пор, пока не будут уменьшены диспропорции в социально-экономическом развитии регионов. Сгладить эти разрывы можно через перераспределение средств, полученных от налогов, сборов за регистрацию и трудовую деятельность легальных мигрантов из принимающих регионов в отдающие территории. Власти на местах должны увязывать региональные миграционные программы с другими направлениями социально-экономической политики, прежде всего с поддержкой молодежи при обеспечении жильем, создании рабочих мест и повышении уровня заработной платы. Это позволит создать условия для социально-экономической реализации потенциальных мигрантов и предотвратит отток населения.

Миграционная политика России на современном этапе

Население Российской Федерации в настоящее время стремительно сокращается, что представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности России в XXI веке. Все большую тревогу вызывает ситуация, при которой поколение детей лишь на 60% замещает поколение родителей, страна ежегодно теряет 700-800 тыс. чел. Начиная с 1992 г. смертность в России устойчиво превышает рождаемость. За 14 лет (1992–2005 гг.) разница между количеством родившихся и количеством умерших в России составила более 11,1 млн. чел. Абсолютная убыль населения (с учетом 5,3 млн. въехавших мигрантов) за этот период – около 5,8 млн. (около 400 тыс. чел. в среднем за год) [1]. Данные последних лет демонстрируют нарастание масштабов убыли населения за 2000–2005 гг. – около 700 тыс. чел. в среднем за год. По предварительной оценке Росстата, численность постоянного населения Российской Федерации на 1 января 2007 г. составила 142,2 млн. чел. [2].

Старение населения увеличивает нагрузку на его трудоспособную часть, систему здравоохранения и социального обеспечения, способствует обострению проблем с выплатами пенсий и социальных пособий. Уменьшение численности населения представляет собой прямую угрозу национальной безопасности России. Дополнительный отток из России квалифицированных кадров, особенно молодежи, ведет к снижению научного, творческого, культурного потенциалов российского общества, обостряет проблему внешней технологической зависимости России.

Реальная угроза национальной безопасности и суверенитету Российской Федерации связана с уменьшением численности населения трудоспособных возрастов и, соответственно, экономического потенциала страны. В условиях ожидаемого экономического роста сокращение численности экономически активного населения (по оценке Минэкономразвития России на 3,2 млн. чел. за 2006–2010 гг.) вызовет острый дефицит рабочей силы. Привлечение мигрантов из зарубежных государств с социокультурными параметрами и образом жизни, существенно отличающимися от социокультурных характеристик народов Российской Федерации, может только на время и локально способствовать решению экономических проблем, одновременно способствуя дестабилизации социальной обстановки в ближайшей перспективе. Характер современных стихийных миграционных процессов не отвечает в ряде регионов (Юг России, Дальний Восток) экономическим и политическим интересам государства. Совершенно очевидно, что все эти негативные процессы будут сопровождаться усилением демографического и иного давления на восточные и южные границы Российской Федерации со стороны более плотно населенных соседних государств. В условиях прогнозируемого дефицита энергоносителей и других видов минерального сырья депопуляционные регионы Дальнего Востока и Сибири потенциально могут стать объектом притязаний этих соседей.

Катастрофическая ситуация еще может быть изменена при условии принятия и осуществления государством комплекса экстренных антикризисных мер в области демографической и семейной политики. Тем более что Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 г. определило задачи и приоритеты государства в области демографического развития России.

Одним из действительно сделанных шагов стало принятие Национальной программы демографического развития РФ. Целью Национальной программы является обеспечение стабилизации численности населения Российской Федерации к 2015 гг. на уровне не ниже 140-142 млн. чел. с обеспечением в дальнейшем предпосылок для роста численности населения.

Национальная программа демографического развития РФ включает в себя комплекс мер:

- создание условий для повышения рождаемости, обеспечения поддержки семей с детьми;
- улучшение здоровья населения и снижение смертности;
- привлечение русских и русскоязычных жителей республик бывшего СССР к иммиграции в Российскую Федерацию;
- улучшение баланса расселения населения Российской Федерации по регионам;
- ограничение незаконной иммиграции, особенно в тех регионах Российской Федерации, где она может создать угрозу социальной стабильности, суверенитету, территориальной целостности и национальной безопасности страны;
- формирование системы обеспечения государственной демографической и семейной политики.

Правительство действительно понимает, что решить демографический кризис только увеличением рождаемости или привлечением мигрантов невозможно. Особенно хотелось бы выделить миграционную часть программы.

*Шовгарян Эрик Леонович (Москва) – аспирант Института социально-политических исследований РАН.

Миграционная политика получила более четкие очертания. Предполагается привлекать русских и русскоязычных жителей республик бывшего СССР, т.е. бывших соотечественников, воспитанных в традициях российской культуры, владеющих русским языком и не желающих терять связь с Россией. Считается, что они более всего способны к адаптации в нашем обществе. По всей видимости, желающим переселиться в Россию необходимо будет также сдать экзамен по русскому языку. Ставка сделана в первую очередь на русских и другие титульные народы РФ, но и другие национальности бывшего СССР могут участвовать в программе. Специалисты оценивают потенциал переселенцев в районе 6 млн. чел. Планируется, что в Россию приедут 50 тыс., затем 100 тыс. и 150 тыс. чел. ежегодно. Предполагается, что переселенцы при помощи государства легко адаптируются в новую среду.

Выделены регионы, готовые принять переселенцев: Тверская, Калужская, Калининградская, Липецкая, Тамбовская, Тюменская, Иркутская, Новосибирская области, Красноярский край, Амурская область, Приморский край, Хабаровский край. Очевидно, что эти регионы выделены не случайно. Это приграничные регионы, ситуация в которых уже давно критическая (заселение китайцами Дальнего Востока), и субъекты РФ с большими потребностями в человеческих ресурсах. В ближайшее время список регионов будет обязательно расширен. Причем выбирать регионы из списка «пилотных» зон будут сами переселенцы.

За рубежом созданы и будут продолжать создаваться представительства Федеральной миграционной службы. Сегодня они уже есть в Армении, Латвии, Киргизии, Таджикистане и Туркменистане. До конца года представительства ФМС откроются еще в нескольких странах. Там же, где их нет, предлагается обращаться в консульства Российской Федерации и Росзарубежцентр.

Полный пакет государственной поддержки переселенцев включает в себя: компенсацию расходов на переезд к будущему месту жительства (железнодорожным, воздушным, автомобильным, водным и морским транспортом) и провоз личного имущества; компенсацию расходов на уплату госпошлины за оформление документов о статусе переселенцев; компенсацию таможенных платежей и налогов на вывоз личного имущества из страны выезда; единовременное пособие на обустройство («подъемные»); ежемесячное пособие по безработице до приобретения гражданства РФ; компенсационный пакет участника программы (услуги государственных и муниципальных детсадов, образовательных учреждений, социального обслуживания, здравоохранения и службы занятости). Следует учитывать, что все принимающие регионы разбиты на категории «А», «Б» и «В». К территориям вселения категории «А» относятся преимущественно стратегически важные для России приграничные территории, характеризующиеся сокращением численности населения. В категорию «Б» выделяют территории, где реализуются крупные инвестиционные проекты, требующие массового привлечения переселенцев в связи с отсутствием соответствующего предложения рабочей силы на территориальном рынке труда. Категория «В» – территории с устойчивым социально-экономическим развитием, на которых в течение последних трех и более лет наблюдаются сокращение общей численности населения и (или) миграционный отток. В зависимости от выбранного региона меняется и компенсационный план [3].

Также национальная программа демографического развития РФ предусматривает упрощение режима приема переселенцев в гражданство Российской Федерации. Что в принципе должно привлечь многих людей давно желавших получить Российское гражданство, но в силу различных обстоятельств (бюрократия, несовершенство законодательства, нехватка средств на переезд) не имевших такой возможности.

С начала 2007 г. в миграционной политике Российской Федерации произошли существенные изменения. Начинает реализовываться Государственная программа содействия переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Приняты нормативно-правовые акты, регулирующие миграционную политику. С одной стороны, приезжим теперь гораздо легче встать на учет по месту временного пребывания. С другой – многие из них потеряли право торговать на российских рынках. Эти и другие меры государства четко указывают, что правительство действительно взялось за демографический вопрос и миграционную политику в частности. Предполагается создать систему контроля над миграцией населения в стране; вывести из тени миллионы нелегалов; направлять мигрантов в стратегически важные регионы; привлекать в Россию на постоянное место жительства лиц с квалификацией в необходимых областях; восполнять естественную убыль населения соотечественниками из-за рубежа.

Итак, в настоящее время в России сформирован новый вектор миграционной политики, соответствующий современному социально-экономическому и демографическому развитию страны. Однако существуют определенные сложности в реализации миграционного проекта по причине недостаточности его финансирования.

Литература и источники

1. Национальная программа демографического развития России // www.rg.ru
2. Официальный сайт Росстата РФ // www.gks.ru
3. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом // www.fmsrf.ru

Миграционный обмен населением Республики Коми с регионами России

Вся история развития России вплоть до начала 90-х гг. XX в. была историей страны, которая, по выражению В.О.Ключевского, «колонизуется». Население России «по условиям своей исторической жизни и географической обстановки... распространялось не постепенно путем нарождения, не расселяясь, а переселяясь» [1]. Распад СССР привел к тому, что впервые за всю историю Россия превратилась в страну, которая, пользуясь той же терминологией, «деколонируется». Результатом нерегулируемых государством межрегиональных миграций в 90-х гг. XX в. явилось полное оголение районов Крайнего Севера и Дальнего Востока, Забайкальских приграничных регионов России, а также сверхконцентрация населения в перенаселенном Московском мегаполисе.

Последствия стихийного миграционного обмена стали носить явно негативный характер, противоречащий геополитическим и экономическим интересам государства. В этой связи возрастает необходимость в регулировании межрегиональными людскими потоками и переориентации их в отвечающие интересам России направления. Государство должно выработать действенные меры экономического воздействия на уровни и тенденции изменений межрегиональных потоков в новых для России условиях.

Решению любых управленческих задач должен предшествовать максимально полный анализ ситуации и факторов, на нее воздействующих. Такой анализ применительно к межрегиональным миграциям должен проводиться на индивидуальном, парном уровне, так как миграции есть всегда двухсторонний процесс, и факторы, воздействующие на их уровни, также привязаны к двум территориям – выхода и входа мигрантов.

Ниже представлены результаты одной из частей анализа парного межрегионального миграционного обмена – анализ парных выбытий Республики Коми в 2000–2006 гг. по усредненным за эти семь лет данным, взятым из официальных изданий Росстата. Методика расчета межрегиональных показателей изложена автором подробно в опубликованных статьях [2].

Межрегиональные миграционные выбытия можно охарактеризовать тремя группами показателей: 1) абсолютные числа выбывших из одного региона в другой; 2) интенсивность этих парных выбытий; 3) показатели неравномерности структуры парных выбытий. В связи с тем, что миграционные потенциалы и емкости регионов различаются между собой, как и общие (итоговые) объемы выбытий и прибытий по территориям, абсолютные показатели, а также их соотношения с параметрами территории выхода, не могут служить в качестве точных индикаторов для ранжирования миграционных партнеров изучаемого субъекта. В этой связи были предложены специальные «двумерные» измерители межрегионального миграционного обмена.

Показатели интенсивности парных выбытий из i -той территории в j -тую рассчитываются через деление объемов парных выбытий (M_{ij}) на расчетную численность региона выхода, представляющую собой долю численности населения региона выхода (S_i), пропорциональную доле численности населения территории входа (S_j) во всем населении территорий выхода ($S - S_i$): $KI_{EMij} = M_{ij} / \{S_i * S_j / (S - S_i)\}$, где S – численность населения всего рассматриваемого массива регионов.

Показатели неравномерности (миграционные индексы пространственной структуры, или МИПС) представляют собой отношение реальных объемов парных выбытий к теоретическим, т.е. таким, при которых все парные выбытия были бы пропорциональны итоговым объемам выбытий из i -того региона и итоговым объемам прибытий в j -тый регион. Они показывают степень неравномерности парных выбытий. Критерием сравнения для них является единица как средняя величина по всему массиву и как значение, при равенстве которому всех МИПС миграционный обмен не имел бы предпочтений.

Расчет данных показателей по Республике Коми позволяет, прежде всего, выделить регионы-лидеры по выбытиям.

Кировская область является первой по выбытиям из Республики Коми по всем трем группам показателей. По абсолютным числам выбытий в лидерах оба первых мегаполиса, Московская область, а также Краснодарский край. Все эти четыре благоприятных для мигрантов региона имеют максимальные численности населения среди регионов России, и их миграционные ёмкости для выбывающих в них из других регионов страны достаточно велики. Вследствие этого при расчете относительных показателей – парной интенсивности и неравномерности структуры – в лидерах этих четырех регионов уже нет. По интенсивности парных выбытий

*Рыбаковский Олег Леонидович (Москва) – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры социологии Российской Академии Государственной Службы при Президенте Российской Федерации.

на второе место выходит активно притягивающая мигрантов Белгородская область, так как при заметно меньшей миграционной емкости она принимает достаточно большое число мигрантов из Республики Коми. При этом в отличие от других, лидирующих по выбытиям из Республики Коми регионов, на величины показателей которых влияет их близкое географическое местоположение, или так называемый «гравитационный закон». Белгородская область находится на достаточном удалении, что дает основания рассматривать ее как достаточно сильный центр притяжения для выходцев из рассматриваемого региона.

Таблица 1

Регионы-лидеры по показателям парных выбытий из Республики Коми в среднем за 2000–2006 гг.

По абсолютным объемам			По интенсивности парных выбытий			По неравномерности структуры выбытий		
№	Регион	Человек в год	№	Регион	В промилле	№	Регион	Раз
1	Кировская о.	776	1	Кировская о.	65	1	Кировская о.	8,5
2	Московская о.	756	2	Белгородская о.	54	2	Вологодская о.	4,9
3	г. Санкт-Петербург	733	3	Костромская о.	47	3	Архангельская о.	4,7
4	Краснодарский край	725	4	Вологодская о.	45	4	Ярославская о.	3,6
5	Белгородская о.	581	5	Ярославская о.	40	5	Костромская о.	3,4
6	г. Москва	569	6	Владимирская о.	39	6	Владимирская о.	3,1
7	Нижегородская о.	457	7	Архангельская о.	35	7	Белгородская о.	2,8
8	Владимирская о.	422	8	Ивановская о.	32	8	Ивановская о.	2,7

Далее по уровню интенсивности парных выбытий следуют ближайшие юго-западные и западные регионы Северо-Западного и Центрального федеральных округов – Костромская, Вологодская, Ярославская, Владимирская и Архангельская области. Эти соседние области также возглавляют список по неравномерности выбытий из Республики Коми.

Регионы, граничащие с Республикой Коми с востока и юго-востока – Пермский край, Тюменская и Свердловская области, по абсолютным числам выбытий находятся на 21-м, 25-м и 27-м местах соответственно, по показателям интенсивности они – в середине списка регионов, а по показателям неравномерности структуры парных выбытий – ближе к концу списка. Лишь Пермский край имеет значение МИПС, превышающее единицу (1,5).

Аутсайдерами по выбытиям из Коми по всем трем группам показателей являются Магаданская область, Республики Тыва и Алтай, а также большинство регионов Дальнего Востока. Эти субъекты находятся от Республики Коми дальше других, да и экономическое положение в них еще хуже, чем в рассматриваемом регионе.

Одних показателей по парным выбытиям не достаточно для анализа характера парного миграционного обмена. Необходимо дополнить информацию о лидерах выбытий – коэффициентами результативности миграционных связей (КРМС) с ними. Эти характеристики показывают, сколько человек выбыло в тот или иной регион на 1000 прибывших из него в Республику Коми.

Таблица 2

Коэффициентами результативности миграционных связей Республики Коми с отдельными регионами России

Регион	КРМС, ‰	Регион	КРМС, ‰
Кировская о.	1219	Краснодарский край	2327
Вологодская о.	2018	Ярославская о.	3016
г. Санкт-Петербург	2033	Белгородская о.	3502
Ивановская о.	2078	г. Москва	5056
Владимирская о.	2180	Московская о.	5753
Костромская о.	2226		

Основная часть прибытий в Республику Коми шла из тех же смежных с ней регионов, которые были в лидерах по выбытиям, плюс из Республики Марий Эл.

По полученным данным можно сделать два вывода. 1. С Кировской областью у Республики Коми идет тесный миграционный обмен населением, близкий по характеру к равноценному и по величине показателей выбытий сходный с внутрирегиональным. 2. Основная часть мигрантов выбывает в более благополучные, соседние западные регионы, а также из большинства других «депрессивных» российских регионов – в г. Москва и Московскую область. Отток в смежные регионы идет не безвозвратно, но со значительным отрицатель-

ным сальдо. Итоговый КРМС за 2000–2006 гг. Республики Коми составил 1979‰ (в 2000–2002 гг. – 1797‰, в 2003–2005 гг. – 2032‰, в 2006 г. – 2505‰). Она находилась на 72-м месте в списке 79 основных регионов России. При средней за семь лет численности населения в 980 тыс. чел. республика имела миграционную убыль почти 46 тыс. чел. Процесс миграционного оттока из республики не прекращается. Пока не сократится резкая дифференциация в уровнях жизни первого мегаполиса и остальной части страны, а также не будет кардинально изменено отношение к таким «депрессивным» регионам, как Республика Коми, миграционную ситуацию в стране, к сожалению, не изменить, и она может лишь ухудшаться.

Литература и источники

1. Ключевский В.О. Русская история. – М.: Эксмо, 2005. – С. 5.
2. Народонаселение. – 2007. – № 3.

Трудовая миграция в России: особенности и подходы к регулированию

Иностранцы трудовые мигранты стали неотъемлемой частью российского рынка труда. По официальным данным в России сейчас работает более 1,1 млн. трудовых мигрантов из-за рубежа. В большинстве своем иностранные трудовые мигранты заняты на тяжелых работах в строительстве, уборке улиц, общественном транспорте, в сельском хозяйстве. Пока в России четко не отработан механизм привлечения иностранных трудовых мигрантов, существует теневой рынок труда. Многих мигрантов работодатели нанимают неофициально и нещадно эксплуатируют их труд. России требуется совершенствовать свою миграционную политику в отношении привлечения иностранной рабочей силы, для этого необходимо определить потребности в ней и качественные характеристики привлекаемых трудовых мигрантов.

После распада Советского Союза в новых государствах стали с разным успехом проводиться политические и социально-экономические преобразования. Экономика России развивалась достаточно успешно и требовала дополнительных трудовых ресурсов. С середины 1990-х гг. поток трудовых мигрантов устремился в Россию. Трудовые мигранты в Россию едут в основном из стран СНГ: Украины, Таджикистана, Узбекистана, Молдавии, Армении, Азербайджана. Также много трудовых мигрантов из Китая, Турции, Вьетнама, КНДР. В 2006 г. численность официально оформленных трудовых мигрантов в России составила 1 млн. 150 тыс. чел. Некоторые ниши в российской экономике прочно закрепились за мигрантами, потому что местные жители не хотят работать в этих сферах. Многие из них работают подсобными рабочими в строительстве, уборщиками улиц, водителями городского транспорта, ремонтными рабочими, торгуют на рынках. Большинство трудовых мигрантов – это мужчины в возрасте 30-39 лет, которые обычно приезжают работать на 3-5 месяцев, затем возвращаются домой. Трудовая миграция стала не только средством выживания значительной части населения в регионе, но и реальным механизмом экономической интеграции, сближающим между собой население стран СНГ.

Легальная трудовая миграция имеет множество позитивных аспектов для России. Трудовые мигранты заполняют многие не престижные ниши на рынке труда с тяжелыми условиями работы. Этим поддерживается и стимулируется рост целых отраслей экономики. Наглядным примером может считаться развитие строительной отрасли в крупных городах России, которая основана на использовании дешевой рабочей силы из-за рубежа. В СНГ трудовая миграция породила мощный поток денежных переводов, поступающих из России в страны происхождения трудовых мигрантов – их родственникам и семьям. Однако не все денежные переводы проходят через официальные каналы. По примерным оценкам трудовые мигранты переводят и вывозят из России до 15 млрд. долларов ежегодно. При абсолютной прозрачности для нашей страны это может давать для страны 4,5 млрд. руб. налогов. Сейчас эти средства обращаются в неформальном секторе экономики, с них не платятся социальные отчисления, налоги, а сами мигранты не имеют возможности получить медицинскую помощь, в будущем пенсию.

Пока в России четко не отрегулирован механизм привлечения иностранных работников. Долгое время процедура их оформления была долгой и дорогой. Сам мигрант и работодатель должны были потерять много времени, прежде чем зарегистрировать и оформить трудового мигранта на работу. Поэтому многие работодатели нанимали и продолжают нанимать трудовых мигрантов в обход официальных законов. По разным оценкам в России на одного легального мигранта приходится 9-10 нелегальных мигрантов. Федеральная миграционная служба считает, что в стране находится не менее 10 млн. неоформленных в установленном порядке трудовых мигрантов. Нелегальная трудовая миграция имеет целый ряд негативных аспектов – она стимулирует рост теневой экономики и демпинг заработной платы, создает почву для коррупции, нарушения прав и эксплуатации работодателями мигрантов, формирует замкнутые анклавные и усиливает межнациональную напряженность в обществе. Многие нелегальные мигранты живут и работают в сложных условиях, по многу часов в сутки, не имеют страховки, порой не получают заработную плату. Власти пытаются бороться с работодателями, которые эксплуатируют незаконных трудовых мигрантов, устанавливают значительные штрафы, проверяют стройки и предприятия, но до конца искоренить это зло пока не удается.

В начале 2007 г. были приняты новые законы, которые были призваны исправить положение дел в сфере трудовой миграции. Например, было запрещено иностранцам торговать на рынках, была упрощена процедура

* Лукьянова Анна Юрьевна (Ставрополь) – кандидат экономических наук, докторант Института социально-политических исследований РАН, преподаватель Ставропольского государственного университета; Боженко Виталий Валерьевич (Москва) – аспирант Института экономики РАН.

регистрации по месту пребывания, увеличены штрафы на работодателей за использование незаконных мигрантов. Действительно, сейчас трудовым мигрантам стало гораздо легче и проще зарегистрироваться. Однако главная проблема заключается в том, что пока в стране нет четкого представления, в каком объеме нужно привлекать трудовых мигрантов из-за границы, не определены потребности российских регионов и предприятий в иностранной рабочей силе с учетом существующих резервов. Работодатели нанимают иностранных работников стихийно и неорганизованно, главным образом из-за того, что им можно платить меньше. Между тем в России более 5 млн. безработных собственных граждан, очень остро стоит проблема трудоустройства в некоторых регионах страны. Миграционная подвижность многих россиян ограничена из-за низкого уровня заработной платы и сильной разницы в ценах на жилье между разными регионами страны. Например, многие работники в России получают заработную плату, на которую нельзя снять жилье, а, продав собственную квартиру в провинции, не купишь жилья в крупном городе, где есть возможность устроиться на работу.

Как показывают прогнозы, в среднесрочной перспективе в стране начнет сокращаться численность трудоспособного населения, и будут расти потребности в рабочей силе. Отчасти сокращение трудовых ресурсов можно будет компенсировать ростом производительности труда и внедрением передовых технологий в экономику. Однако даже при самых благоприятных прогнозах покрыть все более нарастающий дефицит трудовых ресурсов только за счет внутренних резервов России не удастся. Поэтому стране придется привлекать иностранных работников. В этих условиях власти страны должны определить, в каком количестве и качестве нам нужны трудовые мигранты. Россия вправе предъявлять определенные требования по уровню квалификации, знанию языка и профессиям мигрантов. Необходимо регулировать регионы трудоустройства и условия занятости трудовых мигрантов. Важно стимулировать работодателей, которые официально оформляют работников, платят налоги и обеспечивают трудовых мигрантов страховкой. В стране требуется развивать сеть бирж и частных агентств по трудоустройству, контролировать условия труда мигрантов. Также нужно подписать двусторонние соглашения со странами – основными поставщиками трудовых мигрантов в Россию. Именно организованная трудовая миграция способна принести пользу экономике нашей страны.

Трудовые мигранты из Таджикистана в России

В Республике Таджикистан действует достаточно либеральное законодательство в части регулирования рынка труда и трудовой миграции. Законодательная основа трудовой миграции заложена в статье 24 Конституции Республики Таджикистан, согласно которой гражданин имеет право на свободное передвижение и выбор места жительства, выезда за пределы республики и возвращение в нее. Признавая приоритет внешней трудовой миграции из Таджикистана, Министерство труда и социальной защиты населения в 2000–2001 гг. разработало Концепцию трудовой миграции граждан республики за границу, утвержденную Постановлением Правительства Республики Таджикистан № 242 от 9 июня 2001 г.

Основным направлением государственной политики в области трудовой миграции является стимулирование трудовой миграции. Документом сформулировано, что, поскольку государство в настоящий момент не в состоянии обеспечить занятость граждан республики, их выезд за границу с целью трудоустройства является реализацией их конституционных прав в части обеспечения занятости. В соответствии с данной Концепцией, в декабре 2002 г. правительством страны была принята Программа внешней трудовой миграции граждан Республики Таджикистан на 2003–2005 гг., которая поставила задачи перед заинтересованными министерствами и ведомствами более активно рассматривать и решать проблемы в сфере миграции. В целях регулирования потоков миграции и систематического сбора статистической информации о миграции граждан Таджикистана за границу, правительство страны приняло решение ввести в действие с 1 января 2004 г. карточку внешнего миграционного учета для граждан Таджикистана.

В течение 2004 г. за пределами страны с целью временного трудоустройства находились 420,6 тыс. таджикских граждан, в том числе в России – около 413,2 тыс., Казахстане – 4,1 тыс., Кыргызстане – 1,9 тыс., на Украине – около 0,8 тыс., в Беларуси – 0,7 тыс. чел. За девять месяцев 2005 г. с целью трудоустройства находились за пределами страны 395 тыс. чел.

В Таджикистане разрабатывают меры по созданию эффективной системы регулирования миграционных процессов, и они могут быть успешно реализованы лишь при формировании стройной и сбалансированной системы государственных и негосударственных институтов, а также общественных и международных организаций, включая политические партии и неправительственные структуры. Именно с этой целью разработана новая Государственная Программа трудовой миграции граждан Республики Таджикистан на период 2006–2010 гг. с надеждой на ее реализацию во имя улучшения жизнедеятельности трудовых мигрантов – граждан Таджикистана. Согласно Концепции, основной целью государственной политики в отношении трудовой миграции за границу является социально-правовая защита граждан Таджикистана, временно работающих за рубежом, регулирование миграционных потоков, предотвращение нелегальной миграции и утверждение законности в миграционном процессе.

В Законе Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в закон РТ «О миграции» от 10 мая 2002 г. дополнения регламентируют порядок направления трудящихся-мигрантов на работу за границу. Согласно этой норме, государство содействует направлению трудящихся-мигрантов в организованном порядке только в те страны, где их права защищены. Одним из существенных дополнений ст. 8 является положение о лицензировании деятельности, связанной с трудоустройством граждан Таджикистана за границей. Согласно Указу Президента РТ «О порядке выдачи разрешений на деятельность по трудоустройству граждан Республики Таджикистан за границей и привлечения в Республику Таджикистан иностранной рабочей силы» от 25 июня 2001 г., государственным органом, уполномоченным выдавать лицензии на осуществление трудоустройства граждан республики за рубежом, является Министерство труда и социальной защиты населения Республики Таджикистан.

Организованный набор и трудоустройство граждан республики осуществляются физическими и юридическими лицами, имеющими специальные лицензии, ежегодно выдаваемые Министерством труда и социальной защиты населения. Различным предприятиям, субъектам хозяйствования, занимающимся трудоустройством граждан Таджикистана за рубежом и привлечением иностранной рабочей силы, было выдано в 2002 г. 10 лицензий, в 2003 г. – 21, в 2004 г. – семь лицензий. В 2002 г. предприятиями по внешнему трудоустройству мигрантов были трудоустроены 12,2 тыс. граждан Таджикистана.

В миграционную службу за девять месяцев 2005 г. 22 субъекта хозяйствования подали документ для получения лицензии, в том числе получили лицензии четыре субъекта, занимающиеся трудоустройством граждан

* Акрамов Фуркат Шарипович (Москва) – аспирант Института социально-политических исследований РАН.

за рубежом и два субъекта, привлекающие иностранную рабочую силу. За девять месяцев через агентство было трудоустроено около 1,6 тыс. трудовых мигрантов, а представителями Министерства труда и социальной защиты населения Таджикистана в Санкт-Петербурге трудоустроено 130 чел. При этом было привлечено из-за рубежа 85 иностранных граждан (из КНР и Индии).

Министерство труда и социальной защиты населения Республики Таджикистан совместно с хукуматами в июне 2006 г. провели опрос домохозяйств по всей территории страны. Согласно этому опросу, число трудовых эмигрантов на июнь 2006 г. составляло 331,4 тыс. чел. В миграционную службу в первом полугодии 2006 г. 28 субъектов хозяйствования подали документы для получения лицензии, получили ее девять субъектов, занимающихся трудоустройством граждан за рубежом и 16 субъектов, привлекающих иностранную рабочую силу.

Говоря о таджикско-российском сотрудничестве в сфере миграции, отметим, что в рамках прошедшего в Душанбе Межпарламентского Форума «Таджикистан – Россия потенциал межрегионального сотрудничества» был подписан ряд двухсторонних документов, связанных с упорядочением процесса трудовой миграции и защиты прав граждан Таджикистана в Российской Федерации. В связи с этим губернаторам Краснодарского края, Астраханской, Волгоградской, Ивановской, Ленинградской, Пензенской, Самарской и Свердловской областей были предложены проекты соглашений о двустороннем сотрудничестве в области регулирования трудовой миграции граждан Таджикистана (16 октября 2004 г.). Документ, одобренный 19 января 2005 г. «Маджлиси Оли» Республики Таджикистана и 27 декабря 2005 г. Государственной Думой Российской Федерации, 11 января 2006 г. вступил в силу.

С 2003 г. деятельность лицензированных фирм стала сокращаться. По мнению многих экспертов, миграционное законодательство Российской Федерации препятствовало расширению легальных услуг по трудоустройству из-за высокой стоимости и сложности процедур, сопровождающих наем иностранных работников в Российской Федерации. Между областями и городами Российской Федерации и Республикой Таджикистан существует практика заключения трудовых договоров и договоров о наборе рабочей силы. Однако для нее характерны и негативные моменты: принимающая сторона не всегда выполняет взятые на себя обязательства, заключенные на высоком уровне договоры не выполняются организациями-исполнителями, организация-наиматель преднамеренно не выполняет свои обязательства.

Материалы проведенного социологического опроса в 2005–2006 гг. показали, что 64% (из 166 опрошенных) респондентов нашли работу через родственников или земляков, только 4% респондентов поступили на работу через фирмы-посредники в России. Результат данного опроса показал, что большинство трудовых мигрантов доверяет и надеется на своих родственников и земляков. Сложилось так, что большинство мигрантов из Таджикистана живут и работают вместе.

Особенности реализации программы возвращения соотечественников в Российскую Федерацию

В настоящее время Россия столкнулась с серьезным демографическим кризисом, представляющим реальную угрозу ее экономической и национальной безопасности. Сложившаяся ситуация требует комплексного решения. Необходимы меры в области стимулирования рождаемости, уменьшения смертности во всех возрастах, увеличения иммиграции в страну.

Привлечение мигрантов для замещения естественной убыли таит в себе множество проблем. Столкновения на религиозной и националистической почве во Франции, Австралии и других странах должны предостеречь власти от непродуманных действий и показать необходимость привлечения мигрантов, близких по этносу, культуре, языку.

Одним из путей решения данной проблемы является стимулирование миграционного прироста, желательно за счет соотечественников, т.е. людей владеющих русским языком, близких по общности культурного наследия, традиций и обычаев населению Российской Федерации.

Сейчас численность соотечественников в странах СНГ и Балтии составляет примерно 23-24 млн. чел. Часть этой численности формирует миграционный потенциал, который может получить Россия в среднесрочной перспективе до 2010 г. Превращение миграционного потенциала в реальный миграционный поток зависит от ситуации в этих странах и от открытости миграционной политики самой России.

В настоящее время существуют факторы, способствующие возвратной миграции соотечественников в Российскую Федерацию из бывших советских республик. К ним относятся:

1) В 2006 г. Президентом России подписан Указ о Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом. Цели Государственной программы – стимулирование и организация процесса добровольного переселения в РФ соотечественников на основе повышения привлекательности ее субъектов, а также компенсация естественной убыли населения в стране за счет привлечения переселенцев на постоянное место жительства в Россию. В рамках данной программы устанавливаются три категории геополитически и экономически важных для России территорий для вселения соотечественников, что обуславливает дифференциацию объемов социальной поддержки и предоставляемых государственных гарантий. Субъектами РФ разрабатываются региональные программы переселения, в рамках которых организуется работа с участниками государственной программы и членами их семей на территориях вселения. В качестве стимулирования предусматриваются компенсации расходов на переезд и выплату госпошлин, выплаты единовременного пособия на обустройство, ежемесячного пособия при отсутствии доходов от трудовой, предпринимательской или иной не запрещенной законом деятельности, а также получение компенсационного пакета, включающего в себя услуги учреждений дошкольного воспитания, общего и профессионального образования, социального обслуживания, здравоохранения и услуги государственной службы занятости.

2. Большое значение имеет и рост экономической привлекательности России. Согласно прогнозу Министерства финансов РФ, приведенному в проекте трехлетнего федерального бюджета 2008–2010 гг., правительством ожидается рост заработной платы в бюджетной сфере в течение этих трех лет и к началу 2011 г. увеличение минимального размера оплаты труда (МРОТ) до величины прожиточного минимума трудоспособного человека. Средняя заработная плата по экономике в целом вырастет с 13,1 тыс. руб. в месяц в 2007 г. до 20,8 тыс. руб. в 2010 г. Доля людей с доходами ниже прожиточного минимума сократится с 16% в 2006 г. до 10,7% в 2010 г. Средний размер пенсий увеличится с 3,1 тыс. руб. в месяц в 2007 г. до 5,1 тыс. руб. в 2010 г. Индексация зарплат бюджетникам ежегодно будет не ниже величины инфляции, которая прогнозируется на уровне 6-7% в 2008 г., 5,5-6,5% – в 2009 г. и 5-6% – в 2010 г. [1].

3. Немалую роль в последнее время стал приобретать и выталкивающий фактор. В результате «цветных» революций на смену пророссийским лидерам к власти пришли прозападные, зачастую антироссийские силы (Грузия, Киргизия, Украина), которые, используя национальный вопрос, зарабатывают себе политические баллы. Нестабильная политическая ситуация складывается и в других постсоветских республиках. Ярким примером тому являются события в Узбекистане, где в результате столкновений в городе Андижан по разным данным погибли от 169 до 745 чел. [2].

* Гребенюк Александр Александрович (Москва) – аспирант Института социально-политических исследований РАН.

Не меняется в лучшую сторону и положение наших соотечественников в Прибалтике. Генеральный секретарь Совета Европы Терри Дэвис выразил «большую озабоченность положением русскоязычных неграждан» в Прибалтийских государствах и сравнил его с положением чернокожего населения США в середине прошлого века [3]. Данное заявление высокопоставленный европейский чиновник сделал в ноябре 2006 г., тем самым признав, что наши соотечественники проживают в подобном статусе уже 15 лет.

Официальное вхождение прибалтийских государств в Европейский Союз для их русского и русскоязычного населения означало переход в новое политическое и правовое положение. Особенно с учетом того, что по конституциям этих стран международные законодательные акты имеют приоритет над государственными. Ратификация Конституции ЕС европейскими государствами еще в большей степени ограничит возможность национальных правительств самостоятельно принимать решения во многих областях политики и экономики.

Но это совсем не значит, что положение русского и русскоязычного населения Прибалтики серьезно улучшится. Прежде всего потому, что все формальные условия, включая права национальных меньшинств, при вступлении в ЕС были признаны выполненными. Подтверждением этому является ситуация в Эстонии вокруг переноса памятника советским воинам, погибшим при освобождении Таллина, и перезахоронения их могил. В результате столкновения противников переноса с силами правопорядка погиб один из протестующих. Эта ситуация может спровоцировать очередной конфликт на межнациональной почве, в котором наименее защищенными окажутся именно русскоязычные граждане.

Большую обеспокоенность вызывает ситуация со статусом русского языка и положением русских школ в странах СНГ и Балтии. Наиболее благополучная ситуация с русским языком сложилась в Белоруссии. Прошедший в республике в ноябре 1996 г. референдум одобрил внесение изменений в Конституцию 1994 г., согласно которым русский язык (наряду с белорусским) объявлен государственным. Таким образом, Белоруссия стала первой и пока единственной страной Содружества, где за русским языком закреплен такой статус [4].

Еще одним позитивным шагом на постсоветском пространстве стало конституционное оформление статуса русского языка как официального в Киргизии и, с некоторыми оговорками, Казахстане [5]. Вместе с тем языковую ситуацию в Киргизии нельзя характеризовать как идеальную. Наблюдатели выражают озабоченность положениями закона о госслужащих и программы поддержки госязыка, которые, по их мнению, выхолащивают закон об официальном языке [6]. Тревогу вызывает возможный перевод делопроизводства на киргизский язык, явные перегибы в языковой политике, начавшиеся сразу после «тюльпановой революции». Языковая обстановка в Казахстане также неоднозначна. Принятый в республике закон о языках ввел, в частности, перечень профессий, специальностей и должностей, для которых необходимо знание госязыка «в определенном объеме» и в соответствии с квалификационными требованиями.

Быстрыми темпами идет процесс сокращения русскоязычного пространства в закавказских республиках. Н.Бурджанадзе признает, что даже «в традиционно русскоязычном Тбилиси из обихода уходит русский язык». Правда, в самопровозглашенных Абхазии и Южной Осетии языковая ситуация совершенно иная.

С принятием в Азербайджане закона «О защите госязыка» русский, которым, по экспертным оценкам, свободно владеют до 70% населения, автоматически перешел в разряд иностранных [7]. Завершился инициированный еще более 10 лет назад процесс перехода на латинскую графику. Это, с одной стороны, способствовало дальнейшему сближению Баку и Анкары, а с другой – усилило процессы дистанцирования от России.

Переход на латиницу в Молдавии (до 1,5 млн. чел., включая этнических молдаван, свободно владеют русским) был столь же искусственным и болезненным. Представители старшего поколения до сих пор пишут «по-советски», не используя новый алфавит.

Перевод с января 1998 г. всего делопроизводства в Таджикистане на госязык сузил сферу применения русского (имеющего, в соответствии с законом о языке 1989 г., статус языка межнационального общения) и усилил миграционные настроения русскоязычного населения.

Статус языка межнационального общения русский получил и в Туркмении (Закон о языке 1990 г.). Сегодня лингвистические реалии страны совсем другие. Официальный Ашхабад последовательно и форсированно проводит курс на «туркменизацию» всех областей общественной и административно-хозяйственной жизни. С 1 января 2000 г., в соответствии с указом президента, делопроизводство переведено на туркменский язык с использованием алфавита на латинице. При этом уже 1 апреля все работники, не владеющие туркменским, были уволены из министерств и ведомств.

Статус языка межнационального общения русский получил и в Узбекистане (Закон о языках 1989 г.). Однако еще в 1995 г. был принят Закон о госязыке, в котором русский приравнивается к языкам других национальных меньшинств, используемым в основном в местах компактного проживания их носителей. Также была разработана специальная правительственная программа «О государственном языке», предусматривающая полный переход на государственный язык к 2005 г. К этому же времени был намечен и переход узбекского алфавита с кириллицы на латинскую графику (закон «О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике» принят 6 мая 1995 г.).

Единственным государственным языком Украины, согласно Конституции, является украинский. В декабре 1999 г. Конституционный Суд обнародовал решение, согласно которому только украинский язык является обязательным для должностных лиц при выполнении ими служебных обязанностей и в публичных сферах общественной жизни, а также в делопроизводстве. Еще один шаг в том же направлении – принятие в 1999 г. постановления правительства «О дополнительных мерах по расширению функционирования украинского языка как государственного», где впервые при обозначении задач государственной языковой политики использован термин «дерусификация» [8].

Языковые требования – несомненно, главное орудие ассимиляции. Особенно жесткие они в Латвии и Эстонии. Сейчас свыше половины предметов в русских школах Латвии преподаются на государственном языке, а с 1 сентября 2004 г. исключительно на латышский переведено обучение в 10 и 11 классах всех государственных и муниципальных средних общеобразовательных заведений. В русских школах Эстонии с 2007 г. на государственном языке преподаются не менее 60% предметов.

В Литве русский язык находится под меньшим прессингом. В 2007 г. страна присоединилась к мероприятиям, приуроченным к проведению «Года русского языка». Не могут оставаться незамеченными заявления руководителя Государственного департамента национальных меньшинств и иммиграции А.Пятраускаса о том, что в Литве «есть все условия для проживания русских», так как «действуют школы» и у людей «есть все условия сохранить свою культуру» [9]. Конечно, далеко не все русскоязычные разделяют такую точку зрения литовского чиновника, однако, стоит отметить существование заинтересованности правительства в данном вопросе.

Ситуация с русскими школами в системах просвещения бывших союзных республиках также не дает веских поводов для оптимизма. Даже если русскоязычный сектор образования не подвергается нападкам и гонениям, а официальные власти декларируют вполне лояльное отношение к русскоязычным учебным заведениям, то, как правило, проблемы материального порядка делают уровень образования гораздо ниже общепринятых стандартов [10].

Российским чиновникам необходимо понять, что русский язык и русские школы являются теми институтами, которые в первую очередь могут формировать миграционные установки наших соотечественников. Всесторонняя их поддержка должна быть одной из главных задач РФ в отношениях со странами СНГ и Балтии.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что в настоящее время у России есть реальная возможность увеличить миграционный поток наших соотечественников и этой возможностью необходимо воспользоваться. Для этого у российских властей должно быть четкое понимание того, что стимулирование процесса возвращения соотечественников является одной из первоочередных задач миграционной политики Российской Федерации.

Литература и источники

1. Велитминский И. Сдержанность инфляцию и поднять доходы людей // Российская газета, 2008. – 25 апр.
2. www.rg.ru
3. www.pravda.ru
4. Калинина Н.В. Российская диаспоральная политика в странах СНГ: состояние и перспективы / Под науч. ред. А.Н. Михайленко. – М.: Научная книга, 2005.
5. Там же.
6. Красильникова С. Россия заинтересована в соотечественниках // Дело № (Киргизия). – 2001. – 17 окт.
7. Азербайджан // Русский язык в мире: Доклад. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – С. 35–38.
8. Калинина Н.В. Указ. соч.
9. <http://www.regnum.ru/news/814365.html>
10. Калинина Н.В. Указ. соч.

Иммиграционная политика Австралии и возможности ее применения в России

В настоящее время Австралия является одной из самых привлекательных в иммиграционном отношении стран. Она наряду с Канадой и Норвегией занимает лидирующие позиции в мире по уровню жизни населения. Согласно статистике, почти каждый четвертый житель Австралии является выходцем из других стран.

Отличительной особенностью современной австралийской иммиграции является растущее разнообразие стран происхождения иммигрантов. Если в конце 1940-х гг. среди родившихся за пределами Австралии преобладали выходцы из Соединенного Королевства (около 67%), то на сегодняшний день их доля уменьшилась в два с половиной раза и составляет около 26%, представители же других европейских стран составляют 28%, а выходцы из стран Азии – 24%.

Структурные изменения в составе иммиграционного населения стали следствием преобразований в политике правительства Австралии, в частности, отказа от концепции «белой австралийской иммиграции», ограничивающей приток населения из «неевропейских» стран. Первый шаг в этом направлении был сделан в 1958 г. с принятием Закона о миграции, который отменил обязательное проведение письменного теста на владение мигрантом каким-либо из европейских языков. В тексте закона отсутствовали вопросы о расе, и, по словам министра иммиграции тех лет, «выдающиеся и высококвалифицированные представители стран Азии» могли быть приняты Австралией в качестве иммигрантов. Период устойчивого роста численности выходцев из азиатских стран в Австралии начался в 1966 г., когда правительство страны сократило период ожидания получения гражданства страны для этой категории иммигрантов с 15 до 5 лет, уравнив их в правах с европейцами. При этом критерий отбора азиатских мигрантов «выдающиеся и высококвалифицированные» был заменен критерием «квалифицированные», что определило рост их числа с 0,75 тыс. чел. в 1966 г. до 2, 7 тыс. чел. в 1971 г.

Иммиграционную политику австралийских властей в полной мере характеризует тот факт, что Австралия является одной из четырех стран (помимо Канады, США и Новой Зеландии), официально объявивших о приеме иммигрантов и обозначивших ежегодные квоты. Современная иммиграционная политика Австралии направлена на достижение следующих целей: привлечение мигрантов, чьи квалификационные характеристики и профессиональный опыт соответствуют потребностями экономики страны; противодействие нелегальной иммиграции; развитие принципов мультикультурного общества.

Система управления миграционной политикой в Австралии имеет централизованную структуру. За реализацию миграционной политики страны в целом несет ответственность Департамент иммиграции и межэтнических отношений (Department of Immigration and Multicultural and Indigenous Affairs — DIMIA). В задачи Департамента входят рассмотрение заявлений на въезд, пребывание и работу в стране; иммиграционный контроль; борьба с нелегальной иммиграцией; интеграция иммигрантов; предоставление гражданства; развитие межэтнических отношений и принципов мультикультурного общества.

Законодательную базу миграционной политики в Австралии составляют Закон об иностранцах 1984 г. с последующими поправками, Закон о гражданстве Австралии 1948 г. с последующими поправками, Закон о миграции 1958 г. с последующими поправками, Закон о визовом регулировании 1997 г. с последующими поправками.

Основным принципом в работе над совершенствованием миграционного законодательства является стремление, с одной стороны, привлечь в Австралию иммигрантов-профессионалов, бизнесменов и инвесторов, а с другой – оградить страну от въезда нежелательных категорий мигрантов.

Если проанализировать реальную практику регулирования иммиграции в Австралию в течение последнего десятилетия, тенденция усложнения ее процедуры достаточно очевидна. Так, в начале 1990-х гг. государство брало на себя целый ряд обязательств в отношении иммигранта: компенсацию расходов на проезд, помощь в жилищном обустройстве, бесплатные курсы английского языка и др. Один год постоянного проживания в стране давал право ходатайствовать о приобретении австралийского гражданства. На сегодняшний день ситуация выглядит по-иному. Тем не менее, Австралия продолжает активно принимать иммигрантов и, соответственно, имеет весьма демократичные иммиграционные правила, по сравнению с большинством развитых стран.

Для отбора иммигрантов, въезжающих в страну на постоянное место жительства по каналу иммиграции квалифицированных специалистов, в Австралии применяется балльная система оценок, введенная в 1989 г.

* Некрасов Николай Александрович (Москва) – аспирант Института социально-политических исследований РАН.

Количество баллов, присуждаемых претендентам на получение иммиграционной визы, различается в зависимости от категории иммиграции (см. табл.).

Количество баллов, необходимое для получения иммиграционной визы в Австралию

Программы иммиграции	Проходной балл	Минимальный балл
Независимая иммиграция	115	70
Спонсорская иммиграция	110	105
Семейно-спонсорская иммиграция	110	110
Независимая иммиграция иностранных студентов	115	115
Спонсорская иммиграция иностранных студентов	110	110

Необходимо отметить, что некоторые профессии имеют режим наименьшего благоприятствования для иммиграции в Австралию. Это объясняется лоббированием в парламенте интересов людей определенных профессий, имеющих высокий социальный статус и большие финансовые средства, что позволяет им проводить законы, ограничивающие иммиграцию иностранных специалистов. В первую очередь это относится к медицинским работникам с высшим образованием, особенно к врачам, имеющим собственную практику или работающим в клиниках. При подсчетах очков эта категория автоматически получает минус 25 баллов, что сильно понижает их шансы на иммиграцию.

Принятие решения о выдаче визы сводится к процессу «постановки галочек». Это означает, что требования к иммигранту четко сформулированы с учетом всех социальных групп и возможных частных обстоятельств. Цель такого подхода – до минимума свести субъективный момент. Чиновник, принимающий решение, обязан поставить галочки на предмет соответствия кандидата всем критериям, установленным в законе относительно той или иной категории визы.

Следующий этап – набор необходимых баллов для положительного решения о выдаче визы. Это относится почти ко всем видам семейной иммиграции и, без исключения, к независимой иммиграции. Отличия состоят только в системе начисления очков-баллов. Количество необходимых баллов, как правило, устанавливается на календарный год.

Такой подход, однако, не исключает нарушений и ошибок со стороны сотрудников Министерства по делам иммиграции. Это подтверждается большим процентом дел (до 45%), которые пересматриваются в трибуналах и судебных инстанциях в пользу лиц, подавших на визу.

Иммиграционное законодательство Австралии – сложная система взаимодействия законов, их толкований и служебных инструкций, которые формально носят подзаконный характер, но на практике иногда значительно изменяют законы. Кроме того, иммиграционное законодательство является одним из наиболее динамичных разделов австралийского права. Это объясняется тем, что распоряжения министра по делам иммиграции принимаются к исполнению сразу после подписания и действуют до рассмотрения их в парламенте. В случае отмены данных распоряжений, что происходит довольно часто, возникает множество коллизий в исполнении иммиграционного законодательства. При этом значительно усложняется толкование документов и служебных инструкций.

С учетом быстро меняющегося законодательства, официально зарегистрированные иммиграционные агенты вынуждены ежегодно подтверждать свою квалификацию. Лицензия на право заниматься этой деятельностью выдается только на один год.

Существуют две правительственные программы, разрабатываемые в целях содействия желающим переехать в Австралию на постоянное место жительства. Первая – собственно миграционная, включает три основных потока: экономическая иммиграция; семейная иммиграция; желающие вернуться бывшие граждане либо резиденты Австралии, а также граждане Новой Зеландии. Эти потоки подразделяются, в свою очередь, на целый ряд категорий иммиграции. Вторая программа – гуманитарная, разрабатывается специально для беженцев и иных гуманитарных целей.

В общественных дискуссиях, затрагивающих проблемы иммиграции, присутствуют три главные темы: нежелательность ширококомасштабной иммиграции, влияние культурного многообразия на австралийское общество и права человека. С одной стороны, осознается необходимость притока мигрантов, в частности, квалифицированных специалистов. С другой стороны, высказывается озабоченность по поводу сохранения англо-кельтского культурного наследия первых колонистов Австралии.

Многие положения иммиграционной политики Австралии могут быть применены с соответствующей адаптацией к России. В частности, перед нашей страной остро стоит проблема привлечения высококвалифицированных специалистов и заселения пустующих территорий. В этом отношении нам может быть полезен австралийский опыт предоставления режима наибольшего благоприятствования при въезде и предоставлении гражданства необходимым для России мигрантам.

Особенности иммиграционной политики США

Вопросы иммиграции всегда, а в последние годы особенно активно, обсуждаются в средствах массовой информации, в широких общественных и политических кругах США. Нужна и полезна ли иммиграция для страны, если нужна и полезна, то в каких объемах ее следует допускать, кого принимать, на каких условиях? Высказывается множество точек зрения, отличающихся друг от друга в чрезвычайно широком диапазоне.

После 11 сентября 2001 г. многие американцы стали выражать опасения по поводу того, что по иммиграционным каналам в страну проникают террористы. Растет число тех, кто считает, что прием иммигрантов вообще следует прекратить. Тем не менее, есть все основания утверждать, что диспутанты, даже если к их числу принадлежат и законодатели, не утруждали себя серьезным и глубоким предварительным изучением информации о процессе иммиграции и его роли в жизни страны.

Иммиграция дает Соединенным Штатам экономическое преимущество в мировой экономике. Иммигранты вносят инновационные идеи и предпринимательский дух в американскую экономику. Они обеспечивают деловые контакты с другими рынками, увеличивая способность США торговать и вкладывать капитал в мировую экономику. За счет иммигрантов экономика США становится более эластичной, что позволяет американским производителям быстро и адекватно реагировать на изменение мировой конъюнктуры. Исследование, проведенное Национальной Академией Наук (NAS), заключило, что иммиграция принесла существенную положительную выгоду американской экономике. Согласно исследованию, средний иммигрант получает меньше социальных выплат и платит больше налогов и взносов, чем средний представитель коренного населения, и чистое финансовое сальдо бюджетных расходов и доходов, связанных с их пребыванием, имеет позитивный эффект для государственной казны. В частности, временные трудовые мигранты, не нуждающиеся ни в образовании, ни в пенсионном обеспечении, а зачастую и в медицинском обслуживании, дают очевидную экономию на социальных расходах.

Вопреки распространенному мифу иммигранты не выдворяют американцев с их рабочих мест. Как правило, иммигранты заполняют рабочие места, на которых американцы не могут либо не хотят работать в силу своих навыков или убеждений. Главным образом это происходит на высоких и низких концах спектра навыка. То есть они представлены как в наукоемких секторах экономики, в таких, как медицина, физика, информатика, так и в трудоемких секторах и секторах, не требующих специальных навыков, таких, как гостиничный и ресторанный бизнес, строительство и др.

Наравне, как иммигранты способствуют наращиванию производства товаров и услуг, они выплачивают налоги и социальные взносы, делают сбережения, тем самым оказывая заметное воздействие на хозяйственное развитие страны. В США вклад иммигрантов в производство ВВП был особенно существенен в годы послевоенного широкомасштабного импорта рабочей силы. В начале и на протяжении 90-х гг. XX в., США испытывали настоящий иммиграционный бум, уровень иммиграции увеличился в несколько раз. Этот период дал Соединенным Штатам почти 13 миллионов новых постоянных жителей, около 5% всего населения. Наибольшую долю иммигрантов внесла в этот поток Северная Америка (46,3%), прежде всего за счет Мексики (2656 тыс. чел.) и Доминиканской Республики (365,6 тыс.), на втором месте идут азиатские страны (30,3%), в первую очередь, за счет Филиппин – 527 тыс., Китая – 411 тыс. и Вьетнама – 405 тыс. На долю Европы в этот период приходится всего 13,2%, на долю Африки – 3,8% [1]. Согласно результатам исследования, проведенного в этот период Национальной Академией Наук США, уровень безработицы стал ниже 4,5%, а реальная заработная плата увеличилась в среднем на 5%, что подтверждает позитивный эффект иммиграции [2].

Необходимо отметить, что нигде вклад иммигрантов не был более очевиден, как в высокотехнологичных и наукоемких секторах. Силиконовая Долина и другие сектора, основанные на высоких технологиях, возможно бы и не существовали, если были закрыты границы квалифицированным и высокообразованным иммигрантам. Эти иммигранты представляют ценный человеческий капитал, который способствует росту экономики. Иммигранты разработали новые компьютерные продукты и программы. Например, язык программирования Java, который, в свою очередь, создал рабочие места миллионам американцев.

Влияние иммиграции на бюджет носит неоднозначный и дифференцированный характер. Оно различается в долгосрочном и краткосрочном плане, на национальном и местном уровнях, в зависимости от характера иммиграции, от квалификации и продолжительности пребывания иммигрантов в принимающей стране и отчасти от их возраста.

*Лукьянец Артем Сергеевич (Москва) – аспирант Института социально-политических исследований РАН.

Исследование, всё той же Национальной Академии Наук США показало, что типичный иммигрант и будущее его потомство за всю свою жизнь заплатят в виде налогов на 80000 долл. больше, чем они получают от государства в виде социальных выплат. Для иммигрантов с высшим образованием эта цифра составляет 198 тыс. долл. [3]. Конечно, справедливости ради необходимо отметить, что низкоквалифицированные иммигранты и беженцы пользуются социальными выплатами из государственного бюджета. Так, согласно результатам исследования, проведенного Национальным исследовательским советом США и Центром исследования иммиграции США, 1178 долл. из налоговых отчислений коренного жителя Калифорнии ежегодно идут на поддержку беженцев [4]. Но закон 1996 г. «О реформе в области политики увеличения благосостояния» (Welfare Reform Act) сделал процесс получения социальных выплат для беженцев более сложным и трудоемким. Результатом стало то, что тысячи беженцев остались без поддержки со стороны государства, а государство, в свою очередь, значительно сэкономило на социальных выплатах. Также непонятно, почему противники иммиграции не учитывают тот факт, что сегодняшние низкоквалифицированные иммигранты и беженцы, получающие социальные выплаты, со временем акклиматизируются, станут полноправными гражданами, и уже они будут «приносить» доходы государству.

Противники иммиграции обвиняют иммигрантов в том, что те вызвали «перенаселенность» страны. На самом деле это не так. Ежегодный прирост населения США примерно 1%, и это ниже среднего темпа роста, наблюдаемого в прошлом столетии [5]. Фактически без иммиграции доля населения трудоспособного возраста сократилась, а доля лиц пенсионного возраста, соответственно, возросла. То есть в США демографическая ситуация была бы схожей с ситуацией в европейских странах и России, где на фоне неуклонного уменьшения численности населения возрастает доля людей пенсионного возраста. После переписи, которая проводилась в 2000 г., и на основе полученных результатов, американские ученые сделали выводы, что без иммиграции численность населения в 11 штатах за период с 1990 по 2000 г. могла сократиться на 22% [6]. Иммигранты помогают «оживлять» демографически уменьшающиеся районы страны. Наглядным примером могут служить такие мегаполисы, как Нью-Йорк, Лос-Анджелес, которые в свое время также испытывали нехватку трудовых ресурсов.

По мнению видных американских экономистов и некоторых конгрессменов, решительное сокращение числа иностранцев, которые въезжают в Соединенные Штаты каждый год, нанесло бы больше экономического ущерба, нежели пользы. Туристский сектор потерял миллионы иностранных туристов, а американские университеты потеряли сотни тысяч иностранных студентов, что, в свою очередь, привело к уменьшению налоговых отчислений и как следствие сокращению роста ВВП.

Конечно, иммиграцию надо и нужно контролировать, чтобы не пустить тех, кто намеревается дестабилизировать обстановку, совершать террористические акты.

По мнению ученых из Колумбийского университета, проблема для США состоит не в том, что США позволяют слишком многим людям въехать в страну, а в том, чтобы вычленив из этого потока потенциально опасных людей, при этом, не ограничивая доступ трудолюбивым и мирным иммигрантам. Но как показывает действительность, правительство США пока не справляется с этим. После событий 11 сентября в США принимается ряд законов и поправок, ограничивающие доступ в страну. Но безопасность страны и иммиграция – два отдельных дела. Никто, наверное, не будет спорить, что связь между национальной безопасностью и иммиграцией есть. Однако, если говорить об иммигрантах, которые решили навсегда обосноваться в США, то это только маленькое подмножество общего количества иностранцев, которые въезжают в страну каждый год. По некоторым подсчетам, только приблизительно один из каждых 25 въехавших в Соединенные Штаты, приезжает сюда, чтобы иммигрировать. Остальные – туристы, деловые путешественники, студенты и прочие, которые пересекают границу в течение, например, уикэнда, чтобы сделать покупки или посетить семью и затем возвратиться домой без намерения обосноваться постоянно в Соединенных Штатах.

Известно, что 19 террористов, которые напали на США 11 сентября, не обращались в Службу иммиграции и натурализации США (Immigration and Naturalization Service), чтобы иммигрировать или стать американскими гражданами. Как большинство иностранцев, которые въезжают в Соединенные Штаты, они были здесь на временных туристских и студенческих визах. Поэтому можно сократить число иммигрантов до нуля и при этом все еще не мешать террористам проникать в страну.

Как считают ученые Гарвардского университета, чтобы лучше обезопасить США от терроризма, необходимо переориентировать иммиграционную политику страны. В течение прошлых двух десятилетий и по настоящее время, американская иммиграционная политика была поглощена «поимкой» главным образом мексиканских нелегальных рабочих, которые хотели лишь заработать деньги. Эти рабочие не представляют никакой угрозы национальной безопасности. В то же время, по их мнению, необходимо уделить больше внимания своей северной границе, а именно границе с Канадой. По последним данным, за один и тот же период число лиц, задержанных на канадской границе с оружием и взрывчатыми веществами, превышает число задержанных на мексиканской границе в четыре раза. И это при всем том, что контингент полицейских и агентов ФБР

на мексиканской границе превосходит контингент канадской границе в десять раз, а протяженность границы с Канадой превышает в два раза границу с Мексикой. И как в подтверждение всего вышесказанного можно привести случай, который произошел в декабре 1999 г. Тогда при пересечении границы Канады и США был задержан террорист, у которого были обнаружены взрывчатые вещества. Как позже выяснилось, они предназначались для взрыва Лос-Анджелесского международного аэропорта во время празднования нового тысячелетия. Конечно, решение проблем на Канадской и Мексиканской границе не может решить всех вопросов, связанных с иммиграцией и национальной безопасностью. Это всего лишь одно звено огромной цепи.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Эмиграционные потоки вытекают из всех стран, иммиграционные направляются лишь в некоторые. Многие страны не поощряют массовую иммиграцию, и это их право. Соединенные Штаты Америки столетиями занимали в отношении иммиграции протекционистскую позицию. Она сложилась исторически и происходила из признания того неопровержимого факта, что США – великая страна, могущество и богатство которой созданы иммигрантами и их потомками. Иммиграция не подрывает американский строй или культуру; это неотъемлемая часть всей американской нации. Даже сами американцы говорят: «Мы – нация иммигрантов». Последовательные волны иммигрантов поддерживали страну демографически молодой, обогащали ее культуру и увеличивали экономический потенциал страны, тем самым увеличивая влияние США в мире. Однако с недавних пор и в конгрессе, и в средствах массовой информации все чаще высказываются предложения ужесточить иммиграционную политику. Но прежде необходимо глубоко изучить тенденции и закономерности иммиграционного процесса, состав иммигрантов и их влияние на жизнь и будущее страны. Механический подход к изменению иммиграционной политики таит опасность для будущего развития страны.

Литература и источники

1. The World Almanac and book of facts. Mahwah. N.Y. – 2002. – 384 p.
2. U.S. National Academy of Science <http://www.nas.edu>
3. U.S. National Academy of Science <http://www.nas.edu>
4. International Migration Policies. N.Y. – 2005. – P. 86.
5. U.S. Census Bureau <http://www.census.org>
6. U.S. Department of Labor <http://www.dol.gov>

Особенности и основные тенденции мексиканской иммиграции в США

На протяжении двадцатого столетия мексиканская иммиграция в США прошла несколько этапов, каждый из которых был взаимосвязан с характером политических и социально-экономических изменений в обеих странах.

До середины 1980-х гг. трудовая миграция из Мексики в США носила сезонный характер – мексиканские гастарбайтеры преимущественно приезжали в южные штаты США на заработки в период уборки урожая. Миграция в этот период носила циклический характер и не характеризовалась продолжительным пребыванием в стране.

Однако с середины 80-х гг. прошлого века миграционные потоки из Мексики стали носить более сложный характер, стремительно превратившись из сезонной контрактной миграции гастарбайтеров в международную миграцию со сменой места жительства. Быстрыми темпами менялся социально-демографический портрет мексиканского иммигранта, а также пути инкорпорирования приезжих в систему рынка труда Соединенных Штатов.

Нестабильная экономическая ситуация внутри Мексики сыграла ключевую роль в увеличении темпов и численности мексиканской миграции. По сути, для значительной части населения работа в США стала единственной возможностью прокормить семью. Значительным фактором в доходах семей становились денежные переводы мексиканских иммигрантов, которые те направляли на родину.

Расширение торговли и интенсивное развитие экономических связей, получивших серьезный толчок с момента присоединения Мексики к северо-американскому соглашению о свободной торговле НАФТА, а также прямая зависимость ряда отраслей американской экономики от притока мексиканских мигрантов, также серьезно способствовали увеличению темпов миграции из Мексики, как легальной, так и нелегальной.

На сегодняшний день Мексика остается одним из ключевых торговых партнеров США на международном рынке: около 15% американского экспорта приходится на Мексику. Среди мировых стран Мексика занимает третье место по объему импорта в США (13%), после Канады и КНР. Несмотря на активные попытки государства усилить контроль на границе с Мексикой и ужесточить правила въезда для мексиканских иммигрантов законодательным путем, эти усилия пока остаются неэффективными.

Интерес представляют изменения в распределении мексиканских мигрантов в масштабах страны. В 1986 г. 82% мексиканцев селились в трех штатах – Калифорния, Иллинойс и Техас; в 1995 г. эти штаты принимали уже 71% приезжих из Мексики. Если в 1986 г. только пять штатов (Аризона, Калифорния, Нью-Мексико, Иллинойс и Техас) ежегодно принимали свыше одной тысячи иммигрантов, то в 1995 г. таких штатов насчитывалось уже 11 (к упомянутым выше добавились Колорадо, Флорида, Джорджия, Невада, Орегон и Вашингтон).

В сравнении с мигрантами из других стран мексиканцы совсем незначительно представлены в сфере интеллектуального труда и управленческом секторе. В то же время, несмотря на низкий уровень квалификации мексиканских работников, они играют важную роль во многих отраслях производства США, в первую очередь, в аграрном секторе, строительстве и сфере услуг. Востребованность в мексиканских мигрантах объясняется целым рядом факторов, из которых следует выделить два основных:

- нехватка рабочей силы среди граждан США, готовых выполнять тяжелую физическую работу;
- труд мексиканских иммигрантов традиционно является менее высокооплачиваемым, а потому выгодным с точки зрения производственных издержек.

Тревожным фактом для правительства США остаются низкие темпы ассимиляции мексиканцев и их приспособления к реалиям американской социально-экономической среды. Средние доходы мексиканских семей, даже тех, кто уже свыше тридцати лет живет в США, в среднем гораздо ниже аналогичных показателей среди коренных американцев.

Большая часть выходцев из Мексики не имеет медицинской страховки. Очень многие семьи даже при наличии постоянной работы вынуждены пользоваться региональными и федеральными программами по поддержке малоимущих граждан, включающими талоны на питание, частичное освобождение от уплаты налогов на недвижимость и заработную плату, медицинское обслуживание и другие социальные льготы. Уровень образования большинства мексиканских иммигрантов, в том числе легально проживающих на территории страны, сильно отстает от среднего по США уровня.

* Бобков Дмитрий Алексеевич (Москва) – аспирант Института социально-политических исследований РАН.

Социально-демографические характеристики участников кредитного потребительского кооператива граждан «КредитЪ»**

Для того чтобы получить нужную информацию об объекте исследования существуют различные статистические и социологические методы сбора данных. Остановимся на одном – широко распространенном в социологических исследованиях – анализе документов. Его преимущество состоит в том, что в каждом обществе существуют специальные средства обмена информацией, которые называются документами. Они представляют в распоряжение исследователя как объективно проверяемые факты, так и закрепленные в этих документах проявления общественного сознания. Анализ документов дает исследователю возможность увидеть многие важные стороны социальной жизни, помогает установить нормы и ценности, свойственные определенному обществу в определенный исторический период.

В социологии документом называется специально созданный человеком предмет, предназначенный для передачи или хранения информации. Круг собственно социологических документов, отражающих различные стороны общественной жизни, настолько широк, что любое эмпирическое социологическое исследование должно начинаться с анализа имеющихся по интересующей исследователя проблеме документов. Среди письменных документов для социолога наибольший интерес представляют архивы организаций. Архивы содержат документы постоянного и временного хранения (последние через определенные сроки уничтожаются). Документы временного хранения часто бывают для социолога значительно более ценными, поскольку на их основе часто удается проследить специально не учитываемые процессы, которые в своей совокупности полнее характеризуют жизнь организации.

Текущая документация может быть проанализирована для достижения тех же целей, которые обычно достигаются с помощью наблюдений, опросов, экспериментов и других методов. Текущая документация может быть использована как вспомогательный источник информации и как средство оценки достоверности всего исследования в целом [4, с. 275-279].

В качестве объекта исследования выступила некоммерческая организация «Кредитный потребительский кооператив граждан «КредитЪ» (НО КПКГ «КредитЪ»). В работе речь пойдет о населении, по тем или иным причинам решившем взять кредит или, наоборот, вложить в кооператив свои средства – стать вкладчиком кооператива. На наш взгляд, это особая категория населения, заслуживающая специального исследования. В этом плане наибольший научный и практический интерес в деятельности кредитных потребительских кооперативов граждан представляет состав его участников в социально-демографическом измерении.

Для изучения участников кредитного потребительского кооператива граждан в зависимости от их социально-демографических характеристик был выбран описанный выше метод анализа документов. Информационной единицей анализа стало «заявление» (анкета) гражданина, вступающего в члены кредитного потребительского кооператива граждан. Первым шагом в исследовании стала формализация типового бланка личного заявления (анкеты) члена кооператива в социологическую анкету. Вторым шагом стал перенос информации по специальной методике в шаблон социологической анкеты. Затем заполненные шаблоны анкет были обработаны специальным пакетом прикладных программ «SODA-5». Таким образом, преобразование заявления (анкеты) члена кооператива в формализованную социологическую анкету и ее обработка позволили получить уникальную информацию, ничем не отличающуюся от информации реально проведенного опроса.

Стоит также отметить, что этот метод имеет как плюсы, так и минусы. Положительным здесь является то, что это наименее затратный и наиболее быстрый метод получения информации. К недостаткам можно отнести то, что заявление (анкета) имела ограниченное число вопросов. Поэтому в работе не рассматриваются причины получения кредита и направления кредитования в разрезе социально-демографических групп. Это не представляется возможным, поскольку анализируется стандартная анкета либо получателя кредита, либо физического лица, решившего вложить деньги под проценты, более высокие, чем в коммерческом банке. Членов кредита нельзя спросить дополнительно о чем-либо, помимо того, что отражено в заявлении (анкете). С ним нет реального физического контакта.

*Фаузер Виктор Вильгельмович (Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом социально-экономических проблем ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН, заведующий кафедрой менеджмента СыктГУ; Макарова Валентина Николаевна (Сыктывкар) – соискатель кафедры менеджмента СыктГУ.

**Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 06-02-00228а «Формирование человеческих ресурсов топливно-энергетического комплекса северного региона с учетом демографической динамики».

Здесь еще можно добавить следующее. При анализе заявлений (анкет) речь идет о реализованных сберегательных мотивах – объективной характеристике, опосредованной экономическими возможностями домохозяйств, чего нельзя сказать о предполагаемых предпочтениях в использовании сбережений, относящихся к числу субъективных параметров [1, с. 62-67], с чем мы имеем дело в большинстве случаев при социологических опросах.

Некоммерческое объединение КПКГ «КредитЪ» было образовано в 2003 г. В первый год численность членов кооператива составляла 34 человека (в том числе 4 вкладчика). Затем благодаря активной рекламной и маркетинговой стратегии численность членов кооператива ежегодно увеличивалась: 2004 г. – 196 (17 вкладчиков), 2005 г. – 333 (26 вкладчиков), 2006 г. – 971 (59 вкладчиков), 2007 г. – 1415 (133 вкладчика). На 1 января 2008 г. численность членов кооператива составила 1414 чел., в том числе 1297 получателей кредита (91,7%) и 117 вкладчиков (8,3%). Общая сумма займов, выданных пайщикам кооператива за счет средств фонда финансовой взаимопомощи, за 2007 г. составила 48,7 млн. руб. (2006 г. – 36,6 млн. руб., 2005 г. – 16,9 млн. руб.). За 2007 г. было выдано 1132 займа (2006 г. – 1185 займов, 2005 г. – 344 займа). Основной рост количества выданных займов произошел за счет работы дополнительного офиса в с. Визинга Сысольского района Республики Коми (табл. 1).

Займы на предпринимательские цели в течение всего периода деятельности кооператива носили краткосрочный характер – до 12 месяцев. Лимит заимствования по предпринимательским займам составлял 400 тыс. руб. Сумма выданных предпринимательских займов составила 56% от общей суммы выданных займов.

Таблица 1

Основные показатели финансово-хозяйственной деятельности КПКГ «КредитЪ» за 2007 г.

Показатели	На 1-е число соответствующего месяца					
	01.07	04.07	07.07	10.07	01.08	Рост за год, %
Число пайщиков, чел.	961	1014	1077	1195	1414	147,1
Число вкладчиков, чел.	59	71	75	85	117	198,3
Личные сбережения с учетом капитализации, тыс. руб.	16547,5	18281,8	18994,3	20757,6	26793,9	161,9
Средний размер вклада, тыс. руб.	224,7	257,5	253,3	244,2	229	101,9
Всего выдано займов, ед.	1750	1976	2231	2453	2882	164,7
Общая сумма выданных займов, тыс. руб.	63837,9	74165,7	84830,3	96730,1	112531,1	176,3
Сумма выданных займов за квартал, тыс. руб.	–	10327,8	10664,6	11899,8	15801	–
Выдано займов за квартал, ед.	–	226	255	222	429	–
Средняя сумма займа, тыс. руб.	36,5	45,7	41,8	53,6	36,8	100,8
Портфель займов, тыс. руб.	16827,7	19657,6	17593,8	18681,9	23277,8	138,3
Паевой фонд, тыс. руб.	384,6	406,4	431,4	478,6	566,2	147,2

Займы на потребительские цели носят также краткосрочный характер – до 12 месяцев. Лимит заимствования решением правления кооператива установлен по потребительским займам 400 тыс. руб. Потребительские займы привлекались пайщиками для приобретения и ремонта автомашин, на ремонт квартир, на приобретение или расширение жилья, на обучение и лечение, на другие неотложные нужды.

Портфель сбережений на конец 2007 г. составил 26,8 млн. руб. С начала отчетного года портфель сбережений увеличился в 1,6 раза. Сбережения пайщиков привлекались сроком на один год по ставке до 20% годовых, на 18 месяцев – под 21% годовых, на 24 месяца – под 22% годовых.

В течение отчетного года по условиям договоров о размещении личных сбережений в фонде финансовой взаимопомощи кооператива пайщикам была начислена компенсация за пользование личными сбережениями в сумме 4 млн. 156,7 тыс. руб. С начисленной компенсации за пользование личными сбережениями был удержан и перечислен в бюджет налог на доходы физических лиц в сумме 539,3 тыс. руб.

Общий объем поступлений от осуществления программ финансовой взаимопомощи составил за год 10 млн. 785,2 тыс. руб. Основную массу поступлений (96,9%) обеспечили поступления по условиям пользования займами. Сумма уплаченных регистрационных взносов составила 1,8%, а целевые взносы с компенсации за пользование личными сбережениями – 1,2%.

По состоянию на 1 января 2008 г. активы кооператива составили 35 млн. 665 тыс. руб. (на 1 января 2007 г. – 24 млн. 448 тыс. руб.). За 2007 г. рост активов составил почти 1,5 раза. Собственные средства кооператива – 3 млн. 497 тыс. руб. (на 1.01.07 г. – 3 млн. 65 тыс. руб.). В пассивах кооператива – личные сбережения пайщи-

ков – 26 млн. 792 тыс. руб., займы от юридических лиц – 3 млн. 229 тыс. руб., паевой фонд – 566,2 тыс. руб. Таковы в общих чертах характеристики действующей некоммерческой организации Кредитного потребительского кооператива граждан «КредитЪ».

Для удобства изложения материала, когда речь будет идти обо всей совокупности членов кооператива, будем использовать термин «респонденты», а когда о двух ее частях, то соответственно «получатели кредита» и «вкладчики кооператива».

Описание выборки. Всего было обработано 814 первичных документов, что составляет 55,8% от общего числа членов кооператива. Среди респондентов КПКГ «КредитЪ» 91,0% являются «получателями кредита», а 9,0% – «вкладчиками кооператива». По месту рождения респонденты делятся на местных уроженцев (69,1%) и приезжих (30,9%). В настоящее время члены кооператива проживают (%): в Сыктывкаре – 60,1; в Эжвинском районе г. Сыктывкара – 4,1; в с. Вильгорт Сыктывдинского района – 7,3; в с. Визинга Сысольского района – 17,6; в других населенных пунктах Сысольского района – 8,2; в других городах – 1,2; в других сельских населенных пунктах – 1,5. По году вступления в члены кооператива респонденты делятся следующим образом (%): 2003 г. – 1,1; 2004 г. – 7,7; 2005 г. – 11,9; 2006 г. – 36,0; 2007 г. – 40,2; 2008 г. – 3,1.

Пол. Кредитными услугами кооператива «КредитЪ» чаще пользуются женщины (56,9%), чем мужчины (43,1%). Объяснить это можно, с одной стороны, тем, что мужчины склонны перепоручать оформление документов своей половине. С другой стороны, если обратиться к данным официальной статистики, то видно, что с 2003 по 2007 г. в населении Республики Коми также наблюдался женский перевес: в 2003 г. доля женщин во всем населении составляла 52,1%; в 2004 г. – 52,2%; в 2005 г. – 52,3%; в 2006 г. – 52,4%; в 2007 г. – 52,5% [2, с. 74].

Возраст. По возрасту члены кооператива распределились так (%): до 24 лет – 4,3; 25-29 лет – 15,1; 30-34 лет – 13,6; 35-39 лет – 11,1; 40-44 лет – 13,9; 45-49 лет – 15,6; 50-54 лет – 12,3; 55-59 лет – 8,0; 60 лет и старше – 6,1. Средний возраст члена кооператива составляет – 41,9 лет, причем по годам он менялся в сторону увеличения (лет): 2003 г. – 38,1; 2004 г. – 42,3; 2005 г. – 40,8; 2006 г. – 42,0; 2007 г. – 42,2; 2008 г. – 41,5. Если посмотреть на средний возраст населения по республике в целом, то можно отметить, что в 2007 г. он составил 35,9 лет для всего населения и 40,2 лет для населения старше 20 лет [3, с. 24]. То есть можно отметить, что в 2007 г. средний возраст членов кооператива был выше среднереспубликанского на 2,0 года.

Брачное состояние. Среди членов кооператива высока доля тех, кто не состоит в браке – 21,9%. Более половины респондентов состоят в зарегистрированном браке – 56,0%; в незарегистрированном браке – 3,9%; каждый восьмой разведен – 13,2%; каждый двадцатый вдовый – 5,0%. По переписи населения 2002 г., брачная структура населения Республики Коми имела следующие характеристики (%): никогда не состояли в браке – 23,4; состоят в зарегистрированном браке – 49,5; в незарегистрированном браке – 8,1; разошедшиеся – 9,7; вдовы – 9,3. Как видим, наша совокупность респондентов по структуре близка к республиканской. В целом, можно отметить, что членами кооператива чаще всего становятся две категории населения – это лица, состоящие в зарегистрированном браке, а также те, кто не состоит в браке.

Образование. К числу определяющих факторов кредитного поведения населения – «брать или не брать кредит» – смело можно отнести его образовательный уровень. На момент обследования члены кооператива имели следующее образование (%): послевузовское, высшее и неполное высшее профессиональное – 33,2; среднее и начальное профессиональное – 42,2; среднее (полное) общее – 20,8; основное общее и начальное – 3,8. По переписи населения 2002 г., образовательный уровень населения в возрасте 15 лет и более выглядел так (%): послевузовское, высшее и неполное высшее профессиональное – 14,5; среднее и начальное профессиональное – 47,5; среднее (полное) общее – 15,5; основное общее и начальное – 21,2 [5, с. 49].

Нами была выдвинута гипотеза, что члены кооператива, в зависимости от того, кем они являются: вкладчиками или получателями кредита, будут иметь отличительные социально-демографические характеристики (табл. 2).

Но, прежде чем провести сравнение между получателями и вкладчиками кооператива и сделать соответствующие выводы по данной таблице, отметим еще раз, что в нашем распоряжении имеются результаты исследования – по «получателям денежных средств» [6]. Поэтому ниже, где это возможно, будем для сравнения приводить результаты указанного исследования.

Анализ документов КПКГ «КредитЪ» показал, что мужчины, значительно чаще являются вкладчиками кооператива (52,1%), чем женщины (47,9%). Женщины же наоборот (58,0%), чаще мужчин (42,0%), являются получателями кредита. Как видим, в нашем исследовании дифференциация по полу среди получателей кредита имеет место. В исследовании пол не являлся существенным фактором, определяющим отношение к заимствованиям [6, с. 117-118].

Возраст является значимым фактором дифференциации между получателями кредита и вкладчиками кооператива. Так, если среди получателей кредита на возрастную группу от 20 до 45-49 лет приходится 76,4%, то среди вкладчиков кооператива зеркально противоположная картина – на возрастную группу от 45-49 до 60 лет и старше приходится 76,7%. Берут кредит молодое и среднее по возрасту население, а вкладывает «излишки»

более зрелое население. Поэтому не случайно средний возраст получателей кредита составляет 41 год, а вкладчиков кооператива – 51,1 лет.

Таблица 2

Распределение членов КПКГ «КредитЪ», в зависимости от социально-демографических характеристик, %

Социально-демографические характеристики	В целом по выборке	В том числе	
		Получатели кредита	Вкладчики кооператива
Пол:			
мужчины	43,1	42,0	52,1
женщины	56,9	58,0	47,9
Возраст, лет:			
до 24	4,3	4,5	1,4
25 – 29	15,1	16,2	4,1
30 – 34	13,6	14,7	2,7
35 – 39	11,1	11,6	5,5
40 – 44	13,9	14,0	9,6
45 – 49	15,6	15,4	19,2
50 – 54	12,3	11,9	17,8
55 – 59	8,0	7,6	12,3
60 и более	6,1	4,1	27,4
Брачное состояние:			
- никогда не состояли в браке	21,9	23,2	9,6
- состоят в зарегистрированном браке	56,0	55,1	61,6
- состоят в незарегистрированном браке	3,9	3,8	5,5
- разошедшиеся	13,2	13,8	8,2
- вдовы	5,0	4,1	15,1
Образование:			
- высшее и незаконченное высшее профессиональное	33,2	30,5	60,3
- среднее и начальное профессиональное	42,2	43,6	27,4
- среднее (полное) общее	20,8	22,3	6,8
- основное общее и начальное	3,8	3,6	5,5

В исследовании также отмечается, что наибольшую склонность к заимствованию проявляют граждане в возрасте от 31 года до 44 лет [6, с. 117-118]. У молодежи (18-30 лет) стремление жить в долг выражено несколько слабее. Возможно, это связано с тем, что их будущее видится им пока еще недостаточно определенным: у многих из них нет стабильной работы, нет уверенности в завтрашнем дне. Между 45 и 54 годами отношение к долгу является скорее нейтральным, а после 55 лет становится резко отрицательным. Данное обстоятельство связано, вероятно, с ярко выраженным консерватизмом старшего поколения, для которого понятие долга имеет особую символическую нагрузку. Долг представляет собой достаточно негативное явление, вызывающее стыд и сопровождающееся потерей чувства собственного достоинства. Он служит признаком даже не бедности, а крайней нищеты. И те, кто может сказать: «Мы живем небогато, но в долги не залезаем», – уже в этом одном видят свое превосходство над остальными. Отсутствие долгов становится поводом для гордости. Относительно низкий уровень доходов этой категории граждан играет в их оценках также весьма значимую роль: им чрезвычайно трудно будет расплатиться с кредиторами, поэтому они стараются жить «по средствам».

Брачное состояние респондентов также оказывает влияние на их кредитное поведение. Среди получателей кредита можно выделить респондентов, не состоящих в браке (23,2%) и разведенных (13,8%). Если не брать в расчет лиц, состоящих в браке, их львиная доля и среди получателей и среди вкладчиков, то у «вкладчиков кооператива» выделяются вдовы (15,1%).

Материалы исследования показывают, что наиболее активными «получателями кредита» являются лица имеющие среднее и начальное профессиональное образование (43,6%), высшее и незаконченное высшее профессиональное образование (30,5%) и среднее (полное) общее образование (22,3%). Меньше всего среди берущих кредит лиц, имеющих основное общее и начальное образование (3,6%). Респонденты, имеющие послевузовское, высшее и незаконченное высшее образование, самые активные «вкладчики кооператива» (60,3%). На втором месте по финансовой активности стоят члены кооператива, имеющие среднее и начальное профессиональное образование (27,4%).

Схожие результаты получены и в исследовании [6, с. 117-118]. Граждане с высшим, средним и средним специальным образованием не характеризуются каким-либо специфическим отношением к долгу: среди них примерно одинаковое число и тех, кто поддерживает заимствования, и тех, кто их не одобряет. Зато люди с неполным средним и начальным образованием относятся к возможности одалживания денег крайне негативно.

Социальный статус. Место человека в социальной иерархии также определяет его установки на пользование кредитом или, имея «излишки» денежных средств, становится вкладчиком кооператива или иной финансовой структуры. В анализируемом кооперативе его членами по социальному статусу являются (%): руководители – 20,7; специалисты – 28,6; служащие – 20,8; рабочие – 17,5; пенсионеры (не работающие) – 11,8; студенты (учащиеся) – 0,3; безработные – 0,3 (табл. 3).

Таблица 3

Распределение членов КПКГ «КредитЪ» по социальному статусу, %

Социальный статус	В целом по выборке	В том числе	
		Получатели кредита	Вкладчики кооператива
Руководитель	20,7	20,9	16,7
Специалист	28,6	29,2	22,2
Служащий	20,8	22,4	6,9
Рабочий	17,5	18,2	9,7
Пенсионер (не работающий)	11,8	9,2	40,3
Студент, учащийся	0,3	0,1	1,4
Безработный	0,3	0,0	2,8

Представленные данные свидетельствуют о существенной дифференциации в кредитном поведении населения в зависимости от их социального статуса. Так, среди получателей кредита больше всего специалистов (29,2%), служащих (22,4%), руководителей (20,9%), рабочих (18,2%). Как можно отметить, руководство кооператива не предоставляет кредит безработным. Среди тех, кто является вкладчиком кооператива, выделяются неработающие пенсионеры (40,3%), безработные (2,8%), студенты и учащиеся (1,4%). В данном распределении получателей кредита вызывают вопрос «безработные». Или они вкладывают средства от «нелегального заработка» или средства других членов своей семьи, учитывая свой горький опыт безработного.

Материалы показали несколько иную картину [6, с. 118]. Охотно готовы брать деньги в долг временно безработные и домохозяйки, положительное в целом отношение проявляют также наемные работники и студенты, негативно относятся к заимствованиям пенсионеры и предприниматели. На мнение пенсионеров значимое влияние оказывают, по-видимому, их возраст и низкий уровень дохода, в то время как предприниматели, чей доход относительно высок, могут просто не нуждаться в дополнительных заемных средствах.

Анализируя социальный статус членов потребительского кооператива граждан возникает вопрос о социальном статусе их супругов и мог ли он как-то повлиять на кредитное поведение респондентов. Набор вопросов заявления (анкеты) позволил получить интересующую нас информацию (табл. 4).

Таблица 4

Распределение членов КПКГ «КредитЪ» по социальному статусу и социальному статусу супруга, %

Социальный статус	Социальный статус супруга						
	Руководитель	Специалист	Служащий	Рабочий	Пенсионер (неработающий)	Студент (учащийся)	Безработный
Руководитель	5,6	55,1	24,3	4,7	2,8	0,0	7,5
Специалист	6,1	42,0	22,1	13,0	6,1	0,0	10,7
Служащий	8,9	26,7	46,7	7,8	5,5	1,1	3,3
Рабочий	2,1	10,8	21,5	43,0	6,4	1,1	15,1
Пенсионер (неработающий)	4,1	16,3	6,1	8,2	65,3	0,0	0,0
Студент (учащийся)	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Безработный	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
В целом по выборке	5,9	33,1	25,4	15,5	11,4	0,4	8,3

По представленной таблице можно сделать ряд выводов:

– социальный статус членов потребительского кооператива выше социального статуса их супругов. Так, на три категории работающих: руководителей, специалистов и служащих у членов кооператива приходится 70,1%, а у их супругов – 64,4%;

– наибольшее «соответствие» одинаковых статусов супругов (например, руководитель-руководитель) у служащих – 46,7%, рабочих – 43,0%, специалистов – 42,0%; наименьшее – у руководителей (5,6%);

– браки заключены между супругами равных по социальному статусу: у руководителей доля равных браков составляет 85,0%; у служащих – 82,3%, специалистов – 70,2%. Среди рабочих 34,4% имеют супругов из руководителей (2,1%), специалистов (10,8%) и служащих (21,5%).

Место рождения. В своем большинстве члены кредитного потребительского кооператива граждан являются уроженцами Республики Коми – 73,8, других территорий России – 20,9 и выходцами Ближнего и Дальнего зарубежья – 5,3. Распределение получателей и вкладчиков кредитного учреждения по месту рождения представлено в табл. 5.

Таблица 5

Распределение членов КПКГ «КредитЪ» по месту рождения, %

Место рождения	В целом по выборке	В том числе	
		Получатели кредита	Вкладчики кооператива
Города и поселки городского типа Республики Коми	30,6	30,4	28,8
Села Республики Коми	43,2	44,2	35,6
Города и поселки городского типа РФ	9,8	10,0	9,6
Села РФ	11,1	10,1	21,9
Ближнее и дальнее зарубежье	5,3	5,3	4,1

Среди получателей кредита больше всего представителей-уроженцев сел республики (44,2%), затем следуют уроженцы городской местности республики (30,6%). У вкладчиков кооператива можно выделить три группы населения: уроженцев сел Республики Коми – 35,6, городов и поселков городского типа республики – 28,8, сел России – 21,9%. В целом, наиболее активными членами кооператива являются сельчане, их доля среди получателей составляет – 54,3, а среди вкладчиков кооператива – 57,5%. Этот вывод основывается на том, что доля сельского населения республики на 1 января 2004 г. составляла 24,7, а на 1 января 2008 г. – 24,3%.

Стаж работы. Весьма важной характеристикой трудоспособного гражданина является его стаж работы. Здесь непреложным фактом становится то, что со стажем у человека повышается квалификация, идет карьерное продвижение и, естественно, материальное благополучие (при прочих равных условиях). Следовательно, стаж работы должен быть в числе факторов, определяющих кредитное поведение населения. Зависимость здесь может быть двойственной. С одной стороны, со стажем кредитная активность может уменьшаться, так как человек имеет больший доход и не нуждается в кредите. А с другой стороны, наоборот, имея высокий доход, человек смело берет кредит, зная, что сможет его выплатить и покупает нужную вещь, не тратя время на накопление нужной суммы. Часть населения, имея дополнительные (нерасходуемые) денежные средства, становится активным вкладчиком кредитного кооператива. Комбинаций поведения здесь может быть много.

В целом по выборке респонденты по стажу работы распределились так (%): менее года – 13,4; от 1 года до 3 лет – 33,9; от 3 до 5 лет – 19,5; от 5 до 10 лет – 14,6; от 10 до 15 лет – 8,6 и более 15 лет – 10,0. Распределение получателей и вкладчиков кредитного учреждения по стажу работы представлено в табл. 6.

Таблица 6

Распределение членов КПКГ «КредитЪ» по стажу работы, %

Стаж работы, лет	В целом по выборке	В том числе	
		Получатели кредита	Вкладчики кооператива
Менее 1 года	13,4	13,0	16,7
От 1 года до 3-х лет	33,9	33,9	33,3
От 3 до 5	19,5	20,5	7,2
От 5 до 10	14,6	14,9	9,5
От 10 до 15	8,6	8,4	9,5
15 и более	10,0	9,3	23,8

Как видим из табл. 6 стаж работы самым непосредственным образом влияет на кредитное поведение населения. Наиболее активно берут кредит работники, чей стаж колеблется от одного года до пяти лет. За ними по активности следуют члены кооператива, чей стаж или менее года или составляет от 5 до 10 лет. Среди

вкладчиков кооператива также можно выделить три группы населения. Членов кооператива, чей стаж составляет от одного года до трех лет, имеющих стаж более 15 лет и те, кто только приступил к работе – стаж менее одного года.

Социально-экономическая нагрузка. В социологических исследованиях, посвященных кредитному поведению населения, не отражается такая важная характеристика, как социально-экономическая нагрузка, приходящаяся на респондентов. Хотя, на наш взгляд, она также может дать интересную информацию, поскольку формирует кредитное поведение населения. Косвенно эта нагрузка проявляется при рассмотрении структуры иждивенцев у членов кооператива.

К социально-экономической нагрузке мы отнесли наличие у респондентов иждивенцев, которых они обязаны либо содержать, либо оказывать им материальную помощь. В целом, по выборке 46,4% членов кооператива имеют социально-экономическую нагрузку, а 53,6% – нет. По структуре она выглядит так (%): имеют детей школьного возраста – 53,2; детей дошкольного возраста – 34,0; детей учащихся (студентов) профессиональных учебных заведений – 8,7; неработающих супругов (в том числе пенсионеров) – 3,0; неработающих родителей (пенсионеров) – 1,1. Распределение получателей и вкладчиков кредитного учреждения по социально-экономической нагрузке представлено в табл. 7.

Таблица 7

Социально-экономическая нагрузка членов КПКГ «КредитЪ», в зависимости от их статуса, %

Имеют иждивенцев	В целом по выборке	В том числе	
		Получатели кредита	Вкладчики кооператива
Не работающих родителей (пенсионеров)	1,1	0,7	7,7
Детей дошкольного возраста	34,0	34,8	23,1
Детей школьного возраста	53,2	52,9	53,8
Учащихся профессиональных учебных заведений	8,7	8,4	15,4
Неработающего супруга (в том числе пенсионера)	3,0	3,2	0,0

Среди получателей кредита выделяются респонденты, имеющие детей школьного возраста (52,9%) и детей дошкольного возраста (34,8%), что совпадает с распределением по выборке в целом. У вкладчиков кооператива нагрузка иждивенцами несколько иная. Она ниже по нагрузке детьми дошкольного возраста (23,1%), в разы выше не работающими родителями (пенсионерами – 7,7%) и почти в два раза выше по нагрузке детьми-учащимися профессиональных учебных заведений (15,4%). Среди вкладчиков кооператива отсутствует нагрузка неработающими супругами (пенсионерами).

Работа членов кооператива. Нами была выдвинута гипотеза, что организационно-правовая форма и отраслевая принадлежность предприятий, где работают члены кооператива, должны также влиять на кредитное поведение населения (будет больше или вкладчиков, или получателей кредита). Обусловлено это тем, что в настоящее время наблюдается резкая или существенная дифференциация в оплате труда у работников разных отраслей и в зависимости от того, кто владеет предприятием, его правовая форма и т.д. Анализ начнем с распределения респондентов по отраслевой принадлежности (табл. 8).

Таблица 8

Распределение членов КПКГ «КредитЪ» по отраслевой принадлежности, %

Отраслевая принадлежность организации	В целом по выборке	В том числе	
		Получатели кредита	Вкладчики кооператива
Промышленность	11,0	10,5	17,1
Строительство	6,2	6,0	9,8
Сельское хозяйство	2,2	2,0	7,3
Транспорт, связь	11,0	10,2	17,1
Торговля, МТС, заготовки, сбыт, общественное питание	26,9	28,3	7,3
Жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание	5,9	6,2	2,4
Отрасли социальной сферы	20,3	20,7	12,2
Финансы, страхование, пенсионное обеспечение, управление, общественная деятельность	14,7	14,1	26,8
Другое	1,8	2,0	0,0

Как видно из табл. 8, отраслевая принадлежность оказывает влияние на кредитное поведение населения. Среди получателей кредита лидируют работники пяти групп отраслей (доля выше 10%): торговли, МТС, заготовки, сбыта и общественного питания (28,3%), отраслей социальной сферы (20,7%); финансов, страхования, пенсионного обеспечения, управления, общественной деятельности (14,1%); промышленности (10,5%); транспорта и связи (10,2%).

Среди вкладчиков кооператива выделяются работники финансовых институтов, страхования, пенсионного обеспечения, управления и общественных организаций (26,8%); промышленности (17,1%); транспорта и связи (17,1%); отраслей социальной сферы (12,2%) и строительства (9,8%).

По материалам аналогичного исследования, среди работающих граждан своим позитивным отношением к заимствованиям выделяются представители интеллигенции и бюджетники, занятые в сферах культуры и искусства, образования и здравоохранения; работники финансового сектора и сотрудники милиции и органов внутренних дел. Негативное отношение характерно лишь для работников ЖКХ и сферы бытового обслуживания [6, с. 118].

Что касается дифференциации респондентов на получателей кредита или вкладчиков кредитного учреждения в зависимости от того, к какой организационно-правовой форме относится предприятие, места их основной работы, то и здесь она имеет место (табл. 9).

Таблица 9

Распределение членов КПКГ «КредитЪ» по предприятиям различной организационно-правовой формы, %

Организационно-правовая форма предприятий	В целом по выборке	В том числе	
		Получатели кредита	Вкладчики кооператива
Государственное	22,3	21,6	31,7
Муниципальное унитарное	12,5	12,8	7,3
Индивидуальное	25,8	26,7	9,8
ООО	30,4	30,3	31,7
ОАО	5,9	6,0	4,9
Производственный кооператив	0,4	0,3	2,4
Потребительский кооператив	1,2	1,1	4,9
Разного рода общественные объединения	1,1	0,9	4,9
Другая	0,4	0,3	2,4

Среди получателей кредита можно выделить работников обществ с ограниченной ответственностью (30,3%); индивидуальных предпринимателей, они чаще берут кредит (26,7%), чем вкладывают излишки денежных средств в кредитное учреждение (9,8%); работников государственных учреждений (21,6%) и муниципальных унитарных предприятий (12,8%). Среди вкладчиков кооператива можно выделить государственных служащих (31,7%); работников обществ с ограниченной ответственностью (31,7%); индивидуальных предпринимателей (9,8%).

Уровень дохода семьи. Вступая в члены кооператива, граждане не обязаны сообщать свой доход, поэтому в заявлении (анкете) такая информация отсутствует. Поэтому выяснить, как влияет благосостояние на кредитное поведение населения, можно лишь по материалам других исследований. Так, в литературе отмечается, что с ростом величины среднемесячного дохода семьи увеличивается и готовность граждан занимать денежные средства. Обеспеченные люди намного охотнее готовы брать деньги в долг, нежели те, кто живет за чертой бедности. Естественно, имея высокий уровень дохода, психологически намного легче принимать на себя долговые обязательства. Эти люди по сравнению с остальными обладают большей уверенностью и в себе, и в завтрашнем дне, они не перегружены стереотипами о том, что жить нужно «по средствам», они привыкли стремиться к большему. Если для бедных долг означает страх и нищету, то для многих обеспеченных граждан жить в кредит, по-видимому, становится модно, престижно и даже естественно [6, с. 118].

На кредитное поведение населения влияет наличие у них движимого и недвижимого имущества. С одной стороны, отсутствие у респондентов машины, квартиры, современной мебели, дачи и т.д. может стать мотивом для получения кредита, а с другой стороны, их наличие позволяет вкладывать излишки денежных средств в финансовые институты (табл. 10).

Анализ наличия движимого и недвижимого имущества у членов потребительского кооператива показывает, что если легковыми автомобилями обеспечены в равной мере и получатели кредита, и вкладчики кооператива, то другими благами вкладчики обеспечены лучше. Среди них более половины обеспечены недвижимым имуществом, каждый восьмой имеет земельный участок, 1,4% имеют ценные бумаги.

Таблица 10

Распределение членов КПКГ «КредитЪ» по наличию движимого и недвижимого имущества, %

Наличие движимого и недвижимого имущества	В целом по выборке	В том числе	
		Получатели кредита	Вкладчики кооператива
Легковая автомашина	28,9	29,2	26,0
Земельный участок	9,2	9,0	12,3
Недвижимое имущество	40,5	39,4	53,4
Ценные бумаги	0,3	0,1	1,4
Указанное имущество отсутствует	21,1	22,3	6,9

Мы уже отмечали, что члены потребительского кооператива в зависимости от социального статуса имеют разную кредитную активность. На наш взгляд, кроме образовательного потенциала на кредитное поведение лиц разного статуса оказывает влияние и их разный уровень благосостояния (табл. 11).

Таблица 11

Распределение членов КПКГ «КредитЪ» по наличию движимого и недвижимого имущества, положению в кооперативе в зависимости от социального статуса, %

Должность	Указанное имущество отсутствует	Имеет ли кредитор				Респондент является	
		легковую автомашину	земельный участок	недвижимое имущество	ценные бумаги	получателем кредита	вкладчиком кооператива
Руководитель	–	50,0	16,7	42,2	0,6	92,7	7,3
Специалист	24,1	27,2	6,0	42,3	0,4	93,0	7,0
Служащий	27,8	33,7	9,5	29,0	0,0	97,0	3,0
Рабочий	43,0	14,8	2,8	39,4	0,0	95,0	5,0
Пенсионер (не работающий)	21,9	8,3	13,5	56,3	0,0	69,8	30,2
Студент (учащийся)	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	50,0	50,0
Безработный	–	100,0	0,0	50,0	0,0	0,0	100,0
В целом по выборке	21,1	28,9	9,2	40,5	0,3	91,0	9,0

Распределение членов кредитного кооператива по наличию движимого и недвижимого имущества в зависимости от социального статуса показывает, что только две категории населения – руководители и специалисты – имеют весь набор материальных благ, обозначенных в заявлении. Выше всего обеспечены легковыми автомобилями безработные (100,0%) и руководители (50,0%), хуже всего студенты (0,0%), пенсионеры (8,3%) и рабочие (14,8%). Из предложенного перечня движимого и недвижимого имущества его не имеют совсем студенты, оно отсутствует у 43,0% рабочих, 27,8% служащих, 24,1% специалистов, 21,9% пенсионеров.

Имеется и территориальная дифференциация в наличии у населения движимого и недвижимого имущества. Из обозначенного перечня его не имеют 42,4% членов кооператива из Эжвинского района г. Сыктывкара, 31,4% из Сысольского района, 30,8% из с. Визинга, 22,0% из с. Вильгорт Сыктывдинского района, 15,8% из г. Сыктывкара. Выше, чем в среднем по выборке, обеспеченность легковыми автомобилями у жителей городов – 40,0% и жителей столицы г. Сыктывкара – 36,0%. Выше обеспеченность земельными участками у членов кооператива «других сельских населенных пунктов» – 16,7%, с. Вильгорт – 11,9% и г. Сыктывкара – 11,3%. Это, скорее всего, связано с тем, что в данных населенных пунктах лучше всего развито «дачное хозяйство». Владельцев недвижимого имущества меньше, чем в среднем по выборке (40,5%) среди членов кооператива из Эжвы – 33,4%; из Сыктывкара – 36,5% и «других городов» – 30,0%. Ценные бумаги имеют только респонденты г. Сыктывкара – 0,4%.

Семейное положение респондентов определяет наличие у них и структуру движимого и недвижимого имущества, (табл. 12).

По материалам исследования менее обеспеченными движимым и недвижимым имуществом среди обследованных домохозяйств оказались вдовы – 31,7%; затем следуют разведенные – 29,0%; состоящие в незаре-

гистрированном браке – 28,1%. Среди семейных зарегистрированных пар не имеют указанного имущества только 2,2% респондентов. Низкая обеспеченность лиц, никогда не состоявших в браке (61,2%), движимым и недвижимым имуществом объясняется их образом жизни и несклонностью, в силу возраста, к накоплению. Так средний возраст у никогда не состоявших в браке составляет 34,0 лет, против 43,2 лет у семейных.

Таблица 12

Распределение членов КПКГ «КредитЪ» по наличию движимого и недвижимого имущества в зависимости от брачного состояния, %

Брачное состояние	Указанное имущество отсутствует	Имеет ли кредитор			
		легковую автомашину	земельный участок	недвижимое имущество	ценные бумаги
Никогда не состоявшие в браке	61,2	16,9	3,4	18,5	0,0
Состоят в зарегистрированном браке	2,2	38,5	10,5	48,4	0,4
Состоят в незарегистрированном браке	28,1	25,0	6,3	40,6	0,0
Разведены	29,0	17,7	13,1	40,2	0,0
Вдовье	31,7	7,3	9,8	51,2	0,0

В исследовании 1996 г., где опрашивались семьи, были выделены три группы: не имеющие никаких сбережений – 27,5%; имеющие только акции предприятий и инвестиционных фондов – 13,5%; имеющие сбережения разного вида – 58,6% [1, с. 63]. То есть, в середине 1990-х гг. каждая третья семья не имела сбережений. Если в нашем исследовании из выборки исключить никогда не состоявших в браке, то в среднем среди состоящих в браке, состоящих в незарегистрированном браке, разведенных и вдовьях доля, не имеющих указанного имущества, составит 9,9%. Сравнение может быть и не совсем корректно, но оно косвенно свидетельствует об улучшении экономического положения домохозяйств.

Личные заявления (анкеты) членов кредитного потребительского кооператива граждан «КредитЪ» позволяют получить определенное представление о кредитном опыте наших респондентов. Можно отметить, что в своем большинстве 78,5% членов кооператива не имели кредитного опыта. Только каждый пятый (21,5%) член кооператива брал кредит ранее. Наблюдается существенная дифференциация между получателями кредита и вкладчиками кооператива. Анализ показал, что среди получателей кредита брали его и раньше 22,9%, а среди вкладчиков кооператива только – 5,9%.

Среди банков-кредиторов лидирует Сбербанк – 66,9%; «Русский стандарт» – 8,4%; ВТБ-24 – 3,9%; МДМ-банк – 2,8%; «Севергазбанк» – 2,8%. На другие банки приходится 15,7% полученных населением кредитов. По материалам СМИ, на российском рынке потребительского кредитования также лидируют Сбербанк (доля рынка около 45%) и «Русский стандарт» (доля рынка в пределах 10%) [Шпрингель, 2006]. В своем большинстве члены кооператива берут кредит на небольшой срок (%): до 1 года – 29,2; на 2-5 лет – 68,0%; на больший срок – 2,8%.

В настоящее время в г. Сыктывкаре действуют два потребительских кооператива граждан: «КредитЪ» и «Спасский». Возможно, поэтому 98,4% респондентов являются членами только КПКГ «КредитЪ» и лишь 1,6% респондентов членами других кооперативов.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать ряд выводов: у кредитного потребительского кооператива граждан «КредитЪ» есть потенциал роста до 2000 человек и, в первую очередь, за счет жителей села. Выявлено и подтверждено результатами, что кредитное поведение населения во многом определяется их социально-демографическими характеристиками. Сегодня население охотно выступает в роли заемщиков денежных средств, чем в роли кредиторов.

Литература и источники

1. Аврамова Е.М., Овчарова Л.Н. Сбережения населения: перспективы частного инвестирования // Социологические исследования. – 1998. – №1. – С. 62-67.
2. Города и районы Республики Коми. Социально-экономические показатели: статистический сборник. – Сыктывкар: Комистат, 2007. – 285 с.
3. Демографический ежегодник Республики Коми: Статистический сборник. – Сыктывкар: Комистат, 2007. – 139 с.
4. Рабочая книга социолога. 2-е изд., переработанное и дополненное. – М.: Наука, 1983. – 478 с.
5. Сколько нас?: Статистический сборник. – Сыктывкар: Комистат, 2005. – 111 с.
6. Стребков Д. О. Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России // Вопросы экономики. – 2004. – № 2. – С. 109-128.
7. Шпрингель В.К. Под наибольшим риском находятся банки, занимающиеся экспресс-кредитованием // Открытая экономика. – 2006. – 7 июня.

Этноэкономика: проблемы и перспективы развития

Целенаправленное изучение различных наций и народностей в рамках различных наук ведется уже достаточно давно. Наряду с особенностями исторического развития разных народностей постепенно выявляются общие законы и закономерности функционирования этносов, определяются экономические, социальные, демографические и экологические факторы их существования. Важную роль при этом играют анализ взаимосвязи этнических и социально-экономических процессов, исследование национальных особенностей экономического поведения. При изучении этой проблемы выделяют несколько принципиально различных точек зрения.

В соответствии с марксистским подходом и, прежде всего, учением о базисе и надстройке, а также учитывая связь с законом соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, этнические процессы определяются степенью развитости производственных отношений, которые в свою очередь зависят от характера и уровня производительных сил. В учении М. Вебера просматривается прямо противоположный подход: один из важнейших элементов существования этноса-идеология (в работах М. Вебера речь идет прежде всего о протестантской этике) в значительной степени определяет уровень развития экономики и производственных отношений. Как показывают различные исследования, истина, что называется, лежит посередине.

В частности, об этом свидетельствует анализ так называемых традиционных восточных обществ, где, как известно, психология проживающих в них народностей отличается крайним консерватизмом, вследствие чего новации ими воспринимаются с большим трудом. Кстати, даже в ортодоксальном марксизме можно выделить несколько особняком стоявшую концепцию об азиатском способе производства, в которой, несмотря на характерный для этой формы марксизма экономический детерминизм, по существу констатировалась определяющая роль азиатских традиций и восточной психологии в процессе влияния их на характер и уровень развития производственных отношений. Таким образом, целесообразнее, на наш взгляд, искать не первопричину в цепочке «производительные силы – производственные отношения – этнос», а изучать взаимодействие и взаимовлияние различных составляющих этой цепочки.

В частности, большое значение имеет исследование влияния национальной психологии на экономику и наоборот. Так, уже Дж. М. Кейнс отмечал, что на поведение в сфере экономики заметное влияние оказывают особенности национальной психологии. В своем основном научном труде «Общая теория занятости, процента и денег» он писал, что англичане, например, делают инвестиции в основном ради ожидаемого дохода, тогда как американцы, инвестируя капитал, руководствуются в основном ожиданиями повышения его ценности (т.е. американцы проявляют повышенную склонность к спекуляции и менее тяготеют к прогнозам ожидаемого фактического дохода).

Многие исследователи выделяют также характерные для других этносов и серьезно влияющие на состояние экономики черты национальной психологии, скажем, для русских такие, как общинность, государственность и патернализм, которые в значительной мере определяют инерционную составляющую проводимых в последнее время у нас в стране рыночных реформ. В свою очередь, немцы – покупатели печатного материала – необычайно придирчивы к его качеству, поэтому типографии там используют самую высококачественную печатающую технику. Одной из форм проявления в экономике исторических и национально-психологических особенностей японцев, во многом обусловленных конфуцианским учением как идеологической основой их жизненного уклада, как известно, являются пожизненный найм и ограничения увольнений рабочих, в связи с чем японские фирмы с большой осторожностью осуществляют прием новых кадров к себе на работу и активно автоматизируют производство. Подобных примеров взаимовлияния традиций и национальной психологии на эффективность функционирования социально-экономической системы можно привести еще очень много.

Необходимость интеграции экономики и психологии привела к тому, что уже несколько десятилетий весьма продуктивно развивается такое научное направление как экономическая психология. Однако при необходимости изучения взаимосвязи функционирования этноса и общественного воспроизводства оставаться лишь в рамках экономической психологии совершенно недостаточно, так как национальная психология – лишь один из элементов этносов, которые также еще отличаются друг от друга традициями, обычаями, идеологией, культурой и пр.

* Павлов Константин Викторович (Белгород) – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой мировой экономики Белгородского государственного университета, Самохин Андрей Сергеевич (Белгород) – аспирант Белгородского государственного университета.

Учитывая, что этнос – понятие более широкое, чем национальная психология, целесообразно, на наш взгляд, наряду с экономической психологией развивать и такое научное направление, как этноэкономика, в рамках которого найдут разрешение проблемы определения взаимосвязи этнических и экономических процессов и отношений, выявление этнических особенностей экономического поведения, в том числе рыночной адаптации разных наций и народностей. Иначе говоря, этноэкономика – это наука о взаимосвязи и взаимовлиянии, которое оказывают традиции, обычаи, культура, психология, идеология, религиозные воззрения различных этносов на характер и уровень развития производительных сил и производственных отношений. Как видим, в данном определении по сравнению с ортодоксальным марксизмом с самого начала отвергаются всеобщность и обязательность первичности экономических процессов по отношению к этническим. Как уже отмечалось, можно привести огромное число примеров, когда в роли первопричины выступают не экономические явления, а особенности этноса.

Например, анализируя причины того, что некоторые национальные фирмы вышли в мировые лидеры, специалисты нередко выделяют национальные пристрастия, вследствие чего к товарам этих фирм покупатели предъявляют повышенные требования. Так, с давних пор японцы используют фотографию, чтобы запечатлеть моменты путешествий и важные события семейной жизни. Традиция эта началась задолго до Второй мировой войны. Поэтому японцы чрезвычайно разборчивы при покупке фото- и киноаппаратуры, благодаря чему японские фирмы в этой отрасли вышли в мировые лидеры. Японцы также уделяют большое внимание письменным принадлежностям, поскольку до недавнего времени почти все документы в Японии были рукописными (создать пишущую машинку с японским шрифтом практически невозможно, и каллиграфия была для образованного и культурного человека обязательна). Японские фирмы особенно активно совершенствовали письменные принадлежности и вышли в мировые лидеры.

Англичане, в свою очередь, любят заниматься садоводством, и английские фирмы, выпускающие садово-огородный инвентарь, – вне конкуренции. Американцы проявляют необычный интерес к отдыху и развлечениям, как-то: спорту, кино, телевидению, музыке, что в большой степени объясняет лидерство США в этой области. Итальянцы, как известно, разборчивы, когда дело касается одежды, кулинарии и скоростных машин, и в этих областях Италия добилась мирового успеха. Традиционно заботливое отношение к инвалидам в Швеции привело к возникновению целой отрасли, изготавливающей товары для инвалидов, которая постепенно превращается в весьма значительную отрасль на мировом рынке. Огромная любовь немцев к машинам и скоростной езде во многом обусловила успех Германии на мировом рынке в производстве мощных, скоростных и долговечных автомобилей.

Как можно видеть, данные примеры свидетельствуют о том, что те или иные особенности этноса являются основой развития определенных отраслей и видов производств, что противоречит концепции экономического детерминизма. Правда, следует добавить, что и в марксистском учении предусматривалась активность надстройки по отношению к базису. Более того, национальные традиции и пристрастия обычно возникают лишь тогда, когда появляются для этого материальные условия и предпосылки (например, в вышеприведенном примере о повальном увлечении японцев фотографироваться как о национальном пристрастии следует заметить, что для его реализации необходимым условием является существование предприятий по изготовлению фотоаппаратов). Причем, как правило, национальные пристрастия выступают не только как причина, но и следствие наличия в соответствующей стране хорошо развитой отрасли. Поэтому будет более правильно с методологической точки зрения, если говорить о взаимосвязи экономических и этнических процессов при некотором первенстве экономических, причем в каждом конкретном случае о форме взаимосвязи что-либо можно утверждать лишь после ее тщательного изучения.

Следует учитывать также и то, что различные элементы этноса – пристрастия, традиции, верования, идеология и пр. – обычно являются следствием длительной эволюции и результатом действия исторических сил, а также внешних условий. Приведем следующий пример. В Японии лето жаркое и влажное, поэтому без кондиционера в доме не обойтись. Однако квартиры здесь в жилых домах в основном небольшие, и поэтому громоздкий и шумный кондиционер неприемлем. Этот факт, а также дороговизна электроэнергии подтолкнули японские фирмы к тому, чтобы первыми внедрить экономичные роторные компрессоры в кондиционерах. Таким образом, особенности проживания основной массы японцев во многом способствовали тому, что в производстве бытовых кондиционеров на рынках многих стран прочно утвердились японские фирмы, выпускающие компактные и малошумные агрегаты. Сказанное справедливо и в отношении многих других товаров бытового назначения. Иначе говоря, привередливым японцам нужен легкий, компактный и многофункциональный товар, подходящий для условий жизни в Японии. Как можно видеть, ставшая национальной традицией в значительной степени обусловлена особенностями жилищных и бытовых условий японцев.

Уже упоминавшиеся выше особенности национальной психологии русских – общинность, патернализм и государственность – также во многом обязаны своим появлением историческим факторам и специфике природно-географических условий обитания данного этноса. Так, очевидно, что огромные размеры территории

России и экстремальные условия хозяйствования (напомним, что около 70 % территории страны относится к зоне Севера) в значительной мере обусловили необходимость повышенного участия государственных органов власти в жизнедеятельности российского общества, так как необходимо было содержать огромную армию, милицию, развивать производственную и социальную инфраструктуру, а все это даже в странах с развитой рыночной экономикой, как известно, является «епархией» государственного сектора. Северные, экстремальные условия хозяйствования оказывают, особенно при рыночных отношениях, серьезное сдерживающее влияние на развитие экономики, что проявляется в повышенных затратах на добычу и производство единицы продукции (например, затраты на добычу тонны нефти в северных регионах страны в среднем в 3-4 раза выше, чем в относительно «комфортных» по природно-климатическим условиям районах), в более высоком минимальном прожиточном уровне и уровне потребительской корзины и т.п. Однако на Севере сосредоточены огромные запасы природных ресурсов, поэтому этот регион жизненно важен для развития экономики страны. Северная специфика России также во многом определяет необходимость осуществления здесь повышенного государственного регулирования воспроизводственных процессов (кстати, в странах с развитой рыночной экономикой, например, в Канаде, в отношении производственно-хозяйственной деятельности, ведущейся в регионах зоны Севера, со стороны государственных властных структур осуществляется разнообразная протекционистская политика). Вышеперечисленные, а также ряд других условий и факторов (среди которых – внешняя военная угроза, одно из лидирующих положений страны в мировой политике и пр.) обусловили значение государственности в национально-историческом развитии русского этноса. Другая национальная черта русских – общинность – также связана с особенностями исторического развития страны и, прежде всего, с многовековым существованием крестьянских общин (вспомним, с каким ожесточением со стороны общинных крестьян пробивала себе дорогу столыпинская реформа в царской России, нечто подобное можно было наблюдать со стороны колхозников в отношении новоявленных фермеров и в первые годы рыночной реформы в нашей стране), а также с длительным существованием социалистических производственных отношений. В период социализма у советских граждан целенаправленно формировалась коллективистская психология, во многом обусловленная существованием общенародной собственности, проявляющейся в двух формах – государственной и колхозно-кооперативной.

Именно общинность и патернализм (надежда на то, что государство разрешит все проблемы) являются, на наш взгляд, важнейшими инерционными социально-психологическими факторами, сдерживающими в России развитие рыночных реформ. Они же вкупе с необходимостью усиленного, по сравнению со многими другими странами, государственного регулирования воспроизводственных процессов в значительной степени определяют и специфику формирования российской модели развитой рыночной экономики. Кстати, другие известные национальные модели рынка – шведская, японская, канадская, американская и пр. – также во многом обусловлены особенностями исторического и культурно-психологического развития соответствующего этноса. Например, японская, южнокорейская и китайская модели рыночной экономики определенно связаны с историческим прошлым этих стран Азии, особенно с такими чертами азиатского способа производства, как: с восточным деспотизмом (беспредельной властью императора, хана, их наместников и сатрапов); практическим отсутствием частной собственности на землю, систему водоснабжения и инфраструктуру, которые находились в собственности государства; соединением власти с собственностью, вследствие чего правитель становился верховным собственником, а экономика превращалась в атрибут политического господства – все это безмерно усиливало центральную политическую власть; с наличием многочисленной и коррумпированной касты чиновников, грабивших народ; с предпринимателями, которые в силу обстоятельств предпочитали сферу обращения: торговлю, ростовщичество, обслуживание властителей.

В процессе реформирования своей экономики и формирования развитых рыночных отношений правительственные структуры Японии, Южной Кореи и Китая не пошли по пути всеобщей либерализации хозяйственной деятельности, как это сделало правительство Е. Гайдара в России, взявшее на вооружение монетарную модель, а учли специфику азиатского способа производства. Это выразилось в том, что в этих странах на начальном этапе процесса рыночного реформирования государственные органы усиленно контролировали течение социально-экономических преобразований, более того, в них, в отличие от России, по-прежнему осуществляется планирование воспроизводственных процессов на макроуровне и с этим во многом связывают высокие темпы роста экономики в этих странах. Поскольку исследователи в качестве исторических центров азиатской организации общества обычно наряду с Китаем, Египтом, Междуречьем, Японией и Средней Азией называют также и Россию (Московское царство времен Ивана IV, также как и последующих правителей явно тяготело к восточным деспотиям), у нас в ходе рыночного реформирования также не стоит уповать только лишь на классические монетаристские методы. Учитывая, что подобное общественное устройство обнаруживает устойчивость и удивительную жизнестойкость, а обычаи азиатского общества проступают через пласты реформ и революций, без усиленного государственного вмешательства в осуществление переходных процессов привить в российском обществе в широких масштабах свойственный развитым рыночным отношениям

индивидуализм вряд ли удастся. Иначе говоря, поскольку Россия – евроазиатская страна, монетарные принципы, которые достаточно успешно были воплощены в жизнь в ряде стран Восточной и Центральной Европы, у нас подобным образом вряд ли могут быть эффективно реализованы (поэтому важнейшим практическим значением этноэкономики является изучение национальных особенностей социально-экономического поведения в условиях рынка, т.е. иначе говоря, изучение особенностей приспособления разных этносов к рыночным отношениям). Следует учитывать также и то, что в России этнические русские составляют 83% населения страны (правда, еще 25 миллионов русских проживают за ее пределами), остальные нации и народности, проживающие на ее территории, рыночные реформы переживают по-своему, поэтому нужно учитывать территориальную специфику. Так, например, у удмуртов, по сравнению с русскими, в условиях сильного экономического кризиса и высокого уровня безработицы (последние несколько лет Удмуртская Республика занимает среди всех регионов Урала первое место по уровню безработицы) гораздо сильнее проявляется привязанность к сельской местности, что выражается в существенном сокращении традиционного оттока населения в города из сельской местности и даже в преобладании у удмуртов тех, кто в последнее время переехал на постоянное местожительство в сельскую местность. Причем основную часть рабочего времени они проводят на работах в личных подсобных хозяйствах, а не в коллективных. У русских, проживающих в Удмуртии, ситуация прямо противоположная, т.е. иначе говоря, процесс рыночной адаптации у разных наций протекает неоднозначно (учитывая актуальность проблемы выявления особенностей социально-экономического поведения разных наций и народностей страны в условиях различных общественных систем, необходимо в ряде научных дисциплин этноэкономике, национальной экономике развивать региональные разделы).

Таким образом, не только характер и уровень развития производительных сил и производственных отношений оказывают влияние на процесс формирования этноса, но и особенности последнего существенно влияют на динамику социально-экономических отношений. Например, в Швеции существует традиция сотрудничества среди прямых конкурентов в различных отраслях промышленности (особенно в сталелитейной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной). Так, шведские компании, занятые производством бумаги, сотрудничали в течение некоторого периода в установлении экспортных цен. Такое поведение объясняется особенностями социального строя и системы профессиональной подготовки (образно выражаясь, шведов учат сотрудничать, а не конкурировать). Это приводит к позитивным результатам в производственных отношениях по вертикали и во взаимоотношениях со смежными отраслями, однако существенно сдерживает развитие внутренней конкуренции, так необходимой для некоторых важных типов нововведений. В результате Швеция не преуспевает в отраслях, где требуются быстрое реагирование и частая смена продукции.

В определенном смысле похожая социально-психологическая ситуация наблюдается и в Германии. Клиенты во многих отраслях, в которых преуспевает Германия, являются консервативными и настороженно относятся к новым продуктам. Поэтому немецкие фирмы редко преуспевают в отраслях с коротким жизненным циклом товара (менее 3-5 лет) или потребностью в агрессивном маркетинге. Другой областью постоянной слабости послевоенной Германии является образование новых деловых предприятий. Здесь банкротство получает очень громкую и негативную общественную реакцию, в результате боязнь риска крайне велика и люди не желают все ставить на новое предприятие. Здесь плохо развит и рынок рискованных капиталов. Активное нежелание идти на риск характерно и для большинства швейцарцев в связи с высоким уровнем благосостояния. В результате Швейцария испытывает недостаток необходимых для создания новых предприятий условий в связи с отсутствием рискованного капитала.

Итальянцы, напротив, по складу характера любят рисковать, многие отличаются индивидуализмом и стремлением к независимости. Значительная часть итальянцев полна решимости создать свою собственную компанию. И хотя здесь по этой причине уровень банкротств весьма велик, итальянцы в отличие от немцев не делают из этого трагедии (вполне допустимым считается, если за свою жизнь владелец дважды становился банкротом). В результате в Италии очень развит малый бизнес, причем чтобы сохранить свое место на рынке, итальянские фирмы должны постоянно иметь новые модели продукции. Поэтому в Италии имеется огромное количество модификаций продукции. Например, в торговле мебелью здесь существует обилие великолепных магазинов, многие из которых специализируются исключительно на одном виде мебели: для ванных комнат, кухня, офисов.

Другой отличительной чертой итальянской экономики является наличие между многими фирмами сильных семейных и клановых связей. Сделки с поставщиками и покупателями здесь в большей степени основываются на личных взаимоотношениях и характеризуются их долговременностью. Каналы сбыта за рубежом у многих итальянских фирм также зависят от личных связей, в связи с чем направления экспорта могут существенно изменяться со сменой приоритетов предпринимателей. Таким образом, многие итальянцы не любят работать в системе иерархического подчинения, а отдают предпочтение собственным либо связанным дружественно-родственными отношениями компаниям.

Итак, мировой опыт свидетельствует, что каждая страна преуспевает в основном в тех отраслях, которые в наибольшей степени отвечают ее исторически сложившимся условиям и национальному характеру. В Италии это модная одежда и мебель, в США – финансы и шоу-бизнес, в Швейцарии – банковское дело и фармацевтика (в Швейцарии использование трав в медицинских целях имеет давнюю традицию и хорошо гармонирует со швейцарской заботой о здоровье, поэтому в этом сегменте рынка швейцарские покупатели представляют собой хороший испытательный полигон в отношении рыночной привлекательности товара, а швейцарская компания по производству конфет с добавками лекарственных трав «Рикола» вышла на международный уровень и представляет собой хороший пример выбора такого сегмента, который использует национальные преимущества). Развитие этих базовых для данных стран отраслей и видов производств в соответствии с принципом мультипликатора служит стимулом для развития и многих других отраслей, в связи с чем народное хозяйство начинает с определенного момента функционировать как единый комплекс и экономика в целом быстро и динамично развивается (таким образом, учет национально-психологических и исторических особенностей развития стран с развитой рыночной экономикой увязывается с известной теорией экономического ядра).

В этой связи заметим, что в последнее время все больший интерес представляет исследование проблем национальной экономики (в вузах даже появились учебные курсы с таким названием), когда выявление особенностей общественного воспроизводства в той или иной стране неизбежно увязывается со спецификой географических, исторических, религиозных, культурных, психологических факторов и условий проживания соответствующего этноса (возвращаясь к анализу опыта швейцарцев в этой связи следует отметить, что поскольку Швейцария соединяет в себе несколько культур, фирмы этой страны получают уникальную возможность в области удовлетворения потребностей в продукции, и поэтому неудивительно, что французская часть Швейцарии, так же как и сами французы, тяготеет к потребительским товарам, тогда как немецкая часть является местом изготовления многих видов оборудования точного машиностроения и размещения компаний химического направления – производств, являющихся приоритетом национального развития у немцев). Причем, поскольку классические рыночные теории в среднем имеют дело с так называемым экономическим человеком (что в целом годится для немцев, англичан и большинства других европейских этносов), тогда как в России очень много неэкономических людей, у нас в процессе социально-экономического реформирования часто не срабатывают традиционные либеральные методы. Следует учитывать также и то, что в России живут около ста наций и народностей, поведение которых может еще сильнее отличаться от рыночных стереотипов, чем даже у русских.

Еще известный историк В. О. Ключевский в своих работах отмечал, что короткое русское лето, изменчивость погоды, трудности борьбы с суровой действительностью порождают неуверенность в себе. В среднем россиянин замкнут и осторожен, ему трудно с достоинством выдержать успех, в числе свойств нашего народа можно назвать также выносливость, терпение и смирение. В характере русского человека просматриваются преобладание эмоционального начала над рациональным, несомненный и многообразный художественный талант. Возможно, из-за этого россиянина порой посещает отрешенность от всего мирского, а также увлечение религиозной мистикой и ожидание «чуда». Еще одной примечательной особенностью русских явилось сохранение азиатских корней в культуре, которая становилась все более европейской. Однако европейское влияние в основном носило общегуманитарный характер, что, скорее всего, было обусловлено общностью христианских религий. В области же политических и экономических структур азиатское наследие сохранялось. В значительной мере из-за этого производство в России топталось на низком техническом уровне, экономический рост в основном носил экстенсивный характер и стимулировался принуждением, жестокостью властей, а уровень жизни основной массы населения был весьма низок. Из-за последствий азиатского способа производства Россия позже вступила на путь индустриального развития. Подобным образом можно охарактеризовать особенности других этносов и определить степень их влияния на воспроизводственные процессы.

Как видим, приведенные особенности русского этноса не связаны только лишь с национальной психологией. Поэтому наряду с экономической психологией целесообразно появление этноэкономики – нового научного направления, в рамках которого выявляются общие законы взаимовлияния социально-экономических и этнических процессов, а также определяются национальные особенности социально-экономического поведения (в том числе и рыночной адаптации) и взаимосвязи каждого этноса с эффективностью общественного воспроизводства той страны, где этот этнос обитает (заметим, что термин «этноэкономика» может быть и не самый удачный, однако вопрос о названии научного направления носит больше филологический характер). Понятно, что этноэкономика связана тесным образом с рядом других научных дисциплин, таких как, этнография, история, экономическая психология, национальная экономика. Тем не менее, этноэкономика имеет собственный предмет исследования, отличный от предмета исследования иных научных дисциплин, в том числе и тесно связанных с ней. Поэтому этноэкономика имеет право на существование в виде отдельного научного направления, развитие которого может оказать серьезное влияние на многие теории (например, теорию стоимости, маргинализм и пр.). Вполне возможно, что имеет смысл подобным образом определить и область

исследования и таких научных дисциплин, как этносоциология, этноэкология, этнотехнология и пр. В качестве важнейшего и крайне актуального раздела этноэкономики при этом следует выделить тот, в рамках которого исследуются проблемы взаимосвязи этнических процессов и процессов реформирования экономики, процессов рыночной адаптации разных этносов (причем это актуально не только для России, но и многих других постсоциалистических государств), что должно повысить эффективность трансформационных рыночных преобразований и помочь выбрать оптимальную стратегию социально-экономического развития страны и ее различных регионов. Последнее особенно важно, так как из 89 субъектов Федерации в России 21 – это республики с многонациональным населением, причем экономическое поведение разных этносов может сильно отличаться от рыночных стандартов, поэтому крайне важно в этноэкономике развивать региональные разделы.

Серьезное влияние этноэкономика наверняка окажет и на различные экономические теории, особенно на такие, как маржиналистские концепции, в частности, на теорию предельной полезности. Возникновение теории предельной полезности в значительной мере было обусловлено синтезом экономических и психологических концепций. В основных постулатах этой теории предполагается некое усредненное рыночное поведение человеческого индивидуума, однако в реальности поведение людей может существенно отличаться от усредненного. Отклонения в человеческом поведении зависят от многих факторов, в том числе от особенностей культуры, уровня образования, индивидуальных психологических особенностей и т.п. Но наряду с индивидуальными поведенческими отличиями можно выделить и особенности поведения целых этносов, отличающие их от некоего среднего.

Чтобы охарактеризовать это абстрактное среднее поведение, как правило, используют не менее абстрактное понятие «экономический человек», под которое с определенной натяжкой может быть отнесено экономическое поведение ряда классических рыночных (т. е. с вековыми рыночными традициями) наций – немцев, англичан и пр. Однако к этой группе может быть отнесена лишь небольшая часть проживающих на Земле этносов, в частности, усредненное поведение в так называемых традиционных восточных обществах очень сильно отличается от классически рыночного. Даже у русских многие исследователи отмечают наличие значительного числа неэкономических людей, что оказывает существенное влияние на характер и динамику осуществляемой у нас в стране рыночной реформы (отмечают, что психологию русских отличают общинность, патернализм и государственность).

Поскольку на усредненное экономическое поведение существенное влияние оказывают особенности идеологии, культуры, религии, психологии различных этносов имеет смысл, на наш взгляд, осуществить исследование по вопросу истинности основных положений маржиналистской концепции сквозь призму учета специфики этнического поведения в сфере экономики. Причем при проведении такого рода исследований помимо этнических особенностей следует учитывать также и другие условия и факторы. В частности, поведение как отдельного индивидуума, так и целого этноса зависит от конкретных социально-экономических условий, таких, как фаза кризиса или подъема экономики, половозрастной структуры общества (и, прежде всего, определения удельного веса лиц пенсионного возраста и молодых), выявления доли больных, в том числе с психическими отклонениями и т.п. Поэтому учет не только этнопсихологических, но и социально-экономических факторов и условий может оказать серьезное влияние на истинность некоторых выводов и результатов маржиналистской теории.

Условия жизни и поведение молодежи в вопросах здоровья

Среди основных поведенческих факторов риска, которые, как свидетельствуют данные литературы, влияют на здоровье и длительность жизни, были исследованы вопросы, связанные с алкоголем, курением, характером и регулярностью питания, ведущем или к избыточному весу, или к дефициту массы тела, а также с отдыхом, его продолжительностью и способами проведения. Опрос проводился среди молодых групп населения (1500 человек в возрасте до 35 лет), поскольку именно их поведенческие привычки определяют прогноз продолжительности жизни в ближайшей перспективе.

Проведенное исследование показало, что даже среди молодых людей широко распространены вредные привычки и нездоровые формы поведения, которые оказывают существенное влияние на раннее возникновение хронических заболеваний и, как итог, снижение качества жизни, формирование инвалидности и преждевременную смертность. Вместе с тем, следует учитывать, что эффективность любых мер политики, направленных на оздоровление образа жизни, существенно зависит от того, осознают ли люди, что своим поведением наносят ущерб здоровью и, соответственно, готовы ли они изменить поведение.

В отношении алкогольного поведения получены следующие результаты. Около трети респондентов, и мужчин, и женщин (36,2-33,6% соответственно), готовы, ради того, чтобы прожить дольше, снизить потребление алкоголя; для 15,3% мужчин и 9,1% женщин отказ от привычного алкогольного поведения является неприемлемым; но хуже всего, что большая часть опрошенных считает, что сложившийся у них тип алкогольного потребления не наносит ущерба здоровью. Такой точки зрения придерживается 41,1% мужчин и 34,7% женщин.

Поразительно, но существенной дифференциации точек зрения среди разных категорий потребителей алкоголя не отмечено. По-видимому, тип потребления складывается именно исходя из ощущения адекватности, и потому, пьет человек в неделю бокал вина или несколько бутылок водки, это соответствует его восприятию вреда. Иными словами, реальные резервы сокращения потребления алкоголя определяются той третью респондентов, которые готовы снизить потребление алкоголя, причем, что очень важно, эти резервы есть во всех категориях потребителей: от алкоголиков до практически непьющих.

Однако это не означает, что наши резервы исчерпываются только данной группой. Это очевидные резервы, это те, кто откликнется на приемлемые для них меры антиалкогольной политики, включая медико-социальную помощь в преодолении сложившихся алкогольных стереотипов. Для того, чтобы получить больший эффект, необходимо работать, прежде всего, с теми, кто уверен в безвредности для здоровья сложившегося алкогольного поведения, а также выявить мотивы отказа от снижения потребления той группы опрошенных, кто ответил, что даже для продления жизни не готов изменить алкогольное поведение.

Для проведения адекватной политики очень важно понимать, каков социальный портрет тех, кто осознает вред и готов ради его уменьшения снизить потребление алкоголя. Можно предположить, что в большей мере осознают этот вред образованные люди, которые хоть и входят в группу риска, но способны осознать ситуацию и ее изменить. Вместе с тем, как показало исследование, ситуация прямо противоположная. В наиболее рискованных группах именно лица с высшим образованием проявляют наименее конструктивную позицию в отношении снижения вреда. Так, среди алкоголиков готовность снизить потребление выражают 30,0% лиц с высшим, 41,4% со средним и 62,5% с неполным средним образованием. Соответственно, среди алкоголиков с высшим образованием наиболее высокий удельный вес тех, кто считает, что сложившийся уровень потребления не наносит ущерба здоровью – 60,0%, тогда как в той же категории с начальным образованием эту точку зрения разделяют 25,0%. Объяснить этот феномен можно только исходя из позиции психологической защиты. Возможно, именно в силу более высокого образования человек нуждается в самооправдании своего поведения и находит его в отрицании вреда, очевидно наносимого избыточным потреблением.

При переходе к менее опасному типу алкогольного поведения – многопьющим, отмеченные зависимости также прослеживаются, хотя их выраженность менее отчетлива. Заметный переход разделяет лиц с средним и неполным образованием, тогда как между средним и высшим образованием дифференциация уже практически не прослеживается. Так, среди многопьющих готовность снизить потребление алкоголя выразили 43,6% лиц с высшим образованием, 44,9% – со средним, и 66,7% – с начальным и неполным средним образованием. Соответственно только 8,3% лиц с начальным образованием считают, что их уровень потребления алкоголя не наносит ущерба здоровью, тогда как среди многопьющих с средним и высшим образованием такой точки зрения придерживаются 37,1-33,3% респондентов.

Характерно, что уже в категории среднепьющих дифференциация стратегий алкогольного поведения уже практически не зависит от уровня образования. Так, готовность снизить потребление алкоголя выражают 39,7% лиц с высшим образованием, 35,6% – со средним, 33,3% – с неполным образованием. Соответственно, 42,3-55,6% респондентов вне зависимости от уровня образования считают, что их алкогольное потребление не наносит ущерб здоровью.

Что касается курения, то общий уровень оценки сложившихся стереотипов и готовности их изменить сравнительно близок тому, что было отмечено в отношении алкоголя. Так, готовность снизить частоту курения с тем, чтобы прожить дольше, высказывают 43,9% мужчин и 35,5% женщин, вместе с тем, 18,0% мужчин и 8,4% женщин не откажутся от сложившихся стереотипов курения. Четверть опрошенных, и мужчин, и женщин (26,5% и 24,6%), ответили, что их привычки курения не наносят ущерба здоровью.

Характерно, что понимание вреда курения выразили несколько больше респондентов, чем понимание вреда алкогольного поведения. Подобный результат нельзя, по нашему мнению, трактовать как проявление толерантности российского населения к алкоголю, поскольку проведенное исследование показало, что искренность ответов в отношении курения значительно выше, чем в отношении алкоголя, что опровергает представление о толерантности. Вместе с тем, поскольку респонденты реально оценили сложившийся у них уровень курения и явно занизили истинный уровень алкогольного потребления, и могли сложиться столь противоречивые результаты.

Среди мужчин, курящих в средних и избыточных количествах, вариация готовности изменить свои привычки очень мала: немногим более половины их готовы снизить частоту курения и около четверти высказали точку зрения о том, что сложившийся уровень курения не наносит ущерба здоровью. Среди мало курящих мужчин возрастает удельный вес тех, кто считает, что ущерба здоровью курение до шести сигарет в день не наносит. У женщин несколько более противоречивая картина и связано это, прежде всего, с тем, что число много курящих женщин невелико. Вместе с тем, если объединить курящих 10-20 сигарет ежедневно и тех, кто выкуривает больше пачки, то оказывается, что в среднем около 70% курящих женщин, независимо от того, как часто они курят, готовы снизить частоту курения. При этом, только 10-15% женщин считают, что курение не наносит ущерба здоровью. Таким образом, в отличие от алкогольного поведения, где гендерные различия были практически незаметны, в отношении курения женщины проявляют большую готовность, чем мужчины, снизить частоту курения.

Проблема оздоровления питания в еще большей степени, чем курения, содержит гендерную компоненту, причем проявляется она, прежде всего, в осознании ущерба здоровью и соответственно, готовности изменить привычки питания ради того, чтобы прожить дольше. Так, лишь 22,5% мужчин и 47,7% женщин выразили готовность изменить привычки питания, т.е. уменьшить потребление соли, сахара, мучных изделий и т.д., при этом 50,0% мужчин и 28,9% женщин отметили, что сложившиеся стереотипы питания не наносят ущерба их здоровью. Четверть всех мужчин и пятая часть женщин (25,7% и 20,1% соответственно) отметили, что не готовы изменить привычки питания даже для того, чтобы прожить дольше. И, если для мужчин такой высокий уровень несогласия определяется, прежде всего, неосознанностью ущерба, то в отношении женщин, скорее всего, срабатывает механизм неспособности изменить характер питания даже в ситуации осознания вреда.

Как следует из результатов опроса, осознание сложившихся стереотипов питания как потенциально опасных для здоровья приходит к респондентам по мере повышения их веса. Так, среди респондентов с дефицитом массы тела 56,1% мужчин и 33,3% женщин считают, что их привычки питания не наносят ущерба здоровью; среди респондентов с весом в пределах нормы такой точки зрения придерживаются 50,2-27,4% мужчин и женщин соответственно; среди респондентов с избыточным весом привычки питания, как не наносящие ущерба здоровью, оценивают 42,9% мужчин и 17,8% женщин.

Вместе с тем, готовность изменить стереотипы питания существенно зависит от характера весовой диспропорции, причем у мужчин и женщин она проявляется с заметным своеобразием. Так, у мужчин вариация определяется крайними позициями: несколько меньший, чем в среднем, процент опрошенных готов изменить свой рацион в ситуации дефицита массы тела (17,5% и 22,5% соответственно), и больший процент (42,9% и 22,5% соответственно) проявляет согласие изменить привычки питания в ситуации избыточного веса. Несущественные отклонения от нормы, как в меньшую, так и в большую сторону (сниженный вес или повышенный вес), не влияют на готовность мужчин изменить привычки питания. У женщин, как дефицит массы тела, так и повышенный вес являются факторами, требующими принятия решений: так, готовность изменить привычки питания проявляют 54,8% женщин с дефицитом массы тела и 60,3% с повышенным весом в сравнении с 47,7% в целом для всех групп женщин. Следует подчеркнуть, что у женщин именно в ситуации повышенного веса начинается борьба с ним; в случае, если вес повышается существенно, и можно говорить об ожирении, готовность что-либо менять снижается. Так, среди женщин с избыточным весом готовность изменить привычки питания проявляют 48,9%, т.е. столько же, сколько в среднем для всей совокупности опрошенных (47,7%).

Наибольшая готовность изменить сложившиеся стереотипы существует в отношении использования отпуска. Желание сделать свой отдых более здоровым проявляют по данным опроса 67,8% мужчин и 81,7% женщин, и только 11,5-6,6% респондентов не хотели бы менять отношение к отпуску и способ его проведения. Небольшая часть опрошенных (19,6% мужчин и 9,2% женщин) считают, что сложившееся отношение к отпуску не наносит ущерба здоровью.

У мужчин поразительное единодушие в желании изменить отпускной режим проявляют и те, кто использует свой отпуск ежегодно, и те, кто не был в отпуске несколько лет, и даже те, кто считает, что отпуск – пустая трата времени. У женщин исключение из этой закономерности составляют только те, кто воспринимает отпуск как пустую трату времени (женщины, занятые индивидуальным предпринимательством). Таким образом, те, кто пользуется отпуском, выражают желание изменить способ его проведения, а те, кто игнорирует отпуск, хотели бы изменить сложившуюся ситуацию. Столь очевидный и практически единодушный результат объясняется, по-видимому, тем, что для того, чтобы изменить отпускной режим, не требуется почти никаких личных усилий, тогда как изменение алкогольных стереотипов или привычек курения, и даже характера питания, требует как осознание вреда, так и желание его уменьшить, что может быть достигнуто только в результате индивидуальных усилий.

Итак, завершая проведенный анализ, можно отметить, что даже среди молодых людей широко распространены вредные привычки и нездоровые формы поведения, которые оказывают существенное влияние на раннее возникновение хронических заболеваний и, как итог, снижение качества жизни, формирование инвалидности и преждевременную смертность. Более того, готовность изменить сложившееся положение снижается от менее к более вредным для здоровья формам поведения.

Представления о толерантности в студенческой субкультуре

Реалии современности таковы, что имеет место повышенная конфликтогенность в обществе. В этом плане получают особое распространение этнические конфликты, но вместе с тем они не исчерпываются только лишь критерием этничности. В содержание противоречий взаимодействий внутри социума включаются и другие аспекты. В этой связи актуализируется вопрос, как в рамках научного сообщества, на уровне реализации властных полномочий, а также на уровне международного сообщества о снижении степени напряженности в обществе и конфликтогенного потенциала. На практике мы наблюдаем процесс формирования так называемых формальных правил и норм коллективного, мирного сосуществования различных групп населения. Это, наряду с плюрализмом в качестве базовой ценности демократии, признается основополагающим элементом демократической политической культуры общества [3].

Понятие «толерантность» сравнительно новое в повседневном обиходе и на сегодняшний день достаточно спорное в научных кругах. Тем не менее, попытки внедрения ценности толерантности в структуру общественного сознания предпринимаются, создаются так называемые декларации толерантного поведения, где определяется само понятие на вполне официальном уровне.

Одновременно с проблемой распространения принципов толерантности, и даже раньше, возникает другая проблема – проблема адекватного представления и интерпретации термина толерантность в обществе в целом, и его отдельными социальными группами, в частности. Это, в свою очередь, задает вектор для научных исследований в обозначенной области.

В мае 2007 г. было предпринято пилотажное исследование на предмет представлений о толерантности в студенческой среде. Было осуществлено анкетирование студентов Кольского филиала Петрозаводского государственного университета г. Апатиты Мурманской области. Студенческое сообщество является особым в силу того, что это, с одной стороны, часть молодёжного сообщества, как представитель которого, обладающее некоторым радикализмом во взглядах и поведении, а с другой стороны – это наиболее интеллектуальная часть среди молодых людей. Выборочная совокупность составила 180 человек, где анкетированию подлежали студенты гуманитарного и технического факультетов первого и четвертого курсов**.

Основной целью исследования явилось выявление в среде опрашиваемых студентов смыслов, которые они закрепляют за понятием «толерантность».

Таким образом, среди задач пилотажа были обозначены следующие:

- 1) выявить степень знакомства с понятием «толерантность» в студенческой среде КФ ПетрГУ;
- 2) выявить смыслы, закрепленные за понятием толерантность в студенческой среде***;
- 3) выявить объект должного толерантного поведения в современной России в представлениях студентов;
- 4) выявить объект реального интолерантного поведения в современной России в представлениях студентов;
- 5) выявить субъект (носителей) толерантного поведения в современной России в представлениях студентов;
- 6) выявить субъект (носителей) интолерантного поведения в современной России в представлениях студентов;
- 7) выявить формы проявления толерантного поведения в представлениях студентов;
- 8) выявить формы проявления интолерантного поведения в представлениях студентов.

В качестве обзора представим основные результаты пилотажного исследования.

Знакомство с термином толерантность. В целом, можно сказать, что респонденты считают, что они знакомы с термином толерантность: только 16,7% опрошенных заявили, что никогда не слышали термин толерантность. Более детальный анализ показал, что на вопрос о том, «слышали ли вы термин толерантность»

*Устинова Ирина Викторовна (Апатиты) – преподаватель кафедры философии и социологии Кольского филиала Петрозаводского государственного университета, аспирантка Санкт-Петербургского университета.

**Предполагалось выявить, существует ли различие в понимании термина толерантность студентами младших и старших курсов, но в силу технических причин студенты 5-го курса на момент проведения пилотажа оказались недоступными, поэтому было принято решение об анкетировании студентов 4-го курса.

***В данном случае респондентам в одном из вопросов анкеты предлагался список понятий, которые формируют содержание понятия «толерантность» согласно «Декларации принципов толерантности», где они должны были отметить три позиции, которые, на их взгляд, наибольшим образом соответствуют понятию «толерантность».

утвердительно отвечают чаще всего женщины и представители гуманитарного факультета, соответственно ответ «нет» чаще склонны выбирать представители технических специальностей и мужчины. Курс, на котором обучается респондент, здесь не явился значимым фактором и зависимостей обнаружено не было.

Значение понятия толерантность в представлениях студентов. Сегодня мы имеем официальные документы, представленные такими, к примеру, как «Глобальная этика»; «Декларация Земли»; «Декларация принципов толерантности», принятая ЮНЕСКО; «Декларация и программа действий ООН в области культуры мира»; «Европейская конвенция о правах человека»; «Формирование установок толерантности сознания, профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005)»; «Москва на пути к культуре мира: формирование установок толерантного сознания, профилактика экстремизма, воспитание культуры мира», которые определяют содержание понятия толерантность. Г.Л. Бардиер провел контент-анализ «Декларации принципов толерантности» (ЮНЕСКО, 1995) [1]. Результатом исследования явился перечень смысловых единиц, формирующих содержание понятия толерантность. Однако представления, господствующие в массовом сознании, могут не совпадать с официальными трактовками толерантности и здесь встает проблема адекватного отражения формируемых смыслов в среде воздействия. В результате исследования мы хотели посмотреть, какие из этих предлагаемых смыслов понятия толерантность принимаются в среде студентов. Обобщенные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что из предложенного ниже списка соответствует, на ваш взгляд, принципам толерантного поведения?»

Смысловые единицы понятия «толерантность»	В процентах
Взаимопонимание	9,7
Культурный плюрализм	1,6
Обеспечение равноправия	8,5
Ответственность	3,4
Отказ от догматизма	0,4
Отказ от навязывания взглядов	5,2
Открытость	2,5
Открытый диалог	2,5
Право отличаться друг от друга	6,8
Правовая и социальная защита	1,4
Предоставление возможностей развития	1,8
Предупреждение и решение конфликтов ненасильственными методами	6,3
Признание	3,4
Равенство в достоинстве	5,4
Согласие	3,2
Содействие профессиональному росту и интеграции	0,7
Солидарность	8,3
Сохранение индивидуальности	3,8
Уважение самобытности	4,5
Уважение прав и свобод	16,7
Чуткость	3,8

Таким образом, распределение показывает, что чаще всего в сравнении с другими респонденты закрепляют за понятием толерантность такие смыслы, как «уважение прав и свобод» (16,7%), «взаимопонимание» (9,7%), «обеспечение равноправия» (8,5%), «солидарность» (8,3%). Обращает внимание, что такие смыслы, как «культурный плюрализм» (1,6%) и «отказ от догматизма» (0,4%), занимают маргинальные позиции, что предположительно может быть связано с неясным для респондентов значением данных терминов.

Структура понятия толерантности в представлениях студентов. Анкетный бланк содержал перечень вопросов, целью которых было выявить то, насколько респонденты представляют себе суть феномена толерантного/интолерантного поведения. Лучше всего эту цель в данном случае реализовали открытые вопросы, которые позволили изучить когнитивный аспект проблемы в чистом виде, без «навязывания» изначально определенных смыслов респондентам. Однако недостатком в данном случае явился большой процент ответов, которые неизбежны при данном типе вопросов. С другой стороны, это может свидетельствовать о том, что несмотря на определенную степень знакомства с термином определенная доля респондентов, в среднем 28% из тех, кто ответил, что слышал понятие «толерантность», слабо представляют себе суть феномена толерантность. В дальнейшем представим некоторые результаты качественного анализа ответов на вопросы анкеты.

Объект толерантного/интолерантного поведения в представлениях студентов. Респондентам предлагалось вспомнить и описать пример того, когда кто-либо подвергался практикам нетолерантного поведения. В результате анализа приведенных мнений, всех объектов интолерантного поведения в представлениях студентов можно типологизировать в следующие группы:

1. группа: этнические группы/мигранты/лица иной расы

В качестве примеров респонденты оперировали следующими словоупотреблениями: *евреи, жители Эстонии, азербайджанцы, азиаты, афроамериканские студенты, чернокожий мальчик, раса, люди абхазской национальности, люди другой национальности, дети кавказской национальности, негры, беженцы, эмигранты, люди кавказской национальности, цыгане.*

2. группа: социально ущемлённые группы

К данной группе мы отнесли следующие ответы респондентов: *инвалиды, люди с телесными дефектами, бомжи, бичи, физически неполноценные, слабые.*

В том числе в материальном плане: *нищие, бедные, малоимущие.*

3. группа: молодёжная, где респонденты употребляли понятие *молодёжь*.

4. группа: старшие возрастные группы. Сюда попали ответы респондентов *пенсионеры, пожилые.*

5. группа: сексуальные меньшинства

6. группа: представители субкультур (в том числе связанные с искусством: музыкой, кино, литературой; молодёжные субкультуры): *молодёжные субкультуры, музыкальные субкультуры, реперы, панки, рокеры, скинхеды.*

7. группа: представители определенных религий

8. группа: инаковые люди (*люди с иными взглядами, люди иначе одетые; люди другого стиля и образа жизни; выделяющиеся из общества по какому-либо признаку; школьник в классе, не похожий на большинство*).

Одновременно задавался вопрос: «Как вы думаете, какие социальные группы в большей мере нуждаются сегодня в толерантном отношении?». Предполагалось, что здесь будет доминировать тот же ответ, который доминировал и в предыдущем вопросе («Если вам приходилось наблюдать проявления нетолерантного поведения или слышать о таковых, то укажите, пожалуйста, по отношению к кому оно осуществлялось? Приведите пример»). И здесь обнаружился парадокс. Если в вопросе, когда респонденту предлагалось вспомнить пример, когда дискриминации подвергались какие-либо лица, чаще всего в качестве таковых приводилось нетолерантное поведение по отношению к лицам другой нации/этнуса, расы и мигрантам из каких-либо стран, то уже в данном случае респонденты считают, что более всего на сегодняшний день в толерантном отношении нуждаются социально ущемленные группы (*клиенты социальных служб, низшие слои населения, социально незащищенные слои населения, семьи с детьми-инвалидами, умственно отсталые, бомжи, безработные, бездомные, сироты, инвалиды, больные, маргиналы*), в том числе в материальном плане (*малообеспеченные семьи, нищие, бедные, люди с материальными затруднениями*), кроме того, в этом же вопросе респонденты называют старшие возрастные группы (*пенсионеры, ветераны ВОВ, пожилые люди (старики)*), и, что более интересно – группу представителей молодёжи (*молодёжные субкультуры (панки, готы, рокеры, металлисты, альтернативщики, гопники, растаманы, неформалы), молодёжь, школьники, дети, подростки, беспризорники, студенты, тинэйджеры, молодёжь до 18 лет*). Этнические группы и мигранты в качестве примеров приводятся, но достаточно реже, нежели ранее указанные группы. Здесь респонденты приводят фактически те же примеры, что и в предыдущем случае. Это: *цыгане, лица с другим цветом кожи, негры, иностранные студенты, иностранцы, эмигранты из стран ближнего зарубежья, мигранты, беженцы, выходцы из Средней Азии, лица кавказской национальности, этнические/национальные группы, евреи.*

Среди других групп встречаются такие примеры, как группы, занимающиеся социально неодобряемыми практиками (*проститутки, бывшие заключенные, алкоголики*); группа, профессионально взаимодействующая с другими группами (*психологи, врачи, преподаватели (педагоги)*); группа сексуальные меньшинства; группа представители субкультур (в том числе, связанные с искусством: музыкой, кино, литературой); группа представители определенных религий.

Среди маргинальных встретились такие варианты ответов, как *партии, антифашисты, семья, школа, богатые, люди с низким уровнем образования, люди из столицы, вегетарианцы, рабочие* и др.

Таким образом, можно сделать предположительный вывод, что в представлениях респондентов не всегда те социальные группы, которые на практике чаще всего подвержены проявлениям нетолерантного поведения со стороны среды, в их же представлениях более всего нуждается в толерантном отношении.

Субъект толерантного/интолерантного поведения в представлениях студентов. На вопрос о том, какие группы современного российского общества демонстрируют практики нетолерантного поведения, чаще всего встречались такие варианты ответа, как *молодежь, нацистские/фашистские группы, группы, на профессиональной основе взаимодействующие с другими группами (люди, работающие в сфере обслуживания, вра-*

чи, продавцы, милиция, государственные чиновники, политики), группы, занимающиеся социально неодобряемыми практиками (наркоманы, алкоголики, бандиты, террористы, заключенные), а также люди с низким уровнем образования и воспитания. Среди толерантных групп студенты назвали тех, кто профессионально взаимодействует с другими группами (психологи, врачи, работники социальных организаций (в том числе социальные работники), предприниматели, преподаватели, милиционеры, государственные работники, политики, воспитатели, педагоги, учителя, дипломаты, переводчики, представители сферы услуг, волонтеры), те, кто отличается более высоким уровнем образования и воспитания. Также были названы старшие возрастные группы, молодежь, представители определенных молодежных субкультур и группы верующих.

Формы проявления толерантного/интолерантного поведения. Среди форм проявления нетолерантного поведения можно выделить следующие группы примеров, которые приводят респонденты:

1. насилие/агрессия/обвинения (вандализм, погромы торговых точек, жестокость к определенным группам, убийства приезжих, телесное повреждение, сознательное причинение физического/морального вреда, убийства на национальной почве, физическая расправа, драки, потасовки, избиение, насилие, угрозы, агрессия и пр.);

2. демонстративное поведение (уничтожающий взгляд, манеры, «неприятная» мимика, тыкание пальцем, грубое лицо и пр.);

3. игнорирование (невнимание к чужому горю, пренебрежительность, избегают тебя и пр.);

4. проявление негативных эмоций (брезгливость, отсутствие самоконтроля, негативно-эмоциональное состояние, нервозность, проявление открытого недовольства, личная неприязнь, нервозность человека, вспыльчивость, раздражение к другим людям, неумение держать себя в руках, позволить своим негативным эмоциям выйти наружу, изменение настроения, гнев к другим людям, злость к другим людям, нетерпимость, невоздержанность и пр.);

5. в коммуникации (ругань, хамство, колкости, не слышать никого, кроме себя, неспособность выслушивать друг друга, определенного рода высказывания, неумение слушать и понимать человека, оскорбление, ненормативная лексика, крики, грубость, издёвки, насмешки, нежелание и неумение выслушать другого человека, высмеивание, неумение выслушивать собеседника, манера речи, оскорбительные надписи на стенах рокеров, металлистов, в разговоре, перебивание говорящего и пр.);

6. отказ понимать другого (непонимание друг друга, отсутствие взаимопонимания, отказ от понимания, неспособность понять, несогласие с ценностями человека, неприятие, осуждение, обвинения и пр.);

7. стремление к доминированию (подавление, ущемление социальных групп, запрещение парада людей с другой ориентацией, неуважение прав и свобод других людей (ущемление), психологическое насилие, угнетение малых народов, порабощение их культуры; навязывание кому-то своих интересов, навязывание своего мнения, задеть собственное достоинство человека (унижение достоинства), неравноправие, унижение личности, неуважение, неуважение к чужому мнению, запрет чего-либо, эгоизм и пр.).

Соответственно, можно типологизировать формы подчеркнуто толерантного поведения на различных уровнях взаимодействия между социальными группами в представлениях студентов:

1. вербальный уровень: в процессе коммуникации это может быть:

- Не высказывать суждения, не понав человека
- Общаться с бомжами, предпринимателями, заключенными
- Стараюсь не доказывать свою точку зрения людям с неуравновешенной психикой
- Общение с людьми независимо от цвета кожи
- С иностранцем вежливо разговаривают, проверяя документы, сотрудники милиции
- Я выслушала навязчиво мнение со стороны неприятной мне личности
- Преподаватели выслушивают ответ студента, после чего приводят своё мнение по данному вопросу, но не навязывают его

2. интерактивный уровень:

А) терпимое отношение

- Отец объясняет терпеливо своему ребенку, как решать задачу
- Старым людям нужно объяснять всё по 5 раз
- Терпимость по отношению к агрессии со стороны пенсионеров
- Терпимость к людям другой национальности (нормальное отношение)
- Терпимость по отношению к культуре малых народов
- Когда один человек терпит другого, несмотря на личную неприязнь

Б) уважительное отношение

- Я с уважением отношусь к людям разных возрастов, разных социальных групп, разной внешности
- С уважением отношусь к пожилым людям, к инвалидам

- Приходилось встречаться с беженцами, переселенцами с Кавказа, старалась относиться к ним уважительно, не раздражаться
- Уважение старшего поколения
- Мой учитель истории уважал мою языческую веру и не пытался «перетащить» в православие
- Уважение человека, его внутреннего мира, убеждений, веры
- Когда кто-то с уважением и пониманием относится к моим взглядам и убеждениям, даже если сами их не разделяют

В) относиться с пониманием

- Преподаватели в университете относятся толерантно (с пониманием) к студентам, не понимающим предмет

3. Поддержка человека в случае необходимости.

- Уступить место в транспорте
- Помог нести сумки пенсионерам
- Дать деньги на лечение ребёнку, его моральная поддержка
- Друзья оказывали мне помощь
- По отношению к бомжам программа «еда вместо бомб»
- Помог пенсионеру
- Уступить пенсионеру место в общественном транспорте
- Незнакомый молодой человек помог нести тяжелую сумку
- Одолжили денег в сложной ситуации
- Помощь к прохожему человеку в его просьбе, и игнорирование его
- Приюты для бедных
- При оскорблении кем-нибудь какой-либо нации возникает желание поддержать обижаемых и указать на ошибку обидчику
- Уступил место в общественном транспорте
- Помогал нести сумку
- Операторы мобильной связи по отношению ко мне (меня выслушали и помогли как непонятливому абоненту)

4. Создание родственных и дружеских связей с представителями инаковых групп (Брак моей сестры (русская христианка) с мусульманином и пр.).

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что предположительно большая часть студенчества имеет представление о феномене толерантного / интолерантного поведения. Однако порядка 44% (что не так уж и мало) из опрошенных студентов не могут самостоятельно описать суть изучаемого нами феномена. Просвещенная часть студенчества закрепляет за понятием «толерантность» различные смыслы и, если использовать классификацию видов толерантности, предложенную М.Мацковским, демонстрирует в ответах примеры, касающиеся различных видов толерантности – гендерной, возрастной, образовательной, межнациональной, расовой, межклассовой, физиологической, политической и др. Это что касается обзора некоторых итогов проведенного исследования. Кроме того, проблема открыта для дальнейшего, в том числе количественного, изучения.

Литература и источники

1. Бардиер Г. Л. Социальная психология толерантности. – СПб., 2005. – 120 с.
2. Почебут Л. Г. Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 281 с.
3. Федорова Т.Н. Толерантность и формирование демократической политической культуры в транзитных обществах. Режим доступа: [<http://www.portalus.ru>].

Концепции этнической идентичности российских немцев в контексте проблемы маргинальности

По теме идентичности российских немцев проводится множество исследований. Только по уже опубликованным в Германии и России статьям и монографиям можно написать отдельное библиографическое исследование. Библиография немецких изданий 1917–1998 гг. содержит более десяти тысяч наименований, а вопросам интеграции и адаптации этнических немцев в Германии посвящено более 400 монографий, отдельных выпусков журналов и статей [1]. Но большинство этих работ анализирует положение российских немцев по возвращении в Германию. В то время как проблеме идентичности российских немцев в России уделяется недостаточное внимание, а существующие работы носят не социологический, а историографический характер.

В рамках данной работы мы провели ряд нестандартизированных интервью, результаты которых послужили основой для выделения типов идентичности российских немцев. Основными вопросами, затрагиваемыми в беседе со всеми респондентами, были следующие: «Кто такие российские немцы и что их отличает/объединяет? Являются ли немцы отдельным этносом? Каковы представления о границах и численности этноса? На основании каких критериев и их сочетаний следует выделять общность российских немцев (по общности «крови», языка, истории, бытовой культуры)? Каково будущее российских немцев (Ваш прогноз)? Связано оно с Германией или Россией/странами СНГ?»

Все интервью проходили на русском языке в виде свободной беседы, в ходе которой вопросник респондентам не показывался. Собеседник сам выбирал направление разговора в границах указанной темы. Каждое интервью записывалось на диктофон с согласия собеседника. Продолжительность беседы варьировалась от полутора до двух с половиной часов. Было проведено 12 глубинных интервью.

Вопрос о маргинальности российских немцев имеет два уровня. Первый – российские немцы как маргиналы-индивиды. Здесь интересно пронаблюдать стратегии адаптации маргиналов к различной социальной среде: в России и Германии.

Второй уровень – групповой, т.е. рассмотрение российских немцев как маргинальной группы. Здесь перед нами встает задача применить, опираясь на предложенные Голдбергом понятия «маргинальная группа», «маргинальная территория». Потребуется охарактеризовать эту группу – что в случае российских немцев и станет свидетельством их маргинальности. Подчеркнем, что мы не разделяем мысль о том, что этническая группа может быть уподоблена человеку (с его индивидуальной биографией и характером). Особенность российских немцев заключается в том, что эта группа находится в активном осознанном поиске своей идентичности, подобном индивидуальному выбору идентичности современным индивидом. Элита на текущий момент обладает возможностью переопределять характер маргинальности российских немцев как группы (руководствуясь объективными условиями и ограничениями). В соответствии с тем, каким образом будет сформулирован концепт идентичности (в данном случае – маргинальности) в отношении этой этнической группы, ее представителями и окружением будут избраны и соответствующие стратегии поведения и взаимодействия. Мы являемся свидетелями процесса активного переосмысления элитами идентичности – выработкой поведенческого образца.

Ярким проявлением, на наш взгляд, маргинального (пограничного) характера общности российских немцев является неопределенность собственного образа, границ и маркеров, отличающих представителей этой этнической группы от окружения. Существует несколько подходов к определению немецкого этноса в России, которые формулируются интеллектуальной элитой российских немцев. В зависимости от модели определяются границы этноса (представления о «Мы»-группе), дистанция по отношению к окружению (представления об «Они»-группе/ах), формы и механизмы взаимодействия.

Первая точка зрения, связанная с позицией и работами А. Г. Вишневого и В. Н. Шайдурова [2], утверждает, что существует лишь разрозненная группа индивидов немецкой национальности на территории России и бывшего СССР: это немцы-иммигранты, встраивающиеся в принимающее общество и переходящие от статуса чужака к новоприбывшему члену сообщества. Здесь мы, безусловно, сталкиваемся со стандартной, хорошо изученной проблемой интеграции мигрантов, маргинальность которых проявляется только на индивидуальном уровне без того, чтобы формировать некую групповую идентичность. По мнению этих авторов, россий-

*Курске Владислав Сергеевич (Тула) – магистр Манчестерского университета, слушатель Московской Высшей школы социальных и экономических наук.

ские немцы не являются реальной группой – это скорее «общность на бумаге», так как «немцы России вовсе не составляют этнос российских немцев» [3]. Подтверждением их точки зрения может служить тот факт, что российские немцы никогда не проживали в одном географическом ареале, они формировали массу локальных сообществ. А ныне, проживая дисперсно, они проходят процесс маргинализации и последующей ассимиляции не в качестве этнической группы, а в большей мере сепаратно (т.е. каждый индивид отдельно). В рамках этого подхода ни о какой самостоятельной культурной ценности идентичности российских немцев нет и речи.

С подобной точкой зрения мы столкнулись и в ходе интервьюирования. Некоторые из респондентов указали на то, что несмотря на желание рассмотреть в российских немцах общность, единую группу, они не в силах это сделать:

«Понимаете, я не чувствую, да и не верю в то, что может существовать такой народ (российские немцы – В.К.). Народ должен обладать общими чертами, интересами, сходством, а немцы в России, да и раньше в Союзе, никак не составляли целого: немцы Поволжья и немцы Украины – совсем разные, и по языку и по истории... Единственное, что смешало их воедино – это депортация, но смешав, она вновь разбросала немцев по стране...» (Женщина, 32 года).

Если же групповая идентичность формируется, то российские немцы выступают в роли *диаспоры* (в роли чужака) и характер их взаимодействия с принимающей стороной объясняется в рамках концепции Левайна. Проиллюстрирую это цитатой из интервью: *«Я – немка, для меня это важно... немка, живущая в России, моя семья имеет долгую историю «вживания», привыкания к российской действительности, прошла долгий путь приспособления. Но мне кажется, этот путь каждый немец проходил и проходит сам... Конечно, я не такая немка, как немцы Германии, но я немка! И не важно, где живет немец – в Казахстане, в Сибири или в самой Германии. Мы единый народ и резать на куски... русские немцы там, казахские немцы... я не собираюсь» (Женщина, 33).*

Мы рассмотрим этот аспект приложения концепта чужака к идентичности российских немцев в последующих главах более подробно.

Вторая концепция признает российских немцев *отдельным молодым этносом*, отличным от близкородственной старонемецкой нации (Баумгертнер В. Ф.) [4]. Приведем несколько цитат из интервью и статей, иллюстрирующих данную точку зрения:

«О том, что немцы бывшего СССР представляют собой отдельный этнос, свидетельствует сама их история: ведь получили же они признание у центральных властей, получили Республику Немцев Поволжья, национальные районы, округа, школы, в конце концов. И это не только реверанс в сторону Германии – нет. Это действительно признание их особых потребностей, и особых заслуг...» (Мужчина, 27 лет).

«Российские немцы переехали в Россию еще до того, как появилась собственно Германия как единое государство. Наши предки переселились сюда как гессенцы, пруссаки, саксонцы, лотарингцы и баварцы, а не как немцы, и уже тут они слились в единую общность... Точнее их выковала в одну общность история... в первую очередь депортация» (Мужчина, 35 лет).

В рамках данной концепции крайне удачно воплощается голдберговское видение маргинальной культуры, когда сама культура синкретична, но внутриличностный конфликт ее носителей вовсе не является неизбежным. Здесь мы видим явную попытку вытеснить маргинальность за счет выработки оригинальной, самобытной групповой идентичности. Эта точка зрения близка позиции Алексея Гусева, утверждающего, что «маргинал – тип, который не может образовывать группы себе подобных. Он живет на границе разных групп, если же маргиналы образуют группу – они тотчас же теряют присущую им характеристику маргинальности, поскольку оказываются в пределах своей новой группы. Это обстоятельство очень важно учитывать, поскольку в современной российской социологической литературе очень часто речь заходит о так называемых «маргинальных группах» применительно именно к этническим меньшинствам» [5].

Несмотря на логическую стройность тезиса, выдвинутого А.Гусевым, мы склонны не согласиться с мнением коллеги о невозможности маргинальной группы. По моему мнению, таким феноменом и выступают сообщества, имеющие «две родины», и в силу этого принадлежащие одновременно им обеим (или не принадлежащие ни одной из них). Энциклопедическим примером являются евреи и, в нашем случае, российские немцы. Один из способов идентификации этой группы заключается в соотнесении себя (именно, в качестве группы) с двумя мирами, двумя культурами одновременно. Но не всегда это возможно, вот что по этому поводу говорит известный публицист Бауман: *«Они (российские немцы – К.В.) впитали в себя культуру и менталитет разных народов. Но в опросном листе не напишешь «российский немец» или «немецкий русский». Нужно сделать свой непростой выбор»* [6]. Перейдем к рассмотрению этого аспекта – проблемы выбора, метаний и поиска идентичности.

Итак, третий взгляд представлен концепцией «промежуточного этноса», т.е. осознанием российских немцев как специфической этнической группы между немцами и россиянами/русскими. Эта модель поддерживается В.Г. Дицем, видным представителем немецкой элиты (г. Казань), согласно которой «этнос российских

немцев является в настоящее время реально *субэтносом* двух (только и одновременно – двух) этносов – германского и русского» [7]. Этот подход наиболее ярко иллюстрирует маргинальное положение российских немцев, когда даже выработка групповой идентичности не дает органической целостности. Подчеркивается, что отличительной чертой российских немцев является пограничное (маргинальное) положение между двух миров. Их идентичность определяется либо как «и русские, и немцы», либо как «не русские и не немцы». Формирование позитивного отношения к своему пограничному статусу воспринимается как дополнительный ресурс способствует выработке ощущения российскими немцами себя как «моста». Но в среде российских немцев есть и тип идентичности, который мы трактуем как негативный – «мы заложники отношений русских и немцев, мы – не те и не другие», при этом это ощущение конфликтности на уровне групповой идентичности переносится и на индивидуальный уровень. То есть каждый российский немец, принимая такой тип идентичности, вынужден воспроизвести макроконфликт культур и кризис идентичности на своем внутриличностном уровне – это своего рода плата за приобщение к группе российских немцев (своего рода ступень социализации).

Подчеркну, что в среде российских немцев наличествуют оба типа групповой маргинальной идентичности: и негативный, и позитивный. Нам представляется ценным такой источник, как поэтическое творчество российских немцев. Авторами из этой среды (и прозаиками, и поэтами) отводится значимое место теме идентичности, Родины, памяти, языка. Этот источник информации может послужить нам в качестве иллюстративного материала к обеим концепциям. Но в большей мере к модели негативной маргинальной идентичности: творческая интеллигенция эксплицитно артикулирует внутренний конфликт, противоречивость составляющих идентичность российских немцев элементов. В то же время бытовые оценки и мнения респондентов несколько менее эмоционально окрашены.

Итак, приведем несколько высказываний, иллюстрирующих модель позитивной маргинальности:

«Я не чувствую дискомфорта из-за того, что моя мать – немка, а отец – русский. Наоборот – это как будто двойной шанс. Я могу читать и Пушкина, и Гете в оригинале. Нам, русским немцам, очень повезло». (Мужчина 27 лет).

«Российские немцы сейчас находятся под опекой двух государств и двух мировых культур: России и Германии. При этом оба родных языка российских немцев являются мажоритарными (т.е. на них говорит более 100 млн. чел.). Это огромное преимущество...»

Мы сочетаем в себе качества обоих народов. Нашей большой заслугой будет сочетание лучших (а не худших) из этих качеств» [8].

«Российские немцы всегда помогали найти общий язык народам России и Германии, мы тот мост, который объединяет две страны в культурном, экономическом и политическом плане. Былые обиды надо оставить прошлому и двигаться вперед». (Мужчина, 41 год).

« – Для меня быть российским немцем значит быть «швом».

– В каком смысле?

– Во мне сливаются два народа, их кровь, их прошлое и их будущее. Я могу смело сказать, что я свой и среди русских, и среди немцев... во всяком случае, русских немцев...»

– Как ты думаешь, многие российские немцы с тобой согласятся?

– Я думаю, что почти все...» (Мужчина, 22 года).

О конфликтной маргинальной идентичности, когда ощущение принадлежности к группе не спасает от кризиса идентичности, а наоборот, обостряет его, говорили мне другие респонденты:

«Знаете, у меня такое ощущение, что у меня нет корней... «перекати поле какое-то», не к кому прибиться. Есть такой народ – российские немцы, а вроде бы и нет такого народа: где его Родина, никто не знает, что с ним делать тоже <...> Когда я осознала, что я немка... позже сын научил меня говорить «российская немка»... я почувствовала себя чуждой среди своих, начала искать соплеменников, но оказалось, что это ощущение ну... половинчатости, никчемности, поиска и... и обиды внутри каждого из нас, каждого российского немца. Мне очень грустно оттого, что мои дети тоже мечутся между двух огней: они не хотят быть русскими и не могут быть немцами. Сын у меня активно сотрудничает с Югендрингом, разными немецкими союзами, но он чувствует тоже самое. Это во многом моя вина... Я зачем-то стала воспитывать в них «немецкость», рассказывать об истории нашей семьи, наших предков, нашего народа... Лучшие бы я этого не делала. Лучше бы это все ушло со мной». (Женщина, 40 лет).

«Мне было невыносимо дискомфортно от ощущения, что все мы сидим на двух стульях... скорее даже между ними, в эдаком подвешенном состоянии, готовые сорваться и уехать и ехать все дальше и дальше. Но от себя не убежишь – свою раздвоенность между Родиной и Фатерландом, между матерью и отцом мы теперь будем носить с собой всегда». (Мужчина, 32 года).

«Мой народ – заложник большой политической игры. Заложником становится и каждый его представитель. Поле боя служим мы сами, наши души, наши умы». (Мужчина, 51 год).

Об этом же ощущении болезненной раздвоенности в многочисленных публикациях и стихотворениях пишет Елена Зейферт:

*«Рот, вмещающий два языка.
Vater, Отче, скажи, чья дочь я?
Точит кирху на дне река...
“Твой удел – терпеть, Russlanddeutsche...”
Две души истомились в груди.
Сердце! Herz! “Иссякает аорта”.
Голос! Stimme! “Я слаб и один”.
Liebe Heimat! “На карте я стёрта”....»*

Здесь же следует рассмотреть и определение российских немцев как субкультуры (как форма позитивной маргинальности), объединяющей посредством культурно-просветительской деятельности различных союзов и общественных организаций людей немецкого происхождения, членов их семей и соседей. Это крайне широкое толкование категории российских немцев позволяет включить в нее и представителей иных национальностей, декларирующих интерес к немецкому языку и культуре. Подчеркнем, что индивиды, являясь носителями элементов нескольких этнических идентичностей, нередко сталкиваются с проблемой позитивного самовосприятия в целом, т.е. они склонны идеализировать одну из национально-культурных идентичностей и развивать ее в ущерб другим. В связи с этим перед российскими немцами стоит проблема создания непротиворечивой этнической идентичности. На решение этого вопроса направлен, по нашему мнению, манифест «Мы – немцы, мы – граждане России», опубликованный от лица Немецкого молодежного объединения и Международного союза немецкой культуры. Довольно подробно авторы отмечают основные показатели немецкого этноса в России, останавливаясь на определении границ референтной группы (2 млн. 893 тыс. изучающих немецкий язык вместо 597 тыс. немцев РФ) [9]. Как нам представляется, большинством общественных организаций и СМИ российских немцев в этнониме «русский немец» акцент переносится на прилагательное, характеризующее место проживания. Утверждается, что развитие немецкой идентичности этой группы населения, особенно молодежи, не должно идти в ущерб российской составляющей, с этим можно было бы согласиться, если бы не уже называвшийся факт необходимости искусственных мер по поддержанию самоидентификации российских немцев себя именно в качестве немцев. При условии, что «первичной», воспринятой от родителей и сформированной в семье, немецкой идентичностью обладает в основном только старшее поколение российских немцев, а наиболее активные носители немецкой этничности из молодежной среды покидают пределы РФ, перед этнической группой российских немцев крайне остро встает вопрос преемственности поколений. Очень многие российские немцы просто не знают, у кого же черпать немецкую идентичность.

В рамках этого подхода маргинальная этническая идентичность перетолковывается в понятиях гражданственности и многоуровневой идентичности: по этой логике, быть одновременно русским и немцем слишком сложно, поэтому российские немцы должны быть немцами и россиянами. Здесь явно прослеживается влияние идей мультикультурализма: попытка не потерять партикулярной идентичности (этнической – немецкой), принимая при этом более общегражданскую (русскую). В связи с этим общность российских немцев получает расширенное толкование.

О своей первоочередной гражданской позиции нам заявляют и респонденты, при этом отмечая сходство «зонтичной» идентичности россиянина с советской:

«Я живу в России и в первую очередь я гражданин этой страны, как наши родители были раньше все советскими гражданами, теперь – россияне, а затем уж идет в счет национальный аспект. Важно – где ты живешь». (Мужчина, 23 года).

И, наконец, концепт – щюцевский «отчужденных своих» («estranged native») и «возвращающийся домой» [10] («homecomer»). По мнению одного из наиболее видных общественных деятелей российских немцев, Гуго Густавовича Вормсбехера, у российских немцев существует сложная система этнической идентичности, состоящая из двух элементов: российской самоидентификации и осознания себя немцами. В условиях современных политико-социальных и культурных реалий во всесторонней поддержке и искусственной, по сути, стимуляции нуждается именно вторая составляющая, так как первая возникает естественным путем в процессе инкультурации и социализации населения. При этом тот же автор подчеркивает, что при переезде на постоянное место жительства в Германию немцы из России должны совмещать не две, а три идентичности: российскую/русскую, немецкую/германскую и, собственно, российско-немецкую. Данная проблема представляется если не надуманной, то, во всяком случае, трудноразрешимой. На основе анализа проведенных за последнее десятилетие исследований в ФРГ можно сделать вывод, что в большинстве своем германские власти констатируют проявление устойчивой «русско-советской» культурной идентичности у переселенцев, что свидетельствует о недостаточной развитости российско-немецкой этнической идентичности. В то же время российские немцы, обладавшие до выезда высоким показателем этнического самосознания (знание немецкого языка, обычаев,

традиций российских немцев, участие в общественной жизни) переживают процесс восприятия «германской» идентичности значительно легче и с меньшими психо-эмоциональными потрясениями. Как нам представляется, здесь могут быть плодотворно применены предложенные Щюцем концепты «estranged native» и «homcomer». Примером приложения этих концептов является статья М. С. Савоскул «Российские немцы: образ Германии и интеграция в германское общество», где автор детально анализирует различие образа принимающего общества у тех, кто остается в России и тех, кто уехал в ФРГ. Ее вывод заключается в том, что при более близком знакомстве с современной Германией (и тем более при переезде) российские немцы в большинстве случаев более остро ощущают свою инаковость.

Подводя итог нашему анализу, мы приходим к выводу о том, что концепции идентичности российских немцев как маргинальной группы отличаются по числу элементов (частичных идентичностей) и, соответственно, степени признания автономности этой группы (и ее маргинального статуса). Возможны следующие идентичности:

1. немецкая (тип мигранта) – применима концепция чужака Левайна (на уровне индивида и на уровне группы);
2. русская и немецкая одновременно (тип субэтнической общности) – применимы подходы Парка и Стоунквиста (конфликтная маргинальность);
3. российско-немецкая (самостоятельный этнос) – применим подход Голдберга (маргинальная, но самодостаточная культура);
4. русская, немецкая и российско-немецкая (случай возвращения российских немцев в Германию) – применим подход Щюца («отчужденный свой» («estranged native») и «возвращающийся домой» («homcomer») [11]).

Мы предлагаем также и несколько иную типологизацию, построенную на логике последовательных вопросов:

1. Обладают ли российские немцы групповой идентичностью

Ответы: а) нет – идентичность только индивидуальная; б) да – идентичность групповая (Переход к вопросу № 2).

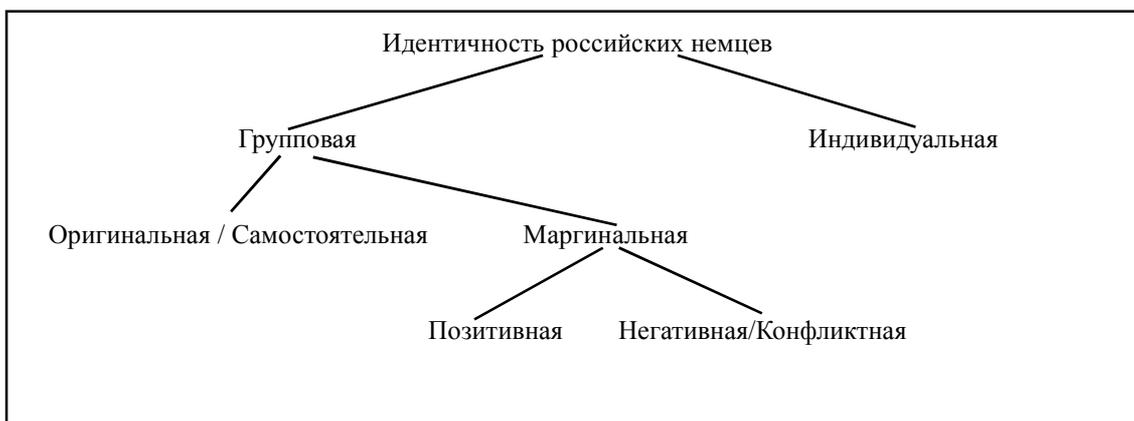
2. Идентичность российских немцев является самостоятельной/оригинальной или синкретичной /маргинальной

Ответы: а) является самобытной; б) является маргинальной (Переход к вопросу № 3).

3. Маргинальная идентичность воспринимается позитивно (как новые возможности, даруемые принадлежностью к обеим культурам, ощущение себя «мостом» или «швом двух миров», «и немец, и русский») или негативно (обструкция, кризис идентичности, конфликтность частичных идентичностей, не принятие ни в одной из культур, ощущение себя «ничейным», «разрывом», «ни немец, ни русский»).

Ответы: а) является позитивной; б) является негативной

Для большей наглядности мы предлагаем следующую схему типологизации идентичности российских немцев, проживающих в России.

При этом при любой стратегии идентичности российских немцев не ставится под сомнение ее маргинальный характер. Вопрос заключается в том, каким образом ее будут трактовать и воспринимать (т.е. каков будет характер этой маргинальности) и насколько остро будет ощущаться внутренняя противоречивость. От ответа на этот вопрос зависит самовосприятие российских немцев и непосредственные социальные практики представителей этой этнической группы.

Подчеркнем, что мы не исключаем переход от одного типа идентичности к другому: крайне вероятно эволюция маргинальной групповой идентичности от негативной к позитивной и, возможно, к самобытной идентичности. По нашему мнению, в этом и заключается основной тренд в формировании идентичности российских немцев.

Литература и источники

1. Савоскул М.С. Российские немцы: образ Германии и интеграция в германское общество. – <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit02.php> – Дата посещения – 15.05.07.
2. См.: Шайдуров В.Н. Российские немцы: сто лет в условиях национального конфликта. – <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm> – Дата посещения – 20.04.06.
3. Вишневский А.Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 3. – С. 115-129.
4. См.: Доклад Баумгертнера В. Ф. на Внеочередном (объединительном) съезде ФНКА РН. – <http://www.astrastar.ru/eiprd/articleview.aspx?id=173> – Дата посещения – 20.04.06.
5. Текст предоставлен автором.
6. Бауман Г. Немцы России: кто мы? // MDZ 17-10-2002 – http://62.5.183.114/MDZ_russian/2002/10/17/15.52.01.htm – 20.12.04.
7. Диц В.Г. Надежды, зарытые в песок (Немецкий вопрос в современной России). – <http://www.astrastar.ru/eiprd/articleview.aspx?id=141> – Дата посещения – 15.05.06.
8. Арндт Е. О культуре российских немцев. – <http://www.astrastar.ru/eiprd/articleview.aspx?id=220> – 15.05.04.
9. См.: Результаты переписи населения РФ 2002 года. – <http://www.gks.ru/PEREPIS/t5.htm> – Дата посещения – 20.06.06.
10. Schutz A. The Homecomer // *The American Journal of Sociology*. – 1945. – Vol. 50. – No 3. – P. 369-376.; Schutz A. The Stranger // *Collected papers. Studies in social theory* / Ed. by A. Brodersen. – The Hague: Martinus Nijhoff, 1976. (В некоторых переводах – «блудный сын» или «странник»).
11. Schutz A. The Homecomer // *The American Journal of Sociology*. – 1945. – Vol. 50. – No 3. – P. 369-376.; Schutz A. The Stranger // *Collected papers. Studies in social theory* / Ed. by A. Brodersen. – The Hague: Martinus Nijhoff, 1976.

Антропологический кризис как интегральная характеристика антропологической ситуации в регионах Европейского Северо-Востока в период спонтанной социальной трансформации и каузальный фактор социопроектирования концепции антропологического преобразования регионов Севера Евразии России

«Если, несмотря на внешний блеск, страна теряет население, неправда, что все идет в ней хорошо»
Жан Жак Руссо «Общественный договор», 1762 г.

Системный анализ современных антропопроцессов в регионах Европейского Северо-Востока и в России в целом, позволяет сделать вывод о том, что интегральной характеристикой антропологической ситуации, антропореальностью периода спонтанной социальной трансформации является антропологический кризис.

Антропокризис имеет системный, многомерный характер и является одной из актуальных угроз человеческой безопасности. Данный антропофеномен (антропологическое проявление антропореальности) концептуализируется автором как субстанциональная интегральная характеристика кризиса человеческого развития, сложнокомпонентная системная целостность синхронизированных во времени протекания когерентных, все-сторонне взаимозависимых антропокризисов: демографического (демографический коллапс – А.С. Сенявский), популяционного здоровья, духовного, морально-нравственного, идентификационного (персонального и коллективного), информационной идентичности (В.Д. Попов), семьи, культуроэкологического (И.Л. Набок) и целого ряда других, доминирование негативных антропотенденций над позитивными.

Наиболее выраженными формами проявления антропокризиса являются снижение качества населения, включая всю совокупность сопряженных витальных, социогенных, смысложизненных параметров (ухудшение генофонда нации, социально-демографического, психофизиологического, социокультурного, трудового потенциалов населения), депопуляция, снижение «воли к жизни», резкое повышение уровня делинквентного поведения (криминогенности, наркотизации, алкоголизации, суицидальности и др.) и ряд других негативных антропопроцессов.

Анализ эмпирических данных, подтверждающих эти тенденции на Севере Евразии, представлен, в частности, в статьях Д.И. Пинаевского, А.В. Репневского, А.А. Рудольфа, В.Я. Сквозникова, М.В. Суриной, В.В. Фаузера, Г.Н. Чагина, В.И. Шахтина и др. [1].

Кризисность социоантропологических процессов, несмотря на ряд позитивных антропотенденций в 2000–2007 гг., сохраняет все негативные интегративные характеристики.

При условии нарастания деструктивных антропопроцессов антропологический кризис может перерасти в предкатастрофу, а затем и в «антропологическую катастрофу» – «самую страшную катастрофу, ибо касается она человека, от которого зависит все остальное» [2].

С целью демпфирования антропологического кризиса федеральными и региональными органами государственной власти осуществляется ряд мероприятий, включая реализацию приоритетных национальных проектов. Но эти действия не адекватны сложившейся системной кризисной антропологической ситуации в России и ее регионах, в том числе Севера Евразии. В определенной степени это связано и с тем, что на уровне высшего федерального руководства кризисной (критической) признана лишь демографическая ситуация (спустя 14 лет после ее генезиса), при этом, как мы уже отмечали, в большинстве регионов России, в том числе на Севере Евразии, диагностируется системный антропологический кризис. А, следовательно, и комплекс государственных управленческих решений должен соответствовать уровню проблемы. Кроме того, практические действия должны основываться на научно-обоснованной концепции антропологического преобразования России и ее регионов, поскольку объектом управления являются «всеобщееиндивидуальный субъект» и источник власти, сложнейшая био-психо-социо-духовно-экзистенциальная система и высшая ценность – Человек.

Каузальный комплекс, актуализирующий разработку концепции антропологического преобразования, имеет многомерные основания. Обозначим наиболее значимые из них.

Во-первых, актуальность социопроектирования концептуальных основ антропологического преобразования обусловлена, как мы отмечали выше, сложившимся противоречием между кризисностью антропологической ситуации в современном российском обществе и отсутствием научно-обоснованной концепции человеческого развития, антропологического преобразования России.

*Теребихин Владимир Михайлович (Сыктывкар) – кандидат философских наук.

Во-вторых, еще одним стимулирующим фактором социопроектирования и реализации концепции антропологического преобразования является необходимость трансформации существующей «экономикоцентристской» модели государственной политики и формирования «человекоцентрированной» парадигмы политико-административного управления для перехода от «человекопотребляющего» типа развития к «человекопроизводству», от «человеческого фактора» к развитию человека.

Представленные выше каузальные основания актуализируют разработку концепции антропологического преобразования, которая может стать частью современной антропологической парадигмы развития России, в том числе регионов Севера Евразии, в центре которой – подход к человеку как высшей ценности, самоцели и главному условию развития общества.

Важнейшей категорией концепции является «преобразование». Представим авторское понимание этой дефиниции. По нашему мнению, «преобразование» – это такой вид развития, который соответствует современной научной тенденции предельного усложнения понимания развития, становящегося все более диатропическим. Это многомерное, полифункциональное понятие синтезирует гамму когерентных процессов человеческого развития: сбережение, адаптация, коадаптация, рекреация, возрождение, гармонизация, социализация. Оно релевантно сущности человека как космо-био-психо-социо- экзистенциального существа, высшей ценности и самоцели общественного развития.

Антропопреобразование России – это сложный комплекс взаимообусловленных, всесторонне взаимозависимых, многомерных процессов человеческого развития (витальных, социогенных, смысложизненных), включающих народосбережение, системное расширяющееся воспроизводство человеческого потенциала в пространстве человеческого социума (психофизиологического, этнодемосоциального, общественно-политического, духовного, морально-нравственного и др.), эффективное сберегающее использование человеческого капитала, расширение поля человеческой идентичности.

По мнению академика РАН, философа Н.М. Теребихина архетип «преобразование» является центральным для русского религиозного пространственного менталитета. Он полагает, что «пронизанность природного (нижнего) мира духовностью божественного (верхнего) мира обусловила такое замечательное свойство русского типа освоения географического пространства, как его прообразовательный характер, основанный не на идее преобразования, а на идее Преобразования» [3].

Философский аспект идеи антропологического преобразования сформулирован М.К. Мамардашвили. Говоря о человеческом предназначении, этот выдающийся философ отмечал, что «предназначение человека состоит в том, чтобы исполниться по образу и подобию Божьему. Образ и подобие Божье – это символ, соотносительно с которым, человек исполняется в качестве человека» [4].

Антропопреобразование включает восстановление, возрождение, сохранение и защиту историко-культурного наследия народов России, в том числе Севера Евразии, национальных языков, самобытности культур, уникальных традиций, религий, верований для их развития, а также введение в жизнь новых сущностей: целей, ценностей, представлений. Как справедливо полагают исследователи А.А. Попов и И.Д. Проскуровская, это одновременно антропологическая, онтологическая и территориальная работа, использующая такие, например, геоантропные понятия, как культурный ландшафт, ментальная модель, антропопоток и др.

Проектируя телеологический комплекс концепции антропологического преобразования, следует основываться на фундаментальном гуманистическом философском принципе: «*pan ton chre antropos*» – «человек есть мера всех вещей», сформулированном Протагором 2500 лет назад. И эта максима впервые в истории государства российского отражена в Конституции России 1993 г. формулой «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». О человеке как цели и самоцели писали и Кант, и русский философ В.С. Соловьев, и многие другие мыслители. Принцип «человек цель, а не средство» является основополагающим для международного гуманитарного права.

Мы полагаем, что **стратегическими целями концепции антропологического преобразования являются** создание условий для самореализации, свободного, гармоничного развития физических и духовных сил человека, повышение качества населения, практическая реализация антропоцентрического фундаментального принципа: человек, его права и свободы являются высшей ценностью, демпфирование кризисности антропологической ситуации в регионах Севера Евразии.

Индикативными целями концепции антропологического преобразования могут быть цели приближения основных качественных параметров человеческого развития регионов к нижней границе уровня «*human development*» стран-лидеров в мировом «табеле о рангах» по показателям развития человеческого потенциала государств северной Европы (Швеции, Норвегии, Финляндии) и ряда северных регионов России (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов и др.).

Хронотелеологические параметры концепции детерминируются временным циклом воспроизводства человеческого потенциала. Известно, что для достижения нового качества населения необходимо 15–20 лет. Это период формирования человеческого потенциала молодежи трудоспособного возраста» [5]. Исходя из

этого научно-обоснованного вывода, временной горизонт действия, поэтапная реализация концепции должны и могут быть рассчитаны на период не менее чем до 2030 г.

Социопроектирование концепции антропологического преобразования как полипарадигмального, системного объекта и предмета исследования усложняется отсутствием единых интегральных концептуальных рамок и теоретико-методологических оснований, что обуславливает использование различных непротиворечивых концептуальных парадигм и подходов, применение данных многих гуманитарных, общественных наук, в том числе и исторической демографии.

Концепция антропологического преобразования должна базироваться на антропоцентристских методологических максимах о человеке, как «центре всей методологии» (Л. Фейербах) и «мере всех наук» (И.Т. Фролов), персоналистской (просполитической) концепции народа как соборной или симфонической личности, сформулированной в трудах евразийцев (Л.П. Карсавин), концепции народа как тринитарной «национальной целостности» Космо–Психо–Логоса (Г.Д. Гачев), геософии (П.Н. Савицкий), понимании миросубъекта Евразии как «многонародной личности», идее П.А.Флоренского, полагавшего, что «человек есть микрокосм, бесконечный по своему разнообразию и равномошный макрокосму Мира», на междисциплинарном антропосоциетальном подходе (Н.И. Лапин), концепциях человеческого потенциала и качества населения, «диалогического», «социосферного» антропоцентризма, концепции человека как «всеобщиндивидуального субъекта», концептуальных идеях антропологической катастрофы, теории «культурной травмы» (П. Штомпка), маргинальности, аномии, экзистенциального вакуума, «человекоцентрированной политики», концепциях «коммуникативной этики», «коммуникативного психоанализа» (Ю.Хабермас), «парсипативной демократии», «совещательной демократии», «обогащенного общественного мнения», «человеческой безопасности», рефлексивного управления, публичного управления «Good governance», «хорошее общество», качества жизни, законе ментальной идентичности (Попов В.Д.), проекте «Демографической Доктрины России» (руководитель авторского коллектива Ю.В. Крупнов) и др.

В комплекс теоретических оснований концепции должны быть включены социально-философские, социо-антропологические концептуальные идеи В.С. Барулина, в том числе его «Материалы к социально-антропологическому манифесту» [6]. Для разработки концепции антропологического преобразования важное значение имеет идея д.ф.н. В.Д. Попова – одного из авторов нового научного направления – «социальной информатологии», о том, что «надо привести политику в соответствие с антропологической, психологической и духовной сущностью «русского суперэтноса (Л. Гумилев), противостоять «анатомии человеческой деструктивности» (Э.Фромм). Иначе Россия погибнет во тьме таких злых сил, как коррупция, нравственное разложение, рыночный вульгарный фундаментализм». Далее он полагает, что «нам нужна государственная программа по коррекции нашего национального характера» [7].

При проектировании концепции следует учитывать открытый руководителем лаборатории системных исследований здоровья НИИ Центра профилактической медицины И.А.Гундаровым «закон духовно-демографической детерминации», согласно которому «при прочих равных условиях улучшение (ухудшение) нравственно-эмоционального состояния общества сопровождается улучшением (ухудшением) демографической ситуации» [8]. Этот закон позволяет уяснить каузальность антропологического кризиса, усилившегося в период спонтанной социетальной трансформации, и свидетельствует о возможности мощного духовно-психологического (внеэкономического) управления популяционным здоровьем и демографическими процессами в целом.

Значимая роль идейно-духовных и социопсихологических факторов демографической мотивации подтверждается исследованиями «Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования». Его руководитель С.Сулакшин считает, что «для России, ее специфического цивилизационного кода развития, формировавшегося многие сотни лет, значимость идейно-духовного и социопсихологического, фактора национальной идентичности, роли самой государственной политики как таковой существенно выше, чем только материального фактора» [9].

В концептуальный комплекс антропологического преобразования должна быть включена концепция «качества населения», интегрированная на основе концепций человеческого развития (человеческих ресурсов, человеческого капитала, человеческого потенциала и др.). Необходимость повышения качества населения, кроме задачи демпфирования кризисности антропологической ситуации, объясняется прямой зависимостью между качественными характеристиками населения и качеством развития общества. Об этом в 1922 г. писал П.А.Сорокин: «внимательное изучение явлений расцвета и гибели целых народов показывает, что одной из причин их было резкое качественное изменение состава их населения в ту или иную сторону» [10].

Аксиолого-концептуальной основой антропопреобразования, по нашему мнению, является гуманизм, понимаемый нами как «мировоззренческая, методологическая основа «диалогического» (Каган М.С.), «социосферного» (Спасибенко С.Г.) антропоцентризма, система научных знаний, концепция человеческого бытия и

основанный на ней особый социоаксиологический комплекс идей, утверждающих отношение к человеку, как высшей (абсолютной), приоритетной ценности для общества и по отношению к самому себе.

Одним из элементов механизма практической реализации концепции антропологического преобразования является антропополитика – полифункциональная мегаполитика, обеспечивающая интеграцию всей совокупности «человекообразующих политик» с целью осуществления стратегической цели государственного управления – повышения качества населения, создания условий для свободного развития человека как высшей ценности XXI века.

Архитектоника антропополитики представляет собой сложный комплекс, включающий стратегические, терминальные и индикативные цели, теоретико-методологические: философские, социально-антропологические и аксиологические основания, основные направления, функции, комплекс «человекообразующих» политик, высокие гуманитарные технологии, систему антропосоциальных критериев и показателей эффективности целедостижения. Многомерность и многоуровневость модели антропополитики детерминируются многокачественным и интегральным феноменом человека, как «всеобщееиндивидуального субъекта», сверхсложной уникальной био-психо-социокультурной системы.

Антропополитика пока не имеет институционального научного статуса и тем более статуса государственной политики. Ряд ее концептуальных идей разрабатывается философами из Томска А.А. Поповым, И.Д. Прокуровской. Некоторые антропосоциальные, социофилософские основания и политико-управленческие аспекты антропополитики рассмотрены в нашем диссертационном исследовании (В.М. Теребихин).

В соответствии с антропоцентристскими критериями «человека-меры» Протагора, «сохранения и размножения народа», как показателя богатства и могущества государства» М.В. Ломоносова и основополагающей конституционной формулы: «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», в структуру концепции входит критериальный и индикативный комплекс (система квалиметрии и квантификации) оценки эффективности антропологического преобразования.

Социопроектирование концепции антропологического преобразования России, учитывая ее актуальный полипарадигмальный, междисциплинарный, системный характер, требует консолидации креативного, интеллектуального потенциала, коллективных, солидарных и скоординированных усилий гуманитарного сообщества, в том числе ученых – специалистов в сфере исторической демографии.

Литература и источники

1. Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. – М.; Сыктывкар, 2006. – Вып.3. – Ч. 4.
2. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация / Как я понимаю философию. Сост. и предисл. Ю.П. Сенокосова. – М.: Прогресс, 1990. – С.107.
3. Теребихин Н.М. Метафизика Севера. – Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2004. – С. 48.
4. Мамардашвили М.К. Философия – это сознание велух / Как я понимаю философию. Сост. и предисл. Ю.П. Сенокосова. – М.: Прогресс, 1990. – С.58–59.
5. Основные направления стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа РФ на период до 2015 года. Научно-методическое издание. – СПб., 2002. – С. 62.
6. Барулин В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 413–417.
7. Попов В.Д. Парадоксы в судьбе России (коммуникативный психоанализ власти и общества). – М., 2005. – С. 45.
8. Гундаров И.А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 47.
9. Сулакшин С. Дуализм связи демографического результата с биосоциальным поведением человека // Власть. – 2006. – № 1. – С. 15.
10. Сорокин П.А. Современное состояние России // Новый мир. – 1992. – № 4. – С. 188.

Содержание

Торлопов В.А. Приветствие участникам Второй Всероссийской конференции по исторической демографии	3
Такижбаева Н.З. Великое переселение народов: что это такое и когда оно было?	4
Старцев А.Ф. Роль миграционных процессов в этногенезе и этнической истории удэгейцев	7
Савельева Э.А. Этнокультурная ситуация на Европейском Северо-Востоке в эпоху средневековья	12
Обедков А.П. История географического изучения городов России	20
Боле Е.Н. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны: демографический фактор в развитии стратегических отраслей промышленности	36
Мотревич В.П., Смыкалин А.С. Захоронения интернированных иностранных граждан и военнопленных Второй мировой войны на Урале (состояние источниковой базы)	45
Тюрнин В.А. Миграция как фактор этнодемографического развития Москвы	48
Игнатов А.А. Некоторые черты экономического поведения и его возрастно-половые особенности у представителей титульных этносов отдельных стран в современных российских городах	51
Новиков Ю.С., Клепиков Н.В. Воздействие демографических тенденций на развитие потребительского поведения населения Европейского Севера	58
Фаузер В.В., Макарова В.Н. Теория и практика исследований кредитного поведения населения	63
Климочкина Н.И., Назарова И.Г., Фаузер В.В. Численность населения и трудовых ресурсов нефтегазового сектора Республики Коми	75
Землянова Е.В. Этнодемографические особенности смертности населения в регионах России	85
Иванова А.Е., Кондракова Э.В. Сравнительный анализ смертности у русских и других национальностей	92
Усачев В.И. Потери трудового потенциала вследствие ухудшения здоровья и преждевременной смертности	97
Абидов М.Х. Демографические аспекты формирования рынка труда Дагестана	100
Елмурзаева Р.С. Современные миграционные процессы в Республике Казахстан	102
Рязанцев С.В. Новые подходы к миграционной политике России	107
Шовгарян Э.Л. Миграционная политика России на современном этапе	109
Рыбаковский О.Л. Миграционный обмен населением Республики Коми с регионами России	111
Лукьянова А.Ю., Боженко В.В. Трудовая миграция в России: особенности и подходы к регулированию	114
Акрамов Ф.Ш. Трудовые мигранты из Таджикистана в России	116
Гребенюк А.А. Особенности реализации программы возвращения соотечественников в Российскую Федерацию	118
Некрасов Н.А. Иммиграционная политика Австралии и возможности ее применения в России	121
Лукьянец А.С. Особенности иммиграционной политики США	123
Бобков Д.А. Особенности и основные тенденции мексиканской иммиграции в США	126
Фаузер В.В., Макарова В.Н. Социально-демографические характеристики участников кредитного потребительского кооператива граждан «КредитЪ»	127
Павлов К. В., Самохин А.С. Этноэкономика: проблемы и перспективы развития	137
Корнешов А.А. Условия жизни и поведение молодежи в вопросах здоровья	143
Устинова И.В. Представления о толерантности в студенческой субкультуре	146
Курске В.С. Концепции этнической идентичности российских немцев в контексте проблемы маргинальности	151
Теребихин В.М. Антропологический кризис как интегральная характеристика антропологической ситуации в регионах Европейского Северо-Востока в период спонтанной социетальной трансформации и каузальный фактор социопроектирования концепции антропологического преобразования регионов Севера Евразии России	157

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научное издание.

Оригинал-макет – Н.К.Забоева.

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 $\frac{1}{8}$. Уч.-изд. л. 16,2.
Тираж 100 экз. Заказ № 96.

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982 г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36